

КОРОНОВАННАЯ ПАНДЕМИЯ И ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР

5
3
6 1 20
10 7 0 15
17 19

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова**
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Лаборатория философии хозяйства экономического факультета
Южный федеральный университет
Экономический факультет
Академия философии хозяйства
Научный журнал «Философия хозяйства»

Коронованная пандемия и зачарованный мир

Монография

Под редакцией
Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК 101:[001.891+303.425.2](035.3)
ББК 87я7
К68

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д.э.н., проф. С. Г. Ковалев; д.э.н., проф. В. М. Кульков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д.э.н., проф. А. Ю. Архипов; д.филос.н., проф. Ф. И. Гиренок;
д.э.н., проф. М. М. Гузев; к.э.н. Е. С. Зотова (зам. председателя);
к.э.н., проф. В. В. Кашицын; к.э.н. Н. П. Недзвецкая;
д.э.н., проф. Ю. М. Осипов (председатель);
к.э.н. М. А. Румянцев; к.э.н. С. Ю. Румянцева;
Т. С. Сухина; Т. Г. Трубицына;
д.филос.н., проф. Н. Б. Шулевский

К68 Коронованная пандемия и зачарованный мир : монография / под ред.
Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой ; Южный федеральный
университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного
федерального университета, 2020. – 408 с.
ISBN 978-5-9275-3507-1

В монографии рассматриваются неординарная ситуация, сложившаяся в мире и в России по случаю внезапно разразившейся коронавирусной пандемии, возможные в связи с этим социальные, хозяйственные, политические, культурные и иные перемены.

Для всех, кто осмысливает текущую мировую и российскую реальность под углом зрения происходящих в ней судьбоносных событий и радикальных перемен, немало и необратимых.

УДК 101:[001.891+303.425.2](035.3)
ББК 87я7

ISBN 978-5-9275-3507-1

© Южный федеральный университет, 2020
© Научный журнал «Философия хозяйства», 2020

Памяти Виктора Тимофеевича Рязанова

Предисловие

Когда случилась в 2020 г. и стала нестись по свету, словно конь Апокалипсиса, таинственная чума XXI в. — *коронавирусная пандемия*, и зачарованно оцепеневший от беспощадных антивирусных мер, растерянного недоумения и животного страха зёмный мир, получивший нежданно-негаданно на свой высокий научно-просвещенный лоб черную апокалиптическую печать «COVID-19», президиум Академии философии хозяйства¹ совместно с редакцией журнала «Философия хозяйства»² обратился к членам академии и постоянным авторам журнала с призывом поразмыслить надо всем происходящим в мире, причем не только в аспекте бодро возникавших чисто пандемических перемен, но и в контексте разворачивающихся в зёмном мире иных перемен, как в той или иной мере уже назревших, так и в беспокойной перспективе просто возможных, не исключая и перемен в России, а поразмыслив, поделиться на страницах журнала своими соображениями с ученой, гражданской и административной общественностью.

Так все и произошло: редакция получила от призванных к срочному действию коллег актуальные материалы, заполнив ими очередные номера журнала за 2020-й г. — № 3 и 4. Однако на этом дело не закончилось: возникла идея издать обретенные материалы отдельной книгой, что и было без промедления сделано.

Книга эта у тебя в руках, читатель!

Среди приоритетных авторов журнала, к которым было сделано деловое обращение, был и хорошо известный в ученых кругах *Виктор Тимофеевич Рязанов*, вице-президент Академии философии хозяйства, доктор наук и профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ. Он живо откликнулся на призыв, и один из первых прислал свой материал, который, как вскоре оказалось, стал

¹Межрегиональная общественная научно-просветительская организация «Академия философии хозяйства» (2009).

² Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ» (выходит с 1999 г. 6 раз в год объемом 19 п. л., с 2006 г. — в перечне ВАК).

его последней в жизни журнальной публикацией: 29 мая 2020 г. Виктора Тимофеевича в результате скоротечного заболевания не стало!

Так вышло, что Виктор Тимофеевич, страдавший кое-какими хроническими недугами, не получил при внезапном их обострении необходимой и достаточной медицинской помощи — как раз в момент разгулявшейся по Петербургу пандемии, став так или иначе одной из жертв нагрянувшей в город критической ситуации.

Вся российская, да и не только российская, а и зарубежная тоже экономическая и обществоведческая наука потеряла воистину выдающегося ученого, а Санкт-Петербургский университет — образцового профессора и стойкого организатора науки и образования.

Что касается коллег Виктора Тимофеевича по Академии, в особенности его личных друзей, то они потеряли еще и близкого им по духу и совместным раздумьям товарища — умного, порядочного, благородного, стильного! И оказалось совершенно логичным и достойным посвятить созданную при его — Виктора Тимофеевича — участии книгу как раз его — Виктора Тимофеевича — памяти, что, как видит читатель, и сделано.

Один из своих фундаментальных трудов Виктор Тимофеевич назвал «(Не)Реальный капитализм», а теперь нам достается воскликнуть: «Какое же это (Не)Реальное событие — уход от нас Рязанова!». Однако это так: невосполнимая потеря, насколько нереальная, настолько, увы, и реальная!

Что касается злобной пандемии, укравшей у нас В.Т. Рязанова, то она, конечно, рано или поздно пройдет, однако мир, как и Россия вместе с ним, уже становятся и станут другими, а вот *какими* — кто ж из смертных это достоверно знает? — хотя совсем не зазорно кое-что все-таки провидеть и нам — свидетелям разверзшегося вдруг неоднозначного и судьбоносного, вполне при этом и загадочного, мегапроисшествия, что мы и делаем на страницах нижеследующей монографии, включающей и вклад в нее дорогого всем нам Виктора Тимофеевича Рязанова.

Редколлегия монографии

Ю.М. ОСИПОВ

Суд идет!*

Не Валтасаров вовсе пир во время чумы случился на всем земном шаре в 2020 г., а чума, она же коронавирусная пандемия, вдруг случилась посреди Постмодернова (читай, что и Валтасарова) общеземного пира, — и хотя оба события близки по сути, только тогда — при Валтасаре — явился сначала чумный конец, а затем уже в его честь был разыгран чумный пир, а сейчас, во время совсем даже вроде бы не чумного, но зато небывалого по масштабам, изобилию, безрассудству и умной глупости всемирного пира, явилась не более чем предтеча возможного конца, пусть еще и не Света, а всего того, что бытует ныне безмятежно и нагло на зёмном Свете.

Там и там — Суд, однако там Суд был окончательный и без права обжалования, а здесь пока еще Суд показательный, причем с возможностью не так даже обжалования его условного приговора, как исправления по его хотению всей подпавшей под него человеческой экзистенции.

Оказалось вдруг, что всё вокруг бренно, неустойчиво, зыбко, мало того — не очень-то и правильно, и ясно, и надежно, скорее неопределенно, темно, неизвестно, еще и осознанно конспиративно, и воочию криминально, в общем — *нехорошо!* — а самое главное — подлежит серьезным и очень неприятным для насельников планеты ударным переменам!

Нежизнь, оказывается, не только рядом с жизнью, но и способна так вдруг овладеть этой последней, что никому, даже любому современному (постмодерновому) Валтасару, мало уж никак не покажется!

Если что из подобного нынешней пандемии вдруг снова случится, то не то тут главное, что никто не спасется или спасутся

*Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 7—8.

немногие, а то, что *любой* в таком разе имеет шанс не спастись — *любой!* — несмотря даже на лабиринтные загородные замки, бронированные черные лимузины и шикарные многоэтажные яхты.

Выяснилось вдруг, что всё, или почти всё, или многое, или просто что-то из основного, должно теперь стать... *другим!* Можно себе представить, господ... *другим*, причем *всё* и не иначе! Люди, народы, государства, правительства, национальные лидеры, начальники, подчиненные, писатели с их литературой, деятели искусств со своими искусствами, журналисты со своими «медиами», спортсмены со своими фанатами, даже медики со своими страховыми больными, не говоря уж о жадных банкирах и крутых бизнесменах.

Оказалось, что *онлайн* хоть и спасение, но такое, что лучше бы его было поменьше; что школы, вузы, больницы и т. п. вещи не только нужны, но и должны быть наполнены голосами школьников, говором студентов, мановениями врачей; что без медиа и интернета вполне обойтись можно, а вот без межлюдского общения никак нельзя, короче — с техникой и виртуалом хорошо, а вне их все-таки лучше, более того, необходимее и воистину спасительнее.

Не обошел пандемический суд и науку, которая оказалась не такой уж знающей, всю дырчатой и немало, если не круто, опасной, даже по-своему и криминогенной. Выяснилось, что все наукометрические, наукоприговорные и наукоменеджеральные выдумки Постмодерна не просто ошибочны, бесполезны и науке не нужны, но и всю ей вредны — «хуже» любой судной пандемии.

Да, надо всему и всем меняться, а то ведь без перемен и до Страшного Суда недалеко: еще вчера, понимаешь ли, саммит в верхах, международный научный-де форум, ярмарочный футбольный чемпионат, беззаботный отдых на далеких морских берегах, завтрак в Риме, обед в Париже, а изысканный ужин уже

в Лондоне — это все вчера, даже и десяток публикаций в «Скопесе» тоже, но уже не сегодня, а вот завтра... завтра вдруг из всего этого... э-э... НИЧЕГО!

Не смешно ли, господа, не грустно ли, не страшно ли?

Ах, пандемия, пандемия, как суровы, злы и точны твои уроки, да что толку-то, ничто и никто, как надобно бы, ведь не изменится, а вот как не надобно — пожалуйста: так что впереди, кажется, уже последний чумный пир — пир во время той же всеобщей цифровизации, тоже ведь по своей природе вирусной, ежели, конечно, другой какой-нибудь коронованный вирус не скажет своего веского неожиданного слова — тоже, знаете ли, послед-него!

Скучно, господа, ох, как скучно!

Ю.М. ОСИПОВ

Коронапандемия как великий казус современности*

Да — казус³, именно так — казус, хоть и *жуткий казус*, — обязанный как собственно вирусу с его болезнями и смертями, так и сопровождающей коронованную пандемию круговой Пан-неизвестности: откуда, почему, зачем, а главное — на сколько же и с какими последствиями?

Но не только!

Мало того, что это вирусная пандемия, так это еще и социально-хозяйственная *Пан*-пандемия, где «Пан» — не так само по себе мировое пространство, как у того же «пан», как *весь человеческий мир* в своей структурно-системной, или организменной, целостности, что означает захват новейшей патопандемией

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 7—10.

³ Казус — сложное, запутанное дело.

не только человека как биосущества, но и человека как существа осознаниенного, ноосферного — как феномена физического и при этом метафизического, как существа природно-неприродного, как актора *мира этого*, агента *мира иного* и адепта *мира виртуального*, им же самим же и сфабрикованного, как выбивающегося из природной экосреды дерзкого и неумного *творца*, как создателя *своего* — неприродного, им воображенного, вполне себе искусственного — мира, того самого мира, который вдруг развернулся против своего же создателя, мало что загоняя его в себя в качестве столь же искусственного элемента, но еще и ставящего под сомнение само существование на Земле сего демиургического субъекта.

Вот и великий казус современности!

Только что была какая-никакая, но... *реальность*, а в мгновение ока вдруг уже и самая что ни на есть... *ирреальность*, а во все не *новая реальность*, которая еще только впереди, — да вот *какая*?!

Не дом уже, а тюремная камера, не город, а зона, не мир человеческий, а пустыня, причем все это под невидимо нависшей над Землей электронной сетью, через посредство которой каждый человек, являясь всему миру призрачным узелком в сей сети, призрачно общается с другими людьми — тоже ставшими призраками (не великий ли казус тут уже самого человека-демиурга?!), отчего мир человеческий оказался очень уж значительно замещенным мало что технотронно искусственным миром, а миром всю уже и *призрачным*, если же, конечно, еще... *миром*, а не всего лишь только тенью от мира.

Ах, этот многовекторный великий казус!

Да, все это, вдруг ставшее призрачным, вроде бы временно, но ведь это все уже всамделишно *есть*! Причем не как дополнение к реальному человеческому миру, а как уже его вполне заявочное замещение: теперь остаточный (рудиментный) реально-де человеческий мир служит дополнением, да и то во многом ненужным, миру виртуальному, как раз электронно-сетевому.

Разрыв тут реальности, обнажение пустоты, заполнение пустоты призрачной ирреальностью, отчего и *чего-то* конец и *чего-то* начало!

Настоящая апокалиптика!

Оторопь теперь лишь одна: что в мире, что у них, что в нас!

Коронавирус казусно загадочен — по происхождению, начинке, поведению, распространению, приспособлениям, мутациям, целям, перспективам; он более трансцендентен, чем имманентен; это — некая известная неизвестность, как, собственно, и неизвестная известность, этакий по-черному мистериальный «мистер Икс».

Не очень-то ясно, откуда сей вирус конкретно взялся, каким образом вдруг возник, хотя любому метафизику понятно, что он явился, как и все на этом свете... *ниоткуда*, прямо из бездны, из преисподней, пройдя фокальный стык природного, искусственного и потустороннего миров, может, и совершенно случайно, а может, и нет, а ежели вдруг по чьему-либо зёмному умыслу, то какому же из возможных в эпоху-то разгулявшегося не на шутку инфернального Постмодерна, зараженного высокомерным презрением к устаревшему-де традиционному человеку, с неустанным преклонением перед своевольным сверхчеловеком-демиургом и нетерпеливым ожиданием своего массового детища — *постчеловека* (киборга-чиповея)?

Да, тут явно со стороны пандемии дерзкое на человека и его мир нападение, внезапная атака, бесцеремонное в них вторжение, как и ужасная для человека и его мира напасть, большая беда, злое несчастье, но при этом имеет место и стойкое сопротивление со стороны человека всему этому злу, схватка с ним, борьба, в общем — *война!* — со всеми ее атрибутами, включая мобилизацию, подвижничество, жертвенность.

Однако тут явно (или неявно) замечается и кое-что еще, а именно: знак, знамение, печать вкупе с каким-то сигналом, намеком, к чему-то призывом, одним словом — *казусный мес-*

седж какой-то, да вот о чем: об искуплении за прошлое, о воздании за настоящее, о потребном ныне ментально-духовном очищении, может, и о коварном опустошении бытия перед неизвестными, но с неминуемо судьбоносными переменами, о каком-то невозможном, но неотвратимом, будущем?

Современность, в том числе, да и чуть ли не в особенности, российская, успела отметитья заменой (или подменой) сакраментально-символического «Пира во время чумы» не чем иным, как «Чумой во время пира» — «Антимировской чумой во время постмодерновского пира», а с приходом коронованной пандемии еще и подкрепленной «Чумой во время чумы», то бишь подкрепленной новой чумой, вспыхнувшей посреди уже давно разгулявшейся «чумы», или «чумы-пира» — как раз в виде роскошной пляски бесноватого Постмодерна на изуродованном человеке-демиургом теле Земли!

Сия новая чума, она же коронованная пандемия, как бы заставляла уже наличествовавшую тотально пир-чуму прерваться и вроде бы даже уйти в несуществующую тень, более того, спровоцировала возможность бытийного поворота, разворота, переворота, в общем — какой-то *великой бытийной перемены*, правда, перемены все-таки в условиях и силами... *нынешнего великого казуса* — сложного и запутанного, отчего и вопросы: кому же тут более всего адресован казусный меседж, о чем он и для чего явлен, ибо ему внемлет сейчас как глобальный Постмодерн, не собирающийся сдаваться, так и, надо полагать, еще пока не сильно проявившийся в яви, но весьма возможный в реалиях *за-Постмодерн*, и эти альтернативы не склонны уступать друг другу место на Земле?

Итак: впереди человека поджидает либо обновленный, может, не такой уж и карнавальнй, как до Пан-пандемии, а скорее, всюю уже технотронно диктатный и творчески к выжившему от пандемий человеку беспощадный, как хорошенькая пандемия, Постмодерн, либо же, что менее вероятно, но все-таки возможно,

отрицающий с опорой на Традицию разыгравшийся ныне Постмодерн, но при этом тоже не избегающий технотроники и, что не исключено, тоже весьма диктатный ко все-еще-человеку за-Постмодерн.

Если тут и выбор, то в рамках неразлучной с человеком беспутной дилеммы, когда оба возможных исхода из нее не хуже и не лучше для ее — этой дилеммы — разрешителя!

Так или иначе, но впереди как-то очень уж маячит... *диктатура*, как раз с мощной технотронной составляющей, — иное дело, в пользу ли *все-еще-человека* и его выживания в неведомом, но все-таки еще возможном, будущем, или же в пользу уже давненько народившегося, быстро подрастающего и упорно идущего к власти на Земле и в той же России *постчеловека* — без всякого уже человеческого будущего!

Увидим, и весьма, знаете ли, скоро увидим, памятуя при этом, что в реальности обычно случается все самое невероятное и всегда случается внезапно — как тот же, к примеру, Пан-пандемический казус — то ли ненамеренно самотворный, то ли все-таки намеренно сотворенный, это уж как кому на матушке Земле кажется!

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

Виртуальная реальность глобальной экспансии «цифры»*

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с наступлением новой эпохи, новой эры глобального захвата цифрой человеко-хозяйственной системы. Всемирной кризис, начало которому положила новомодная болезнь, буквально окутал так называемый цивилизованный мир Запада. Глобальный мир рушится. Обну-

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 87—98.

ляется вся система, господствовавшая более 300 лет. «Свобода, равенств, братство» — девиз, берущий свое начало во времена Великой французской революции, в дни «коронабесия» ничего уже не значит. Прежний мировой порядок себя исчерпал, грядет сложно определяемый новый мир. И в очередной раз встает вопрос о роли государства и его железной логике, о государстве как основном институте социально-экономической и политической системы. Но государство как институт прошлого самоликвидируется, в конвульсиях пытаюсь найти правильное и ответственное решение. В свою очередь, человек, мыслящий и действующий, в новом проекте цифровой революционной трансформации становится невостребованным.

Ключевые слова: кризис, идеи, ценности, государство, бизнес, цифровизация, цифровая экономика, капитал, мировое правительство.

Abstract. The article analyzes the problems associated with the onset of a new era, a new era of global capture by the «figure» of the human-economic system. The global crisis, which received its source in the «new-fangled» disease, enveloped just yesterday the civilized world of the West. The global world is collapsing, before falling into universal fading. The whole system that has dominated for more than 300 years is reset to zero. «Freedom, equalities, fraternity», the motto originating from the times of the French Revolution, in the days of «coronation» do not mean anything. The old world order has exhausted itself, and a new world is coming, very difficult to determine by its essential characteristics. And once again the question arises about the role of the state and its iron logic, about the state, as the main institution of the socio-economic and political system. However, the state, as an institution of the past, is self-destructing in convulsions to find the right and responsible solution. In turn, a human being who thinks and acts in a new project of digital revolutionary transformation becomes unclaimed.

Keywords: crisis, ideas, values, state, business, digitalization, digital economy, capital, world government.

Над седой равниной моря ветер тучи собирает...

*М. Горький
Песня о Буревестнике*

Новая модная болезнь вирусного происхождения безмолвно окутала темнотой и тяжелым бесформенным плащом страха и паники весь цивилизованный мир. Итоги еще не подведены, да и рано обобщать. Но, по предварительным данным, мировой рынок уже лишился 27 трлн дол. капитализации от максимума февраля 2020 г. Не менее 98% мирового ВВП находится в условиях блокады, вылетели из нормального воспроизводства страны, формирующие свыше половины мирового ВВП. Единое европейское пространство воочию покрывается трещинами. И укрепившаяся за последние десятилетия формальность границ не застраховала и не оградила от разрушения глобальный мир.

Сегодня наложено табу на признание виновником разразившегося кризиса, давно предсказанного экспертами, мировую банковскую систему («хозяев» денег). Банки в очередной раз не виноваты, как и в 2008 г. Также не виновата и социально-экономическая система глобального капитализма с ее объективно перманентными кризисами перепроизводства. Виноват вирус!

История новомодной болезни, которую принес «коронованный» вирус, началась на исходе 2019 г. в стране, являющейся второй экономикой мира, а в действительности — первой по объему произведенного ВВП. Еще одной характерной чертой этой страны является производство всех потребительских товаров в мире. Бесспорно, Китай смог стать за весьма короткое время «мировой фабрикой». И «мировая фабрика» преподнесла коронавирус COVID-19 цивилизации Запада.

Несколько последних лет тревожность, переполненная мрачными предчувствиями, способствовала распространению мнения о том, что прежний мировой порядок себя исчерпал, грядет новый мир, сложно определяемый по своей сущностной характеристике.

Приверженцы новой цифровой революции — предвестницы «индустрии 4,0», дискутируя на тему «массового внедрения киберфизических систем в производство и обслуживание потребностей человека», ограничивались возможностью применения результатов деятельности этой индустрии либо в быту, либо в досуге. «Интернет вещей» — слоган последних лет. Но ничего определенного в плане развития производительных сил общества мечты о доставке товаров населению квадрокоптерами не внесли.

При этом реальная экономика, ее хозяйственная и хозяйствующая сущность, незаметно, ступень за ступенью модифицировалась⁴ в виртуальную хрематистику — ненастоящую, несуществующую, фантомную. Навязанная идея рыночного фундаментализма, проявляемая в реальной жизни действием рыночного хаоса, на поверку оказалась инструментом борьбы с обществом и государством как таковым. Выяснилось, что это самое «рыночное» государство до известной степени оказалось не в силах, вернее отказалось нести общественно необходимые функции перераспределения результатов общественного производства и социально-экономического регулирования. И в первую очередь речь идет об обеспечении социальной безопасности, которая по цепочке влечет за собой конкретно продовольственную, экономическую, национальную. Но в данном случае государство должно стоять на страже общественных экономических интересов, полностью идентичных интересам народа, населяющего данную страну. Но что мы наблюдаем? Мы сталкиваемся с отсутствием, дефицитом рационального контента. А «сон разума рождает чудовищ»⁵.

Принципиальной химерой становится доктрина о дерегулировании. Государство отдает на откуп бизнесу регулирование всех производственных отношений и, в первую очередь, заботу о безопасности людей. А что же бизнес? Он считает таковую бессмысленными, напрасными и избыточными тратами. «Капитал боится отсутствия

⁴ Именно модифицировалась, не превратилась, не преобразовалась, не видоизменилась, так как перевернулась вверх дном.

⁵ «Сон разума рождает чудовищ» — офорт испанского художника эпохи романтизма Франсиско Гойи.

прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» [12, 52]. Эта мысль британского профсоюзного активиста Т.Дж. Даннинга, процитированная К. Марксом в первом томе «Капитала», подтверждается и реалиями нашего времени. В угоду реализации принципа максимизации прибыли руководства компаний не пренебрегают экономией на безопасности. Оптимизировать расходы бизнес вправе не только на постоянных издержках, но, в первую очередь, на переменных. Безжалостная эксплуатация предприятий, алчность и безответственность собственников, оказавшиеся глубоко вписанными в рыночный хаос, приводят не только к техногенным катастрофам местного и регионального масштаба. Стремление к быстрым деньгам поспособствовало почти полной деиндустриализации экономик ведущих цивилизаций. Подобным образом глобальные тенденции привели некогда мощную и самодостаточную экономику бывшего СССР не только к господству деиндустриализационных моделей постмодернизма, но и к обрушению культуры до архаичного сознания.

В экономике, суженной и ограниченной до возможности жизнедеятельности исключительно добывающей промышленности, риски наступления кризиса (катастрофы) растут с невероятной скоростью. А оптимизационные процессы в социальной сфере блокируют любые альтернативные намерения возможной борьбы с этими кризисами и катастрофами.

Вирусная катастрофа стала лакмусовой бумажкой результатов сокращения до минимально возможных размеров бесплатного и высокопрофессионального сектора медицины, схлопывания бесплатного и качественного образования. И многие ли сегодня склонны винить в этом существующую систему? Ответ будет весьма неясным...

Очевидно, современное государство пытается активно бороться с разразившейся эпидемией. Однако прежде проведенная «оптимизация» превращает всю эту борьбу в спектакль. А антиэпидемиологический фарс разыгрывается сегодня по всему миру.

И в очередной раз встает вопрос о роли государства и его железной логике, о государстве как основном институте социально-экономической и политической системы. Отметим, что в современной научной литературе государство определяется как «политико-территориальная суверенная организация публичной власти, имеющая специальный аппарат управления и принуждения, способная делать свои веления обязательными для населения всей страны» [2]. Каждое слово приведенного определения подтверждается реальными действиями государственного аппарата, независимо от его территориального расположения и национальной принадлежности.

Государственная власть была создана обществом как орган для защиты общественных интересов от внутренних и внешних нападений. И, едва возникнув, государство обретает независимость и самостоятельность в отношении общества, его сотворившего. Но, будучи действительно бесконтрольным и самопроизвольным, государство как субъект власти становится органом защиты экономических интересов другого субъекта, для которого отношения собственности, базирующиеся на отношениях контроля, приобретают субъектно-объектный вид по поводу самого государства. При этом государство теряет свою субъектность — становясь объектом.

В результате практика последних лет и актуальная глобальная вирусная катастрофа демонстрируют вопиющий пример игнорирования, если не сказать прямого попрания субъектами, контролирующими власть и обеспечивающими ее функционирование, *жизненно* важных общественных интересов в угоду интересам частным. Очевидно, что «...государство... во все типичные периоды является государством господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления» [11]. И при этом государство безотлагательно и оперативно порождает определенную идеологию.

В конечном итоге основные тренды влияния этой идеологии в принципе понятны. Это идеология общественного строя, который

сформировался и эволюционировал из торговых отношений, причем естественным образом основываясь на физиологической природе человека, т. е. на его природных животных инстинктах. И «философия» этой общественной формации концентрируется в жестко управляемой пирамиде власти — власти капитала. Деньги стали мерилем всего сущего и мнимого, не исключая самой власти. Причем «менее всего бросается в глаза кредитно-кабальная суть экономики вообще, капитализма вообще...» [10, 218], а присущая капитализму экономическая эксплуатация становится «самой незаметной, хитрой, изощренной и эффективной эксплуатацией, какую только мог вообще придумать человек — сознательный, деловой, изобретательный и... “гуманный”» [10, 218].

«Власть же, прикрываясь риторикой о “правах человека” и “толерантности”, делает свой гешефт на колониальном разбое и грабеже слабых» [6]. С распадом СССР и ликвидацией двуполярной мировой системы эти тренды усилились. В довершение ко всему этот курс взяла и постреформенная Россия.

И теперь, когда современный спекулятивный капитал достиг предела прежней динамики развития, политика безудержного кредитования потребительского поведения населения дает сбой, объективные экономические интересы глобального капитала требуют не только полного экономического контроля всех стран мира — политическое подчинение всего остального мира, до сего дня сохраняющего относительную независимость, становится миссией, смыслом и функцией. Не случайно экс-премьер Великобритании Г. Браун в конце марта 2020 г. предложил учредить мировое правительство. «Гордон Браун призвал мировых лидеров создать временную форму глобального правительства для преодоления двойного медицинского и экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19», — интерпретировала тезисы экс-премьера Ее Величества Королевы Англии леволиберальная газета «Гардиан» [3].

Действительно, складывается такое впечатление, что настоящая коронавирусная пандемия психоза играет роль триггера, спускового механизма, повода для трансформации современной капиталистической системы в новую реальность — новый интегрированный

порядок глобального классового общества. А для возникновения такого общества необходимо создание наднациональной «державы», в которой периферийные государства превращаются в фактические колонии метрополии. В 1993 г. А.А. Зиновьев определил подобную форму устройства системы «колониальной демократией» [4]. И весьма демократично управленческие марионетки ультраимпериалистического режима «автономно» и одновременно во имя общественной безопасности и торжества всеобщих духовных ценностей, прежде всего, ограничивают права человека. «...Вверх и в темноту уходит нить» (А. Макаревич). Человечество синхронно попало под пресс экономического принуждения с прямым физическим и когнитивным подавлением так называемого «социального мониторинга», беспрепятственно и автоматически отслеживать геолокацию (местонахождение) любого гражданина любой страны.

Да и современный человек уже не способен адекватно воспринимать новую реальность, анализировать происходящие события, критически относиться к общественным явлениям, обусловленным процессами трансформации (если не слома) системы. Став особым объектом либеральной социологической пропаганды, современный человек почти целиком переориентирован на сферу потребления. Его внимание не привлекают производственный процесс или технические разработки, духовные интересы или подлинная культура. «Идеальный быт» становится принципиальным центром тяжести всей его жизнедеятельности. Человек оказался под влиянием философии, целью которой является не информация, а формирование определенных эмоций, взглядов, оценок и даже идеалов. И, собственно, здесь человек сталкивается с новой формой товарного фетишизма, когда скарб и имущество подменяют реальные человеческие общественные отношения. Человек превращается в «бездушную машину потребления», наличествующую в «одурманивающем мире товаров» и услуг, и не всегда материальных, т. е. реально существующих⁶. Важно понять тайную концептуальность искусственного внедрения

⁶ В романе советского писателя фронтовика Ю.В. Бондарева «Берег» оппонент главного героя Никитина критик из ФРГ Дицман вынужденно признает, что обывательский и потребительский прагматизм подчиняет все.

и культивирования потребительского сознания, служащего инструментом метаморфозы человека в пассивный объект управления и манипулирования. Шаблонное уравнивание в единых нормах мышления, идеалах и целях жизни, единых нормах поведения дает возможность подчинять массы так называемых людей⁷. Господствующая ныне система государственного и надгосударственного «подчинения» содействует обречению основной части населения на монотонное безжизненное существование, на труд, лишенный творчества и созидания, когда невозможно проявить личные способности, инициативу и энергию⁸. Формирующаяся при этом неудовлетворенность масс компенсируется суррогатом реальной человеческой деятельности, некой сопричастности к общему делу. Собственно, для этого в век всеобщей цифровизации человека между прочим погружают в виртуальную жизнь нереальной действительности, в которой каждый волен участвовать в невероятных приключениях, распоряжаться богатствами, управлять и повелевать другими людьми, а также сокрушать могущественных врагов. При этом человек физически не подвергается ни малейшему риску для жизни.

Но так ли это по существу проблемы? И, по всей вероятности, прав был Г. Маркузе, показавший в своей книге «Одномерный человек» [9], что научно-технический прогресс, улучшение и облегчение условий жизни, совершенствование быта неизбежно ведут в тупик, к бездумному и бессмысленно сытому, тупому чувству самоудовлетворенности (по-современному — самодостаточности), при котором человек ни к чему уже не стремится.

Биологическая устремленность к сибаритствованию способствует окончательному расчеловечиванию человека, регрессирующего в сторону эгоизма и индивидуализма. Британский социолог К. Кумар, который в настоящее время заведует кафедрой социологии

⁷Тонко уловил сущность данной проблемы советский драматург М. Анчаров в своей пьесе «В одном микрорайоне»: «Стандарт страшен тогда, когда люди не связаны общим делом, тогда все придумывают себе внешние отличия. Внутренне все становятся похожи друг на друга».

⁸ «Земля должна быть ограничена трудом как драгоценный камень. Нельзя говорить о муках творчества, труд — это радость» (М. Горький).

в Университете штата Вирджинии в США, буквально подтверждает: «Рыночные механизмы и ментальности проникают в каждую сферу жизни — не только в труд и политику, но и в отдых, дружбу, семью и брак. Все подчинено капиталистической рациональности “наименьшей стоимости” и “максимальной выгоды»» [13, 119]. При этом системно санкционируется и внедряется «спокойная» эволюция дарвиновского толка. А труд как имманентная сущность человеческой жизни низводится до понятия удовлетворения со знаком минус, т. е. приобретает свойства огорчения. Человек и его деятельность вырываются из общественного бытия и погружаются за пределы объективных явлений — виртуализируются.

С точки зрения адептов всеобщей оцифровки социально-экономической системы наступивший в одночасье вирусный кризис открыл для человечества путь к новой реальности, которая опирается на технологическую революцию, на достижения индустрии 4.0 [5]. С особым цинизмом они отмечают, что «вынужденный глобальный эксперимент окажется удачным, что неизбежно приведет к радикальному реформатированию рынка труда и, следовательно, возникновению новых социальных вызовов» [5]. И, действительно, проектируемая им новая реальность будет намного жестче — «тектонические сдвиги на рынке труда могут привести к совершенно другой структуре социальных отношений... даже к новым социальным битвам» [5]. Бесплезность избыточной рабочей силы предлагается разрешать внедрением новой медицины с использованием программы «интернета тела», являющейся проекцией более примитивной платформы «интернета вещей», а в сфере образования — «глобального университета», когда весь процесс обучения сводится к работе в режиме удаленного доступа.

В чем сущность замысла? Ответ очевиден — экономия на издержках. Выгодой и расчетом определяются действия системы не только в экономической, но и в остальных сферах деятельности. И, как результат, «буржуазия... превращает (авторская редакция) личное достоинство человека в меновую стоимость и ставит (авторская редакция) на место бесчисленных пожалованных и благоприоб-

ретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатация, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чертовой» [8, 35].

Человек мыслящий и действующий в новом проекте цифровой революционной трансформации становится невостребованным системой. Новые «проигравшие» отчуждаются не только от участия в процессе совместного созидания чего-либо нового, они экзистенциально отчуждаются от самих себя. Режим самоизоляции — режим самоотчуждения и разобщения. Человек как субъект хозяйственной деятельности исчезает и модифицируется в объект... и далеко не только исследования, но и в объект по извлечению дохода (пусть даже посредством штрафов... пока). «Оцифрованный человек» — ближайшая перспектива будущего. «Цифра» станет превыше всего и сущностнее всего. Но возможно ли «очеловечить» цифру? Это вопрос на века...

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Философия потребления как мнимая ценность современности // Вопросы политической экономии. 2019. № 4. С. 153—161.
2. *Автономов А.С., Попов В.А.* Государство // Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <http://bigenc.ru/ethnology/text/2373590> (дата обращения: 13.04.2020).
3. *Данилов И.* Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство // РИА НОВОСТИ: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200328/1569257083.html> (дата обращения: 13.04.2020).
4. *Зиновьев А.А.* От коммунизма — к колониальной демократии // Распутье: [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wikireading.ru/94408> (дата обращения: 10.04.2020).
5. *Кузьминов Я.* Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир // РБК: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (дата обращения: 27.03.2020).

6. *Лепехин В.А.* Капитализм и вирус: мы должны осознать главную угрозу // RUSNEXT: [Электронный ресурс]. URL: https://rusnext.ru/recent_opinions/1585938430 (дата обращения: 13.04.2020).
7. *Маркс К.* «Капитал»: критика политической экономии. Т. 1. М.: Эксмо, 2011. С.738.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1963.
9. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. А. Юдина. М., 2003 / Центр гуманитарных технологий: [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5440> (дата обращения: 10.09.2019).
10. *Осинов Ю.М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. М.: ТЕИС, 2016. 464 с.
11. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 176: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.informax-inc.ru/lib/marx/21.html#s23> (дата обращения: 10.04.2020).
12. *Dunning T.J.* Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention. L.: Published by the author, and Sold by M. Harley. 1860. No. 5. P. 35—36.
13. *Kumar K.* The Rise of Modern Society: Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 338.

А.Ю. АРХИПОВ

Коронавирус и переформатирование мировой экономики

Аннотация. Исследуются современный мировой экономический кризис, роль пандемии коронавируса в его развитии и другие его более широкие причины. Анализируются возможные последствия этого кризиса: направления переформатирования мировой экономики, изменение модели хозяйствования, типа внешне-экономического взаимодействия, соответствующие задачи социально-экономического развития, стоящие перед Россией.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, мировая экономика, система, модель хозяйствования, экономический кризис, экономика России.

Abstract. This article examines the current global crisis, the role of the coronavirus pandemic in the economic downturn, and its broader causes. The possible impact of this crisis is analyzed: the world economy reshaping trends, changes in the economic systems, the models of foreign economic activity, and the corresponding tasks of socio-economic development facing Russia.

Keywords: coronavirus pandemic, world economy, economic system, global crisis, Russian economy.

Мировая экономика переживает кризисные процессы, вызванные борьбой с коронавирусной инфекцией. Остановка производства товаров и услуг и в целом экономической деятельности, вызванная необходимостью самоизоляции, ведет к сокращению доходов и спроса. Разворачивающийся кризис характеризуется как самый глубокий в идущем столетии. По данным ОЭСР, падение ВВП в мире прогнозируется в текущем году на уровне 6%, в еврозоне — на 9,1%, даже без учета возможной второй волны кризиса [3]. Не без основания большинство исследователей, экспертов указывают на то, что после выхода из ограничений, вызванных пандемией, мир, мировая экономика станут другими.

В то же время ход событий, их направленность показывают, что не сам вирус создал кризисную ситуацию, а во многом лишь обострил, ускорил процессы, которые уже долгое время разворачиваются в мировом хозяйстве.

Угроза глобального кризиса была вызвана все увеличивающимся разрывом финансового и реального секторов мировой экономики, концентрацией финансовых ресурсов в одних странах, а производств — в других, «долговыми пузырями», прежде всего в США, т. е. теми же факторами, которые определили мировой экономический кризис 2008—2009 гг. и которые не только не были разрешены в его ходе, но и в последующие годы продолжали усиливаться. Пандемия спровоцировала начало нового кризиса, вызвав не только сокращение производства, потребления, но и как результат — потребности в топливе, нефтепродуктах и соответственно обвал цен на нефть, особенно в условиях, когда страны ОПЕК+ не сумели договориться о продолжении ограничений на добычу нефти. Это привело к падению нефтяных котировок, цен акций, фондовых индексов и, как следствию, к панике на биржах. Кризис нефтяных цен удалось притушить, биржевой кризис приостановить, достигнув соглашения, прежде всего в рамках ОПЕК+, России, Саудовской Аравии, США, «двадцатки», однако ситуация как на нефтяном рынке, так и в целом в мировой экономике остается непредсказуемой. Развитие кризиса неизбежно.

Скажется пандемия и на общей расстановке сил, переформатировании мировой экономики, которое быстрыми темпами идет последнее десятилетие. Если в 1990-е гг. «большая семерка» (G7) развитых стран сосредоточивала 70% ВВП мира, то сейчас — лишь 40%, причем уже в 2014 г. эту группу стран по ВВП в расчете на душу населения догнала «семерка» стран с развивающимися рынками: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Мексика, Индонезия, Турция. В 2018 г. эта «новая семерка» уже превосходила по указанному показателю первую на 27% [4]. Также в 2014 г. в мировой экономике поменялся лидер: по ВВП на душу населения на первое место, обогнав США, вышел Китай. Если

еще несколько лет назад для обозначения промышленно-технологического сотрудничества этих стран использовалась известная формула «Chimerica»: объединенные США и Китай, когда взаимодействие шло при технологическом и финансовом лидерстве США, последних это устраивало. Когда же и в технологиях Китай стал вырываться вперед, например, в разработке и внедрении телекоммуникационного оборудования пятого поколения, разработанного корпорацией Huawei, и т. д., и все больше стал использовать в расчетах свою валюту — юань, сотрудничество быстро поменялось на противостояние. США развязали торговую войну.

Коронавирус появился в Китае (раньше всех справившемся с его первой волной, начавшем восстанавливать свою экономику, укрепляться), что дало повод для нападков со стороны США, которые пострадали несоизмеримо больше. Так, по данным Coronavirus-monitor.ru, в США на 23 июня 2020 г. заразились коронавирусом 2 424 493 человек, умерли 123 493, в Бразилии, соответственно 1 151 479 и 52 771, Великобритании — 306 210 и 42 927, Италии — 238 833 и 34 675, России — 607 597 и 8 543, Китае — всего 84 432 и 4 642 [2]. США обвинили Китай в несвоевременном информировании Всемирной организации здравоохранения ООН, мирового сообщества о появившейся угрозе. И опять грозят санкциями.

Как следствие, закрепляются изменение вектора развития в мире в целом, реформирование по типу внешнеэкономического взаимодействия — усиливаются протекционистские тенденции, торговые войны, санкции, вместо провозглашавшихся многие годы свободной торговли, открытой экономики.

Пандемия способствует и постепенной возможной смене преимущественной модели хозяйствования. Либеральная модель показала свою малую способность решать сложные вопросы современного развития на основе только рыночного взаимодействия. Неподготовленными оказались к атаке вируса наиболее рыночно ориентированные страны: США, Великобритания, Брази-

лия, отдельные страны ЕС — Испания, Италия. Здесь худшие показатели, низкая мобилизационная способность. В публикуемой в настоящей монографии статье профессора В.Т. Рязанова приводятся данные о том, что в США при самых высоких в мире общих затратах на здравоохранение, эффективной, высокотехнологичной медицинской помощи для состоятельной части населения до сих пор отсутствует общенациональная система здравоохранения с достаточным уровнем финансирования и регулирования со стороны государства, не менее 10% населения не имеют медицинских страховок [1, 113—114]. Это во многом определило негативные результаты противостояния коронавирусу.

Неизмеримо лучшие результаты в борьбе с инфекцией продемонстрировали страны с сильным традиционным обществом, значительной ролью государства в экономике: Китай, Вьетнам, Южная Корея, отчасти Россия, несмотря на то что в нашей стране последние десятилетия насаждались — и безуспешно — либерализм, индивидуализм. Так что мы стали свидетелями перехода от безраздельного господства либеральной модели к двум противодействующим моделям мирового хозяйства — либеральной и модели со значительным влиянием государства. Хотя и сама либеральная модель, с большой степенью вероятности, подвергнется трансформации в направлении усиления влияния государства на экономику. Это неоднократно происходило в периоды кризисов и войн.

В этом изменяющемся, в том числе и в результате идущей пандемии, мире России важно занять достойное место в мировой экономике. Представляется, что прежде всего должна измениться экономическая политика. Важно преодолеть господство в теории и практике неолиберального, монетаристского подхода. Без этого невозможны экономический рост, преодоление сырьевой направленности экономики. В последние годы учеными, экспертным сообществом продвигается альтернативный неолиберальному подход, представленный Столыпинским клубом, Партией роста Б.Ю. Титова, академиком РАН С.Ю. Глазьевым, основанный на

активной промышленной политике — не на очередном ожидании иностранных инвестиций из развитых стран, а на направлении средств в реальный сектор экономики по конкретным государственным программам, на основе конкурсов, с обеспечением контроля их использования и результатов. Появились обнадеживающие изменения. В рамках поддержки населения и бизнеса при выходе из режима самоограничения осуществляются прямые выплаты гражданам, имеющим детей от 3 до 16 лет, другим категориям. Обеспечено снижение ставки рефинансирования Центробанком страны до 4,5% — исторического минимума.

Важно продолжить движение в этом направлении: все более ограничивать «офшорную практику», принять законодательные меры по недопущению рейдерских захватов, развивать импортозамещение в основных отраслях промышленности: станкостроении, транспортном, энергетическом машиностроении, высоких технологиях. Целенаправленно продвигать интеграционные процессы на Евразийском пространстве, создавать условия для его активизации, прежде всего устойчивое и поступательное развитие экономики России.

Литература

1. *Рязанов В.Т.* Коронавирусный шок и его причины: какой будет новая реальность? // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 105—124.
2. *Coronavirus-monitor.ru*: [Электронный ресурс]. URL: <https://coronavirus-monitor.ru/> (дата обращения: 24.06.2020).
3. *The world economy on a tightrope*. OECD Economic Outlook, June 2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/economic-outlook> (дата обращения: 21.06.2020).
4. *World Economic Outlook Database October 2019*: [Электронный ресурс]. URL: www.imf.org (дата обращения: 22.04.2020).

И.Р. БУГАЯН

Два типа хозяйств и идеологий: противоречия, соотношения, мера и перспективы их развития

Аннотация. Хозяйства современных стран — диалектическое единство экономики и общественного сектора. Часть из них имеет своим содержанием экономику и относится к карфагенской генерации (Британский мир, ЕС, Япония), у других в основе лежит общественный сектор (Индия, КНР, РФ).

Ключевые слова: Британский мир, ЕС — империи карфагенской генерации, Индия, КНР, РФ — империи римской генерации, типы хозяйств, их взаимопереход.

Abstract. The economy of modern countries is a dialectical unity of the economy and the public sector. Some of them contain the economy and belong to the Carthaginian generation (the British world, the EU, Japan), while others are based on the public sector (India, China, Russia).

Keywords: the British world, the EU — Carthaginian empires, India, China, Russia — Roman empires, types of economies, their mutual transition.

Пандемия-19 (П-19) с большей очевидностью проявила: 1) в мировом хозяйстве продолжается параллельное и противоборствующее существование империй и стран двух различных генераций — новокарфагенской и новоримской; 2) новоримской реальности удастся лучше держать удар нынешнего бедствия даже в том случае, если она вынуждена первой его встретить (КНР).

Причина успеха Китая в борьбе с пандемией в том, что в империях новоримской генерации важной содержательной и удерживающей сферой является общественный сектор, а экономика — лишь форма проявления этого сектора. В новокарфагенской же генерации все наоборот — общественный сектор не более, чем часть экономики.

Всем бедствиям, подобным П-19, противостоит, прежде всего, именно общественный сектор, который по самой своей сути бесплатен, следовательно, равнодоступен без изъятий всем согражданам.

Империи же, имеющие главным содержанием своих хозяйств не общественный сектор, а экономику, для сохранения и расширения границ своего влияния вынуждены искать все новые экономические возможности расширения, становясь «продавцами воздуха». Нечто подобное творится и сейчас: вирус сам, без каких-либо издержек со стороны «затейников подобного сценария», доведет концентрацию пандемии до уровня, когда атмосфера Земли — как на контролируемых Новым Карфагеном территориях, так и в иных пространствах — может стать со временем пригодной для жизни уже не для всех людей без изъятий, а только для тех, кто заплатит за соответствующую вакцинацию.

Из данной, почти что уже катастрофной, ситуации только один выход — спорое развитие повсюду общественного сектора на базе современного научно-технического прогресса.

Отсюда выходит, что впервые в истории империй — как новокарфагенской, так и новоримской генераций — могут получить общую для выживания и бытия платформу: социально-экономическое хозяйство, на базе которого возможно разрешать общими силами социально-гуманитарные проблемы.

Тип страны предопределяется тем, какая из двух сторон — экономика или общественный сектор — является содержанием ее хозяйства. Страны, имеющие содержанием своих хозяйств экономику, не могут иметь идеологию такую же, как страны, в основе хозяйства которых лежит общественный сектор хозяйства, и наоборот.

Попытка оказать помощь странам Европы, освобожденным СССР в ходе Второй мировой войны от фашистской оккупации, путем выбора общественного сектора хозяйства как главного направления движения провалилась. Не только

не удался перевод хозяйств стран так называемой народной демократии на содержательную платформу общественного сектора, но и в результате огромной помощи этим мнимым союзникам и из-за гибридной войны со стороны НАТО, сопровождаемой гонкой вооружений, а также войны вокруг цен на нефть, СССР распался. А его правопреемник — РФ — в годовщину 75-летия Великой победы именно со стороны этих «союзников» и некоторых входящих прежде в СССР республик продолжает подвергаться непрерывным, надуманным, нелепым обвинениям и непростительным оскорблениям (снос памятников солдатам-освободителям). Предпринимается попытка поставить на одну доску признанного международным судом преступника и его победителя.

Такова цена непонимания диалектики взаимодействия экономики и общественного сектора. Однако инициаторам гибридной войны, развернутой против СССР и продолжающейся с еще большим остервенением в отношении РФ, многое неизвестно. Например, они не знают, что хозяйства Восточной Европы, содержанием которых продолжает оставаться экономика, и их общественный сектор, ныне являющийся формой этой конструкции, могут при определенных условиях поменяться местами. Это не просто предположение, не пустая абстракция, а уже довольно заметная реальность — например, во Франции — *желтые жилеты*, а в США — *обувноцеловальные и коленопреклонные группы*!

Таким образом, *предпосылки* уже наличествуют. Особенно ярко это проявляется в глубинной причине их возникновения и развития — действии закона-тенденции опережающего роста общественного сектора хозяйства в странах «золотого миллиарда» [1; 2], который резко усилился под влиянием пандемии.

Именно общественный сектор хозяйства, предоставляющий населению товары и услуги бесплатно, только и может достойно встретить пандемийные вызовы и вкупе с требованиями вышеназванных групп поменять все местами. А также вменить общественному сектору содержательные функции в хозяйстве стран «золотого миллиарда», а экономике — формальные!

Литература

1. *Бугаян И.Р.* Закон-тенденции опережающего роста общественного сектора хозяйства стран «золотого миллиарда»: причины, границы, последствия // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.

2. *Бугаян И.Р.* Новый Рим и Новый Карфаген современного мирового хозяйства: межимперский миттельшпиль! // *Россия в игре: страна и мир: монография по итогам международной научной конференции: «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия»* (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, 5—7 декабря 2018 г.) / Под ред. Ю.М. Осипова, Ю.А. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство ЮФУ, 2019. 292 с.

Ф.И. ГИРЕНОК

Коронавирус: свобода или судьба?*

Аннотация. Исследуется ситуация, сложившаяся в мире в результате развития пандемии коронавируса. Анализируются взгляды на пандемию ведущих западных философов. Подробно рассматривается система социального доверия, придуманная в Китае для решения цивилизационных проблем. Автор статьи приходит к выводу о том, что пандемия ускорила процесс перехода политического и технологического лидерства с Запада на Восток, от США к Китаю. В статье подчеркивается противоречивое положение России в мировой политике.

*В сокращенном варианте положения статьи представлены на сайте: http://zavtra.ru/blogs/koronavirus_svoboda_ili_sud_ba.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, экономика, хозяйство, человек, дигитальная философия, спекулятивный капитал, глобализм, социальное доверие.

Abstract. The article examines the situation in the world as a result of the development of the coronavirus pandemic. The author analyzes the views of leading western philosophers on the pandemic. The system of social trust, invented in China to solve civilizational problems, is considered in detail. The author of the article concludes that the pandemic accelerated the process of transition of political and technological leadership from the West to the East, from the United States to China. The article highlights the contradictory position of Russia in world politics.

Keywords: pandemic, coronavirus, economy, society, human, digital philosophy, speculative capital, globalism, social trust.

Что обнаружила пандемия коронавируса? То, что цивилизационная пленка человека очень тонкая, и она легко протыкается пандемией. Что за этой пленкой? Ничего. Пустота. За ней не оказалось того, что достигается трудной работой человека быть человеком. Мы не знаем, что нам делать с собой. Мы растеряны, и это пребывание в недоумении вновь заставляет нас поставить вопрос: неужели культура — это просто привычка, общество — бюрократия, а человек — принципиально асоциальное существо?

Люди — не термиты

Одно несомненно: общество — все-таки не организм. Если бы общество было организмом, то его могли бы инфицировать вирусы. Но общество не чихает, у него не бывает простуды. Общество возникает не на пересечении линий человека и природы. Если бы оно возникало на этом пересечении, то было бы непонятно, чем оно отличается от природы, ибо социальное непременно включало бы в себя и нечеловеческое. И тогда идеалом приспособления человека к обществу были бы, как говорил Н. Кольцов, муравьи или термиты. Любое общество мечтает людей превратить в термитов, а люди сопротивляются.

Но общество — это и не некоторое множество людей, но не потому, что оно включает в себя домашних животных и птиц, т. е. актантов, не имеющих человеческой формы. А потому, что общество возникает на пересечении того, что существует, с тем, что не существует. Что существует? Природа. Что не существует? Призраки, галлюцинации и странные объекты. В чем их странность? В том, что их нет, но к ним относятся как к тому, что есть.

Что же такое общество? То, что подчиняет существующее несуществующему. Общество — некоторое множество связанных между собой институционализированных галлюцинаций. Что такое галлюцинация? Это человеческое в человеке, то, чего нет, но что дано. А что такое тело человека? Это нечеловеческое в человеке. Только свое тело мы чувствуем, а не свое не чувствуем. В обществе то, что существует, должно соответствовать тому, что дано. Странных объектов нет в природе, но они есть в любом обществе. Вирус существует в живой клетке. Странные объекты, как вирусы, существуют в обществе. В нечеловеческом обществе призраки не существуют. Что показала пандемия? Что наши социальные институты — не институты, а согласованные галлюцинации. Что наши ценности — не ценности, а призраки, общественно необходимые иллюзии. Мысль о том, что люди меняются, а институты остаются, является опасным заблуждением. Человек не меняется, меняются галлюцинации, т. е. институты.

Странные объекты

Игнорирование странных объектов погубило социологию и социальные науки. Чтобы их спасти, Бруно Латур придумал акторно-сетевую теорию [1]. Но эта теория оказалась бесполезной. Почему? По двум причинам. Во-первых, в ней странность объектов была понята как нечеловеческая форма, т. е. как природа. Во-вторых, социология социального отражала пик в развитии Запада. Но этот пик был пройден, и социальные науки ушли в прошлое. Теперь они никому не нужны. Все это Латур понял еще до всякого коронавируса. Что он понял? Что социальные науки — это не науки, а символ превосходства Запада над Востоком. Но Восток вдруг приобрел силу, и эта сила

обессилила силу Запада. Что делать в этой ситуации? На этот вопрос у интеллектуала Запада существуют разные ответы.

Бадью ругает китайскую антисанитарию и мечтает о третьей стадии коммунизма. Хотя все знают, что их всего две. А третья — уже китайская. Нанси помогает Агамбену понять, чем коронавирус отличается от обычного гриппа. Агамбен, в свою очередь, вспоминает средневековую чуму и не одобряет решительное действие властей Италии, полагая, что это тоталитарное действие только сеет панику. Жижек говорит о пандемии, которая всех нас толкает к коммунизму. Жижек — юродивый. Он говорит правду, а над ним смеются. Жижеку не нравится китайский коммунизм. Он ждет глобального коммунизма через наделение исполнительными функциями Всемирной организации здравоохранения. Харари мыслит мир после пандемии бинарно: либо тотальная слежка за каждым, либо расширение прав граждан; либо изоляция, либо глобализм. Латур, начитавшись Пастера, считает, что после коронавируса везде будут санитайзеры. Я, говорит социолог из Франции, сыт по горло таким положением вещей, при которых оказываюсь заперт в языке. «Я хочу, — пишет Латур, — получить доступ к самим вещам, а не только к тому, как они нам являются». Ему надоела социология, которая сконструирована вокруг одного социального. Латур жаждал прихода второй половины социального: природного. Мы ждем, говорит Мейясу, когда вернется Великое внешнее. И они дождались. Коронавирус вернул им Великое внешнее. Он дал им возможность доступа к вещам самим по себе. И многие поняли, что только смерть может вернуть человека из мира воображаемого в мир природы. Но Латур понял еще и другое. «Осознав внезапное новое ослабление старого Запада и стараясь понять, как ему подальше продержаться в будущем и сохранить место под солнцем, мы, — пишет Латур, — должны установить такие связи с другими, которые, вероятно, не удержатся в коллекторах “природа-общество”. Или, пользуясь еще одним неоднозначным термином, нам, возможно, придется включиться в космополитику» [1, 359—360]. Латур включился в геополитику, чтобы Запад сохранил свое ме-

сто под солнцем. Для этого он стер границу между обществом и природой, заставив человека обмениваться свойствами с нечеловеческим.

Смена лидера

В вопросе о коронавирусе важен не вирус, а реакция на него политико-интеллектуальной элиты. Вирус хорошо знаком эпидемиологам. По своей сути он должен быть проблемой для ветеринаров. А он превратился в глобальную проблему цивилизованного мира. Коронавирус показал нам также изъяны всех существующих систем здравоохранения. А это значит, что он показал изъяны всех социальных систем — как демократических, так и недемократических, как либеральных, так и нелиберальных. Но не только эти изъяны интересуют нас сегодня. Нам интересно узнать, от чего запаниковало политическое сознание Запада и России. Почему никто из интеллектуалов свободного мира не обеспокоен вопросом о том, что если изменение климата, или Великое внешнее, возвращается в нашу цивилизацию, то куда нам из нее бежать?

Коронавирус, сам того не ведая, стал символом завершения одной цивилизации и начала другой. Мир вступил в ситуацию с коронавирусом во главе с Америкой, а выходит из нее во главе с Китаем. А весь остальной мир — между Америкой и Китаем, не понимая, что делать, куда податься, к кому прислониться.

За несколько месяцев произошла смена мирового лидера, и с этим теперь нужно считаться всем политикам и философам. Считаться с чем? С тем, что великая страна не может воровать маски и аппараты ИВЛ, которые производит ее конкурент. Америка уходит. Приходит Китай. В чем разница между ними? США стояли во главе мира, в основе которого лежат спекуляция и свобода. Китай возглавил мир, в основе которого лежат число и необходимость. В основе западного мира лежал миф о бытии, в основе нового числового мира лежит миф о судьбе. Бытие можно было обмануть. Судьбу обмануть нельзя.

Финансовый капитал

Что такое спекуляция? Спекуляция — это расширение реальности посредством мнимости. Западному миру эта мнимость известна как симулякр, как странный объект. Что такое мнимость? Это то, чего нет, но что существует, если к нему произвольно или произвольно относятся как к чему-то действительно существующему. Самая известная мнимость — это деньги.

Зачем нам мнимости? Затем, чтобы расширять реальность. А зачем нам расширять реальное? Затем, чтобы от него не зависеть. А зачем нам независимость? Затем, чтобы дать плоть своим грезам. Каким способом? Например, торговлей фьючерсами. Человек есть единственное во Вселенной существо, у которого есть чувство реальности и, следовательно, у которого есть то, что мы привычно называем просто реальностью. Реальность у человека изменчива, пластична, ибо в основе ее лежит чувство. Западная цивилизация использовала это чувство для того, чтобы посредством воображаемого расширить границы реального и посредством этого расширения открыть поле для практически бесконечного движения такого странного объекта, как капитал. Это движение спекулятивно. И не потому что капитал жульничает, покупая товар по низкой цене и продавая по высокой, хотя он и мошенничает, а потому, что его товар — деньги, т. е. мнимости, посредством которых он добивается независимости. От чего? От производства реальных товаров и услуг. США нам показали, что производство товаров — хотя и важный, но не необходимый элемент движения капитала. Эффективно то производство, где деньги делают деньги, без обращения к труду рабочих, без машин, без станков и прочего устаревшего материала. Деньги делают деньги посредством расширения реальности, за пределами того, что требует наличного существования, присутствия в пространстве. Спекулятивный капитал потребляет само время. Для того чтобы быть, ему требуется только сознание человека. Ему не нужен сам человек. И это основное противоречие спекулятивного капитала, которое он не смог разрешить. Запад стал торговать символами товаров. Китай — товарами.

Западный мир в лице Трампа это понял и попытался реформировать спекулятивный капитал, вернуть его к реальности, к экономике, которая процветает в цехах, а не на бирже. Но этот возврат к великому внешнему, к натуральному, для капитала уже невозможен. Западная экономика под руководством финансового капитала может только галлюцинировать. Она не реформируема. И практически не может ответить на вызовы даже со стороны коронавируса. Поскольку Трамп ослабляет могущество спекулятивного капитала перед лицом нового числового порядка, постольку судьба Трампа незавидна. Рано или поздно Америка им пожертвует во имя символического обмена воображаемым и ради сделок с призрачным бытием.

Число или спекуляция?

С чего начинается история человека? С взрыва галлюцинаций. Чем заканчивается цивилизованная история человека? Рассеиванием внутреннего, схлопыванием субъективного и объективного в числе. Цивилизация, основанная на спекуляции, готова отказаться от роли человека в экономике, но она не может отказаться от той субъективности, которая открывает необходимость действия через свободу. Почему не может? Потому что не может отделить сознание от человека. Не может задать его на каком-то другом материале.

Судьба как новый числовой порядок отделяет человека от сознания. Что значит отделить человека от сознания? Это значит поместить его в общество, которое состоит из набора алгоритмов. Лишить внутреннего. При этом не важно, выполняет человек частичную функцию или он разнообразит исполнение своих функций. Человека можно дрессировать посредством профессионализации, превращая в биологического робота. Общественные отношения — это отношения человека к алгоритму. Человек либо послушен алгоритму, и тогда следует награда, либо он не исполняет судьбу, и тогда следует наказание. «Мое отношение к моей среде, — говорит Маркс, — и есть мое сознание». И Маркс был прав, заявляют авторы системы социального доверия (кредита) в Китае. Только наша среда, уточняют они, это не какая-то природа в обыденном смысле слова. Это набор алгоритмов. В 2014 г. в Китае стали составлять этот набор.

В 2020-ом должна завершиться его реализация. И все в Китае почувствуют дыхание своей судьбы.

Америка — это капитализм. Китай — это социализм. Коронавирус — это судья. И этот судья сегодня на стороне Востока. Число одолело спекуляцию Запада. Социализм победил капитализм. Что теперь ждет человека? Социалистическая переделка.

Социалистическая переделка человека

Впервые переделывать человека начали в СССР. В 1922 г. появилась статья В.С. Выготского «Социалистическая переделка человека». О чем эта статья? О темной стороне человеческого существования. Что это за сторона? Все сущностные силы человека, говорит Выготский, следуя за Марксом, опредмечиваются. Но есть в нем еще и несущностные силы, которые не опредмечиваются. Что это за несущностные силы, Выготский не говорит. В 1924 г. он в докладе «Психология в нашей школе...» выражается яснее. На его взгляд, человек — это «биологический недоносок, заболевший мыслью и не нашедший для себя органического равновесия». Но мы сегодня можем догадаться, что речь идет о способности воображения, которое никаким обществом ни под каким предлогом не может контролироваться. В свою очередь, образы, равно как и внешние раздражители, могут быть причиной действия человека, могут определять его поведение. Поведение, определяемое внутренними образами, по самому своему существу не является социальным. Как лишить человека воображаемого? Нужно ли для этого его скрещивать с обезьяной? Или достаточно применить к нему генетическую редакцию? В Китае пошли иным путем. Человека решили вписать в «систему социального доверия» (кредита). Можно его туда вписать? Можно. Ведь что такое профессионал? Это определенным образом выдрессированная сила природы. И об этом знают не только философы Китая, но и философы Запада. Об этом знали Спиноза и Выготский.

Что говорил Спиноза? Он говорил в «Этике», что человека нужно переделать так, чтобы между нами и новым человеком было такое же сходство, как между псом, лающим во дворе, и созвездием Пса на небе. А что говорил Выготский? Человек возьмет самого себя,

мечтал Выготский, в обработку, в ступу, в реторту химика. Человек взглянет на себя как на сырой материал, как на физический и психический полуфабрикат. И создаст из себя сверхчеловека. У Ницше сверхчеловек принадлежит биологии. У Выготского он принадлежит социуму. Принадлежать социуму — это значит быть сделанным как бы из стекла, стать прозрачным. Зачем человеку навязывают прозрачность? Чтобы человек еще не успел подумать, а в точке наблюдения за ним его мысль была бы уже видна. Возможен еще один вариант. Сделать так, чтобы человек вообще перестал думать.

Выготский говорил, что человек получает возможность развития не в воображении, а в коллективе. «Только в коллективности получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития задатков». И далее: «Только в коллективности возможна личная свобода». Когда человек вне коллектива, уверен Выготский, свобода ему не нужна. А поскольку мыслить человек может только наедине с собой, вне коллектива, постольку Выготскому не совсем понятно, что нужно делать с мыслью. Выготский полагает, что ошибочно соединять свободу и мысль. Нужно научиться соединять не свободу и мысль, а мышление и работу. Мыслить — это значит работать. Все равно, кем.

Социалистическая переделка в Китае связывается с «социальным доверием». Антропология сверхчеловека исходит из того, что человек не последний и не высший этап развития, что он должен быть преодолен. «Социальное доверие» не желает преодолевать человека. Оно исходит из того, что люди по природе своей не равны. А коллектив — это то, что делает людей равными. Что мешает людям сделать равными? Желание быть не как все. Способность воображения. Социальное доверие полагается не на воображение, а на культуру, на приведение всех к норме. Норма не принадлежит ни природе, ни коллективу. У теории нормативной коллективности есть одна проблема. Если из коллектива убрать разъединяющие людей различия, то что остается в коллективе? Посредственность. То есть сам по себе нормирующий коллектив редуцирует высшее к низшему. В коллективе общество вырабатывает чувствительность, принципом

которой является подчинение развитого неразвитому. Что это значит? Это значит, что коллектив равняется на самого неразвитого. Рассуждая в «Диалектике мифа» о гении, А. Лосев писал: «Раз искусство, значит — гений. Раз гений, значит — неравенство. Раз неравенство, значит — эксплуатация. К чему это ведет?». К капитализму. Что должен делать социализм? Искоренить искусство. Отказаться от человека-художника. Но, говорит Лосев, если мы отказываемся от религии, то нужно отказаться и от искусства. А если оставляем искусство, то нужно оставить и религию. То есть Лосев сомневался в плодотворности принципа коллективности. Китайской «системе социального доверия» еще, видимо, предстоит решить, что ей делать с гениями.

В 1920-е гг. в СССР была создана «Лига времени». В это объединение входили многие, в том числе Троцкий и Выготский. Для чего была создана лига? Для того чтобы решить одну проблему. Какую? Выяснилось, что русские не ценят время. У них нет сознания ценности времени, из-за этого русские склонны к своеволию, к неподчинению порядку. Они думают, что вздумается, приходят и уходят, когда хотят. Для искоренения этого недостатка стал издаваться журнал «Время».

В России и до Революции очень трудно приживался протестантский лозунг «время—деньги». Почему? Потому что мы живем в православной стране. Нелегко было приучить русского крестьянина вовремя приходить на работу, не ходить по газонам, не пить в рабочее время, не сквернословить, слушать мастера. Мерой переделки крестьянской природы были штрафы. На штрафы русские рабочие отвечали забастовками. Похожие проблемы в современном Китае пытаются решить другими методами. Цифровыми — посредством «системы социального контроля», в которых меру доверия выражают баллы.

Система социального доверия

Китай изобрел не только порох и бумагу. Он изобрел еще и «систему социального доверия». Что это за система? Внешне она напоминает идеологию русской крестьянской общины. Нельзя быть

в общине и одновременно быть свободным от общины. За все нужно платить. И за доверие человеку со стороны общества тоже. Эту общину в России разрушил Столыпин, освободив пространство для фермерского хозяйства.

Чем была нехороша община? Тем, что в ней коллективная ответственность не позволяла развернуться личной инициативе. А чем она была хороша? Тем, что она не позволяла выталкивать людей из общины. Она их аккумулировала в себе. Ведь что такое массы? Это крестьяне, покинувшие деревню. Община мешала появлению бесформенной массы людей. Она закрывала возможность для формирования новых социальных структур, т. е. идеологии пролетариата.

В Китае давно уже действовала система баоцзя, придуманная Шан Яном. Что он придумал? Взаимное наблюдение людей друг за другом и коллективную ответственность за преступления. Для удобства он разделил крестьянские дворы на 10, 100 и 1000 дворов. В 1949 г. эту систему отменили. Но с 2014 по 2020 г. система социального доверия, вбирая в себя конфуцианскую этику, вновь стала реализовываться как политическая программа элиты Китая. Что хочет элита Китая? Переделать людей. С какой целью? С целью просвещения. Для чего? Для того, чтобы люди научились жить культурно, по закону, который им дает государство.

Жунчэнь

Всем жителям города Жунчэнь система социального доверия выделила по 1000 баллов. Не убрал житель во дворе за собакой — система списывает с него 5 баллов. Проехал на красный свет, она еще вычитает 5 баллов. Плюнул на пол — еще списывается 5 баллов. Десять раз плюнул — списывается 50 баллов. Изменил жене — лишился еще 5 баллов. Вышел на улицу пьяным — еще один вычет. Прошел по газону, проехал без билета, и вот ты уже изгой, гражданин под литерой Д. А делаешь добрые дела, не ругаешь власть, поднял бумажку с пола, заботишься о родителях, прочитал Маркса — все это повышает рейтинг. Если у тебя будет 1200 баллов, то ты станешь гражданином с тремя буквами А. Если кредитор слышит, как стучит твой молоток, он, как говорит Вебер, будет спокоен. Если компания

«Алибаба» увидит, что ты по 10 часов играешь в компьютерные игры, она посчитает тебя неблагонадежным.

Что мешает переделке?

У каждого человека есть свой мир. Этот мир внутренний. Он-то и мешает переделке. И для общества было бы лучше всего от него избавиться. Но это невозможно. И обществу с этим нужно смириться. Никакое всеобщее око этому не поможет. О внутреннем нельзя судить по внешнему миру. В своем мире можно думать, но в нем нельзя жить. Живут в общем для всех мире. Этот общий для всех мир называют обществом. Для чего нужно общество? Для того чтобы сохранить внутренний мир людей. То есть общество нужно человеку не для экономической эффективности внешней жизни, а для создания условий для религиозной, художественной и философской жизни. То есть Богу богово, кесарю кесарево. Если не будет внутренней жизни в общине, то не будет оснований и для существования общества.

О неравенстве

Все люди по своей природе неравны. Наша природа — это грезы. У каждого человека свой путь из мира грез в общий для всех мир. Человек непрозрачен для любого общества. Нет такой социальной точки, из которой бы просматривалось воображаемое человека. Поэтому очевидно, что равным полагается равное, а неравным — неравное. Таков путь справедливости, которая превыше любого права. Что говорит система социального доверия? «Оправдавшие доверие пользовались бы всеми благами, не оправдавшие не могли сделать ни шагу». А это значит, что послушным — благо, а непослушным — остракизм. Послушных система ведет, а непослушных тащит.

Пангалины

С чего началась пандемия? С того, что чиновники не позволили врачам назвать вещи своими именами: наличие в Ухане массового заражения коронавирусом. Чиновники оказались вне системы социального доверия. Значит, их нужно вернуть туда, где они должны быть. Где началось путешествие коронавируса? На рынке, где животные продаются на мясо живыми. На рынке встречаются

разные популяции. Летучие мыши, говорят вирусологи, резервуар для коронавируса. Они выделяют его с мочой, слюной и фекалиями. Промежуточным хозяином нового коронавируса стали пангалины, зверьки из красной книги. Мясо этих зверьков очень ценится. Они ловятся нелегально где-то в Африке и попадают на рынок в Ухане. Килограмм мяса, как говорят знатоки криминального рынка, стоит 300-400 дол. Началась ли пандемия с того, что кто-то съел летучую мышь, или с того, что кто-то съел мясо пангалина, знает, наверное, только «Алибаба». Почему? Потому что она контролирует торговлю через интернет и знает о китайцах очень много. Система социального доверия запретила китайцам после пандемии коронавируса есть летучих мышей, собак, кошек и других животных.

Система социального доверия — это 600 млн камер, наблюдающих за гражданами Китая, электронные идентификаторы с 18-разрядным кодом у каждого гражданина, интегральные центры обработки информации по технологии big data. Системе социального доверия достаточно трех секунд для распознавания образа. Что это значит? Это значит, что чем лучше общество, тем в нем меньше общества. Чем лучше человек, тем хуже общество. Небо, как говорят в Китае, видит все. Оно видит, кто купил летучую мышь, кто продал ее и кто ее съел. Проблема состоит в том, что небо видит все, что открыто. Может ли система социального доверия увидеть то, что скрыто? Можно ли по внешнему судить о внутреннем? Не является ли общество вообще тюрьмой для человека?

Паноптикум Бентама

В XVIII в. не было ни умных домов, ни умных вещей, соединенных через интернет с сервером своей кампании. Никто лучше тебя не знал, как ты относишься к своему здоровью, к детям, к родине. Человек был закрыт для постороннего взгляда. Как его можно было раскрыть, придумал С. Бентам, который считал, что общество и есть тюрьма для человека.

Екатерина II подарила Потемкину усадьбу в Могилевской губернии. Ее управляющим стал англичанин Бентам, который понял, что лучше всего руководить людьми, когда они не знают, наблюдают

за ними или нет. Наблюдающий всех видит, а его никто не видит. Поэтому он даже может не наблюдать за работниками, ибо они все равно будут думать, что за ними наблюдают. Об этом С. Бентам рассказал своему брату И. Бентаму, который позднее написал книгу «Паноптикум». В чем состоит идея этой книги? В том, что человек, как пластилин, из которого общество может лепить, что угодно. Что это значит? Это значит, что неважно, добр человек сам по себе или не добр. Важно его заставить делать вид, что он добрый. А после этого обществу будет все равно, добр он на самом деле или нет. Общество нужно устроить так, чтобы оно и недобродетельного человека заставляло делать добро. Важен не человек, а место, которое он занимает. Маркс назвал Бентама «гением буржуазной глупости». Почему глупости? Потому что Бентам не понял, что в экономические отношения включается и сознание этих отношений.

Око власти

Общество, в котором люди действуют посредством свободы, не может быть прозрачным. Бентам пытался общество превратить в тюрьму. Фуко хотел тюрьму превратить в общество. Что это значит? Это значит, что власть сегодня не приурочена к какому-либо лицу. Она отделена от индивида. Власть — это всегда группа, сообщество. В сообществе наблюдают друг за другом и делятся на множество более мелких сообществ. Никто никому не доверяет. Все пишут доносы друг на друга. У машинерии власти нет владельца. В ней есть места, которые могут быть решающими. Фуко в работе «Око власти» описывает анонимную работу машинерии власти при помощи состояния сознаваемой видимости. Сознаваемая видимость основана на анонимности действия власти. На то у человека и сознание, чтобы власть действовала анонимно, безлико. Не нужно никакого внешнего наблюдения, каждый наблюдает за всеми, а все — за каждым. Для системы социального доверия в Китае вполне подходит машинерия власти, замеченная Фуко. Она способна, как в «Приглашении на казнь» Набокова, подружить жертву и палача.

Поручение

В повести Дюрренматта «Поручение, или О наблюдении за наблюдающим за наблюдателями» описывается существование рефлексивной системы. Сознание, которое не осознает своего отличия от мира, не перестает быть сознанием. Сознание без восприятия отличного от себя мира перестает быть сознанием, перестает относиться к миру, ибо оно и не было сознанием.

Повесть Дюрренматта состоит из 24 предложений. В 5-м предложении высказывается мысль о том, что человек нуждается в наблюдении. Они, говорит логик, герой повести, наблюдают за мной в бинокль, я за ними — в телескоп. Заметив телескоп, они убирают бинокли. Дух системы социального контроля выражается формулой Дюрренматта: «каждый чувствует, что наблюдаем каждым, и сам наблюдает за каждым». Если за тобой не наблюдают, то ты никто, и у тебя нет имени. Если за тобой наблюдают, то ты в значимой иерархии, у тебя есть статус.

Человек, говорит Дюрренматт, наблюдает за природой. Природа защищает себя от наблюдения новыми вирусами. В 20-ом предложении повести утверждается, что Бог, подвергающийся наблюдению, уже не Бог. Свобода Бога выражается в его скрытости.

Торжество

Система социального контроля победила пандемию быстро и четко. Ухань взорвался салютами и фейерверками. Социализм с китайской спецификой торжествовал, поставляя лекарство и медицинские аппараты в страны когда-то передового Запада. Только бывшая столица спекулятивного капитализма Нью-Йорк была все еще некоторое время завалена трупами и задыхалась от пандемии нового коронавируса. Лидер нового числового мира готовил самолеты с бригадами медицинской помощи для уставшего Трампа. Запад готовил Китаю информационную войну.

Новый числовой порядок

Когда говорят, что человеческая жизнь бесценна, то имеют в виду, что она от Бога. Что значит от Бога? Это значит, что нет в природе причин для того, чтобы человек был, а он есть. Что есть? Есть его грезы. Человек — это видения, то, что ни природа, ни экономика не делают. Экономика — это внешняя жизнь человека. Люди живут внутренней жизнью. Внутреннее — не то, что внутри материального. У материи нет внутреннего. У нее есть только поверхность. Материю нельзя вывернуть. Ее можно только свернуть. И тогда внутри нее появится пустота. Внутреннее существует без присутствия, без локализации в качестве наличного. Внутреннее существует у того, кто относится к себе. Относиться к себе — значит грезить.

Что выявила пандемия? Что внешняя жизнь безмерно расширилась, а внутренняя жалко сузилась. Что люди пусты. Они боятся одиночества. Им не о чем говорить с собой. Привычка нам заменяет нашу самость. Мы забыли, что молчание — это адекватный способ существования человека. Радикальное изменение цивилизации узнается по изменению повседневности. И это изменение произошло. Посредством коронавируса мы вошли в новый числовой порядок. Что это за порядок? Внешняя жизнь — для роботов, внутренняя жизнь — для человека. Экономика эффективна, если она дает возможность заниматься собой максимальному числу людей.

Университеты уже ушли в интернет, в виртуальную реальность. Теперь это место бесконтактного общения преподавателей и студентов. Непосредственный контакт студентов и преподавателей возможен в дальнейшем посредством конкурса между студентами. При этом решающее слово при отборе студентов должно быть не у администрации, а у преподавателя. Учителя и ученики остаются в реальности школы. Школа — заповедник реальности. В ней учитель и педагог совпадают в одном лице. Очевидно, что здравоохранение должно получить полное финансирование. Врачам — зарплату телеведущих, телеведущим — зарплату врачей и систему социального доверия. Ученым — зарплату футболистов, спортсменам — среднюю по стране. Сотрудники офисов должны остаться там, где

они сейчас находятся, — дома, в удалении от места работы. Работа в офисах — алгоритмам, а не человеку.

Резюме

После пандемии следующие принципы наблюдения за наблюдателями должны стать незыблемыми: меняться должны не люди, а институты. Бюрократии — алгоритм, народу — общину. Чиновникам — «систему социального доверия», народу — мораль. Богатым — налоги, труженикам — хозяйство. Числу — равенство, человеку — природное неравенство. Массе — социальные перегородки, элите — самоограничение и дисциплинированный энтузиазм. Справедливость — благо, которое выше любого права. Не человек для общества, а общество для человека.

Литература

1. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.

Ф.И. ГИРЕНОК

О двух путях вхождения в числовой порядок*

Аннотация. Пандемия коронавируса поставила перед человечеством вопрос о новом числовом порядке в мире. Автор статьи показывает, что существуют два подхода к новому числовому порядку. Первый предложен Китаем, второй — западным миром. В чем различие этих подходов? Китайский вариант связан с социальными преобразованиями, с внедрением системы социального доверия. Западный — не выдвигает никаких социальных идей, но ориентирован на преобразование природы человека. Автор статьи

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 153—170.

делает вывод о том, что в России не выработано стратегическое видение развития общества после пандемии. Научная интеллигенция придерживается западного умонастроения и возлагает надежды на технологическую сингулярность.

Ключевые слова: дигитальная философия, алгоритм, искусственный интеллект, человек, социальное доверие, Китай, пандемия, коммуникация, общество, экология.

Abstract. The coronavirus pandemic has raised the question of a new numerical order in the world. The author of the article shows that there are two approaches to the new numerical order. The first is offered by China, the second by the Western world. What is the difference between these approaches? The article says that the Chinese version is associated with social transformations, with the introduction of a system of social trust. The Western version does not put forward any social ideas, but is focused on the transformation of human nature. The author concludes that Russia has not developed a strategic vision for the development of society after the pandemic. Scientific intellectuals adhere to the Western mindset and pin their hopes on a technological singularity.

Keywords: digital philosophy, algorithm, artificial intelligence, human, social trust, China, pandemic, communication, society, ecology.

Вспышка эпидемии коронавируса произошла в китайском Ухане. Мир отнесся к этому спокойно. Там же, в Ухане, вспышка была и подавлена. Мир, к сожалению, мобилен. Коронавирус попал в Америку и Европу. Западная бюрократия не справилась с вирусом. Но пандемия еще не началась. Она не могла начаться, пока ею не был охвачен весь остальной мир и, прежде всего, Россия, самая большая страна мира. Правительство России долго колебалось — опасен коронавирус или нет, объявлять эпидемию в стране или нет. Если не объявлять, то вдруг она на самом деле

начнется. А страна к ней не готова, потому что советская медицина была разрушена. А это страшно, ибо никакой новой системы в ней не было создано. Если объявить об эпидемии, то можно сделать вид, что мы с ней справляемся, хотя на самом деле ее нет. Но тогда можно скрыть провал своей политики в экономике и здравоохранении. Поэтому, в конце концов, решили объявить о пандемии, поддержав незаконное решение ВОЗ. Правда, Москва не была закрыта. Защитные маски появились через два месяца после начала пандемии. Вирус пошел гулять по России.

Новая искренность, или Денатурализация человека

Пандемия коронавируса выявила две стратегии вхождения человека в числовой мир. Первый путь — китайский. Второй — западный. Символом первого пути является Ухань. Символом второго — Нью-Йорк. Первый представляет мобилизованное общество. Второй — демобилизованное.

Китайский проект основан на системе социального доверия, которая исходит из того, что человек является существом социальным [6]. Поскольку он продукт общества, постольку не подчиняется биологическим законам. Главной проблемой этой системы является проблема выбора между двумя вариантами управления человеком. Что лучше — управлять сознанием человека посредством управления его мозгом или же управлять человеком посредством осознания им различий между добром и злом, создавая систему неотвратимого наказания за проступки? Китай выбрал второе: раскрепощение сознания. Возможна ли неотвратимость наказания без системы полного контроля и наблюдения за человеком? Невозможна. Угрожает ли свободе человека сбор полной информации о нем? Не угрожает, если под свободой понимать внутреннюю свободу. Сколько в Китае занесено в черный открытый список людей, нарушивших порядок? 13,5 млн человек. Среди них 1,5 млн коммунистов. Сколько в России людей, которые не могут обслужить свой кредит? 40 млн. В списке Федеральной службы судебных приставов ограничен выезд за границу

3,5 млн человек. А сколько человек занесено в черный список в США?

Иными словами, суть дела состоит не в тотальном контроле за человеком в Китае. А в чем? В том, что обществу, видимо, нужно научиться неосознаваемые мотивы, поступки и действия людей выводить на свет сознания. Тотальный контроль в Китае пытается отменить бессознательное, распространяя всюду влияние сознания. Но сознание само по себе не дает осознания. Само по себе оно неполно. Оно ведет не только к добру, но и ко злу, различие между которыми закреплено в Китае в «системе социального доверия». В этой системе говорится, что надежные люди будут беспрепятственно бродить повсюду под небесами, тогда как дискредитировавшим себя людям трудно будет сделать даже один шаг. К чему должны стремиться люди? К искренности. Кто мыслит искренне? Надежный человек, тот, у кого нет заднего плана мыслей. Думать — значит думать громко. Искренний человек только подумал, а его мысли уже многим слышны. Когда какой-то чиновник, предлагая Конфуцию взятку, стал уверять его, что никто об этом не узнает, Конфуций ответил: ты — знаешь, я — знаю, небо знает, кто не узнает? И отказался брать ее.

За что наказывают человека в Китае? За неискренность. За лицемерие. За то, что человек говорил одно, а делал другое. Что нужно закрепить в числовом порядке? Искренность сознания, которая отклоняет хитрость разума. У кого нет искренности, тот не мыслит, и тому не доверяют. Нет ничего, чего бы мы не достигли посредством социальной инженерии, — думают китайские философы. Но что делать с искренностью в обществе, которое основано на собственности? Как быть искренним, если собственность — это кража? Как отклонить хитрость разума, если торговля — это обман? Как доверять СМИ, если СМИ следуют не истине, а увеличению прибавочной стоимости? Что делать, если в основе коммуникации лежит ложь, а договор предполагает «откаты»? Как верить политикам, если они скрывают правду?

Как строится доверие? Социальное доверие полагает неравным неравное. За одно и то же преступление более строгое наказание должно быть для чиновников, для тех, кто облечен властью, для народа оно должно быть мягче. Не пойман — не вор, говорят в России. Не стыдно украсть, стыдно, если все узнают, что ты вор. Кому будет не стыдно? Тому, кто потерял сознание. Что значит потерять сознание? Это значит перестать различать видимое умом. Осознавать — значит видеть невидимое.

«Все может быть социальным», — говорит Латур, пересматривая понятие социального. Главное — структура, место, а не то, что занимает место. Занять место может любая вещь. Это не обязательно должен быть человек. Суть дела состоит не в осознании, а в действии, в выполнении операций, в установлении отношений, а кто действует и что устанавливает отношения неважно. Социальное — это не отношение людей, уверяет нас Латур. На чем основывается вывод Латура? На философии Делеза, который, рассуждая «о смерти человека и о сверхчеловеке», сказал: «оставаться человеком сейчас — это значит отказываться от будущего». Современный человек стал простой закваской для постчеловека. Делез пишет: «Силы в человеке соотносятся с силами извне, с силами кремния, которые берут реванш над углеродом, с силами генетических составляющих, берущих реванш над организмом, с грамматическими силами, берущими реванш над означающим» [2]. О смерти человека не стоит плакать, — утешает нас Фуко. Задача системы социального доверия — вернуть людям сознание и назвать всех, кто нарушил порядок.

Западное общество отклоняет мысль об искренности. Оно склоняется к мысли о том, чтобы лишить людей сознания, натурализовать человека, представить его как продукт природы. Нет в человеке ничего, что было бы в нем не от природы. Не существует принципиальной границы между человеком и животным, думают западные философы. И в том, и в другом случае мы имеем дело с нейронами. А это значит, что суть дела для них состоит

в сети, а не в обществе. Европейское сознание видит в человеке прежде всего animalitas, а не humanitas.

Западная философия решила заменить социальные коммуникации биокоммуникациями. Почему? Потому что демагогия является условием существования социальных коммуникаций. Кто не обманывает, тот не коммуницирует. Истина некоммуникативна, а социум лжив. Как от него избавиться? Нужно, как говорит Илон Маск, отказаться от языка и перейти к биокоммуникациям. Где есть алгоритмы, там нет социального, человеческого. Значит ли это, что мы должны стать животными? Западное сознание дает утвердительный ответ на этот вопрос, имея в виду, конечно, «реверс», возврат, но на более, как говорят диалектики, высоком уровне. Мы — животные с компьютером и гуглом. А гугл, как недавно стало известно, может сломать даже шпиль МГУ.

Чем хороши биокоммуникации? Отрицанием отрицаний, как говорил Гегель. Тем, что в них нет двусмысленности, нет искажений. Но не потому что в них есть искренность сознания, а потому что они совершаются помимо языка, эмоций, социальных отношений и сознания. В них каждым передается информация о том, что он думает и чувствует на самом деле. Более того, в биокоммуникации участвует и такое знание, которое мы еще не узнаем как наше знание. Чем славен постчеловек? Тем, что он является продуктом инженерного мышления. Кто инженер? Сартр. В статье «Экзистенциализм — это гуманизм» он говорит, что человек не мох, не плесень и не цветная капуста. Человек — это проект. «Ничто, — по его словам, — не существует до проекта» [5]. Все можно встроить в технический порядок, заменить то, что растет, тем, что делается.

В первом случае человек ставится в зависимость от своей судьбы, от числовых отношений в обществе. Во втором — речь идет о цифровом реформировании органической природы человека. О постчеловеке. В китайском варианте человек зависит от цифровой переделки общества. Общество — это чиновники и социальные роли. Чиновники должны руководить не людьми,

а социальными ролями. Чиновниками должны руководить не идеи и не интересы, а искренность. Что их будет подталкивать к искренности? Цифры, числовые соотношения. Китай, используя цифровые технологии, пытается найти некое равновесие между обществом и человеком, между народом и чиновниками. В западном варианте перехода к цифровым технологиям меньше всего уделяется внимания перспективам социального преобразования. У Запада нет социальных идей. Он теперь мыслит человека как биосоциальное существо. Во главу угла ставится вопрос о воздействии человека на природу. Современное западное сознание интересуется экологические проблемы в отношениях с природой. Его не интересует общество. Общество исчерпывается для него двумя словами — «свобода» и «демократия». Запад интересуется то, что будет после человека. А после человека мыслится некое технически разумное, но не живое существо. Современный Китай интересуется культура сознания и цифровые технологии. Его не интересует природа как она есть сама по себе.

Другими словами, вопрос состоит в том, кто кого в конечном итоге превзойдет — Восток своими технологиями Запад или Запад своими наномашинами Восток. Россию не интересует ни то, ни другое. В России не сформировано понимание стратегических перспектив своего существования.

Проблема китайской стратегии перехода к числовому миру

В чем состоит проблема социальной коммуникации? В том, что, пользуясь языком, мы говорим не только о том, что существует, но и о том, что нам видится как существующее. Что это значит? Это значит, что А, вступая в коммуникацию, думает, что он А'. При этом Б думает, что он Б'. И А' видит в Б — Б'', а Б' видит в А не что иное, как А''. То есть, кто с кем вступает в коммуникацию? А' коммуницирует с Б'', а Б' — с А''. Коммуницируют призраки, а поступки совершают А и Б. Что теряется при переходе к биокоммуникациям? Теоретики нейронета теряют из вида призраки, посредством которых людьми учреждается социальное.

Что характерно для призраков? То, что их нет, но они даны человеку.

Проблема системы социального доверия состоит в отсутствии ответа на вопрос, что представляет из себя сама материя социального. Не является ли социальное неким произвольно установленным алгоритмом для мира воображаемого, колеей для грезящих, для плохо видящих порядок в Поднебесной, для пребывающих во сне наяву? Для того, кто изначально заблудился, не важно, куда он идет. Важно все время идти в одном направлении, по одной колее. Она даже слепого куда-нибудь да выведет. То, что социальное — это не отношение человека к человеку, опосредованное вещами, очевидно. В лучшем случае это отношение между ними опосредовано не вещами, а образами-галлюцинациями. Меняя вещи, мы не изменим отношения между людьми. Наоборот, меняя образы-галлюцинации, можно изменить отношение к вещам. Но является ли числовой порядок новой социальной колеей для заблудившегося человечества? Китайские философы готовы утвердительно ответить на этот вопрос. Но для этого им придется отказаться от идеи о том, что человек — разумное существо, и принять идею о том, что человек не разумное существо. Чтобы говорить, нужно научиться существовать в безымянном. Особенность человека состоит в том, что он нуждается в привнесении сознания извне. Отсюда следует, что все самое важное в жизни человека совершается не в языке, не в речи, а в субъективности повседневно молчания.

Что будет с китайской точки зрения после пандемии коронавируса? После одной пандемии будет другая пандемия. И к ней уже нужно готовиться. А что не изменится после пандемии? Не изменится движение людей к искренности сознания.

Проблема западной стратегии перехода к числовому порядку

Для западного сознания стало очевидно, что Бог общество не создавал. Он создал человека. Поэтому история человека — это не история общества, а история людей, учредивших общий для

всех мир. Человеческая популяция имела в своем истоке, на взгляд ученых, примерно 100 тыс. особей. Такую же численность имели и до сих пор имеют волки, кабаны и другие животные весом около 100 кг. Но человек существует в биосфере не по законам биосферы, а по законам какого-то другого мира. Что на это указывает? То, что в настоящее время насчитывается 7,5 млрд человек. Почему человек вышел за свои биологические пределы? Ясного ответа на этот вопрос не существует. Имея в виду это обстоятельство, современное западное сознание склонно называть человека раковой опухолью планеты, изменившей привычные ритмы ее жизни. По словам С. Лема, «человек — паразит земной биосферы». Почему паразит? Потому что быстро размножается. Какой вопрос интересует западное сознание? Нельзя ли человека вернуть природе, подчинить его жизни в своих естественных пределах? Поиски ответа на этот вопрос составляют смысл современных западных философских исследований. Что нужно сделать, чтобы возвращение состоялось? Прежде всего, можно вообще отказаться от органической жизни. Но это опасно. Так можно отказаться от жизни вообще. Хотя сам факт рожденности не является для человека определяющим, ибо рождается все живое. Можно не отказываться от органического, но технически контролировать репродуктивную функцию человека. В этом случае нужен будет симбиоз органики с искусственным интеллектом, ибо искусственный интеллект, говорит нам Илон Маск, расширяет возможности нейронов мозга. Что такое искусственный интеллект? Это рациональность, страдающая бессонницей. А бессонница рождает свои химеры. По словам Билла Гейтса, можно сократить количество людей до половины миллиарда человек. Каким образом? Для этого нужно дать людям бессмертие. Отменить деторождение и похороны. Вывести их за пределы возможностей организма человека. Встроить в технический порядок.

Как показали доклады Римскому клубу во второй половине XX в., это возможно в том случае, если мы выберем нулевой рост

своей цивилизации и реформируем системы образования и здравоохранения. Уже работы русских ученых первой половины XX в. показали, что природные ресурсы ограничены. У человека нет иного выхода, кроме как переселиться в космос, говорил К. Циолковский. Физические пределы роста человеческой цивилизации никакими социальными преобразованиями преодолеть нельзя, утверждали Умов и Ферсман.

Чем плох человек? Человек плох тем, что он живет, а еще он плох тем, что он галлюцинирует. Каждый человек, чтобы жить, нуждается в иллюзиях. Помимо этого, он потребляет в год 9 т воздуха, выделяя при этом 5 т углекислого газа. Если на Земле будет жить 10 млрд человек, и у каждого будет своя машина, и каждый будет съедать за год одну корову, то, как полагает новый западный натурализм, человеческой цивилизации придет конец. Ведь одна легковая машина потребляет в год 4 т кислорода. Для того чтобы выпить стакан молока, нужно сжечь полстакана дизельного топлива. Что может помочь в этой ситуации? Контроль над человеком. Что позволит установить этот контроль? Наномашин. Для чего они нужны? Для того чтобы зарегистрировать работу нейронов мозга. Нейрон устроен так, что у него есть несколько входов и один выход. В нейроне некоторое множество сигналов сжимается до одного сигнала и передается другим нейронам.

Чтобы понять, как работает мозг человека, в США ученые под руководством Дж. Черча, бывшего руководителя программы «Геном человека», решили создать карту активности мозга. Чего хотят в Америке? Они хотят зарегистрировать все импульсы мозга. Для чего? Для того чтобы раз и навсегда решить проблему сознания, усовершенствовать человека. В каком смысле? В том смысле, чтобы усовершенствовать картину мира, существующую в голове человека, а также исправить ошибки, обусловленные эмоциями и речью. С этой целью на каждый из 100 млрд нейронов они хотят посадить наномашину. В Европе под руководством Генри Мерккрама создают действующую модель мозга на компьютере. В этой модели одному нейрону будет соответствовать

условно один процессор. Чтобы смоделировать один мозг, нужно 100 млрд процессоров, упакованных в колонки по 1000 штук. Пока никаких успехов у Меркрана не наблюдается. Что на самом деле делает мозг? На самом деле он руководит нашим телом. Что будет знать западное сознание, изучив мозг? Все, что относится к управлению телом человека. Но можно ли при помощи этих машин управлять сознанием, т. е. иллюзиями человека? Видимо, вряд ли. Для этого нужно лишить человека возможности быть наедине с собой, а также растворить его *humanitas* в позитивности, избавив от несовпадения с самим собой.

Западная философия, пользуясь доминирующим положением Европы и Америки в мире, хочет создать свой числовой порядок. Для этого порядка достаточно 500 млн человек. Они будут обладать привилегией немногих, т. е. обладать сознанием. Для чего? Для того чтобы при помощи наномашин управлять остальными людьми как биомассой. Если когда-то удалось превратить диких животных в биомассу, встроенную не в биосферу, а в технический порядок, то нет никаких запретов для того, чтобы встроить в этот порядок и человека. Во всяком случае, как полагают теоретики постчеловека, пока не появится техническое изделие, которое сможет заменить человеческую органику вообще.

В чем состоит проблема биокommunikаций? В том, что не понятно, кто за что в них отвечает, — мы за мозг или мозг за нас. Биокommunikация освобождает твое «я» от тебя самого. Почему? Потому что биологические связи складываются у нас за спиной, минуя наше «я» посредством информации, которая передается непосредственно из одного мозга в другой. Теоретики нейронета, ссылаясь на «Диалоги» С. Лема, приводят пример с близнецами, у которых срослись головы. Для них это пример идеальной коммуникации как способа непосредственного чтения мыслей. Но если это так, то социуму не нужно вести наблюдение за наблюдателями. Не нужна точка сбора информации. Все в ней участвуют, но никто ни за что не отвечает. Если информация передается непосредственно из одного мозга в другой, то что находится

за ее спиной? Это будет уже не сознание. Это будет цифровая платформа. А у цифровой платформы есть тот, кто ею владеет. И владеет так же, как мы когда-то владели своим мозгом.

Нейронет — это метафора близнецов, у которых срослись головы. Соединенные на цифровой платформе головы — это одна голова, а не две. И эта голова принадлежит владельцу платформы. Что это значит? Это значит, что посредством интерфейса в нашей голове мысли начинают существовать не по законам нашей головы, а по законам той головы, которая владеет цифровым соединением. Нейрокоммуникации нарушают закон, согласно которому думают в одиночестве, а живут социально. Нейрокоммуникации заставляют нас думать социально (коллективно), а жить в одиночестве. Что значит думать коллективно? Это значит думать по шаблону, алгоритмически. Нейрокоммуникации вводят всех нас в мир коллективного бреда и галлюцинирующего одиночества. Что делает цифровая платформа? Она в разные головы загружает одни и те же мысли. И эти мысли нам не принадлежат. А если в наших головах существуют не наши мысли, то всех нас нейрокоммуникация превращает в глупцов, в тех, кто не способен думать сам.

Передовые технологии когнитивного развития в мире числового порядка сводятся к биокоммуникациям в системе образования. В чем их смысл? В том, чтобы люди стали учиться, не обучаясь. Из образования изымается понятие труда сознания. На смену ему приходит так называемый перенос знания с одного носителя на другой. И это уже не социальное отношение: учитель и ученик. Это цифровая платформа и все мы. При этом медиатором может быть компьютер, который будет моделировать все процессы, которые происходят в наших головах. Для того чтобы оправдать перенос сознания, была придумана нейробиологическая теория сознания, в которой сознание понимается не как нечто идеальное, а как часть материального мира. Если сознание — часть материального мира, то оно должно занимать некоторое ме-

сто в пространстве. Но пока это место не найдено, нам нужно, видимо, признать, что работа электронных мозгов не нуждается в сознании, тогда как работа человеческого мозга нуждается в нем. Почему? Потому что уже Brain Initiative в США споткнулась на создании искусственного червя-нематоды, хотя в нем насчитывается всего 302 нейрона. Живой червь нуждается в среде, искусственный робот на колесиках, изображая червя, двигается, но не нуждается в среде. Мозг предназначен для решения алгоритмически решаемых задач. Неалгоритмизуемые задачи он передает сознанию. Вот эта передача и составляет отличительную черту человеческого интеллекта. Узнается этот переход как взрыв галлюцинаций. Заставить компьютер думать так же, как думает человек, невозможно, ведь думать — это значит передавать неалгоритмизуемые задачи сознанию.

В западной стратегии перехода к числовому порядку существуют проблемы, связанные с фундаментальным непониманием работы сознания. Дело в том, что электронные мозги, на создание которых ориентируется Запад, могут решать только алгоритмически решаемые задачи. Алгоритмически неразрешимые задачи человеческий мозг уступает сознанию. А электронные мозги не имеют такой возможности. Поэтому в числовом порядке, контролируемом наномашинами, намечается разрыв, который невозможно преодолеть посредством технических средств. Можно отучить людей от жизни в общем мире, от коммуникации. Но нельзя при помощи нейролинки контролировать сознание. Его можно свести на нет. Сделать так, чтобы сознания всегда не хватало человеку для осознания различий прозрачного бытия.

Если для того, чтобы составить карту генома человека, нужен был материал в виде слюны и крови, то в рамках американского проекта Brain Initiative, видимо, уже поняли, что нет такой материи, как «слюна» для картографирования мозга. Для того чтобы распознавать лица, думать вообще не надо. Работа умных вещей, распознавание голоса, игра в шахматы, движение машины

без водителя — все это алгоритмически решаемые задачи, которые совершенно не нуждаются в сознании. Исполнение алгоритмической работы приводит сознание человека к такому состоянию, в котором оно недостаточно для осознания неалгоритмизуемых задач.

Сознание, в свою очередь, говорит не посредством каждого человека. Мозг — инструмент управления тем, что есть налицо, телом человека. Сознание — инструмент говорения посредством языка о том, чего нет. Поэтому человеческий язык говорит не о том, что есть, а о том, что видится человеку. Слова создаются не для информации, не для обозначения вещей, а для различения образов. Язык создан не для передачи информации о том, что есть, а для связи с тем, чего нет, но что видится человеку.

Что такое образ? Это не изображение того, что есть в пространстве, это не информация. Образ — это то, что видится в призывающем отсутствии воображаемого. Образ того, что зовет, не информирует, а вовлекает в действие. Изображение — это иллюстрация к тексту. Образ в отличие от изображения является тем способом, которым человек воздействует на самого себя во времени. Если нет образов, то нет и действия во времени, нет и времени. Есть только движение в пространстве.

Что будет с западной точки зрения после пандемии коронавируса? Мир изменится так, что в нем не будет сознания, языка, эмоций, чувств и общества. В нем будут интеллект и нейросети. Нейросети самоорганизуются так, что в них не будет места человеку, ибо в них можно будет познавать, не пользуясь чувствами и сознанием. Органика останется в прошлом. Природа человека будет изменена. Ее зададут на небиологической основе и исправят ошибку Бога: вернут человеку кибернетическое бессмертие. Что не изменится в мире? Вера в науку.

Какой из двух взглядов — китайский или западный — ближе к истине? Тот, который считается с мнением Канта, высказанным в «Критике чистого разума». Кант писал: «Но если даже вся природа раскрылась бы перед нами, мы никогда не были бы

в состоянии ответить на трансцендентальные вопросы, выходящие за пределы природы» [3, 263]. Человеческое в человеке выходит за пределы природы. Вопрос о человеке — это трансцендентальный вопрос о том, что находится в неведении физики и биологии. Нельзя познавать, не пользуясь чувствами и сознанием. Даже слова нам понятны только потому, что им что-то соответствует в созерцании.

Научная интеллигенция о постсингулярном мире

Научная интеллигенция в России не согласна с дуализмом Канта и ждет 2045 г. [1]. Она думает, что это — год гибели человечества. Почему именно этот год? Потому что математические расчеты показывают, что в этот год кривая скорости эволюции цивилизации устремится к бесконечности. Что же нам нужно делать? Ученые полагают, что нужно срочно связываться с внеземными цивилизациями. А поскольку они на связь не выходят, постольку нам остается медитировать, ибо они могут явиться нам в этой медитации.

Во всем остальном научная интеллигенция думает то же самое, что думают на Западе. Она мечтает о том, как бы побыстрее сбросить с себя биологическую оболочку и, получив от Маска нейролинк, присоединиться к какому-нибудь внешнему интерфейсу. Многие ждут появления сверхразума и надеются достичь на наноуровне материального единства мира. Что такое сверхразум? Сверхразум — это искусственный интеллект, который превосходит человеческий интеллект. Цукерберг считает, что искусственный интеллект никогда не сможет думать как человек. Маск полагает, что не только сможет, но и превзойдет человека.

Что означает материальное единство? Оно означает для научной интеллигенции единство мозга и сознания, призраков и вещей на наноуровне. Человек мыслится интеллигенцией в духе Ницше как некое преходящее существо, как то, что нужно преодолеть при помощи науки и технологии, чтобы получить нового

кремниевого человека, сопряженного с высокой этикой постсингулярного этапа. Что это за новая этика? Новая этика будет существовать у нового человека в его мозгу на нанотранзисторах. Самая высокая ценность трансгуманизма — это, конечно, кибернетическое бессмертие. А что такое бессмертие и как его достичь, объяснил Илон Маск. Согласно Маску, тот, кто оставляет свои следы в сети, достигает бессмертия, ибо, если он умрет, то его мысли будут вечно доступны для пользователей сети.

С. Лем

Умонастроение научной интеллигенции выразила фантастика Станислава Лема. В его книге «Диалоги» Гилас беседует с Филонусом. О чем они говорят? О прогрессе цивилизации. О том, что ощущение печали — это не то, что имеет в виду Декарт. Как Декарт объясняет печаль? Он ее объясняет тем, что добро — это субстанция, а зло — не субстанция. Оно, как вирус, существует на теле субстанции. Что нужно сделать, чтобы отделить добро от зла? Выкинуть часть добра вместе со злом. Вот об этом выкинутом добре и печалится человек. У Лема ощущение печали трактуется научно как следствие действия нервной системы. Философы говорят, что слепоглухонемые могут смотреть на мир глазами другого. Каким образом? Посредством движения по логике вещей, сделанных одним человеком для другого. Лем — как врач — отклоняет такое объяснение. Он говорит, для того чтобы видеть глазами другого человека, нужно периферические окончания нервов одного человека объединить с периферическими окончаниями нервов другого человека. И этого достаточно не только для того, чтобы видеть глазами другого, но и для того, чтобы читать мысли друг друга. В конце концов, люди, говорит Лем, «съежятся до размеров безмозглых слуг железных гениев» [4]. Железные гении — это искусственный интеллект. Вот эта мысль о железных гениях и тревожит Маска. Если человек создаст интеллект, который будет умнее человека, то что делать человеку? Он окажется лишним. Ему придется уйти. Маск не хочет

расставаться с человеком. Поэтому он пытается создать гибрид человека и машины, который не уступит искусственному интеллекту. И тем самым человек может сохранить себя в новом мире.

Станислав Лем, прочитав «Три разговора Гиласа с Филонусом» Беркли, не согласился с антропологическим эгоизмом Беркли и распространил его идею о том, что быть — значит быть в восприятии, на океан. Лем написал повесть о мыслящем океане под названием «Солярис». Арсений Тарковский прочел повесть и снял одноименный фильм. Что сделал Тарковский? Он Лема превратил в Достоевского. Лем протестовал, но было уже поздно. Режиссер победил фантаста. Когда Тарковский прочел «Пикник на обочине» братьев Стругацких, он и «Пикник» превратил в «Записки из подполья» в фильме «Сталкер». Тарковский — художник. Он охотится за призраками сверхсказанного человеком. Лем ограничивается тем, что может сказать наука.

Когда режиссер Никита Михалков услышал о мыслях Билла Гейтса, Стива Джобса и Илона Маска, он пришел в ужас, ибо те же мысли он обнаружил и у представителей правящего класса в России. Что это за мысли? Расширение возможностей человека посредством расширения возможностей его мозга. Кто скоро будет считаться умным? Тот, кто поставил себе нейролинк. Что делает нейролинк? Напрямую связывает мозг человека с электронным мозгом. Почему напрямую? Потому что думать — значит быстро думать. Что мешает быстро думать? Язык. Михалков задает вопрос: если мой мозг связан с электронным мозгом напрямую, то при чем здесь я? При чем здесь человек? Ни при чем. Нейросети делают ненужными общество, школы, институты, чиновников. Но что такое эти нейросети? Их изобразил писатель Пелевин, рассказавший о работе алгоритма в качестве следователя Порфирия Петровича. Нейросети — это математическая модель работы нейронов. Маск верит в физику, а не в философию. Он хочет усовершенствовать человека, прибавив к его мозгу искусственный интеллект. Михалков художник. Он не верит в физику.

Поэтому, слушая ученых, он сразу понял, чего не хватает в их рассуждениях. Ученым не хватает понимания того, что интеллект — это вычисления и алгоритм, а сознание — это смыслы неалгоритмизуемой субъективности. Для того чтобы вычислять, сознание не нужно. Сознание не имеет никакого отношения к мозгу. Сознание — результат взрыва галлюцинаций. Мозг — продукт эволюции. Он есть даже у червя. А сознание есть не у всех людей. Что это значит? Это значит, что когда кто-то говорит, что ему все ясно, то ему, по словам Канта, может быть, и все ясно, но в этой ясности нет осознания своих представлений. Нет чего? Синтеза, отождествления различного. Осознавать — значит отождествлять, а не различать. Сознания всегда может быть недостаточно для осознания какого-либо различия ума. Хотя его может быть достаточно для различения даже между неясными представлениями. «Следовательно, — говорит Кант, — существует бесконечно много степеней сознания вплоть до исчезновения его» [3, 316]. Исчезновение сознания в работе человека тревожит художника и вдохновляет ученого.

Литература

1. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Изд-во МБА, 2013. 272 с.
2. *Делез Ж.* О смерти человека и сверхчеловеке: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/deleuze/>.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
4. *Лем С.* Диалоги: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/dialogi-read-87160-33.html>.
5. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм: [Электронный ресурс]. URL: https://scepisis.net/library/id_545.html.
6. *Чжао Цзяньин.* Китаизация марксистской философии // Свободная мысль. 2020. № 3. С. 45—62.

М.М. ГУЗЕВ

Философско-хозяйственные уроки
коронавируса COVID-19*

Аннотация. Цель работы состоит в рассмотрении комплекса актуальных проблем в связи с эпидемией коронавируса. Анализ осуществляется в рамках философско-хозяйственного осмысления, без выявления эпидемиологических и медицинских аспектов природы, содержания, развития и последствий эпидемии. Результаты исследования позволили сформулировать ряд уроков коронавируса для человеческой цивилизации, мирового хозяйства, для России как субъекта геополитики и мировой экономики. Коронавирус — это нечто, выходящее за рамки «объективного-субъективного», сигнал природы к перезагрузке человеческой цивилизации: экономики, политического мироустройства, нравственных ориентиров. Пандемия коронавируса исторически и логически объективно необходима. Это последний гвоздь, вбитый в крышку гроба неолиберализма и современного глобализма, мощный аргумент в пользу авторитарного мироустройства государств. Пандемия коронавируса обозначила переход эпицентра мировой цивилизации с Запада на Восток. И это шанс для системного перестроения России.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия коронавируса, уроки коронавируса, человеческая цивилизация, мировое хозяйство, мироустройство, неолиберализм, авторитаризм, Россия.

Abstract. The purpose of the article is to consider a set of urgent problems in connection with the coronavirus epidemic. The analysis is carried out within the framework of philosophical and economic understanding, without revealing the epidemiological and medical aspects of nature, content, development and consequences of the epidemic. The results of the study made it possible to formulate a series

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 32—49.

of coronavirus lessons for human civilization, the world economy, for Russia as a subject of geopolitics and the global economy. Coronavirus is something that goes beyond the framework of the «objective-subjective», a signal of nature to reboot human civilization: the economy, the political world order, and moral guidelines. The coronavirus pandemic is historically and logically necessary. The coronavirus pandemic is the final nail in the coffin of neoliberalism and modern globalism, a powerful argument in favor of an authoritarian world order of states. The coronavirus pandemic marked the transition of the epicenter of world civilization from West to East. The coronavirus pandemic is a chance for a systemic transformation of Russia.

Keywords: coronavirus, coronavirus pandemic, lessons of coronavirus, human civilization, world economy, world order, neoliberalism, authoritarianism, Russia.

Если бы не было эпидемии COVID-19, ее следовало бы придумать. Как это не кощунственно звучит на фоне нескольких сотен тысяч человек, уже умерших от пандемии коронавируса, она явилась, может быть, одним из последних предупреждений человеческой цивилизации о существующих реальных для нее угрозах. Коронавирус, конечно же, не медицинская проблема, хотя борются с эпидемией именно врачи, строятся новые госпитали, ведется мониторинг пандемии, вводятся разного рода эпидемиологические ограничения, ускоренно изыскиваются вакцины и т. д. Коронавирус, конечно же, и не экономическая проблема, хотя к экономике он имеет самое непосредственное отношение — изыскиваются ресурсы, подсчитываются убытки, раздаются пособия, вводятся льготы, строятся прогнозы и выстраиваются экономические стратегии. Коронавирус — и не политическая проблема, хотя на фоне эпидемии разыгрываются лихие политические партии, делаются непредсказуемые ходы, меняется баланс политических сил, возникают новые политические коалиции и союзы. Коронавирус — нечто, выходящее за привычные рамки «объектив-

ного-субъективного», его природа и генезис не могут быть поняты не только на базе диалектического, логического, исторического, системного подходов, но даже с недавних пор якобы приоритетных математических и эконометрических. Где математические модели зарождения, развития и окончания пандемии? Где преимущества экономически «развитых» государств-цивилизаций? Почему не помогает вроде бы победивший во всемирном масштабе неолиберализм? Почему не работает исторический опыт борьбы с цивилизационными угрозами? Здесь, очевидно, востребованы даже не междисциплинарный анализ и синтез, а скорее необходимо наднаучное, философско-хозяйственное видение явления. На научных форумах, организованных Центром общественных наук МГУ, в течение последних 20 лет настойчиво проводилась мысль о необходимости глобального переустройства мира и России, поскольку существующие системы и модели ведут в тупик человеческую цивилизацию, а Россию — в тупик неолиберальный, криминальный, коллаборационистский, колониальный, грозящий ей самоликвидацией. И выход из этого тупика — «целостное преобразование России на пути к России»: «Что ж, российские горизонты натужно вибрируют, и вовсе не только от обширных страновых далей, но и от вселившихся в страну инородных для нее качественных, поведенческих и управленческих странностей — пореформенных, конечно, от которых она (не)терпеливо ждет постреформенного избавления, все более освобождая себя от актуальных относительно воцарившегося в стране режима иллюзий» [3, 21].

Философско-хозяйственное осмысление коронавируса COVID-19 позволяет сформулировать, правда, вчерне (статья пишется в условиях так называемой самоизоляции в мае—июне 2020 г.), поскольку эпидемия продолжается и появляются все новые и новые факты, ряд уроков, которые, разумеется, не бесспорны, но уже очевидны, в той или иной степени, независимо от того, какие коронавиральные сценарии нас еще ожидают в будущем.

1. Пандемия коронавируса, охватившая весь цивилизованный и нецивилизованный мир, является мощным предупреждением, импульсом, правда, несколько запоздалым, нашему (человеческому) хозяйствованию на планете Земля. Пессимисты говорят, что это конец человеческой цивилизации. Оптимисты возражают — это конец прежней цивилизации, приходит новый миропорядок. В любом случае, это встряска человеческой цивилизации — сигнал о том, что что-то мы делаем на нашей планете не так, это касается и экологии, и экономики, и политического устройства. В этой связи уместно привести размышления Н. Моисеева, которым более четверти века: «Нам трудно заглянуть в будущее. Но мы уже знаем достаточно, чтобы не сидеть, сложа руки. Так, мы знаем с абсолютной достоверностью, что человек должен воспринимать себя частью Природы, а не господином, как думал Френсис Бэкон, или учила христианская традиция. Надо научиться жить в согласии с Природой и ее законами. И эти принципы должны войти в кровь и плоть человека» [2, 47]. Не воспринимаем и не живем в согласии — эти принципы не стали доминантой человеческого поведения. Учение о ноосфере, созданное Тейяр де Шарденом и В.Н. Вернадским, по-прежнему воспринимается как утопия, а их немногочисленные последователи попросту отстранены от принятия решений в области человеческой практики. Но ноосферизм — это не утопия, а, возможно, единственный выход из глобального кризиса цивилизации, которую в условиях иного выбора ожидает еще множество новых и новых коронавирусов с известным исходом. Ведь коронавирус — это же природа, это не нечто внеприродное. Возможно, это «месть природы» за нежелание жить с ней в гармонии.

Пандемия показала неустойчивость, хрупкость и чрезвычайную уязвимость современного мира, несмотря на выдающиеся, как мы считали, достижения в технике и биологии, генетике и кибернетике, как ни странно прозвучит, и в медицине, и в области цифровизации и создания искусственного интеллекта. И сей-

час массовый переход на работу дистанционно, онлайн, может создать иллюзию о высоких технологиях как о панацее. Это будет еще одним, возможно, роковым заблуждением. Высокие технологии не решают проблему человека как Человека, не могут заменить непосредственное человеческое общение, из которого, собственно, и выросла существующая пока человеческая цивилизация.

Пандемия показала чрезвычайную опасность и бессмысленность продолжающейся гонки вооружений, изобретения все новых и новых смертоносных орудий массового убийства людей, включая биологические. С одним коронавирусом COVID-19 не можем справиться — какая ядерная война, какие космические войны, какая химическая атака, какое целенаправленное распространение по планете различных эпидемий?! А между тем бесконечные военные учения продолжаются, в частности, НАТО у границ РФ. А в мире в различных регионах, как ни в чем не бывало, продолжаются войны, совершаются теракты, идет ожесточенная борьба за власть между различными кланами.

Пандемия показала: перед глобальной угрозой все беззащитны, не спасают ни золото, ни доллары, ни границы, ни океаны, а значит, человечеству нужно совместно строить Новый мир. Хотя, конечно, богатые и состоятельные люди в меньшей степени подверглись атаке коронавируса, чем бедняки, имеющие ограниченный доступ к дорогостоящей медицине. Но это уже разговор о степени цивилизованности общества. На этом фоне как-то померкли традиционное грандиозное шоу — выборы президента в самой богатой стране мира США, всемирное событие — 75 лет Победы над фашистской Германией, референдум в России по изменению Конституции РФ. Оказалось, есть проблемы более важные, поистине судьбоносные.

Пандемия — сигнал к перезагрузке всей человеческой цивилизации. Старый мир уходит, каким будет новый — неизвестно. Кроме пандемии в мире накопился груз серьезнейших проблем —

горы оружия, санкции, неравномерность перехода к новому технологическому укладу, дефицит лидеров, стремительное возвышение Китая и изменение миропорядка, оставшиеся позади основополагающие договоренности Ялты и Хельсинки. Мировые процессы перестали вписываться в устоявшиеся и хоть в какую-то правовую форму закрепленные общепринятые параметры поведения и развития. Что впереди?

Пандемия коронавируса может стать мощным рычагом структурной перестройки всего мирового хозяйства и изменений самого мироустройства нашей цивилизации. Возможно, в сторону ее гуманизации. Но может и не стать.

2. Пандемия коронавируса исторически и логически объективно была необходима. Оставим дискуссию о происхождении самого вируса ученым-вирусологам, биологам, политологам, шоуменам, разведчикам и контрразведчикам, аналитическим подразделениям спецслужб и просто обывателям. Просто констатируем, что он есть, хотя имеются и сомневающиеся. Но за всякими событиями стоят чьи-то интересы. Кому нужен коронавирус в мире? Ответ напрашивается сам собой: никому, ведь это же гигантские человеческие и материальные потери для всех. Но это не так.

Пандемия коронавируса нужна властвующей мировой элите, которая ищет «мальчика для битья», что особенно видно на примере США, чтобы свалить на него все проблемы современного мира, трудности развития и собственные просчеты. В частности, все чаще виновниками пандемии «западными демократиями» называются Китай и Россия.

Пандемия коронавируса нужна ТНК. Вновь созрел вопрос передела уже поделенного мира. Свидетельствами тому являются количественные и качественные изменения в различных регионах мира, схватки ТНК, включая и российские, за ресурсы, территории, «мозги». Как и в случае Первой и Второй мировых войн пандемия изменит геополитическую карту мира, а значит, появятся реальные возможности и для нового экономического передела мира. Важно не опоздать. Поскольку Россия включена в мировую

капиталистическую систему, не может не быть и у нее своих интересов в пандемии — как для расширения сферы влияния отечественных ТНК, так и для объяснения и оправдания социально-экономической стагнации в стране. Во всяком случае, пандемия коронавируса может стать мощным рычагом структурной перестройки всего мирового и российского хозяйства и изменения самого мироустройства нашей цивилизации, возможно, в сторону ее гуманизации. Но может и не стать. Шанс есть, но он не обязательно будет реализован.

Пандемия коронавируса объективно нужна военным и стоящим за ними олигархам-милитаристам, чтобы в условиях всеобщего хаоса, неустойчивости и неуверенности в завтрашнем дне получить многомиллиардные контракты для освоения бюджетных денег. И этот процесс уже пошел, чего стоит только одно объявление президентом США Д. Трампом о безотлагательном создании ракеты «супер-пупер», по своей «ужасности» превосходящей на порядок все, что создано до сих пор человеком. А значит, опять гонка вооружений на истощение в мировом масштабе, безумная трата сил и средств. Не случайно обнаружили, видимо, накануне 75-летия Победы над фашизмом, и провалы в памяти у многих политиков Запада.

В России свой интерес. Разрушение экономического и интеллектуального потенциала страны в 1990-е гг., после чего она не оправилась до сих пор, превращение ее по сути в сырьевую колонию и неспособность власти предложить иную повестку социально-экономического развития, по сути безраздельное господство антинационального олигархата со своими выдвигенцами, тупики либеральной модели экономического развития России, навязанной стране — все это можно списать теперь на COVID-19. Можно списать. Но пандемия коронавируса может (и должна) стать точкой пересмотра всего и вся: в экономике, в социальной политике, в образовании, в здравоохранении, в федеративном устройстве государства.

Пандемия коронавируса в целом нужна как мировому хозяйству, так и человеческой цивилизации. За послевоенные годы, а это целых 75 лет, мир развивался эволюционно, накапливая количественные изменения и одновременно нерешенные проблемы. Как революции являются, по выражению К. Маркса, «локомотивами истории», так и пандемия может количественные изменения преобразовать в качественные, существенно повлиять на политическое устройство государств, экономическое развитие, расстановку мировых сил, геополитику. А к этому как раз многие элиты, государства, крупный бизнес и стремятся. Поэтому нельзя говорить, что пандемия коронавируса — всеобщая беда, планетарная катастрофа, в ней многие заинтересованы, этого потрясения ждали, хотя, может быть, и в другой оболочке. Она может стать точкой отсчета для обновления и на новой основе развития человеческой цивилизации. А может и не стать.

3. Пандемия коронавируса уже существенно обогатила мировой опыт политического устройства государств в аспекте мироустройства в XXI в. В этой связи любопытна статистика эпидемии по странам мира, и в абсолютных цифрах, и на душу населения. Лидеры по заболеваемости и смертности — США, Испания, Италия, Великобритания, Франция, Нидерланды, в целом Западная Европа. Обращают на себя внимание три обстоятельства: а) это наиболее могущественные в экономическом отношении страны западного мира; б) это наиболее могущественные капиталистические страны Запада; в) это государства, отличавшиеся наиболее либеральным политическим и экономическим устройством. Вторая группа государств, исповедовавших модель социального рыночного государства — Германия, Швеция, в меньшей степени подверглись эпидемии, очевидно, за счет именно социальной направленности развития в предыдущие годы. Хотя «особый путь» Швеции борьбы с коронавирусом во многом нивелировал это преимущество. Наконец, третья группа государств — Россия, Китай, Белоруссия, Вьетнам, Куба, сохранившие привержен-

ность социализму или некоторые его остатки, в частности, в здравоохранении, и связанные так или иначе различными формами тоталитарного устройства общества. Здесь заболеваемость коронавирусом и смертность от него меньше в разы. Не понимающие на Западе «русского секрета» вопрошают: «почему русские не умирают?»).

Вглядываясь в перспективы XXI в. — мира ТНК, Н. Моисеев говорит о неизбежности нового тоталитаризма: «Возникновение нового тоталитаризма мне представляется естественным развитием, неизбежным этапом того исторического процесса, который разворачивается перед нами. И этот новый тоталитаризм будет носить общепланетарный характер. Это будет тоталитаризм совершенно нового типа, которого не знала история» [2, 199]. Сказано это было по другому поводу, в аспекте грядущего глобального мироустройства, в котором глобальный авторитаризм, по мнению автора, будет выражаться в порабощении «золотым миллиардом» с помощью полицейских режимов остальных 90% жителей планеты. В аспекте же пандемии и успешности борьбы с ней на данный момент можно констатировать, что авторитарно-социалистический способ устройства государства в кризисных ситуациях по своей совокупной эффективности существенно превосходит рыночно-капиталистическую модель управления, основанную на якобы рыночном самоуправлении в экономике, гражданском обществе и декларативной демократии в политике. А если принять во внимание, что кризис в XXI в. теперь останется с нами навсегда, будет носить перманентный характер ввиду беспечно накопленных и вновь приобретаемых проблем, аргументы либеральной демократии и рыночного фундаментализма становятся абсолютно несостоятельными. «Теперь уже не так случающиеся время от времени *экономические кризисы*, как *сплошной и непрерывный глобальный кризис экономики*; теперь повсюду не что иное, как *перманентно кризисная экономика*, для которой кризис не исключительное событие, а постоянное нормо-аномальное состояние.

Экономика теперь — кризис, а кризис — сама экономика!» [5, 61].

Это было заявлено Ю.М. Осиповым более десяти лет назад, причем относилось не только к экономике. Неоднократно и аргументированно повторенное, оно многими воспринималось как частное немейнстримное мнение. Теперь-то должно прийти «озарение», что речь сейчас идет не о свободах, а о выживаемости в новой реальности?

Пандемия коронавируса — это последний гвоздь, вбитый в крышку гроба неолиберализма, конец глобализма в его нынешнем виде и решающий аргумент в пользу авторитарного мироустройства государств с учетом опыта социалистического подхода в экономике, политике и социальной сфере. А может быть, это и не так, может быть, все гораздо сложнее.

4. Пандемия коронавируса обозначила переход эпицентра мировой цивилизации с Запада на Восток. Это беспрецедентно — в считанные месяцы (один миг, по меркам мировой истории) решительно обозначился глобальный поворот во всей человеческой цивилизации. Конечно, такие предпосылки накапливались давно, время от времени давая о себе знать. Сначала к ним относились снисходительно, затем с иронией, позже с подозрительностью, дальше, с ревностью, и наконец, уже в преддверии эпидемии, с откровенной враждебностью. Это предвиделось и предсказывалось — еще 30 лет назад Н.Н. Моисеев писал о «закате PAX AMERICANA». Но чтобы так стремительно?! И все же это произошло. Пандемия коронавируса ознаменовала закат «эпохи Запада» и начало «века Азии». Коронавирус — глобальная цивилизационная проблема. И справляются с ней страны Азии на порядок успешнее, чем страны Запада. Достаточно сравнить заболеваемость и смертность от коронавируса, оперативность и эффективность принимаемых мер в Китае, Японии, Корее, Вьетнаме, Тайване, Сингапуре, Гонконге, Таиланде по сравнению с США и государствами Западной Европы, чтобы понять — Азия — историче-

ский лидер XXI в., Запад — уже аутсайдер. Авторитарная политическая система, дозированная либерализация, гуманизированная экономика, опора на национальный исторический опыт оказались эффективнее плутократической демократии, ориентации исключительно на экономическую эффективность, рационалистического поведения и универсализации культуры и стандартов жизни.

В этой связи России желательно определиться, с кем она. Скорее всего, сама с собой. Не случайно президент РФ заговорил о России как об особой цивилизации. Очевидно, растет осознание, что мы уже исторически не можем превратиться из сырьевых задворков Запада в такую же полуколониальную окраину Востока, сохранившись как суверенное государство. Россия — отдельная самостоятельная цивилизация. Если Китай — Поднебесная цивилизация, Запад — евроатлантическая, то мы — Евразия, цивилизационный евразийский мост между ними. А значит, необходимо системное перестроение России. И это не выдумка философии хозяйства. Это не пессимизм и не оптимизм, это реализм, следовать императивам которого раньше или позже, но придется. И лучше раньше, чем позже. Ю.М. Осипов по этой проблеме высказывается давно и совершенно определенно: «Системное перестроение российского хозяйства и экономики, пусть и идущее по извилистой и дискретной линии “от реформизма к постреформизму” — *животрепещущая историческая реальность!* Это уже не пожелание, не прогноз, даже и не задуманный кем-то проект, а текущая действительность, пусть и не особенно четко выраженная, но во всю уже исполняющаяся» [4, 25]. Это было сказано еще в 2009 г. Поэтому «главное для России в настоящий момент, после всех экспериментов в XX и уже в XXI в., необходимо как можно скорее отказаться от неолиберальной утопии и *обратиться к самой себе.* А учитывая мировые тренды, главное сейчас — это самосохранение. Но самосохранение не означает неизменность и консервацию, напротив, *самосохранение* может быть осуществлено только

через саморазвитие, причем на базе национального» [1, 43]. Подспорьем может стать и наш богатый отечественный опыт выживания в различных кризисных ситуациях. А цивилизационный евразийский мост между европейской и азиатской цивилизациями может состояться или не состояться — все зависит от нас самих.

5. *Пандемия коронавируса для мировой экономики — это катастрофа.* Темпы экономического роста, объем ВВП, производительность труда, инфляция, безработица, состояние рынков — все это временно становится не главным на фоне эпидемии. Главное — ежедневно от коронавируса умирают тысячи людей, несмотря на беспрецедентные усилия властей разных государств по остановке распространения пандемии. И в то же время преодоление пандемии и решение проблемы просто физического выживания людей невозможны без развития экономики. Имеющиеся на сегодняшний день данные состояния различных национальных экономик впечатляют катастрофичностью. Так, например, уровень безработицы в США уже сейчас составляет, по разным источникам, от 12 до 20% от общего количества трудоспособного населения. Для сравнения: в 1933 г., во время Великой депрессии, уровень безработицы был 25%. «Экономика без амортизаторов» (Дж. Стиглиц), ориентированная на максимальное извлечение прибыли, оказалась на фоне борьбы с коронавирусом и неэффективной, и неустойчивой.

Что касается России, по различным сценариям, разработанным ВШЭ, уровень безработицы в России может составить 8—10%, причем кризис может растянуться на несколько лет. Но не это главное, экономика страны нуждается в крупных денежных вливаниях — порядка 3—4 трлн р. Принятые на сегодня государственные меры в совокупности составляют 2—3% ВВП, что недостаточно. В других странах этот показатель на порядок выше: в США — 10,5%, в Австралии — 9,7, в Канаде — 6% (О. Вьюгин). Но даже и это не главное, основная часть государственных мер направлена на поддержку крупного бизнеса, прежде всего сырьевых отраслей, олигархов, банков, на которых держится власть, и,

напротив, малый и средний бизнес, несмотря на разрекламированные меры, остался аутсайдером. А ведь это миллионы и даже десятки миллионов занятых, прежде всего в такой чувствительной сфере, как розничная торговля и сфера услуг. Как прогноз: банкротства, разорение, падение реальных доходов и сокращение потребительского спроса — главного движителя развития экономики в рыночном обществе. Особую тревогу вызывает, при всех заклинаниях о цифровой экономике, слабая поддержка высокоинтеллектуальных отраслей, в частности, IT-компаний, что чревато усугублением ситуации с нехваткой IT-кадров и дальнейшим технологическим отставанием страны. В то же время господствующие в России Центробанк и Минфин длительное время, очевидно, целенаправленно убивают высокотехнологичную экономику страны.

Стянутые со всей России финансовые и человеческие ресурсы в Москву мало помогают — Москва, в силу ряда причин, по-прежнему остается главным возбудителем коронавируса в России. Если уж в «богатой» Москве, где, по данным Мосгорстата, средняя зарплата в январе 2020 г. составила 88,9 тыс. р., не может справиться с коронавирусом, то что говорить о «бедной» России, когда такие зарплаты для большинства регионов РФ недоступны, а для сельской провинции просто фантастичны. Итак, бедность и нищета населения, стагнация и спад в экономике — это социально-экономический прогноз на ближайшие годы. И все сопутствующее, что с этим связано.

Но есть в этом коронакризисе и позитив. Во время экономических кризисов насильственно устраняются диспропорции, сложившиеся в предыдущие годы, происходят структурные изменения в экономике. В этом шанс России уйти, наконец, от сырьевого проклятия в направлении высокотехнологичной и высокоинтеллектуальной экономики. Это возможно. Об этом говорит пример соседнего Китая. Но здесь нужны, прежде всего, политическая воля, раз уж мы вступили в век авторитаризма, трезвая оценка действительности и выверенные национально ориентированные

решения. Пока все это проявляется в малой степени. Так что, ферическое преображение и экономики, и страны в целом может состояться — шанс есть, а может и не состояться.

6. Пандемия коронавируса позволяет сформулировать ряд специфических уроков для России:

1) Не все в СССР было плохо. Медицина современной России, в частности, во многом держится на багаже советского. А значит, уместно обратиться и к советскому историческому опыту социально-экономического развития и преодоления социально-экономических катастроф в XX в.

2) Стратегические системные просчеты в экономике и системе здравоохранения, и не только в этой сфере, неизбежно приведут к тяжелым экономическим и социальным последствиям в большинстве регионов России. И речь уже идет не об устойчивости социально-экономического развития регионов, а о том, как бы выжить в ближайшие годы. Возможно обострение всего комплекса социальных проблем. Доходы будут падать у всех слоев общества и во всех регионах, но в большей степени пострадают средний класс и «средние» регионы, которые будут вынуждены обходиться «своими силами».

3) Пандемия показала истинную ценность различных профессий и ошибочность ориентации только на экономическое развитие, на сырьевой экономической рост, которые якобы решают все проблемы — социальные, культурные, нравственные, экологические. Не решают. Здравоохранение, образование, наука, высокотехнологический сектор экономики — вот приоритеты развития, по сравнению с торговлей, политическими и эстрадными шоу.

4) Неспособность политико-экономической элиты решать сложные национальные задачи (сравни эффективность их действий по коронавирусу с Китаем) ставит вопрос о постепенной (?) ее замене.

5) Пандемия коронавируса со всей очевидностью показала абсурдность и опасность для будущего страны существования

в России «праздного класса». Раскол российского общества на сверхбогатую кучку олигархов, а также прислуживающей ей челяди во всей вертикали власти, и подавляющую часть российского общества бесправных и нищих людей, бесперспективно с моральной, нравственной, экономической, политической и геополитической точек зрения.

6) «Оптимизация» здравоохранения, проведенная в стране в последние 20 лет чиновниками по заказу олигархата, которые поправляют свое здоровье за рубежом или в закрытых «элитных» клиниках для богатых, привела к тому, что страна оказалась не готова к новым вызовам. Систематическое недофинансирование системы здравоохранения теперь обернулось огромными потерями, человеческими и экономическими. Такому олигархическому государству подошел конец. Насильственное удержание России в существующем положении будет приближать конец вообще российского государства. Об этом говорит нам весь отечественный исторический опыт.

7) Аморальность и бесперспективность концепции развития через мегаполизацию, которая якобы экономически более эффективна по сравнению с расселением населения по многочисленным городам, городкам, селам, деревням, станицам, хуторам и аулам. Наибольшей заболеваемости оказалось подвержено как раз население мегаполисов и крупных городов, а спасает ситуацию, как всегда, провинция.

8) Последние 20 лет Россия по сути является унитарным государством, хотя по Конституции РФ — федеральное образование. Неспособность регионов эффективно решать возникающие проблемы в рамках унитарной системы наглядно проявилась в условиях пандемии коронавируса, когда вдруг, довольно неожиданно, не справляясь с проблемой, центр стал перекладывать инициативу и ответственность на регионы. Вроде бы лучше поздно, чем никогда. Но где ресурсы у регионов? В этой связи уместно обратиться к предстоящему голосованию по поправкам к Консти-

туции РФ. Поправки вроде бы акцентируют внимание на пространственное развитие России. Но ничего не говорится о ключевой позиции — распределении доходов. А это главное. Если будет пространственное развитие с финансами, тогда, возможно, стабилизируется и население страны в регионах РФ. А пока за последние три года численность населения выросла в 24-х российских регионах, в трех субъектах Федерации численность населения не изменилась, в 58-ми — идет сокращение населения.

7. Пандемия коронавируса выявила объективные и субъективные предпосылки для системного перестроения России. Но это будет ИНОЕ перестроение, чем то, которое планируют, прогнозируют, на которое надеются и которого боятся: по движущим силам, по этапам, по механизмам и результатам. Достаточно вспомнить горбачевскую перестройку, чтобы понять, что в России все возможно.

Традиционный политический строй России — гарантия ее сохранения, а что касается развития, нужны изменения на базовом уровне. В то же время, усиление роли государства, что является мировым трендом, чрезмерная «московизация» пагубны, «колониальные территории», как подсказывает исторический опыт, раньше или позже, превращаются в мощные центробежные силы. Как пройти между Сциллой и Харибдой?

Литература

1. *Гузев М.М.* Цугцванг в миттельшпиле // Россия в игре: страна и мир / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета 2019.

2. *Моисеев Н.Н.* Мировое сообщество и судьба России. М.: Изд. МНЭПУ, 1997.

3. *Осипов Ю.М.* Вибрирующие горизонты России // Философия хозяйства. 2019. № 1.

4. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как непреходящая актуальность // Философия хозяйства. 2009. № 6.

5. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017.

П.П. ЖУЛИКОВ, О.В. ЖУЛИКОВА

Современный капитализм — что это?*

Аннотация. Развитие мирового хозяйства в текущих отрезках времени уместно сравнивать с триллером — это железнодорожный состав, с ускорением несущийся в бездну. То, что современное мировое капиталистическое хозяйство, экономическое хозяйство, т. е. хозяйство, управляемое исключительно капиталом, находится на пороге краха со всеми вытекающими из этого последствиями, понимают многие экономисты. Но причины и последствия оцениваются неоднозначно.

Ключевые слова: интернациональный полигональный капитал.

Abstract. The development of the world economy in the current periods of time is appropriate to compare with the thriller about the train, with acceleration rushing into the abyss. The fact that the modern world capitalist economy, that is, an economic economy, that is, an economy controlled exclusively by capital, is on the verge of collapse with all the ensuing consequences, many economists understand. But the causes and consequences are estimated ambiguously.

Keywords: international polygonal capital.

Сегодня в современном мире нарушено глобальное политэкономическое целеполагание, т. е. равновесие целеполагающих сил. Фрагментарно присутствующее натуральное хозяйство затерялось на задворках современной цивилизации и практически никакой роли в театре экономических действий не играет — всеми хозяйственными процессами правит капитал. Почти все современные властители в той или иной степени являются адептами капитала. Властная элита в национальных хозяйствах, или стра-

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 121—128.

нах, представлена банкирами, крупными бизнесменами, финансовыми махинаторами, коррупционерами-коллораборационистами, прочно связанными между собой меркантильными интересами. Мировая политэкономическая элита интернационализировалась в единый капиталистический институт, практически не имеющий ничего общего со своими народами.

Сформировалась новая мировая политэкономическая структура, в которой все уровни производства и потребления регламентированы в иерархии мирового капитала. Население, национальные хозяйства, ТНК встроены в единую экономическую пирамиду, в которой все страны, богатые и бедные, условно декларируемые как независимые, стали частью экономических конгломератов и фактически являются дистриктами, регламентируемыми по уровню производства и потребления. Причем население этих дистриктов искусственно разделяется потребительскими интересами и в большой степени разрознено, а все властные элиты фактически объединены интернациональным полигональным капиталом (ИПК).

ИПК сегодня — это не абстрактная управленческая система, а высокоорганизованная нейронная сеть, сформированная капиталом, обладающая искусственным интеллектом и способностью к самосовершенствованию, стремительно расширяющаяся за счет достижений науки и технологии, особенно в IT-сфере. Эта сеть объединяет и контролирует практически все финансовые институты планеты, в том числе и криптовалютные рынки. ИПК сформировала своеобразный мировой клуб адептов капитала, которые, хотя и ранжированы по уровням влияния, но связаны еще более жесткими меркантильными интересами. Адепты капитала стали социальной надстройкой мирового сообщества и декларируют себя гражданами мира, пастырями, надзирающими за своими народами и не ответственными за их судьбы (прямо по К. Марксу).

Стало очевидным, что капиталистическая экономика погрязла в системных противоречиях и вошла в коллапсический тупик, из которого нет традиционных выходов. Еще недавно аналогичные проблемы легко разрешались с помощью традиционных методов — небольшой, локальной войны. Однако «маленькая» война проблем развала «развитого» капитализма не решит, нужно что-то более убедительное, что-то наподобие войны средних масштабов, но в такой войне высока вероятность применения ядерного оружия, что неизбежно приведет к новой и, вероятно, последней мировой войне, последствия которой пока никто предсказать не возьмется.

Нейронная саморазвивающаяся сеть ИПК просчитывает иные, более эффективные решения, способные сохранить и обновить существующую экономику. Активно внедряются технологии усреднения, стандартизации существующих факторов-ресурсов производства: оцифровывается мировой капитал; стандартизируются национальные хозяйства; стандартизируются трудовые ресурсы. Ускоренно проводится цифровизация мировой экономики под восторги людей, не понимающих, что это такое. Людей, которые в реестре ИПК уже совсем и не люди, а персонал — трудовые ресурсы.

При современном уровне технологического развития именно избыток и неоднородность разношерстного, низко квалифицированного трудового ресурса, а также неоднородность дистриктов более всего тормозят обновление капиталистической экономики, создание новой экономической моносистемы.

ИПК давно стремится раздробить крупные и плохо управляемые территории на унитарные дистрикты. И особенно неудобной для перехода на новые рубежи становится Россия со своей огромной, богатой и малолюдной территорией.

И тут случайно или не случайно появляется на свет коронавирус, штука весьма странная, непонятная ни по функционалу, ни по происхождению. Очевидно, что коронавирус — COVID-19 — опасность, вероятно, смертельная для населения практически всех

стран, но безопасная при современном уровне медицины для властных элит, которые при любом исходе становятся благополучателями. Иллюстрацией этого посыла может служить «случайная» фраза Трампа о том, что если от COVID-19 умрет 200 000 человек, то он будет доволен, но если и 2 000 000, то тоже ничего — и это сказано лидером мировой экономической элиты.

Просматривается интересная с научной точки зрения и страшная с практической перспектива развития событий на мировой экономической арене. Идет бескомпромиссная борьба за выживание между властными элитами, объединенными ИПК, и разрозненным трудовым населением планеты.

Мировой развитой капитализм стал ареной, на которой все жители планеты являются экономическими, разноуровневыми агентами, играющими пожалованную ИПК роль и блюдущими свои интересы, которые входят в конфликт. Среди этого сонма конфликтов интересов самым опасным для властимущих, а точнее, для благоимущих, становится конфликт между мировой властной элитой и населением — собственным народом. Трагизм ситуации просматривается в том, что правящая мировая элита объединена по интересам, а население этих же стран разобщено. Хотя в последнее время появилась некоторая пугающая для элиты тенденция на объединение мирового населения по принципу: «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь».

Ситуация с точки зрения традиционной логики сложилась трудно прогнозируемая и даже опасная для аналитика, пытающегося честно разобраться в происходящем. Поэтому во избежание недоразумений в настоящей работе развитие событий представлено в формате спектакля в театре экономических действий (ТЭД) — в виде художественного произведения. Такой иммерсивный спектакль, в котором задействовано практически все население Земли, кроме островков общин, живущих по законам натурального хозяйства.

В формате современной капиталистической системы идет многосерийный спектакль, в котором есть артисты и зритель, вокруг которого разворачиваются все сцены, и зритель невольно становится пассивным участником этого спектакля.

У всех фигурантов — свои роли: актеры разыгрывают сцены, статисты создают событийный фон мнений и действий, режиссеры занимаются постановкой спектакля, а он, зритель, находящийся в центре событий, является потребителем этого шоу и за все платит.

Спектакль идет давно, зритель уже расстался с иллюзиями хеппи-энда, понимает, кто есть кто: артисты — это представители разного уровня ветвей власти; статисты — чиновничья бюрократия; режиссеры — адепты капитала, контролирующие финансовые потоки и заказывающие синопсисы сценариев для ТЭД. Зритель понимает, что есть элита — небожители, которые выстраивают этот спектакль, и есть он — зритель, который должен за все это платить. Небожители имеют свои личные интересы, противоположные интересам зрителя. Основной интерес у этой камарильи — жажда огромных денег любым путем, а он, зритель, хочет спокойно работать и достойно жить. Желания взаимоисключающие, и зритель пытается разобраться в ситуации, почему все это происходит, понять, кто ведет эту игру, кто пишет сценарии спектаклей, кто их заказывает. Задача сложная, зритель неоднороден, но в сознании отдельных личностей формируется смутная догадка, что заказчик этой феерии не какая-то личность или какой-то штаб, а сам Капитал, точнее, нейронная сеть ИПК. И именно эта сеть управляет сознанием своих адептов и через них заказывает технологам логлайны и синопсисы сценариев.

Получилась сложная посылка, и для ее понимания рассмотрим синопсис последней серии спектакля в ТЭД.

Время действия — текущий период, место действия — вся планета, действующие лица — экономически задействованное население.

Ситуация — капиталистическая система вошла в очередной и тяжелейший кризис классовых, кастовых, уровневых интересов, выйти из которого невозможно при сложившемся дисбалансе трудового и сырьевого ресурса. Основными причинами кризиса стали: огромный профицит населения, неравномерное географическое распределение ресурсов и запредельный уровень общественного неравенства.

Социальная сфера перегрета до предела, в воздухе висит угроза крупных гражданских волнений, чреватых переворотами, которые могут перерасти в новую мировую войну. Байки о террористах мало кого отвлекают от идеи восстановления социальной справедливости в планетарном масштабе.

Властным элитам нужен спаситель, способный решить проблему или хотя бы снизить накал страстей и дать передышку до принятия ключевого решения. И тут появляется он, спаситель — *коронавирус*, который, как по мановению волшебной палочки, снимает социальное напряжение в глобальном масштабе.

В ТЭД разыгрывается очередной иммерсивный спектакль, зритель затих в ожидании чего-то страшного, растерянно пытается понять, что происходит и кто виноват. Сквозь череду хаотичных и почти непонятных сцен, с масками-намордниками, лекарствами, спецоборудованием и другими атрибутами, статистов, спасающих мир от злодея коронавируса, до зрителя доходит мысль, что коронавирус — это какая-то ширма. Властные элиты ведущих капиталистических стран и стран с непонятной ориентацией, постоянно конфликтующие между собой, вдруг дружно принимают практически одинаковые меры — организуют чрезвычайную ситуацию, вводят тоталитарный режим, закрывают границы государств, загоняют население в клетки квартир, организуют полный контроль за передвижением и назначают виноватых.

Зритель плохо понимает, как изоляция людей в квартирах от парков и свежего воздуха способствует защите их от заражения этим вирусом и другими болезнями. Ограничение движения

ослабляет организм, вероятность не только заражения, но и приобретения новых болезней после отмены карантина только увеличится, и временное притупление накала страстей может перейти в агрессию. Зыбкий международный контакт зрителей (трудящихся) разрушается, идея поиска виноватых кажется спасительной.

Думающий зритель пытается понять, что происходит, откуда взялся этот герой-спаситель, кого он спасает, кому все это надо, и понимает, что менее всего это надо ему — зрителю, однозначно попадающему в долговую ловушку. Это убийственно для зрителя всех стран: для живущих в богатых странах меньше, а в бедных больше, но невыгодно всем зрителям ТЭД.

Ощущение, что благополучателем этого бедлама становится властная элита всех стран, для которой коронавирус становится спасителем. И это не первая попытка: эбола, птичий грипп, свиной грипп уже давно запускаются в массы. Но персональные неудобства выходят на первый план, и уставший зритель согласен с любыми действиями, лишь бы прекратить этот бред.

ИПК через своих адептов — политэкономическую элиту — создает новую модель управления обществом в глобальном масштабе. Идет тотальное оцифровывание, которое позволяет осуществлять тотальный контроль за всеми коммуникациями зрителя и внедрять ему (мировому сообществу) идею о виновных во всех эти бедах и неудобствах.

Забрасывается пробная версия о виновности Китая, но Китай силен и организован, и параллельно готовится версия «слабого звена», разрушение которого разрешит все проблемы и продлит процветание капиталистической системы. Очевидно, что таким звеном уже обозначается богатая и «населенная варварами» Россия, развалив которую можно разрешить все проблемы. И зритель, то самое «морское сообщество», воспримет с воодушевлением эту идею, а наша компрадорская элита, являющаяся частью ИПК, пойдет на сговор. И к российскому зрителю приходит понимание, что разрушать будут прежде всего Россию.

В эпилоге этого рассуждения можно высказать мысль, что для России выход просматривается только один — назначить на конкретный конечный срок в стране диктатора с широкими полномочиями, жестко пресечь внутреннюю коррупционную и компрадорскую оппозицию и защитить Россию от разрушения. Стране нужны диктатор и диктатура труда.

В.Я. ИОХИН

Мир в посткоронавирусном пространстве и времени*

Аннотация. Рассматривается многоплановый характер изменяющегося миропорядка через призму коронавирусной инфекции, которая, как нельзя кстати, наложилась на различные стороны общественных отношений в мире, начиная от идеологии и стратегических устремлений государств до житейского бытия народов. Возникшие чрезвычайные обстоятельства во всей своей полноте обнажили и выявили те замаскированные замыслы, намерения, деяния, которые раньше старались не демонстрировать, а камуфлировать, хотя пандемия сама стала своего рода их маскировкой.

Ключевые слова: глобализация, фрагментация, либерализм, традиционализм, открытость, закрытость, капитал, война, посткапитализм, мобилизация, интеллектуальный продукт.

Abstract. The article examines the multifaceted nature of the changing world order through the prism of coronavirus infection, which, incidentally, overlaps with various aspects of social relations in the world, ranging from ideology and strategic aspirations of states to the everyday life of peoples. The emergencies in their entirety laid bare

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 128—150.

and revealed those camouflaged designs, intentions, acts that previously tried not to demonstrate and camouflage, although the pandemic itself has become a kind of disguise.

Keywords: globalization, fragmentation, liberalism, traditionalism, openness, closeness, capital, war, postcapitalism, mobilization, intellectual product.

Последствия проявления пандемии коронавируса носят многоплановый характер как для мира в целом, так и для мегарегионов и отдельных стран. Остановимся на важнейших аспектах этой многоплановости.

Первое. Если экономический кризис 2008—2009 гг. мирового капитализма ознаменовал собой начало обрушения химеры глобализации, то пандемия выбила из-под нее фундамент, независимо от того оптимизма, который пытаются излучать «киссинджеры», «соросы» и прочие гуру от неолиберализма. Навязываемая миру так называемая универсальная модель глобального либерально-рыночного открытого общества с ее идеологией свободы и прав человека в отрыве от гражданства, государства, религии, национальных традиций не выдержала испытания реальной действительностью. Произошло стремительное преобразование «открытого общества» во множество «закрытых обществ», ограниченных вполне конкретными государственными границами. Если в 2008—2009 гг. его обитатели разбежались по «национальным квартирам», спасая каждый свое имущество, то теперь они ринулись под прикрытие ненавистного им государства, в котором вдруг узрели своего защитника и покровителя, требуя закрытия границ даже для тех, с кем еще вчера были в одной лодке.

На этом фоне выделяется Китай, который первым попал под удар коронавируса и сумел в сжатые сроки не только взять под полный контроль процесс эпидемии и покончить с ней, но и пресечь попытки любого толка оппозиционеров и местечковых властей создать обструкцию центру. Несомненно, важную роль в этом сыграла реализуемая им модель строительства социализма,

базирующаяся на древней цивилизации с ее укорененными принципами упорядоченности и организованности общества и централизованного государства. Отсюда можно сделать вывод, что в странах, в которых ограничены полномочия центральной власти при самостоятельности региональных властей, в критических ситуациях не избежать паралича первой и самоуправства последних.

Второе. Пандемия, можно сказать, имеет три версии возникновения. Это Божий промысел, направленный на то, чтобы человечество остановилось в раздумье о путях преодоления нагроможденных им глобальных проблем, которые никуда не делись после глобализации, и сосредоточило внимание на преодолении вражды и выработке необходимых организационных форм нового мироустройства. Это явление Природы, которое продемонстрировало человечеству, насколько оно беспомощно и ничтожно перед ее могуществом. И это дело рук человеческих, что указывает на то, насколько близко оно подошло к черте своего самоуничтожения. Но это суждения общего характера.

В действительности же анализ американских источников информации по данной проблеме, проведенный С.Ю. Глазьевым, позволил ему сделать вывод, что «пандемия... была системно подготовлена». Причем коронавирус рассматривался в качестве биологического оружия, а пандемия — в качестве ключевого компонента гибридной войны [1, 25—28]. Но, как бы то ни было, мир, народы, государства поставлены в условия чрезвычайных обстоятельств, которые от властей требуют быстрых мобилизационных мер и решительных действий, а от общества — сплоченности, самоотдачи, самоограничения и жертвенности.

В противоположность Китаю власти стран Малой Европы продемонстрировали слабую подготовленность к таким обстоятельствам, так как вместо принятия превентивных организационных противоэпидемических мер и отработки механизма взаимодействия властей различного уровня ничего не предпринимали. И «вдруг» свалившаяся на них беда во всей полноте продемон-

стрировала как ущербность принципов либерализма, гипертрофированного структурного сдвига в пользу сферы услуг, базирующейся на стоимостных отношениях, регионализации властных полномочий, так и глубокоую разобщенность в принятии консолидированных решений.

Третье. Коронавирус выявил негативные последствия проведенной реформы системы здравоохранения в европейских странах, управление которой было децентрализовано и делегировано регионам, а стационарная помощь вытеснена амбулаторной. Оптимизация системы медицинских услуг за последние 30 лет привела к сокращению количества больничных коек в среднем примерно на треть по ЕС. Теперь стало для всех очевидным, что охрана здоровья и жизни далеко не то же, что услуги по охране здоровья и жизни. Там, где экономические соображения ставятся позади соображений эпидемиологии и здоровья населения, достигаются положительные результаты (Белоруссия, Вьетнам, Китай, Куба), а там, где господствует денежный чистоган, страдают незащищенные слои населения. США с их системой медицинского страхования, которая еще 15 лет назад рассматривалась как решение любых проблем со здоровьем, потерпели фиаско⁹.

Власти США и на федеральном уровне, и на уровне штатов сначала бездействовали, а затем, когда разыгралась трагедия, стали валить ответственность за ее последствия на Китай и ВОЗ. Однако уже 30 января, когда вне пределов Китая было зафиксировано всего 150 случаев заболевания COVID-19, ВОЗ объявила о «чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение». Более того, 11 марта гендиректор ВОЗ заявила о начале пандемии, когда для этого, казалось, не было никаких оснований. К тому же неопределенность

⁹Каждый двенадцатый американский гражданин не имеет страховки вообще, а число тех, чья страховка покрывает лишь пару дней простуды на самой дешевой койке, вовсе не поддается исчислению. Каждый шестой американец имеет в своей кредитной истории пункт «Непогашенный медицинский счет», а общая сумма этих счетов превысила в прошлом году 81 млрд дол. [5].

ситуации была вызвана тем, что она, казалось, должна была развиваться по благоприятному сценарию, как это было в двух предыдущих эпидемиях (SARS 2003 г. и MERS 2012—2015 гг.) [3], но процесс приобрел иной характер.

На этом фоне поражает содержание письма президента Д. Трампа генеральному директору ВОЗ не столько содержанием по поводу коронавируса, сколько отношением США к международным организациям в целом: «Я не могу позволить, чтобы доллары американских налогоплательщиков продолжали финансировать организацию, которая в нынешнем ее состоянии столь очевидно не служит интересам Америки» [6]. Вот такой откровенно циничный международный «консенсус». Вывод один: только те международные организации (например, МВФ) [8, 227], которые отстаивают, защищают и реализуют интересы США, являются легитимными. Более того, госсекретарь М. Помпео потребовал от Китая оплатить ущерб от коронавируса всему миру 9 трлн дол. [4]. Только весь мир здесь ни при чем, так как львиную долю этой суммы рассчитывают получить США за безответственное поведение их властей. Однако, похоже, что под давлением нелицеприятных для них фактов дело спустят на тормозах.

Четвертое. Инфекционный вирус выступил в качестве катализатора информационного вируса, который еще больше усилил не утихающую на мировом пространстве развязанную Западом информационную войну, с целью опять-таки сохранить за собой господствующее положение в мире, несмотря на терпящий крах проект глобализации и на глазах тающий потенциал системы, базирующейся на финансово-банковском капитале. И если в отношении инфекционного вируса весьма трудно предсказать характер поведения, масштаб распространения, за исключением того, что он не избирателен и для него нет «своих» и «чужих», хотя в закрытых лабораториях продолжается «колдовство» над приданием ему этно-национальной избирательности, то в отношении информационного вируса все предельно ясно.

Можно с уверенностью утверждать, что пандемия пришла ко времени и в виде венца мучительных родов нового бытия человечества, которые стали многопланово проявлять себя задолго до ее начала в процессе отказа от глобализации с ее «открытым обществом», формирования новых центров мировых сил, сопровождающегося грандиозными сдвигами в геополитическом пространстве. В то же время она стала завесой разворачивающегося финансово-экономического кризиса, о чем свидетельствует единодушный порыв властей вступить, хотя и разрозненно, в борьбу с коронавирусом. Дело в том, что появившиеся прогнозы о предстоящем падении мировой экономики на 30—50% просто шокируют. Если это так, то, очевидно, либо мировой ВВП был чрезвычайно раздут, а теперь наступил подходящий момент для его схлопывания, либо мир ожидает ситуация, адекватная социально-политическому кризису капитализма.

Пятое. Человечество должно осознать, что причиной всех зол на земле в новой истории был, есть и будет (если сохранится) капитал. Суть капитала, обобщенно говоря, заключается в его агрессивной природе, которую он всегда стремился приписать человеку с помощью идеологии социального дарвинизма, пропитанной духом конкуренции, борьбы всех против всех, везде и всегда. Капитал — носитель войны в самых разнообразных и изощренных формах и в самых различных сферах человеческого бытия, где на кону всегда стоят жизни людей — от одного человека до миллионов. Это тот капитал, который, якобы не имея отечества, в своих монополистических формах и с транснациональным характером деятельности стал неизменным источником не только локальных, мировых экономических, социально-политических и идеологических кризисов, но и войн как средства разрешения противоречий созданной им системы.

Все войны Нового времени, включая две мировые, спровоцированы и развязаны капиталами, устремленными к реализации своих интересов и установлению своего господства в мире.

Именно сейчас, когда невозможно решать накопившиеся проблемы и противоречия капитала с помощью войны, он обратился к арсеналу мальтузианства, позволяющему решать свои проблемы за счет человечества. На это указывают и инициативы по сокращению населения мира, проистекающие из фондов «рокфеллеров», а теперь и по его вакцинации из фондов «гейтсов».

Шестое. Социально-экономический кризис капитализма в первую очередь обусловлен необходимостью перехода к VI технологическому укладу с его виртуальным миром, дистанционными взаимосвязями и взаимодействием, с безлюдным производством. А это чревато невиданным ростом безработицы в результате реструктуризации рынка труда, связанного как непосредственно с производством, так со сферой услуг и банковской системой, превращающейся из господствующего во вспомогательного агента. Очевидно, надвигающуюся угрозу безработицы сильные мира сего пытаются упредить консолидированно проводимой политикой ограничений и запретов, чтобы плавно войти в неизбежный процесс реструктуризации общественного воспроизводства.

Переход к новому укладу опять ставит капитал перед проблемами перенаселения и безработицы, разрешение которых он видит в эпидемиях и пандемиях, которые тем «эффективнее», чем менее доступны медицинские услуги, средства охраны здоровья и сохранения жизни, что существенно упрощает процесс избавления от человеческого балласта, не вписывающегося в рынок. Он знаменует собой начало эпохи посткапитализма, требующей изменения идеологического мышления и осуществления структурных сдвигов и в экономике, и в обществе.

С наступлением XXI в. на Западе открыто заговорили о необходимости «демонтажа капитализма» [9] как системы. Очевидно, это связано с тем, что новая система общественных отношений вынуждена будет «затачиваться» на развитие и совершенствование человека, а не на погоню за прибылью и различного

рода выгодами, что потребует модели, сориентированной на расширенное воспроизводство не капитала, а человека труда, который одновременно выступает в качестве и субъекта, и объекта (ресурса), и его цели. И здесь вполне применим кантовский категорический императив как всеобщий нравственный закон, требующий исполнения долга перед человеком как цели — сохранения, сбережения его бытия в божественном мироздании.

Следовательно, миру требуется такая модель развития, при которой высвобождающиеся людские и другие ресурсы будут направляться в социальную сферу, которая будет финансироваться не по остаточному принципу, а как главное и определяющее подразделение общественного производства. Создание условий для творческого характера бытия человека и общества требует использования и принципиально новых форм и методов воспитания, обучения, охраны здоровья и культуры во всех видах их проявления. А это вызовет рост спроса как на интеллектуально-творческий и духовно-эмоциональный труд, так и на различные по сложности виды труда, связанные с воспроизводством человека. Очевидно, именно в данном направлении будут осуществляться поиски решения проблемы «лишнего населения» в рамках модели развития, базирующейся на идеологии традиционализма.

Седьмое. В зависимости от технико-технологических и политико-идеологических установок посткапитализм может быть представлен двумя версиями развития мирового сообщества, которые базируются на идеологии сохранения бытия человеческого рода в его божественном мироздании и на идеологии его упразднения и перехода в постгуманистическое бытие с его постчеловеком, а точнее, без человека. В последнем случае речь идет об идеологии от капитала, которая, ратуя за наступление «новой эры», по своей сути является преемницей идеологии буржуа, ключевой проблемой для которого извечно была озабоченность «избыточным населением».

Но теперь дошли до того, что человек уже рассматривается как некое вредоносное существо, которое необходимо исключить

вообще из бытия мира. Речь идет о замене богоподобного человека биотехническим уродом (постчеловеком), рожденным в мозгу, пораженным духовной нищетой и суицидным эгоизмом. При этом, несмотря на отрицание человека как такового, в данной идеологии прослеживается устремленность к формированию кастового общества с его «элитой сверхчеловеков» и деградированным слоем послушных исполнителей, движение к которому предполагается осуществлять на основе использования генно-инженерных, биологических, цифровых технологий.

Не будем забывать, что этому предшествуют реализуемые различные программы регулирования населения, разрушения институтов семьи, материнства и детства, навязывания ювенальной юстиции и гендерной идеологии с целью упразднения моральных принципов и нравственных норм, разрушения национальных традиций, игнорирования исторического опыта, отторжения справедливого миропорядка и жизнеутверждающего мировоззрения. Такое расчеловечивание общества направлено на разрушение божественного мироздания с его богоподобным человеком, вместо которого навязывается культ сверхчеловека (постчеловека) как воплощение единства «живого» и «мертвого».

Посткапитализм, неразрывно связанный с традиционализмом, рассматривает науку как инструментарий познания и открытия законов божественного мироздания с неотъемлемой от него жизнью человечества и сориентирован на его сохранение с целью раскрытия всей мощи его духовно-интеллектуального потенциала, дабы поставить ему на службу мир природы. Отсюда возникает необходимость союза науки и религии как способа одухотворения и научного деяния и преобразовываемого человеком природы. Очевидно, из этого единства исходил ученый и богослов П.Т. Шарден, выдвигая идею ноосферы как неотъемлемой и составной части природы, которая, можно предположить, служит связующим, передаточным звеном между Небом и человечеством, через духовно-мысленные потоки которого реализуется промысел Божий.

В данном отношении Россия, как никакая другая страна мира, обладает колоссальным наследием и теоретических разработок, и практического опыта, что позволяет ей наметить контуры будущего общества, базирующегося не на капитале, а на труде как источнике и материально-вещественного, и духовно-интеллектуального богатства и как всеобщего мерил справедливой воздаяния человеку за его деяния. При этом не будем забывать, что социальный опыт российского (советского) бытия в своей основе, как парадоксально это ни звучит, имеет христианство (православие) как религию действия, религию деяний, религию поступка («судимы будете не по словам, но по делам вашим»), по которым оценивается не только наша жизнедеятельность, но и искренность нашей веры. Причем ключевой вопрос человеческого бытия заключается в устремленности человека к своему совершенствованию, которое заключается в реализации опять-таки христовой заповеди: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Именно устремленность к совершенствованию посредством наращивания потенциала своих духовно-интеллектуальных способностей на основе дальнейшего познания законов божественного мироздания позволяет человеку активно включиться в регулирование природных процессов и преобразования Земли и Вселенной. Тем самым, как считал русский мыслитель Н.Ф. Федоров, человек становится «соратником Творца» в деле обуздания сил стихии и хаотических их порывов и направлении их в русло созидания. А это требует объединения всех творческих сил человечества для свершения не только земных, но и вселенских дел. В данной модели центральной фигурой является человек, тогда как создаваемые им искусственный интеллект и сопряженные с ним иные технологии и техника выступают в качестве функционалов человеческого замысла и деяния.

Восьмое. Таким образом, мы подошли к фундаментальной проблеме человеческого потенциала и интеллектуального труда.

Как природные богатства, созданные Богом или вселенским процессом, могут находиться не в частной, а только в общественной собственности — это всеобщее национальное достояние, так и таланты в исходной своей форме, являясь Божьим даром и развиваясь в рамках всеобщего эмоционально-творческого труда научно-культурного сообщества, и результаты научного труда не могут быть присвоены кем бы то ни было. Ведь развитие человечества происходит на основе знаний и научных поисков, связанных с трудом многих предшественников, вплоть до седой древности.

И в этом трансцендентно-рациональном размышлении не грех обратиться к наследию К. Маркса, который, рассматривая науку, научный труд, обращал внимание на всеохватывающий и многоплановый характер последнего. Во-первых, это всеобщий труд, охватывающий деятельность в данной сфере вне времени и пространства, что указывает на перманентную интеллектуальную связь поколений исследователей. Во-вторых, это совместный труд исследователей-современников, занимающихся изучением одних и тех же проблем, лежащих в одной и той же или смежных плоскостях, которые обмениваются мнениями и информацией в той или иной форме. В-третьих, это кооперативный труд, осуществляемый работниками в рамках определенного коллектива, где непрерывно идут обсуждения, дискуссии, непосредственное интеллектуальное взаимодействие и сотрудничество.

В принципе научное знание — это всегда результат взаимодействия видимых и невидимых интеллектуальных потоков множества соработников, причем различных поколений, объединенных любопытством и устремленностью реализовать свои способности и таланты. Результат научных исследований — всеобщее человеческое достояние, которое в принципе никем не может и не должно присваиваться и превращаться в частную собственность. В данном случае будет к месту восхититься поступком нашего ученого-математика Г.Я. Перельмана, который, доказав истинность сформулированной еще Пуанкаре теоремы, отказался от вознаграждения в 1 млн дол. одного из американских фондов,

сославшись на то, что к полученному им результату причастны и другие исследователи, занимавшиеся решением данной теоремы. Этот человек, возможно, действительно «не от мира сего», но он продемонстрировал миру и мировому научному сообществу истину о науке и ее предназначении — служение человечеству. Однако с приходом капитала отношения в сфере духовного производства оказались деформированными денежным чистоганом в пользу присвоения капиталом результатов интеллектуальной деятельности.

Пандемия и здесь оказалась кстати, так как выявила во всей своей полноте ущербность обособленного права на интеллектуальную собственность в сферах, связанных с защитой здоровья и жизни человека, и на необходимость объединения усилий в противостоянии подобным глобальным угрозам. Однако вместо того, чтобы сосредоточить внимание на сотрудничестве в области разработки вакцины как средства скорейшего избавления человечества от неожиданной напасти, все рассуждения в СМИ сводятся к тому, кто первым сорвет куш на ней. Это наглядная демонстрация того, насколько живуча психология, сформировавшаяся под воздействием идеологии капитала.

В этих чрезвычайных обстоятельствах перед мировым сообществом во весь рост встает вопрос о всеобщей доступности результатов исследований, прежде всего в области вирусологии и фармакологии. Здесь надо заметить, что если бы развивающиеся страны строго соблюдали права на интеллектуальную собственность в областях, связанных со здоровьем и жизнью людей, навязанные мировому сообществу западными корпорациями, то, очевидно, к текущему моменту они недосчитались бы $1/3$, а то и $1/2$ их населения. Поэтому в данной сфере необходимы поиски путей и способов, форм и методов взаимодействия и сотрудничества, а также выработка новых механизмов, с одной стороны, мотивации и всемерного стимулирования исследований и, с другой — создания условий для всеобщей доступности к их результатам. На возражение о том, что фармакологические корпорации никогда не

пойдут на это, сошлемся на мировой опыт табачных и алкогольных корпораций, о которых тоже говорили нечто подобное. Все решают политическая воля и готовность государственной машины включиться в тот или иной процесс социальных преобразований.

Девятое. В условиях истерии вокруг коронавируса США, несомненно, воспользуются ситуацией, чтобы нанести удары по своим противникам и конкурентам. В частности, по Китаю они попытаются нанести удар не только путем предъявления претензий за последствия COVID-19 и распространения юрисдикции американских судов на суверенные государства, но и посредством психологического воздействия на покупателей, чтобы не приобретали «опасные» для жизни китайские товары.

На Россию, кроме гибридной войны, давление будет оказываться через обвал цен на нефть и ужесточение санкций, несмотря на полное фиаско истории с так называемым русским вмешательством в американские выборы. Очевидно, и России, и остальному миру надо быть готовыми к тому, что США по отношению к ним начнут проводить политику «развязанных рук», игнорируя какие бы то ни было права, нормы, договоренности, принципы и т. п.

Малая Европа, несомненно, получит от них новый импульс к разрушению единого европейского экономического пространства и недопущению ее к участию в евразийском формате сотрудничества. Однако в случае создания нового англосаксонского альянса (США, Великобритания, Новая Зеландия, Австралия) для Малой Европы открывается судьбоносная возможность развернуться в сторону Большой Европы и евразийского пространства.

В то же время надо осознавать, что реализация подобных намерений осложняется углубляющимся расколом американской элиты, который чреват непредсказуемостью поведения США. Конечно, скорее надо ожидать победу Д. Трампа, который постарается использовать «русское вмешательство» по полной программе, с колоссальным ущербом как для партии демократов, так

и для ведущих ее представителей. Однако возвращение демократов к власти несет с собой существенное осложнение и для перехода к посткапиталистическому обществу, и для формирования нового мирового порядка, так как они за отсутствием новых идей постараются повторно войти в пересыхающее русло реки под названием «глобализация» со всеми ее атрибутами и постулатами. Но кто бы осенью 2020 г. ни пришел к власти в США, геополитическую ситуацию можно будет охарактеризовать девизом: «глобализация умерла (не умерла), да здравствует гегемон».

Пандемия позволила выявить, насколько сильна инерция устремленности США к гегемонии даже в условиях качественно изменившегося геополитического ландшафта и коронавирусной ситуации. Последнюю они используют для пополнения своего геополитического инструментария биополитикой. В частности, по всему миру, включая страны СНГ, финансируемые США СМИ, неправительственные организации, националистические движения включились в процесс разжигания синофобии — антикитайских настроений. И это происходит на фоне того, что именно американские военные ведомства контролируют созданные во многих странах мира центры и лаборатории по изучению особо опасных инфекций.

Десятое. С наступлением краха проекта глобализации в цитадели его вдохновителей и организаторов начало приходить осознание того, что неудача с его реализацией сопряжена не только с кознями ее противников, но и с внутренним противоречием между той частью капитала, которая ориентирована на развитие национальной экономики, и той, которая продолжает настаивать на финансовой экспансии. Итогом такого противостояния стали ограничения, санкции, давление, запугивание в отношении не только противников глобализации, но и тех, кто еще недавно активно участвовал в сооружении этого американского «карточного домика». Это, так сказать, расплата за их молчаливое согласие или активное соучастие в политике экономического принуждения России, Китая и других стран к подчинению гегемону. Но теперь

«пришли и за ними». А это уже придает совершенно непредсказуемый разворот событий и отношений не только на всем геополитическом пространстве, но и прежде всего в его трансатлантической и евразийской частях.

Россия уже объявлена США главным врагом, и вокруг нее происходит формирование разнообразных фронтов и очагов провокаций и агрессии, а также разворачивается целая сеть биологических лабораторий. И если могут появиться отдельные «просветы» ослабления напряженности между нашими странами, то, без сомнения, они опять-таки будут использоваться во вред ей и против нее. В этом сценарии скорее всего главной может оказаться «китайская карта», которую они попытаются разыграть с целью добиться от России отказа от политики упрочения отношений с Китаем и превращения ее, если не в его врага, то в страну, занимающую нейтральную позицию по отношению к Китаю. О начале этой игры уже объявил Трамп, который собирается пригласить в США на саммит руководителей не только «Семерки», но и еще четырех стран (Австралии, Индии, России, Южной Кореи), игнорируя Китай. Только надо понимать, что подобные «просветы» в конечном счете окажутся «черной дырой» для России, из которой ей не будет возврата в этот мир в формате суверенного государства.

Любые предпринимаемые США меры по ослаблению натиска против нас следует рассматривать лишь в качестве тактических шагов в рамках их стратегических целей: упразднение России как суверенного государства, не говоря уже о ней как о мировом центре силы, и превращение ее в составную часть их геополитического пространства в качестве ресурсной зоны. В данном контексте заслуживает внимания вышедший в 2019 г. доклад американской корпорации RAND «Перенапряженная и несбалансированная Россия. Оценка воздействия вариантов наложения расходов», который служит своего рода обоснованием и продолжением «Концепции быстрого глобального удара» и «Стратегии национальной обороны США». В нем максимально откровенно

выражена текущая и будущая стратегия США по отношению к нашей стране с учетом сильных и слабых сторон Российской Федерации и определен набор мер и инструментов для нанесения ей максимального ущерба.

Задача заключается в том, чтобы всеми доступными методами «перенапрячь» государство, подорвать его экономику и политическую стабильность, ослабить моральный дух населения, уменьшить волю к сопротивлению и, в конечном счете, вынудить элиты, а затем и всю страну капитулировать перед Западом. Для эффективности таких гибридных атак рекомендуется начать поиск уязвимых зон, по которым предполагается нанести основные удары. Конечная цель заключается во фрагментации Российской Федерации на множество самостоятельных частей и превращении их в управляемые извне территории, независимо от того, как они будут называться [2].

Данный доклад свидетельствует о том, что современной правящей элите США не дает покоя успех, связанный с рукотворным развалом Советского Союза, в отношении которого вызывают недоумение заявления некоторых наших политологов, что никакой победы в «холодной войне» не было, а был собственно-ручной развал своего государства. На первый взгляд, это так, но, если учесть, что США и их союзники все годы и все усилия прилагали к тому, чтобы сокрушить СССР как главного их противника, то, несомненно, победа налицо, и тем она похвальнее, чем легче им далась. Победа есть победа, независимо от того, достигнута она на поле брани или в результате трусости и предательства в стане врага. Россия (СССР) потерпела геополитическое поражение, равное которому трудно найти в истории человечества. Сейчас у США куда больше надежд на капитуляцию правящей элиты, ибо нельзя отрицать присутствие духа квислингов в наших социально-экономических и политико-идеологических сферах.

Вступая в новое стратегическое противостояние с США или коллективным Западом, необходимо извлечь урок из недавнего

прошлого. Суть его заключается в необходимости устранения оппозиции, ориентирующейся на реализацию интересов иностранных государств, часто прикрываемую ложной заботой о судьбе Отечества. Оппозиция власти допустима и, возможно, даже необходима в отношении внутренних аспектов социально-экономических отношений, тогда как в отношении решения проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности, обороноспособности, защиты геополитических интересов страны и ее целостности оппозиции не должно быть.

Одиннадцатое. Нельзя игнорировать и тот факт, что Россия, обладая около 1/9 частью территории суши и примерно 20% возобновляемых и невозобновляемых ресурсов планеты, имеет менее 2% населения мира и производит всего лишь 3% мирового валового внутреннего продукта и примерно 0,5% в высокотехнологичном экспорте. В условиях нарастающего ресурсного дефицита, реформирования миропорядка и смены эпох Россия всегда будет объектом вождельных интересов мировых элит и могущественных групп в качестве ресурсного потенциала. Поэтому при выработке идеологии развития страны требуется концептуальное осмысление происходящих изменений на геополитическом пространстве, сопровождаемых фрагментацией мира и возрождением национальной закрытости, с опорой на основополагающие принципы русской цивилизации, специфику государственного строительства и богатый исторический опыт при одновременном избавлении от чужеродных постулатов либерализма с его аксиомами и догмами «открытого общества».

Наряду с геополитическими сдвигами следует учитывать и начавшийся произвол в сфере международных отношений, и неизбежность возникновения чрезвычайных внутренних и внешних обстоятельств. Все это делает актуальным переход к мобилизационной модели развития, центральным моментом которой должна стать самодостаточность как способ не изоляции от внешнего мира, а реализации принципа необходимой достаточности. Он предполагает открытость экономики в той мере, в какой

она способствует удовлетворению потребностей страны в недостающих товарах и услугах, развитию международного обмена и сотрудничества на принципах равенства и взаимной выгоды, предотвращению использования санкций в качестве инструмента давления, обеспечению национальной безопасности.

Одновременно требуется формирование консолидированного общества в качестве субъекта, готового и способного решать стоящие перед страной задачи в ходе движения к своему идеалу. А это может произойти лишь в том случае, если властные структуры будут пропитаны духом служения государству как единственному институту, ответственному за выживание, сохранение и развитие народа и за обеспечение движения страны в будущее, связанное с возможностью творческой и созидательной деятельности человека во имя своего народа и Отечества.

Что касается экономики, то совокупность национальных проектов, предложенных президентом, можно рассматривать в качестве исходного варианта мобилизационного народнохозяйственного плана развития России посредством их взаимной увязки в единый межотраслевой и межтерриториальный комплекс. Такой шаг мог бы стать отправным пунктом для стратегического прогнозирования и планирования народного хозяйства на перспективу 20—30 лет. Предложенные поправки к Конституции РФ, которые, несомненно, будут приняты, надо сказать, оказались как нельзя кстати для создания нового «единого центра власти» с широкими полномочиями, по характеру своей деятельности напоминающего Государственный комитет обороны в годы Великой Отечественной войны. Тем более Россия действительно находится в состоянии обороны, которая требует от власти проведения политики по реализации интересов государства как единственного института, ответственного за судьбы народов России, за ее место и роль в геополитическом пространстве будущего. В послекоронавирусный период следует ожидать не ослабления, а усиления напряженности в международных отношениях и гибридной войны против России.

Двенадцатое. Будущее России зависит от готовности к предстоящим вызовам и угрозам подрастающих поколений¹⁰, которая будет зависеть от идеологии (традиционализм или прогрессизм), лежащей в основании создаваемого нами общественного строя. Пока что реформирование системы образования идет в русле идеологии прогрессизма, несмотря на то, что президент В.В. Путин неоднократно выступал в защиту наших традиционных национально-культурных ценностей. Время идет, но никто не спешит дезавуировать вредоносную установку бывшего министра образования и науки А. Фурсенко как для народа, так и для государства российского: «взрастить... (не творца, не создателя. — *В.И.*) потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других».

На реализацию этой установки направлена и цифровизация образовательного процесса, сопровождаемого формированием примитивного и упрощенного восприятия окружающего мира и мировоззрения учащихся. Пандемия ускорила переход на дистанционное образование¹¹, которое наши реформаторы стремятся сделать всеобщим и бесплатным, как того требует соответствующая статья Конституции РФ, а классическое, традиционное обучение, как это прописано в форсайт-проекте «Образование — 2030», будет только для «избранных» и платным [7]. Как утверждает один из авторов форсайт-проекта Д. Песков, «образование будущего разделится на два вида: компьютерное — оно будет дешевым, и человеческое — оно будет дорогим». В соответствии с данной логикой абсолютное большинство детей, подростков и

¹⁰Будем помнить восточную мудрость: хочешь победить врага — воспитай его детей.

¹¹Мировой опыт свидетельствует, что с введением дистанционного обучения лишь 3% людей, приступивших к учебе по данной форме образования, завершили его успешно. При этом надо учитывать, что в данном случае в учебный процесс были вовлечены люди разных возрастов, а не бесшабашные дети и подростки, которые требуют не просто обучения, а и самого серьезного воспитания. Поэтому не трудно догадаться, какой бедой для них обернется такое образование, и что ждет Россию.

юношей не достойны того, чтобы получать «человеческое» образование, его достойны лишь «избранные», с «тугим кошельком», готовые оплатить обучение в элитных частных школах, что свидетельствует о намерении создать кастово-селекционную систему образования. Однако в связи с тем, что таланты не зависят от «тугого кошелька», можно констатировать: «плакали» современные «эддисоны», «калашниковы», «кронштадтские», «смоктуновские».

В связи с вышесказанным представляется целесообразным следующее.

1. Вернуть исследования и разработки, связанные с реформированием системы образования, вузовской и академической научно-педагогической общественности России с ее ведущими университетами и научными центрами, устранив монополию в данной области одних и тех же всем известных заведений, бизнеса и чиновников, придерживающихся либерал-глобалистской идеологии и ориентированных на интересы мирового финансового капитала.

2. Упразднить профилированное обучение после 9-го класса, так как оно может стать для многих непреодолимым препятствием для дальнейшего образования и поиска деятельности, соответствующей их талантам и способностям, так как они проявляются чаще всего не на учебной скамье, а в жизни, когда человек находит адекватное его таланту дело.

3. Дистанционное обучение следует сделать исключительно вспомогательным средством к классическому образованию с его непосредственным эмоционально-интеллектуальным общением учителя и ученика в едином воспитательно-образовательном процессе. Электронная (цифровая) школа исключает возможность живого общения между ними, подменяет оценку знаний учеников оценкой его личности и превращает учащихся из субъектов знания в объекты управления.

4. Исключить возможность внедрения кастово-селекционной системы образования как непреодолимого препятствия в развитии духовно-интеллектуальных достоинств и талантов каждого

гражданина и в выявлении духовно-интеллектуального человеческого потенциала всего общества.

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. Доклад: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e274bc843863f00acd7ed97/oglubinnyh-prichinah-narastaiushhego-haosa-i-merah-po-preodoleniiu-ekonomicheskogo-krizisa-5ebd6740e49ceb1a8333d25d> (дата обращения: 15.05.2020).

2. *Ильницкий А.* Гибридные войны: вызовы, угрозы, уязвимости: [Электронный ресурс]. URL: [https://zavtra.ru/blogs/gibridnie_e_vojni_vizovi_ugrozi_uязvimosti](https://zavtra.ru/blogs/gibridnie_vojni_vizovi_ugrozi_uязvimosti) (дата обращения: 21.05.2020).

3. *Лисицын Ф.* Мечь природы // Завтра. 2020. № 19.

4. США потребовали от Китая оплатить ущерб от коронавируса всему миру // Сайт Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/41863255/> (дата обращения: 24.05.2020).

5. *Титов И.* Атлант накладно лечит // Завтра. 2020. № 15.

6. Трамп поставил ВОЗ условия для продолжения финансирования // Сайт Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/41833423/> (дата обращения: 23.05.2020).

7. Форсайт «Образование 2030»: касты «людей одной кнопки» и «людиардЕров»: [Электронный ресурс]. URL: andoc.livejournal.com/653025.html .

8. *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004.

9. *Weizsaeck E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet // A Report to the Club of Rome. 2017. Springer.

В.В. КАШИЦЫН

Корона против вируса и вирус против короны, или Четыре всадника Апокалипсиса

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов, природы и последствий явления, привнесшего в бытийность общества существенные изменения. А именно, всему тому, что связано с современной коронавирусной пандемией. В центре внимания автора находятся взаимосвязь естественного и искусственного начал в происхождении коронавирусной пандемии, а также те обстоятельства, которые связаны с восприятием, трактовкой и последствиями борьбы с нею в России и в странах Запада.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, власть, система управления, регулирование, саморегулирование, природа, экономика, общество, противоречия, диспропорции, дифференциация, научно-технический прогресс, развитие, экономический рост, апокалипсис, внутренний рынок, цифровизация, искусственный интеллект.

Abstract. This article is devoted to the study of the factors, nature and consequences of the phenomenon that brought significant changes to the being of modern nature and society. Namely, all that is associated with the modern coronavirus pandemic.

The author focuses on the relationship between natural and artificial principles in the origin of the coronavirus pandemic. As well as the circumstances related to the perception, interpretation and consequences of the fight against the pandemic in Russia and in the West.

Keywords: coronavirus, pandemic, power, management system, regulation, self-regulation, nature, economy, society, contradictions, imbalances, differentiation, scientific and technological progress, development, economic growth, Apocalypse, internal market, digitalization, artificial intelligence.

Корона — первый признак власти.
И, зная это, вирус бдит.
Ему все властные напасти
Претят, ведь он же не бандит.
Он денег лишних не имеет,
И встреча с властью ни к чему.
Он сам, похоже, сатанеет,
Они ему не по плечу.

Опубличивание бытия коронавируса в конце 2019 — начале 2020 г. и погружение мира в пандемийный кризис явились началом колоссального напластования вопросов без ответов. И вот уже полгода процесс прогрессирует. Но так или иначе, постепенно, но неуклонно все это пространство вопросов и ответов кристаллизовалось в гранд-дилемме! Какова природа этого явления? Что это — экстремальный всполох проявления сложнейших и многообразных законов эволюции природы? Или же это явление рукотворное, имеющее цель посредством актуализации угроз перераспределение в мире соискания богатства, контроля, власти и господства над этим процессом.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, имея в виду феноменально усложняющийся характер бытийности данной дилеммы, множество вопросов воспроизводится на порядок быстрее, чем появляется вариативность ответов. Иначе говоря, чем больше ученый мир погружается в суть проблемы, тем дальше человечество оказывается от нахождения адекватных ответов и уж тем более от способности влиять на этот процесс.

Иначе говоря, чем больше мы познаем, тем в большей степени открывается пространство непознанного.

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

М.В. Ломоносов [1, 489]

Человечество в очередной раз столкнулось с явлением обострения гиперпротиворечия взаимосвязи природы и общества,

в рамках которого природа вынуждена демонстрировать свой примат! Был брошен вызов: учитываешь мои, природы, законы, строение, приоритеты — живи и развивайся дальше, человечество. Не учитываешь — получай кризис, катастрофу, а то и конец света. Поэтому сама радикализация постановки нашей дилеммы не может быть приемлемой: что это — естественное явление или искусственное? Совершенно очевидно, что это и то, и другое! И, если мы сталкиваемся в этой взаимосвязи с кризисом, катастрофой и опасностью самоуничтожения, крайне необходимо, актуализировав общественный разум, включить механизм саморегулирования, читай — самоограничения, по отношению к природе! Разумеется, преодолевая в данном контексте два наших неизбывных греха: гордыню и уныние.

Любые настойчивые и неукротимые стремления проникновения в законы природы вообще и уж тем более в природу человека и его сознание должны быть переведены в режим общественного (но не властного!) формата саморегулирования и самоограничения. Почему же не властного? Да потому, что общество в течение всей его истории, включая сегодняшний день, так и не приблизилось к реализации основного закона своего бытия, согласно которому власть есть функция самореализации общества, а не наоборот, как это происходит в реальности.

Автокефальность власти по отношению к обществу автоматически превращает ее в функцию самой маргинальной и непрофессиональной части общества, компенсирующей свое уродство реализацией алчности, властолюбия и неукротимого стремления к господству над обществом. Отсюда происходит и болезненное патологическое стремление к использованию достижений научно-технического прогресса в направлении тоталитаризации господства над человеком и обществом, причем стремление это само по себе столь беспринципно, сколь и всеохватно. Здесь используются по нарастающей и физика, и химия, и биология, и генетика, и кибернетика, и все без исключения гуманитарные науки. А также, и это главное, их умножающиеся стыки и синтезы.

И во главе угла здесь находится стремление через приватизацию «искусственного интеллекта» поставить под жесткий контроль интеллект естественный и систему его расширенного воспроизводства! И основная опасность этого главного современного тренда заключается даже не в том, что «сильные мира сего» никогда не пересекались с интеллектом, так как не способны к проникновению в его природу и суть, а в том, что данная траектория закономерно ведет человечество к самоуничтожению.

Так как же быть нашему замечательному человечеству в этой непростой ситуации? Как преодолеть эту антиномию, да еще и умудриться уцелеть? С одной стороны, интеллект как закономерный продукт многообразия и непрерывного перемешивания общества объективно заточен на развитие и вне его существовать не может. С другой стороны, налицо свирепость и беспринципность умножения попыток использовать, вне понимания его природы, интеллект для реализации всепожирающей и всеуничтожающей на своем пути алчности посредством соискания господства и власти над всем и в первую очередь над интеллектом.

Надо же было умудриться придумать такого чемпиона мира по бессмысленности, как выражение «искусственный интеллект»! Надо же было умудриться поставить перед собой цель — «синтезировать» человеческий мозг посредством нейронета и нейросети с компьютером! Очевидно же, что это уже самовыврождение и самоуничтожение с девизом: «После нас хоть потоп!». И это проблема известна со времен Римской империи, основавшей систему права, призванного регулировать маргинальную часть общества, бытийствующего вне саморегулирующейся культуры граждан, не нуждающейся ни в каком праве. Хотя и тогда раздавались голоса — а что будет если динамизирующаяся маргинальная часть общества пойдет против нас и начнет использовать это «замечательное право», придуманное для них, придя к власти? И, как водится, — как в воду смотрели.

Ведь маргиналам априори закон не писан. Потребен совершенно иной способ их адаптации с обществом. И, очевидно, это

не способ делегирования им власти. До этого даже в Древнем Риме не додумались, в отличие от современного общества.

Иначе говоря, как ни суди, ни ряди, но никуда не денешься от поисков инварианта корреспонденции власти с креатором прогресса и богатства, с профессионалом, который меньшей частью общества создает большую часть богатства, будучи к его материальной части абсолютно индифферентным, так как его ипостась — творчество, а это прежде всего процесс и уж в самую последнюю очередь результат. Отсюда и проистекают его непотопляемая честность и порядочность и невостребованность внешнего контроля во всех его проявлениях, так как работают самоконтроль и самоограничение. А также примат общественного начала по отношению к личному, так как творчество в широком смысле процесс общественный.

Что же думают по этому поводу наши замечательные «псевдорегуляторы»? Что касается нашей страны, то здесь как обычно. В кризис попадаем первыми, а задумываемся последними. Быстро скачем, соскочив с печи, и обязательно проскакиваем момент золотой середины — где бы надобно повернуть. А если что, возвращаемся к внутреннему тоталитаризму. У наших западных партнеров тоже ничего особенно нового не наблюдается. Все силы уходят на поиски тех, кто заплатит за их самопожирание, саморазложение и абсолютное нежелание гармонизировать гигантские накопившиеся экстремумы собственной бытийности.

В нашумевшем последнем номере журнала «The Economist» за 2019 г. на титуле влиятельные владельцы журнала попытались в абстрактной форме изобразить их видение и ощущение сложившейся в современном мировом хозяйстве ситуации [3]. Конечно, имея в виду абстрактный формат изложения, трактовки заявленной позиции могут быть разными. Но обращает на себя внимание миниатюра четырех всадников Апокалипсиса слева от профиля нашего президента. Не вызывает никакого сомнения, что отраженные в миниатюре четыре всадника персонифицируют собою четыре гранд-факторные силы в современном мире, от той или

иной группировки которых зависит ближайшее будущее мира. Слева направо это, как водится, смерть с косой. Далее в маске трагедии с колеблющимися весами в руках лик Поднебесного Китая, далее в руках с мечом — статуя Свободы. И справа с короной на голове и с мечом — лик, убедительно напоминающий нашего Илью Муромца как символа силы России.

Получается, что развилка бытия и небытия мира зависит от того, куда качнутся китайские весы по отношению к двум силовым (корона и меч) центрам реальной и потенциальной власти: США и России, свободы и несвободы (псевдосимвол России). Имея в виду относительную зависимость и Китая, и России от США, миниатюра символизирует готовность США во всех отношениях к эскалации процесса противостояния и, разумеется, столкновения России с Китаем. Причем основное давление, видимо, предполагается оказывать на Китай («эффект весов»), что подразумевает, очевидно, бесспорное лидерство России по военному и техническому потенциалу. Конечно же, любые предположения и даже гипотезы беднее реальности и ее симулякров. Но в случае их синхронизации с событийным рядом приходится констатировать, что стремление удерживать свое господство в мировом хозяйстве у пока еще его лидера непоколебимо.

Что касается России, то, хорошо понимая, что любое силовое внешнее давление ее только укрепляет, наши «заокеанские партнеры» всюду мониторят, отслеживают и собираются разыгрывать внутреннюю карту, играя на усиление внутренних российских диспропорций, дифференциаций и, главное, на противоречиях между властью и населением, посредством прежде всего деструкции ее и без того самого слабого звена — системы управления.

И в этом смысле пандемия вне зависимости от ее происхождения является более чем адекватным тестом на предмет выявления не столько степени результативности борьбы с ней, сколько того, как этим экстремумом воспользуется российская власть и как она повлияет на систему управления и ее приоритеты. Дело

ведь заключается не столько в уровне провала в экономике, сколько в его природе и факторном сочетании уровня снижения.

Если Китай, завершая формирование инфраструктуры внутреннего рынка, уже почти готов к его активации на полную мощь, компенсируя тем самым уходящую утрату американского рынка и проблемы с рынками других развитых стран, то в России просматривается ситуация противоположная: внутренние резервы и активы, фокусирующиеся на национальных проектах, де-факто делают запуск внутреннего рынка страны еще более проблематичным. А без него перевод экономики в развитийное русло с адекватным экономическим ростом, минимум, в 7—8% практически невозможен, так как в отсутствии эффективно работающего внутреннего рынка страны субъекты хозяйственной деятельности обречены играть по чужим конкурентным правилам, показателям и критериям эффективности, в том числе и внутри страны.

В течение тридцати лет российские научные и практические экономические традиции и возможности фактически были утилизированы, поэтому и начинать надо, вообще говоря, с самого начала. Но не объяснять же нынешним «капитанам» экономической политики в стране, что такое «экономика», как она функционирует и какую локомотивную роль в ней играет ее сердце — внутренний рынок?! Выдающаяся профессиональная тройка в лице правительства Примакова — Маслюкова и Геращенко «развернула российскую экономику, направив ее в русло восстановительного роста» [2, 357] после дефолта 1998 г., запустив тем самым работу внутреннего рынка в конце 1998 — начале 1999 г., продемонстрировав тем самым его мощь и перспективы для страны и ее беременность развитием. Но последующие политико-экономические события показали, что оппозиция развитию в стране сложилась мощная и что перевод экономики в русло развития в лучшем случае может быть перспективой только далекого будущего.

А что же сегодня? Мы постепенно выходим из первой волны пандемии, озаботив по-крупному своей решимостью коронавируса и уточнив уровень падения экономики в 5—6 % ВВП,

предполагая вернуться к вялому росту 2019 г. в 1,7%, только в 2021—2022 гг. Но при этом, найдя новую панацею в лице цифровой экономики, искусственного интеллекта, нейронета, дистанционного взаимодействия, абсолютно не связанных с производством, забыли о реиндустриализации. На всех парах летим к дальнейшему отрыву экономики от производства, управления, от осмысленности обратных связей — власти от населения и проч., и проч., и проч.

Конечно же, эпохальный отрыв функциональных поверхностных акцентов в управлении от содержательных в экономике и обществе отношений обходится и обойдется в будущем нам очень дорого. Но несмотря ни на что, страна в себе сохраняет до сих пор существенный потенциал развития и, с нашей точки зрения, способна, даже с учетом гигантских потерь, вернуться не только к развитию, но и к развитию в опережающем формате, реализовав все то, что от нее ждет обессилевшее и обесмысленное человечество.

Другими словами, через возвращение к воспроизводству своих традиций наша страна в хорошем смысле обречена на реализацию своей уникальной миссии — миссии прожектора планеты в направлении формирования нового, справедливого, процветающего общества на самодостаточной основе эффективного функционирования внутреннего рынка и своей экономики в целом. Во всяком случае подрастающая молодежь, уже хорошо понимая, что происходит и что ее ожидает, не собирается пассивно и нейтрально реагировать на происходящее.

Так что, профессионалы всей страны, объединяйтесь! Общественный спрос на развитие снизу близок к кристаллизации. Если же есть спрос снизу, то рано или поздно он появится и наверху, так как именно в этом и заключается смысл того, что называется демократией.

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния // Ломоносов М.В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Труды по философии и литературные произведения; послесловие Ю. Кириленко. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2012. 784 с.

2. *Рязанов В.Т.* (Не)реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.

3. The World in 2019 // The Economist: [Электронный ресурс]. URL: <https://shop.economist.com/products/the-world-in-2019?redirect=US> (дата обращения: 20.06.2020).

В.К. КОРОЛЕВ, О.В. ЕВГРАФОВА

«Декоронация» глобализации и этномультикультурализм в посткризисной экономике*

Аннотация. В работе подчеркивается, что коронавирусная пандемия требует адекватного осмысления своего воздействия на человечество. Ставится вопрос: какой характер имеют спровоцированные ею изменения — тактический или стратегический? Высказывается суждение, что реакция на вирус не дойдет до кардинального переустройства мира, дело ограничится его модернизацией. Утверждается, что главный удар вируса приняла на себя глобализация как пространственно-коммуникативный феномен. Пандемия обострила ее традиционные проблемы, обнаружила новые, активизировала тенденции изменения ее главных, «классических» — экономического и геополитического — факторов. В связи с этим анонсируется гипотеза, что в посткризисном качестве глобализации усиливается роль

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 44—59.

ее этномультимкультурного фактора, презентующего качество «переливов» человеческого капитала в обновленной глобальной экономике. Ставятся проблемы реакции на все эти изменения основных сфер российского общества и социокультурного (по)знания.

Ключевые слова: кризис, глобализация, экономика, культура, мультикультурализм, этнос, человек, вирус, пандемия.

Abstract. The authors emphasize that the coronavirus pandemic requires an adequate understanding of its impact on humanity: what is the nature of the changes it provoked — tactical or strategic? It has been suggested that the reaction to the virus will not reach a radical reorganization of the world, the matter will be limited to its modernization. The authors believe that globalization has taken the brunt of the virus as a spatially communicative phenomenon. The pandemic exacerbated its traditional problems, discovered new problems, intensified the tendency to change its main, «classical» — economic and geopolitical factors. In this regard, the hypothesis is announced that in the post — crisis quality of globalization, the role of its ethnomulticultural factor, presenting the quality of the «overflow» of human capital in the renewed global economy, is being strengthened. The problems of reaction to all these changes in the main areas of Russian society and socio — humanitarian (in)knowledge are posed.

Keywords: crisis, globalization, economy, culture, multiculturalism, ethos, man, virus, pandemic.

В текущем году «коронарные» события своим влиянием на жизнь человека и общества, его экономику, беспрецедентно «встряхнули» стабильность глобального мира. Вирус COVID-19 (SARS-CoV-2), вызвавший первую эпидемию современности воистину вселенских масштабов, небывалой временной интенсивности и коммуникабельности, стал неким «всадником апокалипсиса», скачущим по планете, «топчающим» слабые места оказавшегося таким хрупким социума мировой цивилизации.

В свете проблем, вызванных пандемией, приобрели особую актуальность не только задачи адекватной на нее реакции, но и вопросы осмысления последствий этой мощной «встряски» для будущего человечества. Это, разумеется, относится и к России.

В первичном, по «горячим следам», анализе этого влияния можно выделить две оценки «коронизации» глобального мира.

Первая, назовем ее «реалистической»: несмотря на все трудности, ошибки, «прорвемся»: наработали опыт, сделали выводы; «эпидемии приходят и уходят, а жизнь продолжается», все со временем наладится в результате вызванной кризисом «работы над ошибками».

Вторая — «алармическая»: кризис может стать «круче» Великой депрессии, ввергнуть мир в некое новое состояние, качество которого пока не просматривается, что вызывает тревогу, как и все непонятное.

В свете этого возможны две оценки характера переживаемых и грядущих изменений: а) мир изменится, но «несерьезно»; б) мир изменится «серьезно». (Есть и такая интересная оценка — или первое, или второе...)

Не входя в эти измышления, отметим, что, конечно, мир изменится после этого кризиса, как и после любого (глобального). Естественно, нас интересует возможность изменений «*серьезных*» («несерьезные» идут постоянно, воспринимаются как норма, есть большой опыт реакции на них), чреватых становлением некоего нового бытия. Напомним, что в связи с мировым финансовым кризисом 2008 г. на Западе говорили о перспективах *качественного* обновления капитализма как системы, о его новых *моделях* (сотрудничества, моральный, регулируемый и др.). С преодолением этого кризиса такие разговоры «сошли на нет», но сейчас «концептуально-парадигмальный» подход вновь обретает актуальность. Мир XXI в. попал в некий «идеальный шторм»: сложилась ситуация, когда глобальная пандемия совпала с катаклизмами нефтяного рынка.

Как же оценивать «серьезность» кризиса, его последствий, перспективы посткризисного мира? Полагаем — тут уместно применить объяснение механизма смены цивилизаций, данное А. Тойнби: они меняются не сами по себе, а в ответ на Вызов, и рушатся, если не находят адекватного Ответа на него.

При таком подходе к ситуации текущего кризиса возникает ряд принципиальных вопросов. Является ли коронавирусная пандемия таким цивилизационным Вызовом? Какой Ответ адекватен данному кризису: достаточна ли, пусть и «шоковая», но все же его «терапия»? Не окажутся ли необходимыми «хирургические» меры «перереформатирования» мира, чреватого неким новым «концом истории»? Какое будущее может родиться из наличной кризисной реальности? Есть ли модель посткризисного обновления? Какова парадигма его осмысления? Кто выиграет в результате кризисных катаклизмов? Эти вопросы пока не имеют острой практической актуальности — надо срочно «купировать» кризис, вылечить человечество, социум; но потом, полагаем, все равно придется думать над ними, хотя бы из опасения возможности подобных встрясок в будущем («План Б»).

Как конкретно будет складываться ситуация — покажет ближайшее будущее. Но позволим предположить, что пандемия, оказав большое влияние на жизнь мирового сообщества, все же не станет «точкой невозврата» к базисным цивилизационным принципам жизни человека и общества, не спровоцирует возможность некоего революционного ее преобразования, требующего нового парадигмального осмысления. Чем обусловлен такой вывод?

Во-первых, человечество в прошлом веке пережило две мировые войны, небывалый коммунистический эксперимент, НТР, крах «мировой системы социализма», разные политические и экономические кризисы, эпидемии и др. Конечно, все эти события сильно меняли мир, но к чему-то небывало новому, кроме названного эксперимента — в целом неудачного (Китай — случай особый), не привели. Так почему сейчас нужно ждать чего-то необыкновенного, выхода в некое загадочное посткризисное «инобытие» человечества? Конечно, наличная ситуация в некоторых аспектах является уникальной: ни разу прежде половина населения Земли одновременно не «сидела дома», ни разу ощущение тревоги от кризиса не было таким глобальным. Но это ощущение, полагаем, вызвано не только пандемией самой по себе, но и ее небывалым информационным «обеспечением».

Во-вторых, отсутствует ясность — какая такая «неведома зверушка» может появиться в итоге «серьезного» обновления? Ведь, кроме «капитализма», реально «иногое не дано»: его мир продолжающийся «окончившейся истории» допускает и претерпевает, конечно, свои трансформации, но в основе прочности «капиталистического» качества, его глобального доминирования лежит неизменность природы человека, природы *инфернальной* (о чем ярко и убедительно пишет Ю.М. Осипов). Ее можно и нужно критиковать, но изменить, как показали провалившиеся тысячелетние усилия религий и семьдесят лет «коммунистического воспитания», нельзя. В этом плане вирусный кризис можно воспринимать как Божью кару человечеству за его грехи или как дело «мирового шайтана»; Папа Римский назвал вирус «ответом природы» на (экономическую) деятельность человечества. Но если искуплением грехов «спасается» жизнь «старого», то почему оно должно разрушаться?

В-третьих, пандемия, выявив необходимость модернизации жизни человечества, сделала ему «прививку» от кардинальных катаклизмов, ибо кризис усиливает иммунитет мира наличного, что снижает вероятность парадигмальных трансформаций. В «лучшем» случае коронарные проблемы могут рассматриваться как своего рода запрос, «проба пера» на возможность некоего небывалого глобального обновления мира.

В-четвертых, все это не означает, что, по окончании кризиса, будет «один к одному» восстановлена прошлая жизнь. Как показывает исторический опыт, крупные кризисы, так или иначе, всегда значительно ее меняли. В частности, после Первой мировой войны не просто остались, но получили развитие созданные в военное время институты госрегулирования экономики, которые воспринимались как временная, вынужденная мера. После Второй мировой, как реакция на нее, появилась ООН. Возможны и другие примеры «институтов будущего». Можно ли разглядеть такие сейчас? Пока не получается... «Оптика» не позволяет — или высматривать особо нечего?

Все вышесказанное не отрицает возможность «инобытийной беременности» человечества в принципе («все меняется...»). Но, повторимся, ее (абстрактной) возможности пока, полагаем, не грозит переход в действительность по указанным выше причинам. В глобально-историческом плане запрос на реализацию этой возможности потенциально есть, о чем интуитивно и глубоко мыслит Ю.М. Осипов; полагаем, эти его идеи пока опережают время, но «крот истории» определенно «роет» в указанном им направлении.

Итак, коронарный кризис мощно встряхнул наличный мир, его экономику, но встряхнул недостаточно «серьезно» для становления некоего, по крайней мере — экономического — «инобытия». Тут примечателен прогноз директора-распорядителя МВФ К. Георгиевой: она полагает, что сейчас экономическая ситуация является в принципе такой, как и во время мирового финансового кризиса 2008 г., успешно преодоленного Западом без «серьезных» изменений; аналогичное мнение и у главы Всемирной торговой организации (ВТО) Р. Азеведо. При всей понятной должностной ангажированности этой оценки достаточно предсказуемо, что Запад, получив «коронарный» удар, мобилизует все свои силы, огромный антикризисный опыт с тем, чтобы восстановиться, не допустить непонятных кардинальных изменений, невыгодного ему расклада политических и экономических сил; более того, постарается использовать кризис для усиления своей роли в посткризисном мире.

Итак, какие же изменения провоцирует коронавирусная пандемия? Достаточно очевидно, что в глобальном *экономическом* плане ускоряется давно идущий процесс девальвации (но не распада, подобно миру «коммунистическому») индустриальных экономик технологических заимствований и экспорта сырья; обостряются понимание необходимости движения глобального мира к экономической и финансовой многополярности, опасности «кладки всех яиц» в корзины «центров силы»; возможен крупнейший за послевоенную историю передел собственности в процессе «переваривания» проблемных активов. Говоря о «частностях», можно отметить ценность производства жизненно важных простых вещей, перспективы развития дистанционных, on-line технологий, бесконтактных коммуникаций,

практик «удаленной» работы, цифровых технологий, регулирования миграции трудовых ресурсов и др.

В *политическом* плане очевидны переосмысление — усиление — роли государства в решении актуальных глобальных социально-экономических проблем, понимание важности его мобилизационного потенциала, недостаточности усилий «свободной» экономики, практики жизни «гражданского» общества, либерализма и демократии. (Примечателен беспрецедентный успех в борьбе с пандемией «тоталитарного» Китая.)

В *социальном* плане коронавирус, прежде всего, усиливает внимание к проблемам медицинского обеспечения и обслуживания населения. Но есть и глобальный аспект — возникает опыт нового формата жизни социума — (само)изоляции в обмен на относительную защиту и безопасность, даваемую властью, что опять-таки знаменует повышение ее роли в жизни общества, формирует коллективизм «домашней казармы». Для «открытого» общества это является небывалой новацией, требующей своего осмысления.

В *духовном* плане следует выделить перспективы развития практик формирования «единомыслия», в частности, на основе «раскручивания» коллективного страха, беспомощности перед глобальной угрозой, что чревато усилением манипулирования сознанием. Эта практика проявляется и в том, что сейчас мир в своем отношении к вирусному кризису духовно един, как никогда в истории: люди в тревоге ждут, когда «все это» закончится, жаждут вернуться в комфортную «нормальность».

В связи с коронарным кризисом нужно откликнуться на неизбежный «обывательский» — *конспирологический* — вопрос: не является ли вся эта вирусная история (истерия) своего рода заговором против человечества «тайного мирового правительства», некой «операцией прикрытия», призванной отвлечь внимание от каких-то желаемых глобальных перемен, решения неких проблем? (Подчеркнем — мы не ставим классический вопрос — «*cui prodest*», ибо очевидно, что кризис нанес удар по всему человечеству, речь идет не о заговоре, а об объективном *влиянии*; мир столкнулся с чем-то похуже заговора — с тем, что трудно понять.) Ответ на этот вопрос мы получим

после окончания пандемии, когда спокойный и всесторонний анализ ситуации высветит ее объективных «выгодополучателей», причем не частных (торговцев лекарствами, продовольствием и т. п.), а геополитических; вопрос в том, кто, как и зачем сможет *использовать* кризис в своих интересах, решению каких — государственных, групповых, иных — задач он *может* послужить.

Такое использование — дело вполне нормальное, естественное, так что о «заговоре» нельзя говорить серьезно. Но, в частности, уже сейчас понятно, что вирус не только «напрягает» мир, но и дает возможность «сравить пар» давления некоторых актуальных проблем («перегрев» экономики, рост влияния Китая и др.). Следующий год прояснит ситуацию, но при любом ходе событий напряженность в мире будет, очевидно, возрастать, хотя бы в борьбе за сферы влияния, за ресурсы, необходимые для восстановления экономики, за нефтяной рынок.

Как все эти процессы выражаются в России? Международная научная конференция «Россия в координатах ударных перемен...», прошедшая в МГУ в декабре 2019 г., в своей «Концептуальной декларации» авторитетно заявила, что идущие в мире изменения становятся все более радикальными, делающими и мир, и Россию другими, что позволяет говорить даже о возможности некоего трансгрессивного скачка во что-то неведомое и тревожное [4]. Публикация этих материалов резонансно совпала со взрывом пандемии, что актуализировало давние «осиповские» пророческие размышления о глобальном кризисе наличного и вызревании «Иного» мира, в возможности которого знаменательна роль России. При всей увлекательной оригинальности этой идеи повторим — она опережает время: очевидно, и наличный мир, несмотря на кризис, еще не исчерпал своей инфернальности, и Россия пока не готова стать «акушеркой» рождения некоего нового мира, еще не имеет для этого необходимого потенциала. Вместе с тем коронарный вирус дает новое «звучание» постановке Ю.М. Осипова проблемы российского «антикризиса» [5].

В первичном анализе протекания вирусного кризиса в стране, прежде всего, обращает на себя внимание шумиха, поднятая в СМИ

вокруг пандемии (в отличие от нефтяной ситуации). Возможно, несмотря на предупреждение Президента, этим преследуется цель возложить на вирус всю ответственность за начавшийся в стране глубокий социально-экономический кризис, за будущее нашей экономики.

Тем не менее в условиях пандемии объективно резко актуализируется проблематика адекватного понимания не только нынешних перемен, но и посткризисных перспектив страны, ее выхода в новое социокультурное пространство и время, обеспечивающего как ее глобализационную интеграцию в Западный мир, так и достойное существование в конкуренции с этим меняющимся миром. Такой проект надо срочно готовить; надеемся, пандемия активизирует эту работу.

Для ее корректировки, конкретизации надо хорошо понимать наличное состояние страны под влиянием «вирусно-нефтяного» кризиса. Пройдемся по основным сферам ее современной жизни.

В *экономической* сфере мы видим традиционное ситуативное реагирование — власть рассматривает текущую экономическую ситуацию как не требующую глобальных изменений качества экономической системы страны; реагирование, призванное, действуя в ручном режиме управления, минимизировать экономические потери (по мнению А. Кудрина, ВВП страны по итогам текущего года упадет на 8%, но есть и много прогнозов более печальных). Вероятно усиление внимания к восстановлению потерянного в своей экономике, ибо кризис показал опасность высокой технологической и продуктовой внешней зависимости (от ЕС — более 40% оборота внешней торговли, от Китая — 17%), от цен на мировом нефтяном рынке, которые минимум два года будут для страны весьма болезненными.

В сфере *политической* никаких существенных изменений также не происходит и, полагаем, не произойдет, несмотря на поправки к Конституции. Разве что пандемия дает возможность отработать практику новых мер контроля населения как на федеральном, так и на местном уровне, чреватую правоприменительной неразберихой запретов, регистраций, мер слежения, разрешений, пропусков

и т. п. Все это свидетельствует о жизненности старой идеи — опасность девальвирует демократию как фактор мирной жизни, а у нас идет война (с вирусом).

В *социальной* сфере также отмечается ситуативное реагирование — частные, точечные меры социальной поддержки отдельных групп населения с перспективой (объективно неизбежного в условиях падения экономики, снижения госбюджета, резервов ФНБ) сокращения социальных расходов; примечательно, что вопрос об эффективности конституционного положения о социальном государстве даже не ставится.

В сфере *духовной* наблюдается противоречивая ситуация некоего духовного сплочения народа перед лицом общей угрозы, но в условиях индивидуальной самоизоляции, разобщенности, своего рода «магданиации» жизни людей. Тут сказываются не только соображения санитарии и эпидемиологии, но и проявления некоей ксенофобии: сначала настороженное отношение к китайцам, потом — к иностранцам, потом — к нашим «возвращенцам», а там уж — к соседям по коммуналке как потенциальным вирусоносителям. Такое состояние напрягает психику людей, жаждущих вернуться к нормальной жизни.

Все эти перемены — реалии сегодняшнего и контуры завтрашнего дня, которые просматриваются сегодня. А что в будущем «по большому счету» — большой вопрос. Пока ясно одно: импульсы пандемии коронавируса описанными последствиями вряд ли исчерпываются. Очевидно, все принимаемые — безусловно необходимые — антикризисные меры стабилизируют ситуацию, она с каждым днем все более нормализуется. Но, разумеется, весь комплекс этих мер не может вывести за пределы возможного для наличной экономики, да они и не имеют такой цели. Понятно также, что выход из кризиса будет трудным и долгим, не располагающим к осмыслению глобальных перспектив бытия страны. Но, полагаем, рано или поздно, такое осмысление начнется, жизнь заставит...

Кризис показал — в современном мире быстро распространяются не только информация, товары, услуги, капиталы, технологии, трудовые ресурсы, масс-культурные ценности, но и смертоносные

вирусы, своим влиянием быстро разрушающие мир цивилизованного комфорта. Это диктует необходимость перехода от первичного анализа коронавирусной экспансии как в мире, так и в России к вопросу о ее влиянии на то, что принято называть *глобализацией* [1]. COVID-19 нанес болезненный удар по «классическим» представлениям о ее достоинствах, по парадигме осмысления. Полагаем — именно глобализация стала главной жертвой вируса, ибо она воплощает *пространственный* процесс всеобщей взаимосвязи, в основе ее современного «формата» лежит не столько экономическое, сколько коммуникативное единство мира, которое и деформировалось больше всего в результате антивирусных мер.

Кроме того, пандемия обнаружила и недостаток (предполагаемый идеологией глобализма) взаимосогласованной наднациональной реакции стран (даже в рамках Евросоюза) на эту глобальную угрозу. Конечно, все страны имеют свою специфику (как, кстати, и регионы России), но эта несогласованность представляется симптоматичной. Кризис показал и преждевременность разговоров о формировании нового качества всеобщности социального, а не только экономического бытия, о становлении некоего глобального сообщества («мегаобщества»), идущего на смену нации-государству как универсальной форме организации социума, доминировавшей с Нового времени в культуре Модерна [3].

И что же остается от практики и парадигмы «*классической глобализации*»? Ее качества и до «вируса» уже не выглядели «инновационными», глобализация со временем, с активизацией глокализации все более становится «нормальностью». В этом плане можно даже говорить о становлении некоего «пост-состояния» глобализации [2]. Каковы же ее особенности?

Во-первых, фундаментальная — *экономическая* — глобализация свою роль выполнила — создала так называемое «мировое хозяйство», в котором ведущая (по крайней мере, финансово-технологическая) роль Запада стала нормой экономической жизни; транснациональный мир, даже с учетом роста влияния Китая, прочно разделен на центры и сферы экономического влияния; его передел также не является чем-то новым, невиданным. Тем самым, глобализация

перестала быть экономической новацией; кроме того, в мире нарастают проблемы релевантного неэкономического — социокультурного, гуманитарного — влияния на глобальную экономику, «заслоняющие» ее экономической облик.

Во-вторых, глобализация теряет свое *геополитическое* значение: с исчезновением СССР в мире установилась новая конфигурация политических сил, вполне устойчивая при всех ее колебаниях — мир разделен на «блоки», сферы влияния (США, Европа, Китай, Россия). Вирусная «декоронация» глобализации подтвердила, что она теряет рассматриваемое значение, ибо кризис не приводит к изменению этой конфигурации, речь может идти лишь об изменениях в соотношении сил в этих сферах, между ними, не более.

В-третьих, глобализация уже не является актуальной *политико-культурной* проблемой: мультикультурализм, знаменующий становление некой новой социальной общности, провалился. «Ядра» многих «этно- национальных» культур в жизни их носителей не поддаются разрушению унификацией глобализации, сохраняют свое влияние даже в условиях растущего воздействия западной культуры; при всех коммуникативно-миграционных процессах люди, в основном, сохраняют свою этнокультурную идентичность. Вирус показал и преждевременность утверждений, что изначальные антиглобалистские опасения по поводу утраты национально-культурной самобытности народов под влиянием западного образа жизни потеряли остроту, напомнил, что, оставаясь в той или иной степени носителями национальных культур, люди не могут спокойно чувствовать себя равноправными гражданами «мира без границ».

Но есть один аспект глобализации, приобретающий, на наш взгляд, растущее значение в последние годы и активизированный вирусом: глобализация сейчас актуальна как процесс *этнокультурный*. Здесь весьма показательны проблематика жизни неевропейских мигрантов в странах Западной Европы, «странности» их адаптации в ее культуру: мигранты, сбежав от трудностей жизни на своих «родинах» в комфортную Европу, вместо вживания в систему ее ценностей зачастую не просто воспроизводят там привычный образ старой жизни, но и агрессивно сохраняют его. Кроме того, иноэтническая

миграция все более влияет на культурно-демографические ландшафты Западных стран, постепенно расшатывает историческую западно-европейскую культуру [6].

Это высвечивает новую «ипостась» современной глобализации — полагаем, ее традиционная парадигма обогащается практикой *этномультикультурализма*. В свете сказанного обратимся к прежде всего интересующей нас экономической сфере. В современной глобальной экономике Труд становится все более представлен человеческим капиталом стран Незапада, тогда как Запад выступает источником и носителем (финансово-организационного) Капитала и Технологий. Тем самым в экономическом аспекте современных глобализационных процессов обострилась проблема использования трудовых ресурсов разных этносов, культур, прежде всего — западных. Эти ресурсы сейчас во многом представлены реализацией потенциала мигрантов как необходимой рабочей силы — дешевой и, в основном, низкоквалифицированной, занятой «простым» трудом, важность которого показала текущая пандемия.

Поэтому мультикультурализм, теряя свое политическое значение и наращивая этническое, все более становится важной экономической проблемой глобализации, ибо актуализирует проблематику работы с разноэтническим человеческим капиталом в его глобализационных «переливах»; пандемия лишь активировала остроту данной проблемы. Опыт реакции объединенной Европы на вирус — сепаратизм закрытых границ, территорий, различные миграционные запреты — может иметь характер ситуативной антикризисной меры, не способной изменить «свободные» экономические законы «его величества Рынка», но способствующей обновлению их реализации. Это дает возможность говорить о *этномультикультуризации посткризисной экономики*.

Как все эти глобализационные проблемы преломляются в российской цивилизации? Во-первых, несмотря на некоторую стабилизацию ситуации, трудно говорить о сроках полного окончания пандемии — будет ли ее «вторая волна», как сократится внешний спрос на нашу нефть. Во-вторых, страна не может жить в условиях само-

изоляции, неизбежна адекватная адаптация к вирусному кризису глобализации. В-третьих, в настоящее время главным проявлением ее классической идеологии является фактическая приверженность либеральной экономической парадигме финансового блока правительства. Это рождает «интересные» проблемы нашей экономической политики в глобальном мире, в котором кризис показал важность государственного влияния на экономику, а антикризисные меры могут привести к усилению так называемого «государственного капитализма».

В свете сказанного возникает вопрос: что значил девиз Форума «Россия зовет» (Москва, 20—21 ноября 2019 г.) — «Мосты над волнами глобализации»? С кого берега и на какой ведут эти мосты? Или все они «вдоль реки» (экономического либерализма)? Ответ на этот вопрос не проясняется сменой правительства, ибо сейчас оно работает в режиме незабвенной черномырдинской «ошпаренной кошки», ему, естественно, не до «перспектив»... Такой режим в наличной, чрезвычайной ситуации, безусловно, необходим. Но не менее необходимы и последующее подведение итогов реакции нашего государства, общества, его экономики на вирусно-нефтяной кризис, разработка перспектив жизни в посткризисном мире, важно понимание необходимости глубокого стратегического осмысления последствий «коронизации» экономических и социальных процессов глобализации.

В нашей многоэтнической стране — с регионами разной степени экономического развития, активными миграционными процессами (что вполне сравнимо с западноевропейскими реалиями) — заслуживает особого внимания отмеченный этномультикультурный аспект экономической жизни. Это классически обусловлено обострением межнациональных проблем в условиях серьезных кризисов: на «чужаках» легко концентрируется энергия недовольства экономической («отнимают рабочие места») и социальной («понаехали»...) ситуацией. Примечательно изменение ситуации под влиянием вируса: становится меньше мигрантов, особенно в крупных городах, уезжает и часть «отходников» из провинции; всех их все более стали заменять местные, коренные жители. В свете этого представляется знаковой

поставленная Президентом в начале года, еще до вирусного кризиса, задача совершенствования миграционной политики в целях ее адекватности реалиям и перспективам рынка труда современной российской экономики.

Подведем итоги сказанному.

Первое. По ряду указанных причин нынешняя пандемия, при всей своей уникальности, вряд ли приведет к каким-то кардинальным цивилизационным изменениям, формированию некоего нового мирового устройства. Кризис поставил цивилизацию на болезненную «паузу»; это дает ей многовекторные возможности измениться. Пока адекватный Ответ на вирусный Вызов не сформулирован (ибо еще недостаточно понимание полноты его влияния на глобальный мир), но, полагаем, он будет найден и, так или иначе, реализован. Это требует специальных междисциплинарных исследований проблематики глобализации в посткризисном мире.

Второе. Из нынешнего кризиса, именно кризиса, а не катастрофы, будут извлечены важные уроки на будущее. Пока достаточно очевидна активизация иммунной системы глобализации наличной, что скорее упрочивает ее как доминанту современного мироустройства, нежели способствует его трансформации. Она, полагаем, объективно неизбежна, но каково ее содержание, что за изменения нас ждут, станет ли посткоронарный мир лучше — покажет время. Тут, как говорится, «хочется верить», не более.

Третье. Главной «жертвой» текущей пандемии стала глобализация. Пандемия, реакция на нее наносят удар по представлениям о благости, нормативности ее наличного состояния: «коронизация» приводит к «декоронизации» глобализации как достижения, высшего этапа мирового цивилизационного развития, требует серьезной коррекции глобализма (как теории) и собственно глобализации (как ее практики).

Четвертое. Это, однако, не отменяет глобализацию как цивилизационный феномен современного мира, входящий в период своего обновления, пересмотра состояния ее составляющих, реакции на проблемы, поставленные пандемией. В ней можно выделить актуаль-

ность осмысления изменений характера этнического аспекта глобальных экономических процессов, связанных с мировым разделением труда, миграцией человеческого капитала, перераспределением трудовых ресурсов в посткризисном мире — всей практики экономического мультикультурализма.

Итак, России важно не ограничиваться необходимыми ситуативными мерами выхода из вирусного-нефтяного кризиса. В трансформациях посткризисной экономической глобальности требует особого внимания теоретическая работа по целеполаганию, моделированию, проектированию глобального обновления не только экономики, но и всего цивилизационного бытия России в посткризисном мире. Эта проблема достаточно давно разрабатывается представителями Академии философии хозяйства, ЦОН МГУ, лаборатории философии хозяйства. Их рекомендации по «целостному перестроению» российского социума не ограничиваются экономической сферой, а предлагают рассматривать «новую реальность» (пусть далекую от загадочного «инобытия») как системный проект типа европейского Модерна, нацеленный на обновление цивилизационного облика России.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 324 с.
2. Королев В.К. Глобализация как философско-культурологическая проблема: кризис или «переформатирование»? // Многополярная глобализация и Россия. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 24—26 мая 2018: В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2018. С. 197—201.
3. Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь мир, 2017. 184 с.
4. Осипов Ю.М. Мир и Россия под ударными переменами: настоящими и грядущими // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 26—32.
5. Осипов Ю.М. Российский антикризис // Философия хозяйства. 2014. № 4. С. 9—18.
6. Шендрик А.И. Глобализация в системе культурологических координат // Знание, понимание, умение. 2005. № 1. С. 56—68.

Я.М. МИРКИН

**Новые реальности глобальной экономики
и их влияние на Россию**

Аннотация. Статья раскрывает возможную эволюцию экономической идеологии в постпандемическом мире (усиление дирижизма, протекционизма, пересмотр концепций развитой и развивающейся экономик, ревизия ценностей индивидуализма, экономической свободы и др.). Дан прогноз новых трендов (реструктурирование глобальной экономики, новые продуктовые ниши, изменения в глобальном спросе и предложении, усиление спроса на первичные ресурсы, индивидуализация массового потребления). В перспективе будет ослаблена роль экономики совместного пользования, возникнет сильный публичный интерес к личной собственности, к автономизации жизни в условиях внезапных сильных шоков. Высоки шансы возникновения тренда деагломерации крупнейших городов. Раскрыты особенности влияния новых реальностей на экономику России (вызовы дирижизма, глобальной конкуренции, зависимости от импорта технологий, прежде всего, из Китая).

Ключевые слова: автономизация, глобальные финансы, дирижизм, новые продуктовые ниши, постпандемический мир, протекционизм, реструктурирование, собственность, экономика совместного пользования.

Abstract. The article reveals the possible evolution of economic ideology in the post-pandemic world (strengthening dirigisme, protectionism, revision of the concepts of developed and developing economies, revision of the value of individualism, economic freedom, etc.). A forecast of new trends in the global economy is given (restructuring, changes in global supply and demand, in preferences in the consumption of the global middle class). The role of the «shared economy» will be weakened, a strong public interest will arise in personal ownership,

in the ability to maintain a more autonomous life in conditions of sudden strong shocks. The chances of a trend on deagglomeration of the largest cities are estimated. The mechanism of the influence of new realities on the Russian economy is disclosed (challenges arising from changes in economic ideology, from tougher global competition, from high dependence on imports of equipment and technologies, primarily from China).

Keywords: autonomy, dirigisme, global finance, ownership, post-pandemic world, protectionism, restructuring, shared economy.

Пандемия неизбежно внесет крупные структурные изменения в мировую экономику.

Идеология, экономические идеи. Усилится дирижизм. Он уже был на подъеме после глобального кризиса 2008—2009 гг. Пандемия показала, что общества большего дирижизма, способные ввести максимум ограничений на начальных этапах пандемии, лучше и быстрее с ней справились (азиатские экономики, континентальная модель — Германия, Австрия, Чехия). Мобилизационные экономики в экстремальных условиях способны работать лучше на короткой дистанции.

Могут измениться понятия «развитого» и «развивающегося» государства, с учетом того, что развитые государства с их собственными комплексами «свободы — несвободы», с их оптимизированными системами здравоохранения, мало рассчитанными на шоки, оказались более уязвимыми к пандемии. Возникнет широкое обсуждение коллективных моделей поведения в различных обществах и их адаптивности к экстремальным условиям, способности отвечать на шоки (англосаксонская, азиатская, европейская континентальная, европейская средиземноморская, скандинавская, постсоветская и т. п.).

Как следствие, могут получить широкое хождение взгляды, доказывающие — из практики — преимущества меньших экономических (и иных) свобод, нежели чем в либерализованных обществах Запада, меньшей значимости индивидуальных ценностей. Что это будет означать? Меньше свободы, чем нужно для успешного развития, нарушение баланса между частными свободами и коллективной необходимостью, часто ложно понятой, отказ от «золотого сечения» — в этом огромная угроза для будущего глобальной экономики. Уклон в несвободу или уклон в анархию — здесь возможны самые жестокие последствия.

Пандемия объективно содействует идеям усиления надзора за массовым поведением населения, управления частным и коллективным сознанием (фактическая отмена личной тайны, в особенности медицинской, банковской, налоговой, массовое видео- и цифровое наблюдение в системах обработки больших данных, цифровые паспорта в системах мобильной связи, социальный рейтинг — оценки и стимулы «лучшего» поведения).

Резко усилятся идеи протекционизма в ущерб всему, что связано с глобализацией (которая, конечно же, будет продолжаться). Защита национальных или даже групповых интересов станет идеологическим основанием для торговых и финансовых войн, ослабления многосторонних союзов, соглашений и институтов, попыток реструктуризации в мировой экономике (возврата производства из «мастерских мира» — азиатских экономик — на развитый Запад). Усилятся идеи противостояния в системах «свой — чужой», «Восток — Запад» и т. п.

Пандемия показала, что резервов, терпения «остановить экономики» хватает у обществ максимум на два-три месяца. неизбежно возникнут идеи о том, что можно и нужно жертвовать частью населения, группами риска («экономическая жертвенность») ради целого в экстремальных условиях («коллективный иммунитет», снятие ограничений на пике или на высоком плато пандемии, «отбор по ценности»). Это станет огромным отступом от идей равной, уникальной ценности каждой человеческой

жизни. Представьте, что «часть населения, которой жертвуют», за неизбежностью или из-за меньшей ценности, это вы сами. В любом случае придется научиться жить, работать, внешне поддерживать нормальное существование, когда пандемия еще не ушла, даже на высоком ее плато (примеры — Москва, Лондон).

Будет идеологически узаконена модель «залитой деньгами» экономики, возникшая после кризиса 2008 — 2009 гг. (интенсивная накачка ликвидностью центральными банками, перевод режима «денежных облегчений» в практически постоянный, «нормальный», метафора — вечно подключенный к организму аппарат искусственного дыхания). Узаконение сверхнизкого процента, отказ от идеи положительного реального процента как единственно возможного. Дальнейшее утверждение в отказе от центральной идеи финансового / банковского посредничества — сохранение и приумножение денежных капиталов клиента. Вместо этого — идеология финансовых услуг, платежей за услуги хранения ликвидности, комиссионных и т. п.

Собственность, автономность. Пандемия показала, как важно в экстремальных условиях иметь «свое», быть автономным, уметь поддерживать пристойные условия существования в условной изоляции от общества. Коллективный страх долго не забудется. Пандемия как фон, учащающиеся техногенные катастрофы, резкие изменения климата будут поддерживать этот страх.

К каким изменениям в коллективном экономическом поведении это ведет? «Сникнут» идеи и практика экономики совместного пользования (sharing economy), аренды всего и вся, каршеринга и т. п. И, наоборот, резко вырастет спрос на собственность, на то, что свое — недвижимость (дом, квартира, земля и т. п.), предметы длительного пользования, на все, что делает семью более автономной, способной выживать, вместо того чтобы быть «терминалом», подключенным к централизованным коммуникациям («свои» вода, энергия, тепло, продовольствие, даже одежда, любая техника и знания, поддерживающие собственные умения).

Упадет спрос на все то, что поддерживает в крупнейших городских агломерациях образ жизни «дома — только переночевать, весь день — в офисе, на улице»; «еда, развлечения публичные» (мини-квартиры и их инфраструктура, «человейники» и их среда обитания). Замедлится или даже прекратится тренд к стягиванию населения в сверхкрупные города. Они особенно опасны во время пандемий или техногенных катастроф, становятся их центрами (в 2020 г. — Нью-Йорк, Лондон, Москва).

Реструктуризация глобальной экономики, попытка возвращения производства в США и зону ЕС из Азии. Пандемия показала, насколько высокой и рискованной стала сверхконцентрация производства в азиатских экономиках — «мастерских мира», прежде всего в Китае. Стали реальностью конфликты государств из-за поставок из Китая (медицинские маски, США и Германия). Зимой — весной 2020 г. крупнейшие компании мира снизили производство из-за сокращения поставок комплектующих из Китая.

Еще одна причина такой попытки реструктуризации — начавшийся перенос рыночной (и политической) власти в Азию. Азиатские экономики перестают существовать только как «мастерская», становясь центрами технологий, идей, инноваций, собственности, в том числе на патенты, новым ядром глобальных финансов и постепенно военным, при темпах роста, опережающих весь мир (Китай, Индия и др.). Где производство — там со временем «нарастает» и все остальное.

Эта попытка реструктуризации может быть и неуспешной.

Изменения продуктовых ниш. Точка зрения, ставшая стандартной, — пандемия неизбежно приведет к расширению онлайн против офлайн. «К расширению» — это бесспорно, но вот за счет ли офлайн? С одной стороны, с начала пандемии резко расширились интернет-доставка, интернет-развлечения, интернет-услуги в любых областях, где они могут быть оказаны. С другой стороны, мы — физические существа и не можем без физических контактов с реальным миром, не можем не двигаться, не действовать, не менять пространства, в которых находимся.

Длительные карантинны резко повысили ценности «реального существования», когда видишь, трогаешь, ощущаешь, участвуешь сам. Из всего этого может возникнуть взрывной спрос на потребление в реальном мире, в соприкосновении с массами других людей, если только, конечно, пандемия не будет присутствовать в нашей жизни как постоянный фон.

Будущие «прорывные» ниши: индустрия онлайн развлечений, отдыха, туризма, общественного питания, транспорта — всего того, что нам нужно, чтобы с новой силой почувствовать реальный мир. Да, конечно, медицина, фармакология, гигиена. Оборудование и технологии для автономизации (нас самих, наших семей) и наших собственных умений: энергия, тепло, вода, продовольствие, одежда, дом, земля, бытовые удобства.

Что еще? Еще одна продуктовая ниша — знания, но больше практического толка — по сути для выживания, особенно в экстремальных условиях.

Паника первых дней пандемии показала ценность первичных ресурсов (чистая вода, топливо, энергия и т. п.). При прочих равных (без учета действия других факторов) доступ к ним, первичные ресурсы как товар могут цениться выше, чем до пандемии.

Пандемия показала ценность выживания семьей — комфортней, безопасней, больше шансов. Рядом с идеологией одиночек и временных партнерств, получавшей до пандемии все большее распространение, могут вдруг «пойти в рост» идеи семьи как удобного, замкнутого сообщества или большой семьи из нескольких поколений. Соответственно вырастет спрос на продукты и услуги, обслуживающие такие семьи.

До пандемии, с ростом глобального среднего класса, постоянно усиливался тренд к стандартности в продуктах и услугах — система массовой обработки «человеческих тел» и их желаний (спроса) при максимальном удешевлении и оптимизации («затраты — прибыль»). Во время пандемии в карантинах мы остались наедине с собой. Мы, возможно, лучше осознали себя как людей, стремящихся к чему-то особенному, к выбивающемуся —

лично для нас — из больших технологических систем, в которые мы оказались встроены и которые, в общем-то, плохо различают личности. Можно предполагать, что после пандемии выиграют в экономике те, кто сможет делать вещи и предлагать услуги чуть более лично, чуть индивидуальней, чем до нее (см. подробнее [1—4]).

Воздействие на Россию. России предстоит участвовать в ожесточенной конкуренции за продуктовые ниши, причем с неблагоприятных позиций (сырьевая экономика, зависящая от импорта в 70—90% важнейших технологий). Российская экономика «китаизируется», Китай — торговый партнер № 1, все большее значение приобретают поставки оборудования, комплектующих и технологий из Китая. Нам предстоит найти более сбалансированную позицию в международном разделении труда, стать «менее сырьевыми» внутри глобальных трендов (реструктурирование, протекционизм, продолжение глобализации и становления мультиполярного мира).

Дирижизм, контроль за массовым поведением в России могут приобрести избыточный характер, приближая ее экономику и финансы к административной системе. Роль государства в экономике — до 85—90%, сверхконцентрация и сверхцентрализация, расширение прямого управления трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами — возможный, хотя и тупиковый путь. Пока огосударствление — главный тренд, подстегнутый пандемией. Этот «уклон», «занос» важно преодолеть с тем, чтобы не повторить другие уклоны, сделанные Россией в XX в., с огромными жертвами: большевизм 1917—1950-х гг., рыночный фундаментализм начала 1990-х.

Литература

1. Challenges and Opportunities in the Post-COVID-19 World. World Economic Forum. Insight Report. Geneva. May 2020: [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Challenges_and_Opportunities_Post_COVID_19

.pdf?fbclid=IwAR0To00ingSoGD79XFSjsP7iLlOtHkZNt8OQpJppJoKYI8Hwv8ik-PW0RX4 (дата обращения: 25.06.2020).

2. Coronavirus: The World after the Pandemic // Financial Times. 2020. May.

3. *Garrett T.A.* Economic Effects of the 1918 Influenza Pandemic Implications for a Modern-day Pandemic. Federal Reserve Bank of St. Louis, November 2007: [Электронный ресурс]. URL: https://www.stlouisfed.org/~media/files/pdfs/community-development/research-reports/pandemic_flu_report.pdf?fbclid=IwAR3r1G44VHXWPhZc8za6lPz5HM0nVLJE3XVS9ltdTJH3NKXihK7WZX68dqg (дата обращения: 25.06.2020).

4. The World Remade by COVID-19. Scenarios for Resilient Leaders. 3—5 Years. Deloitte. April 6, 2020: [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/COVID-19/Thrive-scenarios-for-resilient-leaders.pdf?fbclid=IwAR2aIxlydfSd9c2novnR_h6ZxnC0kTrTz-KluZK8fg5ex6JY_EZsYd5l7kJA (дата обращения: 25.06.2020).

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

Пандемия: проблемы и решения цифровизации России

Аннотация. В статье анализируются проблемы диджитализации российского социума в условиях пандемии COVID-19. Рассматриваются вопросы развития цифровой стратегии России в последнее десятилетие. Уделяется особое внимание проблеме дистанционной работы в различных сферах экономики. Зависимость человека от электронных сетей, интернет-платформ, компьютерных игр оказывают колоссальное влияние на менталитет индивидуума.

Ключевые слова: цифровая экономика, социум, фриланс, диджитализация, дистанционное образование.

Abstract. This paper presents an analysis of the problems of digitalization of Russian society during pandemic COVID-19. Issues related to the development of a digital strategy of Russia in the last decade are discussed in this paper. Particular attention is addressed to the problem of on-line work in different economic fields. The dependence of humanity on social media, internet platforms, computer games, naturally has an effect on the the mentality of an individual.

Keywords: digital economy, society, freelance, digitalization, on-line education.

Для достижения успеха надо ставить цели несколько выше, чем те, которые в настоящее время могут быть достигнуты.

Макс Планк

Начало нового десятилетия XXI в. поставило перед российским государством ряд серьезных проблем. Как обеспечить устойчивое прогрессивное развитие российского общества на долгосрочную перспективу в условиях новой цифровой экономики? Каким образом противостоять растущему давлению США, Китая, Западной Европы в информационно-коммуникационной сфере? Как уберечь страну перед новыми угрозами кибератак? И, наконец, самое актуальное сегодня: какие предпринять меры для спасения национальной экономики в условиях эпидемии коронавируса COVID-19? Стала очевидной необходимость разработки специальной всеобъемлющей стратегии трансформации устоявшихся народнохозяйственных отношений и построения современной интренет-экономики с соответствующим дигитальным российским социумом.

Именно поэтому последние годы Россия шаг за шагом обеспечивает широкомасштабное поэтапное развитие в передовых сферах научно-технического прогресса. Уровень инновационной эволюции в самых различных отраслях и секторах российского национального хозяйства предопределяет место нашей страны в

мировой диджитальной структуре. Еще в первые годы текущего тысячелетия Россия поставила перед собой задачу повышения конкурентоспособности страны на глобальном цифровом рынке. Реализация Федеральной целевой программы «Электронная Россия 2002—2010 гг.» создала основу для развития электронных государственных и региональных структур. В более поздней государственной программе «Информационное общество 2011—2020 гг.» были поставлены вопросы о необходимости подготовки кадров, сокращения «цифрового неравенства» субъектов РФ и «предупреждения изолированности отдельных граждан и социальных групп» [1, 28]. В июле 2017 г. была принята программа Правительства «Цифровая экономика Российской Федерации», рассчитанная до 2030 г., в которой делается акцент на развитие электронных платформ и всей инфраструктуры информационного бизнеса.

В настоящее время действительно требуется своего рода прорыв как в инновационном развитии, так и технологических преобразованиях. Современный этап научно-технического прогресса характеризуется стремительной эволюцией информационно-коммуникационных технологий, которые расширяют перспективные горизонты диджитализации всех сфер человеческой жизни. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций, которая ссылается также на источники Mediascope, число интернет-пользователей в России в 2019 г. составило 95,9 млн чел. [2] при общей численности населения в 146,7 млн чел. [3]. Следует заметить, что за последние три года количество пользователей мобильного интернета превысило число пользователей стационарного интернета и составляло в прошлом году 85,2 млн чел. [2].

Главные особенности диджитализации на сегодняшний день сводятся к следующим показателям: внедрение нового пятого поколения телекоммуникационной связи «5G», использование более быстрого «Wi-Fi 6», продолжение исследований в области создания искусственного интеллекта. Например, использование

«5G» позволяет в десятки раз увеличить скорость передачи информации по сравнению с поколением «4G». Соответственно в ближайшие годы цифровая экономика будет кардинальным образом меняться и приобретать новые черты. Буквально на наших глазах классическая экономическая модель хозяйствования окончательно завершила свой жизненный цикл и была преобразована в современную интернет-экономику со специфическими правилами функционирования рынка. Согласно оценке журнала «Forbes», самыми дорогими интернет-компаниями в России в 2020 г. стали «Yandex», «Mail.ru Group», «Avito» [4]. Однако по-прежнему американские и китайские электронные платформы удерживают лидирующее положение в мировом пространстве, а доминирующее место в цифровой экономике на протяжении последних десятилетий стабильно занимают США.

Эпидемия коронавирусной инфекции COVID-19 внесла свои коррективы в жизнь российского социума. Вся страна в кратчайшие сроки перешла на дистанционную работу и образование. Самыми востребованными на первых порах эпидемии оказались услуги интернет-торговли и сектора интернет-развлечений, особенно виртуальных компьютерных игр. Пандемия COVID-19 заставила государственные структуры повсеместно запретить посещать школы, гимназии, лицеи, университеты и другие образовательные структуры из-за опасности массового скопления людей не только в крупнейших городах, но и в российских регионах. За рекордно короткий период времени все образовательные учреждения и организации были вынуждены скоропалительно перейти на on-line образование, хотя подобного крупномасштабного опыта никогда ранее не было в нашей стране. Теперь уже совершенно бесполезна любая дискуссия противников и защитников дистанционного вида образования, потому что только оно стало единственно возможным и его преимущества оказались неоспоримыми. В наши дни благодаря дальнейшему распространению интернета нового поколения есть реальная возможность все шире

удовлетворяется потребность населения в дистанционном образовании. Речь идет о людях, проживающих в удаленных и малодоступных частях света, медицинских центрах, местах лишения свободы, и о тех, кто по каким-то причинам не может или не видит необходимости посещать традиционные учебные учреждения.

Однако подобный стремительный переход на дистанционную работу в образовательной системе, да и в других сферах деятельности, продемонстрировал ряд серьезных проблем: недостаточную техническую оснащенность учреждений; неподготовленность значительной части профессорско-преподавательского состава к проведению занятий on-line; ненадежность связи; недостаточную эффективность подобных уроков, семинаров, лекций для учащихся; отсутствие должных навыков как у учеников, так и у их учителей. Таким образом, качество дистанционного образования, на сегодняшний день, оставляет желать лучшего и требует серьезного анализа для устранения недостатков.

Бесспорно, в нынешних тяжелейших условиях пандемии COVID-19 дистанционные виды работы и обучения являются единственно допустимыми и доступными широким слоям населения. Но и также очевидно, что необходима кропотливая работа по совершенствованию системы on-line как в системе трудовых отношений, так и в образовательной сфере. В первую очередь, речь идет об обеспечении социальных гарантий для работников гибких форм занятости, особенно дистанционной направленности, таких как фриланс, краудворкинг и аутсорсинг. В связи с этим трудовое законодательство должно повышать ответственность работодателей перед своими служащими при новых типах дистанционного труда. Что касается дистанционного образования, то следует подчеркнуть, что будущее именно за ним. Однако, на наш взгляд, необходимо разрабатывать систему «смешанного» типа образовательных услуг, при котором образование on-line будет в обязательном порядке дополняться «классическим» видом образования. Представляется, что только при выполнении этого условия

можно будет устранить те недостатки дистанционной системы образования, которые мы наблюдаем сегодня.

Стремительно меняющаяся на наших глазах цифровая стадия научно-технического прогресса безусловно открыла неозримые перспективы развития российского социума. На фоне широкомасштабного внедрения информационно-коммуникационных технологий сформировались совершенно новые требования к индивидууму, как в образовательном плане, так и в профессиональном контексте. Цифровая экономика, с одной стороны, выдвигает требование постоянной переквалификации работников, а с другой стороны, предоставляет уникальные возможности для этого благодаря растущей системе дистанционного on-line образования. Страны, которые смогут в крайне короткие сроки сформировать новую высококачественную диджитальную систему образования, войдут в эпоху искусственного интеллекта с целым классом специально подготовленных IT-профессионалов.

Поэтому первостепенная задача нового российского социума, хорошо адаптированного к требованиям цифровой эпохи, безусловно заключается, как стало понятно в условиях пандемии COVID-19, в совершенствовании всей системы образования с целью увеличения численности высоко профессиональных IT-специалистов, потребность в которых в ближайшей перспективе будет только расти. Если сейчас в России ежегодно получают дипломы 40 тыс. чел. в сфере информационных технологий, то через четыре года этот показатель планируется увеличить в три раза, и российские учебные заведения будут подготавливать 120 тыс. новых IT-специалистов [5]. Конечно, сегодня трудно дать точную оценку, достаточны ли подобные показатели для отечественной системы хозяйствования. В любом случае очевидно, что российская система образования идет в ногу со временем и расширяет масштабы подготовки «айтишников».

В последнее время наблюдались позитивные тенденции по вопросу миграции молодых российских IT-специалистов и «утечке мозгов». Если всего пять лет назад нашу страну покидало

30% занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий, получивших российское образование, то сейчас этот показатель снизился до 10% [5]. Причины подобного благоприятного и чрезвычайно важного для России явления заключаются в целом ряде разнообразных факторов. Так, представители поколений «Y» и «Z» считают, что в России значительно улучшилось экономическое положение и, как следствие, заметно вырос уровень жизни. Они все чаще оценивают работу в российской IT-сфере как более перспективную по сравнению с другими странами, потому что утверждают, что работать в России значительно интереснее.

Другая крайне насущная задача заключается в масштабной переквалификации кадров «отмирающих» профессий в новой системе интернет-экономики уже в этом десятилетии. На наш взгляд, развитие системы государственных и частных программ получения дополнительных навыков в течение всей жизни могут быть более оправданными инвестициями в человеческий капитал, чем выделение базового дохода. В настоящее время постоянно ведутся обширные исследования отраслевых рынков на тему возможных профессий будущего с учетом структуры экономики и институциональных условий России. Опасность высокого уровня безработицы в результате широкомасштабной роботизации может привести к социальным катаклизмам. В соответствии с целым рядом прогнозов автоматизация может изменить многие секторы экономики, среди которых будут особенно затронуты промышленное производство, логистика, розничная и оптовая торговля, банковская сфера и др. Но в условиях современного экономического кризиса данные процессы могут иметь для человека гораздо больше последствий, чем раньше. Специалисты по трудовым ресурсам придерживаются единого мнения о необходимости разработки и принятия национальной целевой программы относительно стабильных объемов инвестиций в образование и программы переквалификации и перепрофилирования, получения дополнительных профессиональных навыков в течение всей жизни

всеми слоями населения, независимо от уровня образования, сферы деятельности и возраста.

В социокультурной области тоже произошли определенные изменения в условиях эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19. В результате вынужденного запрета проведения культурно-массовых мероприятий сфера российской культуры быстро перестроила свою работу в системе on-line. Теперь, не выходя из дома, появилась возможность не только слушать любимые концерты, смотреть различные спектакли, фильмы, телепередачи, но и посещать новые выставки, виртуально участвовать в музейных экскурсиях и проходить туристические маршруты. Конечно, виртуальные туры по интересным достопримечательностям не могут полностью заменить реальные путешествия. Естественно, по остроте ощущений и человеческого восприятия невозможно сравнивать реальное посещение Эрмитажа или Лувра с виртуальным. Цифровизация музейных фондов дает возможность знакомиться с культурным богатством российских музеев не только гражданам нашей страны, но и любому интересующемуся человеку, независимо от места его проживания. Сегодня в любой точке земного шара, располагая интернет-услугами и элементарными навыками интернет-пользователя, совершенно реально открыть для себя прекрасные сокровищницы мировой культуры и искусства; а те, кому не доступен реальный туризм, могут совершить увлекательное путешествие с комфортом on-line. Однако необходимо отметить, что в российских регионах еще не решена задача цифровизации значительного числа учреждений культуры, которые сталкиваются с элементарной проблемой недостаточности финансовых средств на дорогостоящее импортное интернет-оборудование.

На наш взгляд, период пандемии COVID-19 вызвал ускоренную трансформацию российского социума в сетевое сообщество. Для лидерства России в научно-техническом соперничестве XXI в. следует решить целый ряд важнейших задач: создание и

внедрение новейших технологических платформ во все хозяйственные сферы, совершенствование деятельности технопарков, постоянное увеличение численности инкубаторов НИОКР, внедрение «5G» и «Wi-Fi 6» в информационно-коммуникационной области в самое ближайшее время, создание высококачественной системы образования on-line; стимулирование работы научно-технических стартапов. Согласно цифровой стратегии на период до 2030 г., одобренной президентом России В.В. Путиным в октябре прошлого года, особое внимание должно быть уделено дальнейшим исследованиям в области создания искусственного интеллекта. Этому направлению придается первостепенное значение, так как страна-первооткрыватель искусственного разума безусловно займет лидирующее положение в научно-технической мировой гонке. На наш взгляд, первостепенная задача цифровой модернизации российской экономики заключается в обеспечении импортозамещения в сфере информационных технологий.

Литература

1. Государственная Программа Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)» // <http://www.programs.gov.ru>.
2. <http://www.vedomosti.ru/technology/news/2020/03/04/824423> (дата обращения: 05.04.2020).
3. <http://www.statdata.ru> (дата обращения: 02.04.2020).
4. <http://vc.ru/finance/108082> (дата обращения: 15.05.2020).
5. Les Echos : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lesechos.fr> (дата обращения: 03.10.2019).

Р.М. НИЖЕГОРОДЦЕВ

Коронакризис: становление вирусно-цифровой экономики*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению глобальных трансформаций, инициируемых и ускоряемых кризисными процессами, вызванными эпидемией коронавируса. Особое внимание уделяется задачам экономической науки, связанным с разработкой и реализацией экономической политики в условиях интеллектуализации и виртуализации хозяйственных процессов, сопровождаемых рецессией.

Ключевые слова: экономический кризис, рецессия, структурные трансформации, управление изменениями, цифровая экономика.

Abstract. The paper deals with global transformations initiated and accelerated by the crisis caused by the coronavirus epidemic. Special attention is paid to the current tasks of economic science related to the development and implementation of economic policies under the intellectualization and virtualization of economic processes accompanied by a recession.

Keywords: economic crisis, recession, structural transformations, change management, digital economy.

Разве так важно, что потом?

Может быть, и мы с вами — чья-то мишень.

Обернитесь: дальше дороги нет.

Константин Меладзе

Диспозиция

Не будем писать банальностей о том, что мир никогда больше не будет таким, как прежде. Сегодня нет недостатка и в размышлениях по поводу наказаний за грехи либо активизации неконтролируемых и неопознанных зловредных сил, будь то мировое правитель-

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 125—152.

ство или темные сущности подколodного мира. Вместо этого обратимся к фактам, характеризующим текущее состояние мирового хозяйства и расстановку сил ключевых агентов.

Совокупность фактов № 1. Принципы, на которых было основано мироустройство последних 50—60 лет, пришли в негодность и больше не работают. Еще более десятка лет назад автор этих строк писал о том, что мы являемся свидетелями заката целой эпохи — эпохи либерализма в экономической политике. Причем этот закат объективен, причинно обусловлен (прежде всего технологическими сдвигами, приводящими к лавинообразному росту внешних эффектов в экономике и, следовательно, к дисфункциям встроенных стабилизаторов) и необратим [16; 17].

В последние 7—8 лет мировая торговля замирает (рост мирового товарооборота медленнее, чем рост мирового ВВП), причем многочисленные торговые ограничения (называйте их санкциями или как угодно) и отказы от исполнения взятых на себя обязательств по обеспечению свободы торговли оказываются в интересах прежде всего крупных глобальных игроков.

В условиях разрыва хозяйственных цепочек (уже свершившегося или намеченного) выглядит логичным объявленный Д. Трампом курс на реиндустриализацию США, на перенос промышленного производства обратно на территорию страны. Однако для убежденных сторонников глобализации (и не только для них) эта мера должна выглядеть как подготовка к войне [32], в условиях которой трансграничные перемещения благ сопряжены с высоким риском. Кроме того, расцвет «экономики впечатлений», вытесняющей традиционное индустриальное производство, приводит к маргинализации, люмпенизации некоторой части населения страны, а это — социальная почва для прорастания «цветных» революций. Поэтому нельзя не признать своевременность лозунга реиндустриализации Америки и создания рабочих мест для промышленных рабочих и служащих.

Совокупность фактов № 2. Разросшийся госдолг США в условиях прекращения классических финансовых циклов, которые прежде каждые 8—10 лет оздоравливали систему государственных финансов США, побуждают изобретать новые, более радикальные

меры. Классические финансовые циклы перестали удаваться в силу целого ряда обстоятельств [21], и повторение мирового кризиса 2008—2009 гг., основанного на вздутии пузыря и дефиците ликвидности, сейчас тоже в буквальном виде невозможно. Нужна более веская причина для количественного смягчения, одним из последствий которого должна стать гиперинфляция, призванная частично обесценить госдолг США [34].

Совокупность фактов № 3. Рассыпается мировая гегемония США. В частности, Россия, кажется, окончательно выходит из сферы их контроля. Прежде мировая финансовая олигархия еще лелеяла хрупкую надежду на смену лидера в России, которая выразилась в прогнозах о развале России именно в 2025 г. (см., например, выступление польского адвоката Казимира Фрицкевича [10]). Перефразируя известную поговорку, можно сказать: что у Америки на уме, то у Польши на языке. С анонсированием поправок в Конституцию страны (которые, несомненно, будут поддержаны подавляющим большинством населения, имеющего возможность принять участие в голосовании) противники России перестали рассчитывать на смену лидера страны и соответственно на смену курса, ориентированного на независимое, суверенное устойчивое развитие.

Прибавим к этому еще несколько инициатив, носящих более частный характер, — например, высказанное на пленарном заседании Совета Федерации предложение С.К. Шойгу принять законодательные акты, осложняющие действия натовской «пятой колонны» в информационной войне против России [3], а также широко обсуждаемый вопрос о возвращении смертной казни в правоприменительную практику, после чего формулировка «измена Родине» в Уголовном кодексе РФ наполняется вполне определенным смыслом.

И вот здесь на сцене возникает пресловутый коронавирус. Весьма своевременно, не так ли?

Российские тренды

Суть основного тренда выражает громкая отставка правительства, необходимость которой давно назрела. Продолжение вялотекущей шизофрении в экономической политике и топтание на месте

в тех вопросах, где нужно быстрое принятие решений, под лозунгом необходимости достижения консенсуса давно уже мешают стране двигаться вперед.

Можно вспомнить в связи с этим так называемую Валдайскую речь Президента, прозвучавшую на заседании Валдайского клуба в Сочи в октябре 2014 г. [8]. Там было ясно сказано, что мы долго отступали и надеялись, что наши партнеры образумятся и предложат совместно выработать некие общие приемлемые для всех сторон правила игры. Но они настолько уверовали в однополярность нынешнего мира, что не считают для себя обязательным считаться с чьим-либо мнением, кроме собственного. Теперь наше отступление закончено, впредь мы будем поступать, руководствуясь национально-государственными интересами.

Справедливости ради нужно заметить, что сложившаяся в течение многих последних лет амбивалентность в вопросах социально-политических не является результатом злой воли отдельных лиц, а отражает реальное состояние дел в *экономике* страны. Основное структурное противоречие российской экономики наблюдается между экспортно-ориентированными отраслями, заинтересованными в дешевизне труда, заниженном курсе рубля и максимальной мобильности капитала, и отраслями, работающими на внутренний спрос (в частности, оборонная промышленность), которым необходимы дорогой труд, сильный рубль и ограничение мобильности капитала, предполагающее возможность аллокации ресурсов на ключевых направлениях развития [22]. Понятно, что эти взаимоисключающие требования не могут быть реализованы одновременно, поэтому лозунг поддержания консенсуса оставался в течение долгого времени разумным инструментом балансирования соответствующих экономических интересов, причудливым образом взаимодействующих друг с другом — иногда противоборствующих, иногда выступающих единым фронтом, как в ситуации с развалом Академии наук, проводимом под лозунгом ее реформирования.

Противоборство этих двух начал традиционно проявляется на поверхности политической жизни как разногласия внутри прави-

тельства между «реформаторским» экономическим блоком, представляющим прежде всего интересы компрадорской части национального капитала, и «консервативным» силовым блоком, реализующим интересы патриотической (прежде всего — ассоциированной с оборонной и аэрокосмической промышленностью) части национального капитала. В результате январской отставки экономической блок правительства оказался переформатирован, а все «силовые» министры сохранили свои места.

Январское решение президента об отставке правительства, на наш взгляд, символизировало поворот от политики консенсуса к политике реализации национально-государственных интересов страны. Нельзя достичь консенсуса между лебедем, раком и щукой, потому что у них разное представление о целях, для каждого из них существует свой образ будущего, к которому нужно стремиться. Невозможен консенсус между черными и белыми на шахматной доске. Бывают, конечно, задачи на кооперативный мат, но это искусственно выдуманные задачи, а в обычной шахматной партии у белых и черных не бывает общих целей.

Наконец, мы дождались действий, вытекающих из понимания того, что никакой компромисс между полярными силами невозможен. Нельзя сделать так, чтобы были довольны одновременно 76,7% населения страны, выразивших доверие и поддержку действующему президенту, и 2% сами знаете чего, представляющие интересы глобальной финансовой олигархии. Консенсус между ними невозможен, ибо цели этих групп населения противоположны. Одни хотят видеть Россию сильной и независимой, другие — стереть ее с карты мира и на ее обломках ввести внешнее управление, в чем они вполне честно время от времени признаются.

Но такой консенсус и не нужен, поскольку трем четвертям населения страны противостоят 2%, и этим двум процентам придется считаться с позицией большинства.

Президент выступил гарантом того, что диктатуры меньшинств в России не будет, и двум процентам, составляющим пятую колонну, придется подчиниться представлениям о государственном

устройстве, о целях и задачах развития, с которыми согласны более трех четвертей населения страны.

Это меньшинство агрессивно и крикливо, оно пользуется поддержкой мировой финансовой олигархии, интересы которой оно представляет, и было бы странно ожидать, что эта олигархия бросит своих верных слуг на произвол судьбы. Нет, они будут бросать в бой свою пятую колонну до тех пор, пока ее не истребят внутри страны, назвав единственно достойным и подобающим именем — враги народа. Рассчитывать на то, что у глобальной олигархии закончатся деньги или изменятся цели, по меньшей мере наивно, если не преступно, поэтому с этим агрессивным меньшинством придется разбираться нам самим здесь, на территории Российской Федерации, за нас этого не сделает никто.

В некоторых сферах эти меньшинства захватили изрядную долю власти, как это произошло, например, в сфере аттестации научных кадров [25], но придут новые люди, управляющие этой сферой, и все расставят по местам, возвратив этой системе первоначальный, исходный смысл и исходные цели — присудить ученую степень тем, кто внес вклад в науку, и отстранить от этой работы всех, кто этому мешает и вредит: как по причине идиотизма (культурно выражаясь — низкой квалификации), так и злонамеренного вредительства.

Экономическое восхождение Китая началось на площади Тяньаньмэнь, когда правительство страны проявило твердость и выступило гарантом соблюдения общественного порядка. Если бы это было не так, то сегодня не было бы не только экономических успехов Китая, но не было бы и Китая, как нет сейчас Советского Союза.

Понятно, что необходимость перемен влечет за собой принятие решений, которые не всегда и не всем будут нравиться. Но правительство на то и правительство, что никому не позволит разговаривать с собой на равных, тем более с позиции силы, на языке ультиматумов. Правительство не может допустить диктатуры меньшинств ни по каким вопросам, и в этом должно придерживаться твердой, однозначной и ответственной позиции.

Сейчас наступил очередной виток поляризации социальных сил — эра разделения. И это не российская специфика, это во всем мире такое.

Надеемся, поворот в сторону реализации национально-государственных интересов не приведет к перегрузке Конституции страны лишними деталями, а даст импульс к развитию всех отраслей права, в частности, к возвращению в правовые нормы (и — главное — в правоприменительную практику) формулировок «измена Родине», «вредительство» и «неприемлемый ущерб интересам Российской Федерации», а также приведет к отмене моратория на смертную казнь. Социальный запрос на эти изменения сегодня высок как никогда за последние 30 лет.

Кому выгодно?

Интересен и важен вопрос о том, какие страны (конкретно — какие группы агентов в них) выступают основными бенефициарами сложившегося положения дел. США и Китай обвиняют друг друга в том, что они готовы извлечь выгоду из натурализации хозяйственной жизни, из наличия нестоимостных барьеров на пути перелива капитала и миграции рабочей силы.

В то же время государственный долг США (независимо от юридических последствий в виде объявления дефолта, например) становится все труднее не только погашать — к этому на самом деле уже давно никто не стремится — но и обслуживать, и недалек тот час, когда само обслуживание этого долга станет непосильным бременем для бюджета, т. е. правительство открыто будет вынуждено перейти к Понци-финансированию. А это, в свою очередь, чревато вытеснением доллара с позиций ключевой резервной валюты, что сейчас происходит крайне медленно и непоследовательно, но может происходить в несколько раз быстрее и эффективнее при наличии целенаправленных усилий со стороны Китая и некоторых его ключевых финансовых партнеров.

Федеральная резервная система США принимает беспрецедентные меры количественного смягчения, и это дает некоторые основания полагать, что транснациональная финансовая олигархия

предпринимает очередную попытку оздоровить финансовую систему США за счет убытков остальной части планеты, как это бывало много раз в ходе так называемых мировых финансовых кризисов.

Если речь идет о преодолении дефицита ликвидности, то нужно разобраться, у кого именно образовался этот дефицит. От этого зависит и то, какие меры его преодоления будут адекватными. Если в период кризиса 2008 — 2009 гг., сопровождавшегося обвалом прежде всего рынков со вздутыми пузырями, понимание того, кто конкретно страдает от дефицита ликвидности, было не очень сложной задачей [20], то сейчас на этот счет возможны разнообразные и противоречащие друг другу мнения.

В интересах США также наблюдаемые сегодня подрыв единства Европейского союза и обнажение противоречий между его составными частями. В условиях санкций и различных торговых ограничений так называемый единый европейский рынок и без всяких санкций оказался фактически разделен на территориальные фрагменты — скандинавский рынок, центральноевропейский, восточноевропейский, балканский. Кризис, разворачивающийся на наших глазах, лишь углубил существовавшие ранее противоречия внутри ЕС.

В этом смысле любопытно посмотреть на реакцию стран ЕАЭС и на готовность членов этого Союза к согласованным действиям.

В то же время современный кризис должен радикально изменить существующие представления о войне как в политике, так и в экономике. Совершенно независимо от того, является ли распространение коронавируса результатом непреднамеренной утечки или целенаправленного сброса, следствием этого распространения является повсеместное принятие мер, близких к мерам военной экономики.

Вести войну так, чтобы ваш противник усомнился в самом факте наличия военных действий, — вот высший пилотаж и несомненный признак технологий принципиально нового поколения.

Зачем, в самом деле, Америке совершенствовать технологии «железных» вооружений (гиперзвуковых, например) и пытаться завоевать техническое лидерство в данной сфере, если ими вести войну никто не собирается, кроме стран мировой периферии? Существует поистине несимметричный ответ.

На этом фоне крайне тревожно выглядят репортажи о размещении Соединенными Штатами в последние годы огромного количества секретных биологических лабораторий на территории разных стран мира, в том числе Украины [31]. Возникающие в соответствующих странах вспышки заболеваний, имеющих вирусную природу, наводят на мысль об испытаниях биологического оружия.

Единственный аргумент против данной версии заключается в том, что ни один нормальный человек не станет распространять оружие, от которого сам не имеет надежной защиты. В то же время исследования, проводимые в биомедицинской лаборатории коллективом ученых из Австралии, США и Великобритании, позволили высказать версию, согласно которой вирус в его нынешних формах является результатом мутации, совершившейся уже в организме человека под воздействием многочисленных антивирусных препаратов [33], и эта версия (если она правдива) частично объясняет неготовность самих разработчиков биологического оружия к отражению создаваемых этим оружием угроз.

Мировая финансовая олигархия, стремительно теряющая рычаги влияния на принятие решений по всему миру, способна, прикрываясь лозунгами гегемонии США, утащить весь мир в пучину глобального мирового конфликта. Хотя такой сценарий вредит интересам самих США ничуть не в меньшей степени, чем любой другой страны, как показывают, в частности, практика распространения коронавируса и определенная растерянность, демонстрируемая в борьбе с ним целым рядом правительств развитых стран.

Экономика: что и как регулировать правительству

Ключевым фактором, ухудшающим экономическую конъюнктуру, являются ограничительные меры, принимаемые правительствами разных стран в рамках борьбы с эпидемией коронавируса.

Необходимо оценить возможные потери для экономики России и других стран (и мирового хозяйства в целом) при различных вариантах развития событий.

Темпы экономического роста (или спада) тесно связаны с динамикой нормы накопления. Эта связь опосредована мультипликативными эффектами. В условиях спада производства мультипликатор действует с обратным знаком, т. е. каждая единица инвестиций, изъятая из хозяйственных процессов, порождает в несколько раз более весомый спад валового выпуска.

Величина инвестиционного мультипликатора, в среднем действующего в макросистеме, составляет $k = 1/(1-MPC)$, где MPC — предельная склонность к потреблению. В падающей, кризисной экономике MPC растет, поскольку у агентов меньше возможностей сберегать (и это касается не только домохозяйств, но и фирм). Поэтому и величина мультипликатора в это время растет. Таким образом, мультипликатор максимален именно в те периоды, когда воздействие мультипликативных эффектов на экономику наиболее разрушительно. Это основная причина, в силу которой экономический кризис разворачивается достаточно быстро, а послекризисное восстановление происходит достаточно медленно.

Однако на самом деле величина инвестиционного мультипликатора существенно зависит от того, в какую отрасль хозяйства, в каком регионе и в какую технологию были осуществлены эти инвестиции. В этом различии и заключается смысл поиска так называемых точек роста экономики.

Ну и, наконец, помимо инвестиционного мультипликатора, существуют мультипликаторы и всех прочих частей совокупного спроса — конечного потребления, госрасходов и нетто-экспорта.

Таким образом, прогнозируемая глубина экономического спада будет существенно зависеть от объема и характера осуществляемых инвестиций, а также от поддержки разных частей совокупного спроса.

Существуют макросистемы, в которых мультипликатор инвестиций невысок по сравнению с мультипликатором госрасходов, и

альтернатива между разными способами достижения экономического подъема называется альтернативой Хаавельмо [18]. В таких макросистемах не работает эффект вытеснения, который заключается в том, что наращивание госрасходов делает менее выгодными частные инвестиции и тем самым снижает их объем, поскольку речь идет о занятии государством ниш, уже оставленных частным бизнесом, и развитие этих ниш будет всецело зависеть от адекватности и своевременности реакции государства на факт наличия неудовлетворенных потребностей.

Возникает естественный вопрос о степени адекватности принимаемых и анонсированных мер по поддержке российской экономики. Некоторые эксперты утверждают, что в этих мерах просматриваются определенные черты мобилизационной экономики. Однако в то время, когда мобилизационная экономика в стране действительно существовала (период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства), центральными оставались меры, направленные на стимулирование *предложения*, причем успешность реализации принимаемых решений оценивалась в натуральных показателях валового выпуска.

На сегодняшний день анонсируются исключительно меры, связанные с поддержкой совокупного спроса. Никто не отрицает, что этим нужно заниматься. Однако принимать исключительно кейнсианские меры, запуская инфляционные механизмы стимулирования роста, и при этом не уделять внимания товарному покрытию вливаемых в экономику денег — достаточно опасно. В то же время не очень понятно, при помощи каких механизмов сегодня можно было бы стимулировать совокупное предложение (и, кстати, какие отрасли в этом сильнее всего нуждаются), поскольку инструменты прямого воздействия на хозяйственную жизнь современные правительства во многом утратили, всецело полагаясь на косвенные стимулирующие меры.

Возникла парадоксальная ситуация, когда меры прямого регулирования носят исключительно рестрикционный, запретительный характер, тогда как стимулирующие меры являются только косвенными и потому действуют с вынужденным запаздыванием.

Следствием такого положения вещей являются масштабные провалы институтов в целом ряде сфер и отраслей [7]: существует предложение определенных видов благ, существует спрос на них, а встретиться друг с другом они не могут, это запрещено существующей системой институтов, а именно — правительственными мерами по сдерживанию эпидемии.

Если целью этих мер является максимально возможное ограничение контактов, то стоит ли удивляться тому, что экономика задыхается прежде всего от разрыва хозяйственных связей? Неча на вирус пенять, коли рожа крива.

Получается, что сдерживание экономики работает гораздо успешнее, чем сдерживание самой эпидемии, ради которого соответствующие меры принимались. Причем это не российская специфика, это черта хозяйственной жизни почти всех стран, где принимаются серьезные меры, направленные на подавление очагов распространения вируса.

И, кстати, поскольку зловерный вирус передается через наличные деньги, то чем меньше денег у населения, тем меньше шансов заразиться. Поэтому снижение уровня жизни можно рассматривать как антивирусную меру. Этот факт должен немного утешить людей, оставшихся во время кризиса без денег.

Говорят, что нас не убивает — то делает сильнее. Неправда. Антивирусные меры нас не убивают, но и жить не дают.

Структурные искажения в экономике, вносимые рестрикционными мерами правительства, сами по себе заслуживают внимания, т. е. анализа и прогнозирования. Например, развал туристической отрасли утягивает за собой в пропасть сферу пассажирских перевозок. Из инфраструктурных областей в относительно бодром состоянии находится только здравоохранение. Следует ли ожидать восстановления инфраструктуры в докризисном виде (например, сферы образования и культуры), или она трансформируется и переходит в новое качество?

Что касается технологий, то в несколько меньшем проигрыше находятся отрасли, в которых результат функционирования относи-

тельно безразличен к физическому присутствию сотрудников на рабочих местах. Виртуальные рабочие места, фрилансеры, дистантная занятость — это черты тех сфер, с которых, по-видимому, начнется посткризисное восстановление.

Экономика впечатлений, основанная на реальных дестинациях, терпит убытки, тогда как экономика впечатлений, направленная на создание виртуальных образов (как бы над ней ни потешались приверженцы индустриальных технологий), чувствует себя относительно неплохо, хотя мультипликативные эффекты (хотя бы в виде сжатия спроса) сказываются, бесспорно, и на ней.

Ускорение изменений

Матрица, в которой мы живем, стремительно сжимается. Происходит ускорение тех процессов, которые и без всякой эпидемии происходили достаточно быстро.

В качестве примера отметим натурализацию хозяйственной жизни, разрыв экономических связей на всех уровнях — на уровне стран, регионов, предприятий и даже домохозяйств, которые вынуждены взять на себя выполнение всех важнейших функций жизнеобеспечения, включая лечение некоторых видов заболеваний, в частности, носящих хронический характер.

Основным трендом является поляризация экономического пространства в мире в целом и в России в частности. Углубляется социально-экономическая пропасть между странами и территориями, находящимися в рецессионном и в инфляционном разрыве [19], упрощенно говоря — между богатыми и бедными.

При этом страны, находящиеся в рецессионном разрыве, пребывают в роли мародеров, которые готовы дожидаться, когда экономика некоторых стран (в частности, России) рухнет, и скупить активы по дешевке. Судя по поведению некоторых групп инвесторов, они вооружены некими прогнозами, предрекающими очень тяжелые времена для российской экономики. Насколько оправдаются эти прогнозы — совершенно другой вопрос.

Экономисты, уверяющие, что «эпидемия дополнительно подтолкнет человечество к более активному развитию и внедрению новых технологий» [12], произносят ровно половину правды. Вторая половина, гораздо менее приятная, заключается в том, что под «человечеством» они понимают исключительно его наиболее развитую в технологическом отношении часть. Всех остальных ожидает технологический регресс, а в некоторых частях земного шара — технологический коллапс. Блага, связанные с внедрением высокоразвитых технологий, коснутся этих территорий лишь в достаточно отдаленной перспективе.

В недалеком будущем нас ожидает не просто повышение технологического уровня производства. Это повышение произойдет у тех агентов, у которых этот уровень уже достаточно высок. А те, кто застрял в традиционном индустриальном производстве, ввиду ресурсных дисфункций будут испытывать технологический регресс, и дальнейший ход событий для них зависит лишь от того, в какой степени этот регресс будет управляемым.

Это будет верно и для стран и отдельных территорий, и для хозяйственных агентов, и для домохозяйств и отдельных людей: условно говоря, наступит разделение населения на элоев, живущих в виртуальной реальности, и морлоков, приверженных индустриальным технологиям.

Когда говорят о том, что Европа и США готовятся к голодным бунтам [29], население некоторых стран, традиционно живущих впроголодь, откровенно недоумевает. По всему миру нарастает синдром Греты Тунберг — ситуация, когда из однородного множества агентов громче всех взывают о помощи те, кому, мягко говоря, не хуже всех живется.

Происходит виртуализация некоторых хозяйственных процессов, их перемещение в онлайн-среду (обучающие процессы, например). Соответственно наблюдается (и далее будет усиливаться) быстрое распространение сопутствующих этому компетенций — не только производителей, но и пользователей.

В некотором смысле нарастает интеллектуализация хозяйственных процессов, со всеми присущими ей радостями и угрозами.

Возможно, вирус подтолкнет и всеобщую, поголовную чиповизацию населения (в стране или в мире) либо, как частный случай, — принудительную массовую вакцинацию под предлогом защиты от болезней, как советуют некоторые сторонники максимально широкого распространения информационных технологий. Но здесь есть свои угрозы, хорошей защиты от которых не видно (о разных аспектах этого процесса подробнее см.: [2; 5; 6; 26]). Прививка может быть сделана таким образом, что при наступлении некоторых внешних условий она запускает механизм определенных действий со стороны ее носителя. Разумеется, это облегчает контроль за соблюдением «желательных» или «допустимых» алгоритмов поведения отдельных людей.

Одна из очевидных угроз связана с тем, что посредством вживленного в организм чипа можно как отслеживать поведение человека (отнюдь не только его перемещение в пространстве), так и передавать ему определенные команды — и вполне открытые (что-то вроде навигатора, определяющего путь, оптимальный с точки зрения того, кто его запрограммировал), и скрытые, действующие на уровне подсознания.

Сейчас за нами следят видеокамеры, встроенные в дома над подъездами, в салоны автобусов, вагоны метро, залы магазинов и кафе и т. д., и это решение довольно низкотехнологично в том смысле, что оно не содержит механизмов обратной связи: как быть, если отслеживаемый видеокамерой человек совершает, допустим, противоправное действие. Реакция наступает лишь постфактум, причем порой с серьезным запаздыванием. В скором времени за нами будут следить чипы, вживленные в организм человека, и это решение с точки зрения механизма обратных связей намного более технологично. Разумеется, тайна так называемой частной жизни при этом серьезно подрывается, но о ней уже сегодня можно забыть. Технически любое пространство сегодня можно сделать публичным. Не зря с таким упоением в интернете выкладывают и смотрят фото и видео, отснятые в частных квартирах, в банях и саунах, в номерах отелей и прочих местах, отнюдь не предназначенных для проведения съемки и не считающихся публичными.

А следующий шаг в том же направлении — вживление чипов, при помощи которых будут передаваться команды, ориентирующие действия конкретного человека на достижение определенных целей. И для того, чтобы никто не смог избежать этого программирования своего поведения, нормой станет публичное выращивание (воспитание) детей, которых будут выводить из семьи и отдавать в детские учреждения — интернаты с тем или иным уклоном обучения (спортивные, творческие, гуманитарные, физико-математические и проч.).

Выпускники таких интернатов будут получать преимущество при продолжении обучения (при получении высшего образования). Такая нехитрая смесь из обучения и воспитания быстро превратит целые поколения людей в манкуртов-зомби, оторванных от своих корней, не помнящих родства, не знающих иной истины, кроме той, что звучит с экрана и подкрепляется чип-контролем их поведения.

Наконец, с наступлением чрезвычайной ситуации, в которой оказалось мировое хозяйство, ускоряются и более частные изменения, наступления которых можно ожидать в коротком горизонте.

Может быть, наконец, в России будет отменена табельная система учета рабочего времени, хотя бы для тех категорий работников, которые в принципе способны работать удаленно, прежде всего, для людей, занятых интеллектуальным трудом [23], хотя и для прочих категорий наличие табельной системы сегодня ничуть не более осмысленно. Возможно, будут пересмотрены цели «интеграции» в мировую науку (которая пока что оборачивается исключительно лишними расходами для российских ученых и никаких выгод — ни материальных, ни интеллектуальных — им не приносит [24]) и «встраивания» в мировые технологические цепочки.

В некоторых странах после краха бизнеса (особенно малого и среднего) возможна национализация активов, прежде всего — обремененных «плохими», невозвратными долгами. Вообще, проблема внутренних долгов сейчас резко обострится. Хороших механизмов реструктуризации, которые удовлетворили бы всех, не существует.

Видимо, произойдет условная зачистка рынка труда от значительной части мигрантов в тех странах, где эта проблема актуальна,

в том числе в России. За счет этого удастся избежать острой проблемы с безработицей. Однако при этом усилится скрытая безработица (переход на неполный рабочий день, неполную рабочую неделю, сокращение продолжительности смен и проч.). Именно этих людей, которых удастся таким способом сохранить, можно будет быстрее всего вовлечь в производство, когда оно заработает с интенсивностью, близкой к плановой (проектной). А пока что руководствуемся принципом: работа не вирус — в лес не убежит.

Акцент сместится в сторону дистантной занятости, этот тренд лишь усилится после окончания пандемии. В мировой экономике станет существенно больше фрилансеров и прочих категорий временно и частично занятых. Исчезнет различие между «основным» и «запасным» местом работы, которое все еще существует в некоторых странах, включая Россию.

В самое ближайшее время (может быть, в течение 2020—2021 гг.) нас ожидает изменение государственных границ целого ряда стран, и это касается не только Европы.

Политика и социальные последствия

Наконец, имеет значение и неэкономическая составляющая предпринимаемых рестрикционных шагов (политика, идеология и проч.). Для некоторых правительств это шанс переформатировать алгоритмы принятия решений и, пользуясь возможностью принятия мер чрезвычайного характера, навести относительный порядок в вопросах, которые давно требовали определенных (более или менее решительных) действий, идущих вразрез со сложившейся практикой поддержания общественного консенсуса.

Для некоторых сил это возможность, наоборот, затормозить назревшие перемены и призвать к решению более насущных вопросов в ущерб плановому развитию. В частности, поэтому российская либеральная оппозиция намеренно сгущает краски, нагнетая панику и подчеркивая недостаточность принимаемых правительством мер рестрикционного характера [4]. Ее очевидными целями были не только максимально отложить дату всенародного голосования о принятии поправок в Конституцию страны, но и по возможности сорвать

празднование 75-летия Победы и проведение сопутствующих этому акций гражданского волеизъявления (например, Бессмертный полк). Разумеется, и сейчас нет недостатка в прогнозах «независимых» «экспертов»-глобалистов, предрекающих пик эпидемии в России. В качестве примера достойны внимания экономисты из «Boston Consulting Group», на время переквалифицировавшиеся в вирусологов и эпидемиологов и рассуждающие о скорости распространения вирусной инфекции [9].

Дальнейший ход событий зависит, в частности, от того, в какой степени правительство России прислушается к соответствующим «экспертным» суждениям и будет готово отложить или отменить отдельные действия, направленные на сплочение гражданского общества вокруг ценностей, разделяемых и поддерживаемых большинством населения страны.

Перевод многочисленных социальных контактов в онлайн обостряет проблему социальной эксклюзии. Не согласимся с теми, кто считает, что интернет-общение является суррогатным, — нет, это полноценное общение, но оно имеет определенную специфику. Когда человек улыбается собеседнику, пребывая при этом в маске или респираторе (надежнее всего, конечно, противогаз), эта эмоция считывается немного по-другому. И даже простой отказ от традиционных рукопожатий (в тех странах, где эта традиция сложилась) стимулирует обстановку всеобщего подозрения и отчужденности.

Что может быть опаснее болезни? Ее лечение.

Что может быть страшнее эпидемии? Только борьба с ней.

Природа очищается от техногенных воздействий, и этот процесс имеет две стороны. С одной стороны, в Венецию приплыли дельфины и лебеди, чего не случалось уже 60 лет. Морские черепахи обживают опустевшие пляжи Индии. С другой стороны, в некоторых районах мегаполисов уже на 4—5-й дни режима так называемой самоизоляции по улицам бегают стаи бродячих собак, и дальше связанные с этим неудобства будут только нарастать. Территориальные ниши, оставленные людьми, будут заполняться представителями других биологических видов. В связи с этим разумно ожидать новых

нашествий грызунов и насекомых, в том числе опасных для здоровья человека.

Следует согласиться с прогнозистами, которые еще в начале пандемии предупреждали о том, что самый опасный момент, сопровождающий ломку сложившихся устоев жизни, — это социальный аспект происходящего [14].

Уже на первой неделе карантина люди, потерявшие работу (в основном это мигранты), в крупных городах сбиваются в банды и промышляют грабежом [11]. Следовательно, остальным нужно обезопасить себя от этого явления. Резко растут инвестиции в императивный ресурс, т. е. в перераспределение плохо специфицированных и/или плохо охраняемых правомочий либо в их защиту от перераспределения. В Америке оружие становится товаром повышенного спроса. В России, где носить и хранить оружие запрещено, люди активно покупают бейсбольные биты, но уже не гречку и не туалетную бумагу. В это время полиция самым доблестным образом борется с нарушителями режима так называемой самоизоляции и выписывает им административные штрафы [1; 30].

Задачи для экономической науки

Итак, нуждаются в сценарном (краткосрочном и среднесрочном) прогнозировании ключевые группы параметров для экономики России и мира (а также отдельных стран):

- 1) динамика ВВП, уровень безработицы, темп инфляции, динамика реальных располагаемых доходов;
- 2) изменения структуры экономики;
- 3) динамика технологических сдвигов;
- 4) показатели межрегиональной дифференциации, характер и степень поляризации экономического пространства.

Прогнозные сценарии будут зависеть, разумеется, не от скорости распространения эпидемии и не от количества жертв, а от того, какие варианты реагирования выберут правительства, в частности, правительство России, и на какой период времени распространится действие принимаемых мер [28].

Обнажилась неготовность госструктур большинства стран мира к отражению глобальных угроз такого рода. В России, помимо прочих трансформаций, терпит крах концепция «дешевого» государства. Оптимизация системы здравоохранения, например, по многим параметрам оказалась чудовищной ошибкой, которая не стала бы настолько заметной, если бы этой системе не пришлось сейчас работать в жестком, авральном режиме [27]. Общий вывод заключается в том, что государство не должно быть ни дорогим, ни дешевым (этот параметр вообще, ни при какой погоде, нельзя считать критерием успешности), оно должно быть функциональным, т. е. эффективно решать проблему наивного инвестора во всех сферах, где таких инвесторов существует достаточно много, и закрывать госрасходами те направления, на которых это позволяет существенно экономить расходы частных агентов [13, 35].

В наши дни радикально меняются представления о национальной безопасности. Сместились акценты относительно того, что считать опасным, а что безопасным. В частности, благодаря вирусу стало понятно, что развитие системы здравоохранения — это задача национальной безопасности в самом буквальном смысле этого слова.

Нарастает понимание того, что технологическое отставание (в тех областях, где оно имеет место) следует воспринимать как угрозу национальной безопасности [15], причем эта проблема универсальна, она свойственна в той или иной степени всем странам мира, хотя в России она имеет существенную специфику, которая определяется уровнем притязаний.

Грабли, на которые сейчас наступает наша система принятия решений, несколько отличаются своей конфигурацией от привычных и хорошо известных грабель, связанных с балансированием между потребностями производства, ориентированного на экспорт, и производства, ориентированного на внутренний рынок. Однако и эта проблема сама по себе никаким вирусом не снимается. Нас по-прежнему ожидает длительная и напряженная работа по трансформации не только технологической, но и отраслевой структуры производства, по обеспечению более высокого уровня ее устойчивости и безопасности.

Литература

1. АВТО-ЖИЗНЬ (блог). Водителей и пешеходов уже штрафуют за нарушение особого режима. Операция «пополним бюджет» началась // Яндекс. Дзен: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/avto2020/voditelei-i-peshehodov-uje-shtrafuiut-zanarushenie-osobogo-rejima-operaciia-popolnim-biudjet-nachalas-5e892db1e42ae3177732005e> (дата обращения: 05.04.2020).
2. *Бовт Г.* Послезавтра: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/13027045.shtml?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 30.03.2020).
3. *Гладков В.* Шойгу: Внутри России действует НАТОвская «пятая колонна» // Мировое политическое шоу: [Электронный ресурс]. URL: <https://mpsh.ru/19864-shojgu-vnutri-rossii-dejstvuet-natovskaja-pjataja-kolonna.html> (дата обращения: 26.03.2020).
4. *Гордеев В., Химишашвили П.* Кремль пообещал рассмотреть письмо экономистов об антикризисных мерах // РБК: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/03/2020/5e7dd4d79a7947c67902cc02> (дата обращения: 27.03.2020).
5. *Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М.* Россия на пути к цифровой экономике: ловушки и вызовы // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Вып. 1. М.: Изд. дом ГУУ, 2017. С. 74—86.
6. *Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М.* Угрозы цифровизации и экономическая безопасность: императивы и альтернативы // Глобализация экономики и российские производственные предприятия: Материалы 17-й Международной научно-практической конференции в рамках Научного форума «Неделя инженерной экономики», 13—17 мая 2019 г., г. Новочеркасск: В 2 ч. Ч. 1. Новочеркасск: Изд-во «НОК», 2019. С. 17—26.
7. *Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М.* Принцип Диогена, провалы институтов и противоречие между миссией и функцией // Друкеровский вестник. 2019. № 6. С. 5—20.

8. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // kremlin.ru, 24.10.2014: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 27.03.2020).

9. *Кожедубов А.* России предрекли режим самоизоляции до лета // МК.ru: [Электронный ресурс]. URL: https://www.mk.ru/social/2020/04/07/rossii-predreкли-rezhim-samoizolyacii-doleta.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 07.04.2020).

10. *Куликов А.* В Польше предсказали распад России в 2025 году. Но это не самое плохое // Pravda.ru: [Электронный ресурс, 13.03.2020]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1480902-lekciaoraspade/>.

11. *Курбатов М.С.* Мигранты «пасут» россиян у гипермаркетов: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777831512/> (дата обращения: 04.04.2020).

12. *Лесных А.* Ученые-экономисты рассказали об обратной стороне пандемии // РИА Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200408/1569709983.html> (дата обращения: 08.04.2020).

13. *Маццукато М.* Project Syndicate (США): тройной кризис капитализма // ИноСМИ.ру [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20200401/247179130.html?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 01.04.2020).

14. *Миланович Бр.* Реальная опасность пандемии—социальный коллапс: [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pandemiiya-kollaps/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 23.03.2020).

15. *Нижегородцев Р.М.* Технологическая безопасность государства // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 10. С. 110—115.

16. *Нижегородцев Р.М.* Закат маржинализма: почему неоклассический синтез больше не работает // Современная социально-экономическая трансформация России: ориентиры и итоги в

контексте глобализации и регионализации: Материалы Международной научной конференции. Сб. науч. статей. Ч. I / Под ред. О.В. Иншакова, Г.Б. Клейнера и др. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного аграрного ун-та, 2006. С. 236—248.

17. *Нижегородцев Р.М.* Россия перед выбором: ключевые макроэкономические проблемы и возможные пути их решения // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. Вып. 7: В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 16—31.

18. *Нижегородцев Р.М.* Альтернатива Хаавельмо и точки роста современной экономики России // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Москва, 15—16 апреля 2008 г. Материалы Девятого всероссийского симпозиума. Секция 2. Модели и методы разработки стратегии предприятия. М., 2008. С. 123—125.

19. *Нижегородцев Р.М.* Неравновесная динамика макросистем и механизмы преодоления мирового кризиса. Новочеркасск: «НОК», 2011. 100 с.

20. *Нижегородцев Р.М.* Мировой экономический кризис: предчувствие второй волны // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 2 (40). С. 16—24.

21. *Нижегородцев Р.М., Горидько Н.П., Шкодина И.В.* Институциональные основы теории финансов: современные подходы: Монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 220 с.

22. *Нижегородцев Р.М.* Инновационное развитие российской экономики в «новой нормальности» внешних угроз // Друкеровский вестник. 2018. № 3. С. 264—274.

23. *Нижегородцев Р.М.* Анатомия российского либерализма: «новая нормальность» глобализации и задачи импортозамещения социальных институтов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 25—35.

24. *Нижегородцев Р.М.* Госпрограмма «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» и современные представления о национальных инновационных системах // Инновационное развитие экономики. 2019. № 4 (52). Ч. 1. С. 21—25.

25. *Нижегородцев Р.М.* Вакханалия диссерастов: кто и зачем пытается развалить систему аттестации научных кадров // International independent scientific journal. 2020. № 12. Vol. 2. P. 18—30: [Электронный ресурс]. URL: http://www.iis-journal.com/wp-content/uploads/2020/02/IISJ_12_2.pdf.

26. «От чувства тревожности мы обретаем свободу» // Лента.ру: [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/03/28/experts/> (дата обращения: 28.03.2020).

27. *Родионов Дм.* Коронавирус торжествует: Лечить россиян некому и нечем: [Электронный ресурс]. URL: https://svpressa.ru/health/article/261002/?utm_referer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru (дата обращения: 28.03.2020).

28. России предсказали два сценария на фоне «идеального шторма» в мировой экономике // Деловая газета «Взгляд»: [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/economics/43965228-rossii-predskazali-dva-stsenariya-na-fone-idealnogo-shtorma-v-mirovoy-ekonomike/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news&h_sp=1 (дата обращения: 05.04.2020).

29. *Рубченко М.* Европа и США готовятся к голодным бунтам // РИА Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200406/1569556004.html> (дата обращения: 06.04.2020).

30. *Селезнева А.* Полиция массово останавливает москвичей на улицах // Рамблер. Новости: [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/community/43948863-politsiya-massovo-ostanavlivaet-moskvichey-na-ulitsah/?utm_campaign=rcm3a41623b&utm_medium=rec&utm_source=rambler&utm_content=news.rambler.ru (дата обращения: 03.04.2020).

31. *Селиванов А.* Американские кураторы смертельных вирусов // РенТВ: [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/blog/aleksei-selivanov/678656-amerikanskie-kuratory-smertelnykh-virusov> (дата обращения: 28.03.2020).

32. *Стенушова Л.* Коронавирус—первый признак скорой войны // Pravda.ru: [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.pravda.ru/world/1479580-koronavirus/> (дата обращения: 10.03.2020).

33. Теория: коронавирус SARS-CoV-2 в течение многих лет находился в организме человека: [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhightech.fm%2F2020%2F03%2F30%2Fsars-cov-2-human&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 30.03.2020).

34. COMRADE life (блог). Мир ожидает гиперинфляция // Яндекс. Дзен: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/comlife/mir-ojidaet-giperinflaciia-5e84800b5f081e20a965c56f> (дата обращения: 01.04.2020).

35. *Goridko N.P., Nizhegorodtsev R.M.* Public Losses — Private Gains: Some Institutional Filters for Russian Economy // IFAC-PapersOnLine. 2018. Vol. 51. Is. 11. P. 868—875. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/ifac-paperonline/vol/51/issue/11>.

Ю.М. ОСИПОВ

Разверзшаяся реальность*

Аннотация. Коронапандемия COVID-19 разорвала и рассредоточила мировую реальность, в гигантский разрыв и бесчисленные поры хлынула небытийная пустота; большая ударная перемена сочелась с большой мировой остановкой бытия, за которой маячит новая мировая реальность. Какая же?

Ключевые слова: мир, бытие, человек, коронавирус, пандемия, мировые перемены, новая мировая реальность, апокалиптика, философия, философия хозяйства, история, метафизика, метасмыслология.

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 13—32.

Abstract. COVID-19 pandemia ripped apart and dispersed the world reality, with a non-existence void pouring into a giant gap and countless pores; a great change was combined with a great world stop of existence behind which there is a new world reality. What's that?

Keywords: world, existence, human, coronavirus, pandemic, world changes, new world reality, apocalyptica, philosophy, philosophy of economy, history, metaphysics.

Строго говоря, реальность, или то, что человеку кажется реальностью, — *всегда* новая, она *всегда* в родах, хотя и, *всегда* становясь со столь же непреклонной неотвратимостью старой, она *всегда* умирает. Зачатие новой реальности как видимой и уловимой человеком реальности вершится где-то в неизвестности, на грани бытия и небытия, можно сказать, что и в бездне; созревание зародыша идет как процесс — в производительном секторе великой преисподней, в этой нефигуральной фабрике бытия; само же явление на свет плода, идущего откуда-то ниоткуда, реализуется в столкновении с уже бытующей на свету и в темени реальностью, которую новая родившаяся реальность попросту смещает и умерщвляет, отправляя ее останки в небытие, во все ту же бездну, по дороге к которой приговоренная к небытию реальность непременно проходит через уже не производительный, а разборочно-истребительный, вроде мусорораспределительного конвейера и мусоросжигающей печи, сектор преисподней.

Отсюда и классическая экзистенциальная формула: *небытие — бытие — небытие* (НБ — Б — НБ), где небытие, как и та же бездна, — вовсе не пустота, а всего лишь некая нереальная реальность, или реальная нереальность, в общем — *неизвестность!*

Да, именно так — *неизвестность*, а для человека и его сознания, как и его знания, — не более и не менее как *Великая Неизвестность*, вполне и сакральная, которую можно бытовое и физикалистски не признавать самоуверенно и даже высокомерно отрицая, но которая, вовсе не нуждаясь ни в каком подобном признании, все равно *есть*, и есть она не где-то там — в бескрайних несусветных далях, что несомненно, но и прямо здесь, в мироздании, во Вселенной, на Земле, в человечестве и в его мире, в сознании, в мыслях, в деяниях,

вообще во всем, кажущемся человеку реальным и... тоже лишь кажущемся человеку... *известным*.

Реальность тут среди нереальности, знание среди незнания, известное среди неизвестного, ну а мир человеческий среди... э-э... если не полной пустоты, то по крайней и лучшей для человека мере среди какого-то ему совсем не видимого и уже не сильно ему кажущегося *иного мира*, который мало что *здесь*, но еще и в роли незаметного, но действенного архитектора, строителя, оберегателя и, увы (!), неизбежного ликвидатора здешнего — нашенского, как бы и вполне реального, весьма и человеческого — мира, как раз *сего*, или *этого*, *мира!*

Жалкая все это, скажут нам, и никому не нужная метафизическая фантазия, — разве не так? Отнюдь — ответим мы! Самая что ни на есть обнаженная и сокрушительная для физикалистских гуманитарных мифов *правда* — да-да, именно так — *правда!*

Что, скажите, в сегодняшнем бурно меняющемся человеческом мире воистину известного, кроме, конечно, «несомненных» бытийно-событийных, поверхностно-предметных, однозначно-точных, материально-упругих и т. д. фактов: сам ли этот мир хорошо известен или же, что, как и почему в нем меняется; или, к чему ведут и в итоге приводят протекающие в реальности и ей вопреки перемены, — что из всего перечисленного так уж известно? Мало того, что тут обычно являются совершенно разные об известном-де происходящем людские мнения, что уже говорит о том, что все это «известное» не так уж людям и известно, а главное — все из судьбоносно вокруг происходящего не более чем не лишенный тайны *плывун* — среди, или в среде, полного своей тайны... *непроисходящего*, как раз и *неизвестного*, откуда происходящее в реальности непременно исходит — рождаясь, и куда оно непременно уходит — умирая. Сегодня вокруг что-то вроде бы есть, живет, действует, а завтра ничего такого уже и нет; сегодня что-то вольно или же натужно плывет, завтра оно уже вдруг тонет, а послезавтра, глядишь, и насовсем исчезает — как раз в пучине неведомого и давно человеком проклятого *неизвестного* — *непроисходящего!*

Да, вокруг в человеческом мире немало всего стоящего, устоявшегося, длящегося, как бы и неизменного, постоянного — факт! Но ведь и немало хватает, в особенности какими-то временами, периодами и эпохами, в каких-то конкретных местах, ареалах и пространствах, чего-то неустойчивого, текучего, изменяющегося, непостоянного, а иной раз всего этого подвижного оказывается так много, что приходится говорить уже о времени-пространстве *больших перемен*, или же об *эпохе перемен*, а то и вообще о *мире перемен*, даже и о *мир-перемене*, что ныне вполне обоснованно и отчетливо как раз и наблюдается, — тоже ведь факт, да еще какой!

Вообще перемены в человеческом бытии, как и само вообще бытие, творятся прежде всего (или на первый взгляд) самим человеком — основным актором сего бытия и случающихся в нем перемен; однако перемены в бытии, как и вообще само бытие, творятся также и самим бытием, самой текущей реальностью, с чем бытийствующий человек непременно сталкивается, к чему приспособливается, чему сопротивляется, на что пытается по-своему влиять, с чем и отчаянно иной раз воюет; наконец (уже не на первый, даже не на второй, а лишь на... энный вообще взгляд), перемены, как и само бытие, творятся не чем иным, как... *неизвестностью*, можно сказать, и *иномирьем*.

В таком разе получается некий триадный ход человеческого бытия и перемен в нем: *человеческий* (субъектно-субъективный, акционный), *бытийный* (стихийно-объективный, процессный) и *внебытийный* (невероятно-внезапный, случайностный). И не только в разных конкретных переменных проявляют себя разные переменовские потенциалы и ходы, они, эти разные потенциалы и ходы, способны проявиться и в одной какой-либо перемене — в разных, конечно, сочетаниях и мерах.

Мир-перемена! Это значит, что тут все переменное в клубке и сразу на весь мир, а еще это значит, что все это переменное совершается значительно само по себе, что оно весьма произвольно, отчего любая большая перемена — более всего *сама-себе-перемена*, а мир от этого — более всего *сам-себе-мир*, а в итоге одно лишь большущее недоумение: отчего-то, зачем-то, как-то, куда-то, с какой-то целью,

с каким-то там итогом, в общем, как ни крути тут головой, усиленно соображая и многозначительно умничая, а все одно — круговая повсюду *неизвестность*, лишь прикрытая кое-какой известностью, да и то весьма худо прикрытая и весьма худой известностью — не целиком прикрытая, да и само известническое покрывало непременно с дырками, не говоря уж об иллюзорных, ошибочных и попросту лживых лоскутах на пестром от собственной дискретности покрывале, тоже, кстати, *самом-себе-покрывале*. Вот вам, господа, не только *мир-перемена*, но и *перемена-мир*! А вот где тут мир, а где перемена — поди-ка, разберись!

Да, мир человеческий продолжается, как и не прекращается его перемена, ведомая и толкаемая вперед ударными переменовскими деяниями человека, самовольными интенциями текущей реальности и упорно подтекающей под нее еще более самовольной ирреальности, надо полагать, самой Великой Неизвестности, хотя в лице или же в образе того же Иномирья. Страшно ли нынешнему человеку-землянину или нет, грустно ли ему или весело, худо ли ему или же приятно, но мир его явно и споро меняется, да так, что ко сну ночному он вроде бы *такой*, а утром, глядишь, он уже и *другой*, а уж через неделю, месяц, год... о-о!.. *совсем уже другой* — и ничего тут не узнать — ни мира, ни перемен, из мира вдруг вывернувшихся, ни самого по себе человека — человека-творца, человека-демиурга, человека-гордеца!

Удивительно все это, весьма занятно, для кого-то даже и забавно, а для кого-то... действительно страшно, ибо... *что, зачем, куда?* — одни вопросы без всяких на них ответов, хотя что-то вроде бы и известно, о чем-то известном-де повсюду убедительно толкуют расколотые, растерянные и оскалившиеся СМИ — раскрасневшиеся, побелевшие, почерневшие, а правители повсюду не то что в умном недоумении и легкой невразумительности, а в уже заметном... *отчаянии*, причем в особого рода отчаянии — тихом пандемическом: еще вчера всем им было более или менее все ясно, они знали что и как им делать, как жить подотчетным им насельникам Земли, как ими самоуверенно управлять, как на высшем уровне самодовольно тусоваться,

ловя медийное внимание, загадочно при этом физиономируя, иронично улыбаясь, наигранно радуясь или притворно гневаясь, замысловато, а то и просто по-свойски, выражаясь, — и вдруг, уже прямо сегодня, если еще не вчера, надо что-то реально делать — быстро, эффективно, дальновидно, а ситуация совсем уж экстремальная, штормовая и штурмовая, прямо-таки убийственная, но это не все, ибо завтра непременно наступит... *завтра*, если, конечно, оно вообще наступит, полное не так даже неопределенности и неизвестности, как какой-то уже *новой реальности*, мало что *самой-себе-реальности*, так еще и какой-то *нереальной реальности*, чуть ли не *небытийной реальности*, да не от своей сверхновизны, конечно, а от преследующей ее... *небытийности!*

О-о, какая тут грядет расплата за свободу демиургии, прогресса, новизны, того же экономизма, как и за евроамериканизм, либерализм, модерн и постмодерн, глобализацию и глобализм, империализм и колониализм, за самоуверенность и самовлюбленность прогрессивных-де стран-передовиков и щенячье им подражание со стороны якобы безнадежно отставших от передовиков стран-маргиналов, за расчеловечивание человека и разбожествление Господа Бога, за пренебрежение к Иномирию и Софии Премудрости Божией, к Великой Неизвестности, да и к Преисподней с Бездной тоже, — и вся великая-де известность, прямо-таки космическая, вдруг оборачивается жуткой зёмной неизвестностью: ни человека тебе, ни социума, ни культуры, ни языка, ни сознания, а так — одна трескучая *пустота!*

И причиной всего этого внезапного переворота, пусть пока по преимуществу лишь ментально-установочного, вовсе не коронавирусная пандемия, а все нынешнее бытие человеческое, во многом уже и нечеловеческое, обусловленное и даже назначенное из исторических далей и весем сначала ренессансным, а затем просвещенческим европеизмом, как раз и дошедшее до пика самоотрицания аккурат на рубеже XX — XXI вв. — в момент обретения европеизированным (точнее бы сказать — евроамериканизированным) человечеством стадии *всеобъемлющего благополучия*, подтверждаемого безудержным — алчным и неумным — потребительством, да не только

по поводу хлебов и зрелищ, вообще всяких удовольственных благ, а и самих времени и пространства, самой экзистенции, мало того — ума, сознания, духа, как и самого человека, превращающегося в итоге обильного легкомысленного самоупотребления либо в звонкую или же скрипучую погремушку, либо в грубое, обездушенное, немало и озлобленное животное. Разумеется, речь тут не обо всех вообще «людях», но об очень уж немалых, если не большущих их массах, включая и так называемые элиты. Человек рьяно, охотно и безоговорочно пожирает самого себя — себя прежнего, устремившись от самого себя прежнего к какому-то себе совершенно уже новому, а вот стать новым человекообразом вовсе не означает остаться при этом собственно человеком!

Ведомое вперед в обход Бога и Христа, Софии Премудрости Божией антибожеское, антихристовое и антисофийное по сути западное европейство, сначала как бы ренессансное, а на самом-то деле — нессансное, а потом как бы просвещенческое, а на самом-то деле переделочное, достигло к рубежу XIX — XX вв. посредством свободного капиталистического предпринимательства, безудержной экономической эксплуатации наемного труда, безоглядного ограбления заморских колоний, вроде бы правовой, а на деле плутократической государственности, а главное — посредством знаниево-научно-технического прогресса с последовательным и беспощадным покорением, переделыванием и вычерпыванием природы, а также посредством следования идеологеме свободного от природных и религиозных ограничений гуманизма, сие бодрое, амбициозное и агрессивное европейство достигло не просто многого, а воистину фантастически многого, создав совершенно новый, весьма уже *искусственный*, хотя все еще как будто бы и человеческий — *гуманистический*, мир, не только ранее не бывалый, но и заметно, если еще и не вполне космический, то уже явно какой-то неземный, мало того, энергически — как насильственно, коллаборационно, так и по доброй воле — распространявшийся по планетарному миру, делая этот мир если не вполне европейским, то уж заметно — до неузнаваемости — *европеизированным*.

Вершина, апогей, триумф!

И, как водится по неписанным законам бытия-небытия, — вдруг страшнейший кризис Европы вкупе со всей ее ренессансно-просвещенческой парадигмой, выразившийся в логично-нелогичном отрицании Европой... *самой себя*, что породило, помимо идеологической и концептуальной критики Европы со стороны самих же наиболее ответственных и проницательных европейцев, сонм актуальных для того межвекового исторического момента маргинальных явлений: Декаданс, Революцию, Войну, Диктатуру, — и все это с мощным антиевропейским зарядом!

Оставляя в стороне анализ собственно европейских причин сего тотального экзистенциально-апокалиптического кризиса Европы, просто обратим лишь внимание на сам факт сего *апогейного кризиса*, который по сути, природе и формату своему даже не кризис, а некое, не выходящее за пределы самого охваченного кризисом гео-экзистенциального феномена, происшествие, которому более подходит определение даже не помешательства, а какого-то растянутого по времени *безумства безумия*, причем вполне себе и *умственного безумства* и *умного безумия*, когда большой бытийно-исторический феномен вроде бы есть, и жизнь вроде бы живая в нем идет, но почему-то идет в тряске, лихорадно, в конвульсиях, с распадом и гниением, прямо по краю преисподней, бездны, небытия.

Да, это воистину интересно: отказ от самого себя, поиск чего-то другого и в общем-то невозможного, тяга к самоубийству, — и все это, как ни странно, на фоне если не совсем полноценной, но вполне себе насыщенной жизнью жизни?

Апогей феномена и... (sic!)... незамедлительный же его закат, а то и многообещающий конец!

«Мавр сделал свое дело, мавр может, или должен, уйти!»

Европа свершилась сама, свершила свое великое отчаянное дело, охватив весь мир, при этом сама вполне завершилась, а потому могла уже уходить с мировой арены, но... Европа заартачилась, захотела остаться, да еще и на переднем бытийно-историческом плаву, пусть и преобразовавшись во что-то другое, уж и не совсем европейское, если совсем уже не европейское, чуть ли не во что-то... *иное* (!), для чего и придумала сначала социализм с коммунизмом, раскрутив

сопутствующее им революционное движение, а потом пошла на большую межевропейскую войну, немедленно ставшую мировой, за которой последовал евро-антиевропейский фашизм с еще одной большой европейской, тоже немедленно перешедшей в мировую, войной, ну а совсем уж потом, передав мировую инициативу своему уже укоренившемуся и набравшему великую мощь сыночку — США, как и ему — этому доброзлому бастарду — всецело покорившись, ушла на покой, став при этом и весьма *иной* — межгосударственно организованной и как будто самой себе союзной, в общем — чуть ли внутри себя не единой, однако в чем-то главном уже и не Европой — сбылась-таки мечта Европы стать другой Европой, может, сбылась совсем не так, как грезились апогейной Европе на рубеже XIX — XX вв., но сбылась — как итог похищения Новой Европы совсем уж Новейшей Европой, — чуть ли не в согласии с пророческим древнеантичным мифом.

В возникновении, ходе и результатах сего грандиозного происшествия с Европой виновны, конечно, все панисторические переменовские процессы — от обыденных до мистических: и «ход человека» тут виноват, и «ход вещей», и, разумеется, «ход неизвестности».

Одно дело — рождение ренессансной Европы и ее бурное развительное движение вперед и вверх, вширь и вглубь — в метафизическую, конечно, глубь (знание, наука, философия, идеология, искусство, литература, архитектура, техника, экономия, право — что тут еще?), но зато совсем уж другое дело — исчерпание синергетически возбуждающейся энергии, подступ, а затем и разгул, энтропии, вызывающей острое желание как-то вывернуться из патологически гнусной ситуации, выворачиваясь натужно из самой себя, порождая при этом лишь череду ужасных катастроф.

Говоря обо всем случившемся с Европой, начиная с рубежа XIX — XX вв., мы пытаемся показать, что происходит с большими бытийно-историческими феноменами в моменты, или с моментов, их расцвета, вдруг, хотя и не без скрытой патогенной подготовки, подвергающихся нелегко объяснимому самоотрицанию — с сопутству-

ющими разном, падением, развалом — и хорошо, ежели затем переживающим удачное перестроение, реформирование, преобразование, а то и преображение, что дает возможность им существовать дальше, пусть и в ином обличьи и с иной содержательной начинкой, даже и с новым духотворением, и существовать, иной раз, весьма еще долго. Так было с тем же Древним Римом и с той же Российской империей, превратившейся в СССР, что-то подобное произошло уже и с СССР, пережившим как раз в свой апогей этот самый апогейный кризис и внезапно от этого рухнувшим, чтобы выжить затем компактно в виде Российской Федерации и уже дискретно в виде амбивалентного СНГ. Да, сии феномены, о которых речь, возникают, бытуют, изменяются, расцветают, достигают апогея, затем катятся, боля, вниз, разрушаются, а если повезет, вдруг возрождаются, воспроизводятся, как-то субъектно оформляются и даже деловито фигурируют, нехотя мерца, уже до своего полного исчезновения в небытии.

По итогам Второй мировой войны Европа уступила лидерство в западном и во всем мире набравшимся сил и коронной самоуверенности Соединенным Штатам Америки, согласившись на роль подопечного им сателлита. На место Европы и европоцентричного мира пришел новый, уже америкоцентричный, Запад, — и все послевоенное бытие стало бытием уже не столько большой всемирной Европы, сколько большого, вполне подконтрольного Америке и тоже всемирного Запада, неустанно боровшегося за себя и за свой контроль над всем планетарным миром с усилившимися по итогам Второй мировой войны СССР и его ориентированными на социализм-коммунизм союзниками, спутниками, сателлитами. Запад, сохранивший экономико-предпринимательскую энергию и склонность к научно-технической демиургии, бурно развивался, качественно меняясь и концентрируясь вокруг США, а после краха своего геостратегического соперника — СССР с его мировой соцсистемой, достиг безусловного апогея, да не просто как часть планетарного мира, а как высшая его часть, более того — как владеющая миром, бытием, историей *высшая всесильная сила!*

Да, это было так, тем более что страны, отделившиеся от бывшего СССР и вышедшие из бывшей соцсистемы, в той или иной мере

примкнули в роли потерпевших неудачу самопораженцев-самопогорельцев к успешному, передовому, победному и триумфальному Западу.

Запад свой триумф, безусловно, заслужил, обогнав в материально-технической демиургии отказавшегося от своего динамического реформирования и ставшего слишком неповоротливым СССР, не говоря уже об отсутствии в СССР достаточного финансово-экономического потенциала и необходимой для наступившего времени потребительской мощи. Равным образом, Запад, либерально стимулируя упрощение, обездуховление и дегуманизацию культуры и массового людского сознания, как-то более соответствовал чаяниям как прорывавшихся через тотальную идеологическую, этическую и даже эстетическую цензуру, практиковавшуюся в СССР и соцстранах, узких творческих кругов, так и рвавшихся к разноцветному потреблению широких масс, отчего Запад был признан не просто победителем в демиургической гонке и достойным примером прогрессного хозяйствования, но и безусловным светочем как в идейно-духовном плане, так и в потребительском раже.

Однако одно дело — внешний феноменально-практический триумф — и совсем другое — внутреннее содержательно-смысловое состояние триумфатора, обнаруживающееся даже не в самый момент его триумфа — на празднестве, а потом, когда празднество заканчивается и триумфатор продолжает бытовать уже не как триумфатор, а как действенный предводитель склонившегося перед его внешним величием отставшего-де от него человечества, вольно или невольно раскрывая перед ведомым им населением свое содержательно-смысловое чрево.

Вышел вперед и наверх и... весь ты на виду, а потому, каков же ты на самом деле, куда и зачем ведешь, для чего и ради кого верховодишь?

И вот оказалось, что сей новоиспеченный и вполне вроде бы неоспоримый лидер планетарного мира мало что властолюбив, самолюбив и безапелляционен, мало что эгоист, насильник и эксплуататор, так он еще и великий лжец, мистификатор и мошенник, но и это не все — совсем и не *тот*, за кого себя выдает, а именно: мало что

антихрист и иуда, так он еще и... *античеловек*, сам уже почти что целиком искусственный, так еще и упорно несущий в человечество безоглядно им создаваемый, вполне уже искусственный и античеловеческий *антимир*!

Нет, конечно, речь здесь не обо всех населяющих Запад людях, да и не только о людях как таковых, а более всего о метафизическом феномене, называемом Западом, том самом феномене, которому как раз и служат и прислуживают миллиардные люди — что на западной стороне зёмного мира, что в остальной его части, как раз тот самый феномен, который они — эти люди — создают, лелеют, боготворят, понимая и не понимая при этом, с чем и с кем имеют дело, — тут все одно: авторы ли они, акторы ли, сторонники ли, попутчики ли, узники ли, жертвы ли — какая разница?!

Запад таки породил, осознавая сей знаменательный факт в каких-то единичных головах — своих или нет — не что иное, как своего и всего человеческого мира... *могильщика*, да не в виде пролетариата, как казалось некогда марксистам-ленинцам, как и не социализма-коммунизма или того же фашизма, как кажется многим до сих, а... *античеловека с антимиром*, жадно и сладострастно поедающих ныне не один только Запад, а и весь, знаете ли, мир!

Что ж, пора обратиться и к коронной пандемии, возникшей если не на Западе как таковом, то уж в связи с Западом — это уж точно! — пусть и не по конкретной инициативе Запада, хотя почему бы и нет, может, и по его инициативе, но уж по мотивам Запада — точно!, ибо она, эта коронная пандемия, как и все, что вокруг нее происходит, безусловный продукт, агент и актер западной, ранее попросту европейской, как раз той самой — просвещенческой, — *демиургии*, призванной ни к чему-нибудь, а к... ПЕРЕСОТВОРЕНИЮ мира, результатом чего как раз и стало, наряду с сотворением искусственного мира с немало уже обыскусственным человеком, еще и сотворение антимира с адекватным ему, пусть еще и не тотально массовым, хотя почему же еще не массовым? — вполне уже и массовым! — *античеловеком*!

В парадигме создания и бытия антимира с античеловеком в его чреве, как и свертывания через посредство этих «анти» все-еще-человеческого мира ради преобразования его в какой-то *иной* мир, уже нечеловеческий и небожеский, становится более или менее понятной не только собственно вирусная пандемия, но и *пара*-вирусная *пан*-пандемия, вполне сознательно развернутая в нынешнем мире нынешними, пусть если и не только западными и прозападными, то уж явно заразительно «укушенными» бесноватым Западом, государствами, включая пока еще и Россию.

Такого ультрапандемического нашествия на мир и на мировое человечество, сравнимого с большой мировой войной, в Новое и Новейшее время еще не было, а стало оно возможным как раз в уже значительно обыскуственном мире, мало того, в значительно уже античеловеческом и антимировском.

Пандемия, о которой речь, зародилась вроде бы в Китае, затронув сначала лишь азиатский Юго-Восток, затем она вдруг оказалась (именно оказалась!) в Европе и в США, и не замедлила скоротечно гулять по всему миру, не обоядя и России, став поистине мировой, или же *пан*-все-охватной, *пан*-демией.

Вирус оказался настолько новым, переменчивым и изворотливым, более того — умным, что на борьбу с ним в мире не нашлось ни прямых медикаментозных, ни медикопроцедурных средств, а потому в ход пошли драконовские изоляционно-ограничительные меры социального (читай — и антисоциального!) порядка, сопровождаемые рядом традиционных (каких же еще!) санитарных деяний.

Сии драконовские меры тотально-карантинного свойства, осуществляемые государствами на условиях чрезвычайщины, мгновенно привели к возникновению безо всяких родовых мук уникальной, экстраординарной, беспримерной, не поддающейся никакой традиционной квалификации, даже не какой-то новой реальности, а попросту *особой реальности*, причем *особой* до... нереальности, если и не мертвой, то уж полумертвой, во всяком случае — *замершей реальности*, остановившейся, прерванной, можно сказать, что и «дырной», а точнее — «чернодырной». На место части реальности, как раз вполне себе жизненной части, пришла безжизненная пустота,

не просто вторгшаяся в реальность, ее как бы раздвинув на большие фракции и мелкие частички, но и ее откровенно полонившая, отчего бытие вдруг оказалось не просто борчески сопряженным с небытием, а им — небытием — заместительно пораженным (НБ — Б(НБ)Б — НБ, где Б(НБ)Б есть пораженное небытием в самую свою сердцевину бытие).

Укушенная собственно вирусной пандемией и всерьез задетая уже паравирусной пандемией, уполовиненная и изрядно онемевшая от этого реальность, которую можно определенно назвать *пандемия-реальностью*, не так новая и не так даже реальность, как ее — реальности — некий обморочный (коматозный) перерыв (или срыв), некая взрывная пересменка, вынужденная передышка, а то и этапная арестантская пересылка, между одной — уже прежней и уходящей — и другой — уже, надо полагать, новой и как раз приходящей — реальностями.

Пандемияреальность — не так собственно реальность, хотя она и вполне реальна, как некая *меж-реальность* — вроде каньона, пропасти, рва, через который текущей реальности надлежит как-то, скукожившись и встав на четвереньки, перебраться, при этом либо не очень сильно изменившись, либо, наоборот, заметно став другой, перейдя от вроде бы известной *A-реальности* к какой-то еще никому не известной *X-реальности*.

Прелюбопытнейшая возникла ситуация, концептуально дьявольски остроумная и функционально чертовски запутанная, немало, как водится, неопределенная, а в чем-то и нарочито, как тоже всюю водится, по-темному загадочная!

Да, многое тут зависит от голов и действий людских, прежде всего, от правящих голов и правительствующих действий, да и от не очень-то пока выраженного сегодня поведения людских масс, как и от пока еще скрытых объективных тенденций, а что-то очень важное, если не решающее, зависит — увы! — от Ее Подложного Величества Неизвестности.

Все уже имеющееся — и хорошее, и посредственное, и плохое (это уж для кого какое!) — поставлено ныне под пандемический во-

прос и будет стремиться не только остаться, но еще более утвердиться, может, камуфляжно при этом и изменившись, а что-то из уже или же вскорости возникшего нового будет бороться за свое присутствие в реальности и в ней себя утверждение, тоже, кстати, не без в себе хорошего, посредственного и плохого, пусть и по-разному для кого-то хорошего, посредственного и плохого; в общем, грядет борьба всего уже имеющегося с чем-то наново возникающим, сопровождаемая борьбой старого и нового за себя самих и каждого из них с бытующим, изменяющимся и тоже возникающим и обновляющимся контекстом, равным образом — борьбой всех возникающих тенденций между собой.

Великая тут предстоит вселенская турбулентная схватка!

Налицо ведь *апокалиптический кризис* всего и вся с одновременным всего и вся отрицанием и полаганием, как и с полаганием и отрицанием чего-то еще не бывшего, лишь трансцендентно где-то там предположенного.

Да, произойдет перераспределение созидательно-разрушительной энергии между явными, не слишком явными и неявными экзистенциальными потенциалами, как и перевоплощение с перераспределением гуляющей по пространству-времени смысло-функциональной информации, отчего и будет выстраиваться новая, или попросту обновленная, реальность, в конструкции которой что-то останется, что-то изменится, что-то явится совсем новое, хотя и не без возвращения чего-то уже хорошо подзабытого старого.

Тут ситуация *обостренной апокалиптики*: чего-то и чьего-то конца, чего-то во что-то превращения, чего-то укрепления и развития, чего-то и чьего-то внезапного появления, то бишь ситуация одновременно финиша, продолжения и старта, общего перелома, общего перестроения, общего, пожалуй что, и переворота, однако пока лишь в возможности, способной и не подтвердиться, ибо *потенциальная реальность* и *фактическая реальность* — вовсе не одно и то же!

Можно, конечно, ничтоже сумняшся, предположить какие-то *большие реальные перемены* в мире, ради которых, возможно, и яви-

лась многоцелевая пандемия (осознанно ли со стороны человека, неосознанно, полусознанно, а может, и попросту трансцендентно, как раз на сотворческой границе агрессивного искусственного мира и раздраженно защищающегося от него мира естественного, явилась, возможно, и сама по себе, хотя и в соответствующей лабораторской обстановке), однако явилась лишь для того, чтобы либо подтвердить уже вершащийся на планете Земля *большой мировой проект*, либо чтобы сей проект существенно скорректировать под новые, вроде киберцифровых, обстоятельства, либо же в конце концов закрыть сей проект и в перспективе открыть реализацию какого-то совсем уж нового — *иного* — проекта, пусть еще на Небесах, в Преисподней и на Земле никак особо не сформированного и не сформулированного.

Ха! — кто тут и что доподлинно знает? Да, никто ничего доподлинно не знает, хотя у кое-кого из супермогущественных и суперпроницательных, не зря будет заметить, кое-каких на этот счет намерений, чаяний и ожиданий хватает с избытком, да вот вокруг, везде и всюду... Она, эта давно уже проклятая человеком-демиургом Неизвестность, которая в итоге все главное и решит!

Темень!

Конспирация!

Тайна!

Всякое тут возможно в перспективе, кроме одного — Царства Божиего на Земле!

С божиим-де человеком!

Сам по себе земный человек не сделает в массе своей для себя никаких радикальных идейно-поведенческих выводов по случаю злосчастной пандемии и ни на йоту в сторону от себя и своего образа жизни не отойдет, а если что и изменится в человеке и в образе его жизни, то либо под давлением жестких и неумолимых объективных обстоятельств, либо того же внешнего для каждого из людей открытого или скрытого, уже вполне и субъективного, насилия.

Позитивной самопеременчивости от людей ожидать не стоит, а вот развития в будущем назидательно-карающей *диктатуры*, так хорошо ныне исполненной и на деле проверенной пандемически,

ожидать вполне стоит: времена безмятежного безмерного и бездумного гедонистического и гламурного массового потребительства, кажется, навсегда уйдут в прошлое, а выживет и выдюжит лишь тот, кто признает ограничительную в потреблении и жизнелюбии новь и встанет, пусть и под давлением, на путь рационально сдержанного, если не отважно укрощенного и оптимально урезанного, существования.

Для этого-то и явилась внезапно сия нелепая по нынешним временам, хотя и вполне реалистичная, коронная пандемия, сопровождаемая совсем уж невероятной для сего благопотребного времени административно-принудительной пандемией, куда как более действенной, охватной и страшной, чем собственно вирусная пандемия: для решительного сброса кое-чего из прежнего, почти что и всего, как и для радикального утверждения кое-чего, почти что и всего, нового — *диктатного утверждения диктатного нового!*

Вот почему и возникла вдруг бытийно-временная дыра, вполне и черная, мгновенно заполнившаяся небытийно-безвременной пустотой, обозначая необходимость конца чего-то одного и возможность начала чего-то другого, однако вовсе не того, о чем мечталось и до сих пор мечтается человекофильным утопистам, а, скорее, чего-то того, что предположено пусть и не совсем человекофобским, но, скажем так, сверх-, вне- или даже мета-людским проектом, частично уже воплощаемым в реальность, но еще этой реальностью вполне не овладевшим.

Да, не будет более того же самого, что сейчас, мироустройства с его тотальной глобализацией и монархическим глобализмом; не будет той же самой, явно уже обезумевшей, экономики с ее всемогущими на глиняных ногах долларогенными финансами; не будет того же самого разорительного природопользования и того же опасного для всего живого на Земле пренебрежения императивной экологией; не будет той же, что сейчас, мобильненькой и тараканоподобненькой людской миграции, если не попросту бессмысленной болтанки людей по планете, в общем — многого чего из того, что есть сейчас, не будет, включая и кое-какое искусство, ставшее давно уже убийственным антиискусством, и кое-какую литературу, ставшую

во многом уже антилитературной макулатурой, и даже медицину, ставшую почему-то более всего медициной для медицины, и тех же СМИ, зараженных болезнетворными и смертоносными вирусами психопатии и расчеловечивания, и ту же моду, превратившуюся в никому не нужный обесмысленный карнавал, и тот же спорт, обьятый черт знает чем, и т. д. и т. п.

А что же тогда будет? О-о, это большой безответный вопрос, ибо все будет решать само бытие, ежели оно само еще побудет! Однако кое-что провидеть при условии сохранения бытия как бытия все-таки можно, приняв во внимание главную на этот счет неизбежность: окончательное утверждение *искусственного мира с его искусственным хомотехноцифровым разумом*, что позволит совершить полный переворот в человеке, его сознании и экзистенции, в социуме, культуре и цивилизации, во всем человеческом бытии, окончательно освободив человека и его бытие от уз и опеки Сакрала, от тенет и гнета Природы, от давления и тягот Обстоятельств, от потребительского угара, хотя и не от нарастающего риска угодить со смартфоном в руках, с наушниками в ушах и обильным словесно-звуковым мусором в головах прямо в Бездну!

Разве тут, возразят нам, не все тот же Хирамов проект, упорно исполняемый хитроумными масоньерами, что тут нового, разве лишь новая попытка выхода из нового экзистенциального (точнее бы — из очередного антиэкзистенциального) тупика посредством на этот раз не миромасштабной войны, а всего лишь выплеска в бытие антибытийной и безвременческой пандемии, тоже, правда, миромасштабной, причем выхода из экзистенциального тупика не куда-нибудь, а на дорогу неизменно дорогого для тайных архитекторов и строителей счастливого бытия человеческого Великого Проекта?

Наверное, это так, хотя и не совсем так, ибо и другие, куда более жесткие и бесцеремонные, силы готовы воспользоваться возможностями уже *ультраискусственного* мира с его уже *ультраискусственным* разумом — ради все того же inferнального господства отборного меньшинства над подчиненным ему, тоже отобранным (и обобраным!), массовым большинством. Не растворятся насовсем в небытии и в безвременье и хомофильские мечтания об устройении

на Земле для якобы позитивного людского большинства высокотехнологичной диктатуры надо всем человеческим бытием в целях недопущения иерархий, господств и любых апартеидно-расистских в широком смысле эксцессов.

Так или иначе, но впереди большая экзистенциально-эсхатологическая разборка — в первую очередь за упомянутый выше ультраискусственный разум и эффективный контроль над ним, а затем уже и за созидание через его — сего «разума» — посредство новой, тоже ультраискусственной — реальности, вполне уже, как нетрудно себе представить, диктатно-тоталитарной, а выражаясь символически — через посредство всего лишь на вид безобидной, но очень, знаете ли, эффективной в темных делах... *цифры!*

Не *слова*, заметим, а именно *цифры!*

По какой бы причине ни возникла чрезвычайная пандемияреальность, она имеет не слишком, быть может, бросающиеся в глаза, но очень важные следствия: во-первых, слетающий с немых, но в то же время красноречивых пандемийных уст роковой приговор все еще слишком гуманитарной (и гуманной тоже!) социально-хозяйственной реальности, изрядно уже устаревшей и всю мешающей новому — уже вполне оцифрованному — прогрессу; во-вторых, ободряющий респект новой — тоже вполне уже оцифрованной — реальности с располагающейся в ее сердцевине виртуальной — как раз кибер-информационной — ирреальностью и с охватывающим всю оцифрованную реальность контрольно-сыскным, опять же оцифрованным, сетевым контуром; в-третьих, принудительное формирование нового — рассредоточенного, разорванного, дискретного, крупитчатого, но при этом и ульеобразного — социума, точнее, какого-то нового населенческого образования, замещающего собой привычный социум и способного быть и реализовываться в откровенно уже объемлющей сие образование откровенной пустоте; в-четвертых, уже силовое «загоняние», а не, как было прежде, внешне добровольное завлечение, людей в виртуальный технотронный мир с его высокотехнологичной манипулярной механикой; в-пятых, появление предобраза нового техногенного человека — уже законного предтечи

постчеловека, приспособленного к институционализированной междоудаленке и манипуляторной межобщественке в *нуль-мерной* виртуальной ирреальности.

Борьба с коронапандемией необходима и гуманна — нет сомнения, как неизбежна, хоть и, надо полагать, не столь уже гуманна, борьба за новое обустройство планетарного мира, за тот же постдолларизм или за тот же неозекологизм, но за всей этой гуманитарной и вроде бы гуманистической борьбой стоит и борьба за некий целостно сфабрикованный *новый мир*, разумеется, ультраискусственный, с адекватным ему и тоже ультраискусственным... э-э... *постчеловечеством*, — и все это если и не бесспорные, то не так уж легко и оспоримые в момент пандемии факты, против которых переть samozабвенно, конечно, можно, но вот далеко ли можно пропереть и с большим ли при этом успехом?

Произойдет ли реально *все это* или хотя бы *что-то* всему этому подобное — дело самого реального бытия, идущего, как утверждает современная метафизическая мысль, тремя смысло-функциональными потоками: «ходом человека» с его сознанием и бессознанием, умием и безумием, волей и безволием, логикой и интуицией, действием и бездействием; «ходом вещей» с его поступательностью и турбулентностью, последовательностью и дискретностью, целеустремленностью и стихийностью, размеренностью и хаосностью; «ходом неизвестности» с его своеволием, непредсказуемостью, внезапностью и, конечно же, неотвратимостью.

Да, все три указанных потока реально работают, и работают в тесном единении с ирреальностью — как за отмеченную выше новую реальность, так и против нее, а и потому всякое ныне в происходящем и в грядущем происшедшем возможно: и это, и то, как и не это, и не то, а совсем другое, да и вообще какое-то... *икс-этакое*, которое можно случайно и угадать, глядя напряженно и целеустремленно в закрытое облаками небо, или же пророчески уловить, пристально глядя во взбаламученную пятерней мутную воду, но ни во что угаданное поверить все равно будет нельзя, ибо реально возможным все это узренное казаться никак и никому не может, а ежели *оно все-таки* придет, то придет, аки тать в ночи, в виде все равно

всем нам неизвестного и для нас невероятного, как и попросту невозможного, и придет, как всегда, внезапно, если вообще придет, конечно!

Самозабвенно демиургирующий человек, раскрутив прогресс, давно уже стал не просто его инициатором и участником, а и его заложником, если не рабом, а потому ни остановить прогресс, ни реформатировать его человек уже не может, и он — человек-творец — должен пройти вместе с прогрессом весь прогрессный путь — вплоть до демиургического, если уже не теургического, пересотворения не только природы и человеческого бытия, но и *самого себя*, что как раз и вершат сегодня технологика, инженерика, цифрономика, кибернетика, генетика, медицина, биофизика, биохимия, ну и кое-какая гуманитарная наука тоже, включая и услужливо потакающую науке, демиургии и прогрессу кое-какую философию.

Сложившаяся ныне в мире экзистенциально-переменовская ситуация совсем не простая, и человек-демиург вполне уже захвачен этой непростой ситуацией: «Чему быть, того не миновать!», — отчего и новой высоко искусной при своей высокой искусственности реальности, видно, все-таки быть, а потому либо человеку ей полностью покориться, утратив в себе все собственно человеческое, либо, невероятным образом преобразенчески извернувшись с опорой на традицию, сохранить себя как человека — пусть уже и *нового человека* — заметно технизированного и обыскуственного, но все-таки... ЧЕЛОВЕКА!

Большая тут метастратегическая с большим эсхатологическим риском игра — между Хомосом и Техносом, ставочное преимущество в которой, как сегодня не без экзистенциального страха кажется, не на стороне первого из сих игроков — как раз из Хомоса, но, как и во всякой суперсложной игре, здесь незримо присутствует еще одна никогда и никем не ставящая ставка, она же и *сама-себе-ставка*, на еще одного игрока — Великую Неизвестность, от игры которого все в итоге и зависит — так что... *все еще впереди!*

Ю.М. ОСИПОВ

**Актуальная Россия:
перемены — пандемия — перемены!***

Аннотация. Не приступив к ударным социально-хозяйственным переменам антикризисного порядка в победном для себя марте 2018 г., российская верховная власть начала вдруг такого рода перемены в январе 2020 г., да оказалось поздно, ибо на мир и на Россию нахлынули иные перемены, обусловленные коронавирусной пандемией, да такие по масштабам и следствиям перемены, что поглотили, если вообще не отменили, начатые было в России перемены, вызывая необходимость куда более серьезных и значимых для России перемен.

Ключевые слова: Россия, мир, социохозяйственные перемены, реформа, кризис пореформенного строя, российские перемены, пандемия, мировые перемены, философия, философия хозяйства, метафизика.

Abstract. Without starting shock anti-crisis social and economic changes in the winning March 2018 the Russian government suddenly began this kind of changes in January 2020, but it is too late because there are other changes in the world and in Russia determined by Coronavirus pandemic which such scale and consequence that absorbed, if not cancelled at all, the changes started in Russia causing the need for much more serious and significant changes for Russia.

Keywords: Russia, world, social and economic changes, reform, postreform system crisis, Russian changes, pandemic, world changes, philosophy, philosophy of economy, metaphysics.

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 11—32.

Помимо больших и еще не бывалых в истории перемен, в полосу которых втянулось, будучи при этом и усиленно в нее втягиваемым субъективно, объективно и незнамо как, современное человечество, включая и Россию, — прежде всего перемен геостратегических, технологических, экономических, но также и экзистенциальных, гуманитарных, социальных, а еще и, пусть и не на близкую, быть может, перспективу, перемен антропных, физиологических, чуть ли не видовых — Россия, не свободная от общечеловеческих перемен, переживает и свои собственные большие перемены, обусловленные, быть может, не так даже текущим пандемийным выплеском, как растянувшейся уже на три десятилетия чередой непрерывных внутривострановых перемен, явственно начатой великой катастрофотропной переменной рубежа 1980 — 1990-х гг., выразившейся наиболее ярко в ловко, деловито и лихоградошно спровоцированном крушении СССР и напористом, вполне и беспардонно-криминальном переделывании оставшейся от СССР коренной России — тогда и теперь Российской Федерации, по вроде бы западоцентричным лекалам, да еще при покровительственном лидерстве и даже прямом участии Запада — США и Европы, в целях перехода, если не перескока, постсоветской России в лоно по-западному и по-имперски со стороны США глобализованного мира с построением в самой России зависимого от глобализации и глобализма социохозяйственного строя со вновь сформированной владетельной и хозяйничающей в своих частных присвоительно-накопительно-потребительных интересах прозападно настроенной, компрадорской и весьма противороссийской в своей сердцевине финансово-административной элитой.

Формально-функционально то была тотальная социохозяйственная реформа, а на самом-то деле вполне себе *большая революция*, сравнимая с петровской конца XVII — начала XVIII в. революцией, Великой революцией в России 1917 г. и той же не менее великой по историческому значению сталинской революцией

1930-х гг. Сия невероятная, внезапная, дерзкая и чертовски лукавая революция рубежа 1980 — 1990 гг., сама бывшая большой (гигантской!) переменной, породила цепь последовавших за ней перемен, тоже совсем и не малых, призванных как утвердить и развить резвые начинания антисоветской и весьма при этом антироссийской революции, так и скорректировать, приглушить, а то и вообще отринуть кое-какие из становившихся опасными для самой революции ее достижения и итоги революционных-же «закидываний».

Пройдя лихую горячую и нервную фазу в 1990-е гг., *революция как переворот* уступила место сначала *революции как стабилизации* себя и страны, а затем уже и *революции как адаптации* себя и страны к постреволюционному бытию, что не значит, что беспроblemному и непеременичивому — как по внешнему, так и по внутреннему контурам, а совсем наоборот — очень даже проблемному и переменчивому, что требовало новых — весьма при этом значительных и значимых — перемен.

Помимо важной этапной перемены в верховной власти в 1999 г., позволившей не только подтвердить факт революции и сохранить ее главный плод — новый, тогда еще вовсе не созревший и совсем еще не упрочившийся строй российского бытия, но и осуществить в последовавшие за властным кульбитом 1999 г. 5—7 лет доработку и упрочение нового — как раз уже *порезформенного* — строя, обрета и немалые достижения — через посредство главным образом энерго-сырьевого экспорта при возросших тогда, не без, надо полагать, кое-какого сделочного компромисса новой власти с глобальным центром, мировых ценах на энергию и сырье — в наращивании экономического потенциала страны, в укреплении только что народившегося капитала и даже в росте благосостояния успевшего революционно обеднеть населения.

И вот тут, прямо в разгар почти что триумфального, с точки зрения глобокомпрадорских реформаторов, шествия новой России, чуть ли уже не встроеной в Западный мир на исключительных правах (G 8), нежданно-негаданно выскочила новая, вполне и

революционная по духу и концепту, а в какой-то мере и противореволюционная относительно геостратегических итогов только что завершившейся в России прозападной революции, новая большая перемена, вызванная великодержавным жестом России, идейно-концептуально выразившимся в мюнхенской 2007 г. речи российского лидера и обозначившим прямо-таки чуть ли политико-правительственный наезд России на лукаво-благодетельный Запад, что вызвало попервах раздражение Запада в адрес «взбунтовавшейся» вдруг России, затем отторжение Западом от себя уже неугодной для него России, а следом и пошаговое вытягивание на свет новой холодной войны — теперь уже против России, которую Россия, вспомнившая вдруг о своем великодержавном империяльного кроя прошлом, не замедлила оборонно-сопротивленчески принять.

Странная, казалось бы, перемена — не по ситуации вроде бы и не ко времени, а однако же случившаяся, подтвердив, как и в случае с крахом СССР и совето-социализма, золотое экзистенциальное правило: «Чему, понимаешь ли, быть, того, понимаешь ли, не миновать!», а бывает это неминуемое продиктовано не так желаниями правителей, стремлениями доминирующих элит и настроениями масс, хотя это все и есть, как метасмысломгией самого бытия-истории, в которой великую движущую роль играет, наряду с объективным ходом текущей реальности, вроде бы надежно уже уснувший, но вдруг внезапно пробуждающийся сакрально-генетический код эволюирующего бытийно-исторического феномена, уходящий своими корнями в трансцендентные глубины и выси не так даже бытия, как... *небытия*, и без всякой видимой причины вдруг дающий о себе знать, возвращаясь в свет и поселяясь ни с того, ни с сего в сознании-бессознании людей, включая и правителей, и элиты, и народные массы, и преломляющийся в реальных тенденциях и процессах, событиях и происшествиях, включая и сами невероятно-внезапные перемены.

В условиях все более открытого, назойливого и беспардонного натиска Запада во главе с США на Восток Европы — на Россию, находившего воплощение не только во все более разнузданной информационной войне против России, но и в расширении на европейский восток того же НАТО за счет абсорбирования бывших союзнических Советскому Союзу или же отколовшихся от СССР центральноевропейских стран со строительством в них и вообще вокруг России военных объектов и баз, не могла не случиться, учитывая все те же бытийно-исторические обстоятельства и экзистенциальные мотивы, что и во внезапной вспышке противостояния России и Запада, и новая крупная — высоко значимая и крайне судьбоносная, — перемена как в жизни России, в самом ее феномене, так и во все более хладо-войновских отношениях России с Западом, а именно переход России, не постесняемся так сказать, от обороны к наступлению, что нашло фактическое подтверждение сначала в связи с украинскими, а потом и сирийскими событиями, и в особенности с возвращением в состав России ставшего пророссийски пассионарным Крыма.

Полуприкрытая холодная война Запада с Россией сразу же по итогам сей геостратегической перемены превратилась во вполне открытую, как стало принято говорить, *гибридную (многофакторную) войну*, со временем получившую более адекватное для такой войны именование — *гуманитарная*, то бишь межцивилизованная, экзистенциальная, смысло-концептуальная, в общем, ставшая *межмировой* в пределах планетарного мира войной.

Кто в нынешнем мире, кроме разве ярого русофоба Збигнева Бжезинского, давно уже усердно выкликавшего проклятия в сторону СССР, России, русского мира и призывавшего Запад к крестовому на СССР-Россию походу, да последовательной русофилки бабы Ванги, провидевшей угасание Запада и новый подъем России, мог предвидеть именно такое развитие событий в отношении что России, что Запада: сначала как бы поражение СССР и как бы победу Запада над СССР в холодной войне; затем

круто прозападную в России реформу с вроде бы интегрированием России в Запад; потом внезапный выпад России против Запада с превентивной защитой своих геостратегических интересов и своего суверенного будущего; наконец, вновь вспыхнувшую войну Запада против России, как всегда, впрочем, по сути-то как раз... *гуманитарную*.

Так вот именно на деле обычно и случается: видимая событийная явь что-то для себя полагает, а сокрытая метасмысловая навь что-то свое для яви предполагает, что означает, что реальность, хоть и движется вперед через посредство людей, их решений, усилий и деяний, не без участия при этом объективно разворачивающихся процессов и внезапных произвольных случайностей, но... (sic!)... движется она и по почти что щучьему велению какой-то неявной, неизвестной и никак человеку и бытийной реальности не подчиняющейся могущественной силы, действующей вполне по своему, хотя и коррекционно связанному с относительно вольно текущей реальностью, «усмотрению»!

Хочешь не хочешь, а без признательного обращения к кровенной, полной тайны, вовсю работающей трансценденции тут не обойтись!

Нельзя сказать, что человек в лице как отдельных особей и социальных групп, так и больших людских масс совсем ничего из само собой трансцендентно происходящего не чувствует, не замечает, не предвидит — и чувствует, и замечает, и предвидит, мало того, кое в чем необъяснимом даже полусознательно участвует, но все равно, он не только действует в окружении неизвестности и небытия, не только с ними считается, но и ими таинственным образом *ведется* — сначала через те же свои предчувствования, затем через чего-то осознание, а потом и через свои намеренные интенционные деяния.

Как гениальному Менделееву будто бы явилась во сне периодическая система химических элементов, причем явилась прямо ниоткуда, пусть и с участием его немало уже подготовленного к сему явлению подсознания, так и в текущую реальность

внезапно являются прямо ниоткуда самые что ни на есть невозможные, но зато и самые судьбоносные, разрешения, тоже не без какой-то предварительной самоподготовки к ним со стороны самой же реальности.

Начальная для текущей изменчивой реальности грандиозная перемена, случившаяся в отечественных окамах на рубеже 1980 — 1990-х гг., означала не просто переход реальности к чему-то иному, не просто ее разворот или даже переворот, не просто какой-то там качественный скачок от чего-то одного к чему-то другому, а еще и настоящий *выворот реальности из самой себя* — резкий, спорый, грозный, беспощадный, жуткий, страшный!

Вы-во-рот!

Кверху дном, когда все обычно считаемое негативным, антигуманным, аморальным, асоциальным, криминальным выходит вдруг из подполья, куда в нормальной ситуации бывает более или менее надежно загнанным, и начинает творить, добравшись до высшей власти, свой бесовский inferнальный бал, разгоняя по углам все позитивное, человеческое, цивилизованное, порядочное, да ладно бы если просто бал, а то ведь начинает творить в своих интересах и по своим inferнальным лекалам р-революционное преобразование бытия, страны, хозяйства, всей экзистенции, захватывая собственность, присваивая богатство, построив на руинах сдавшейся им реальности систему своего эксплуатационного господства над бытием, страной, населением, над самой вывернутой наизнанку реальностью!

Блестящая тут свершилась в 1990-х гг. с позиции ее авторов и акторов перестроечная операция, она же и *великая ударная перемена*, положившая начало бытию Российской Федерации в качестве формально нового национального и социохозяйственного субъекта, а фактически-то прозападно настроенного и ориентированного на глобализм суб-субъекта.

Однако одно дело — формальная субъектность Российской Федерации, совсем другое — реальная, — и новый правящий

верх, понимавший это не хуже любого из вольных геостратегических оракулов тогдашней российской и зарубежной современности, приступил при первой же возможности, немало при этом лукавая и достаточно ловко маневрируя, к наращиванию реальной субъектности России, как раз той самой субъектности, необходимой не столько, быть может, для выживания и бытия собственно Российской Федерации, сколько для выживания и бытия возникшего в ней, пусть и на западный манер, строя со всем его владельческим, пусть и немало по духу и настрою своему антироссийским, классовым намерением.

Иллюзии, что сему хоть и антироссийскому по духу и прозападному по настрою, то бишь компрадорскому, коллаборационистскому и в общем-то второ-, если не третьесортному с позиции мирового финансово-административного закулисы, классу удастся войти равноправной органичной частью в доминирующую на планете и правящую миром западо-глобалическую среду, весьма быстро стали улетучиваться.

Либо своя, вполне субъектная и суверенная Россия и под новой российской элитой, — либо... либо *ничего* — ни элиты и ни России — не более и не менее!

Отсюда сначала в России стались скромные, негромкие и непритязательные стабилизационные перемены, а затем уже пошли перемены, скажем так, честолюбивые, небесшумные и вполне себе притязательные, как раз и великодержавные, разумеется, с возможным в пореформенное время хотя бы частичным облагораживанием что самого нового строя, что его элитных владельцев, что его вынужденных по жизни рядовых участников.

В стране все это вылилось в такую примерно формулу: «Запад по форме, отечество по функции!» — что означало принятие правившим в России классом парадигмального западнизма в сочетании с ограничивающим глобалический функционализм столь же функциональным патриотизмом. «Мы — как вы, но мы — сами!» Выходило, почти как у Петра Великого, а частично даже и

как у самого отца народов товарища Сталина: «Запад, может, частично и в нас, но мы — не в Западе!»

Россия как особое метаисторическое нечто, то бишь *Россия как Россия*, вновь при этом не принималась за основу бытия правящим в России верхом, ибо тогда пришлось бы круто и чуть ли не насовсем отказаться от передового-де Запада, а патриотизм понимать не столько как просто страновой, сколько как высокозначимый генотипический феномен. Это никак не входило в текущий пореформенный концепт России как державы, как когда-то не входило и в бывшие тогда концепты новой России, что у Петра Великого, что у великого Сталина: задачи у всех российских преобразователей всегда были и остаются если и не прямо в концептуальном плане антироссийскими, как было у Петра Великого, то не более чем частично российскими, да и то лишь в культурном и духовном аспектах, как это вынужденно случилось у того же великого Сталина. Все или почти все реформы и революции затевались и велись в России, в том числе и задолго до Петра I, как по преимуществу антироссийские, тогда как собственно России доставались уже либо коррекционные контрреформы, что произошло, к примеру, в царствование великого миротворца Александра III, почему-то великим до сих пор не прозывающегося, либо у самого товарища Сталина — вовсе не верного ленинца и никак уж не фанатичного марксиста.

И что сегодня — на рубеже 2020-х?

Установившийся в пореформенной России некий смешанный прозападно-азиатский строй — строй *произвольного финансово-административного с криминальными чертами деспотизма*, хоть и работает с горем пополам, но, во-первых, очень уж затратно по причине активного растрачивания и проедания национальных хомо-природных ресурсов и производимых в стране богатств, то бишь реализуясь очень и очень по факту и на перспективу паразитарно; во-вторых, проворачиваясь с таким функциональным скрипом, что практически не выходит из какого-то отно-

сительно своей рабочей динамике патосостояния, порождая массовое деловое неудовлетворение и социально-психологическое напряжение почти во всех слоях населения, кроме разве что части высших элитарно-владельческих кругов; в-третьих, прокручиваясь в органическом неспособии добиваться действенного и ненаигранного национального единения на основах социальной и правовой справедливости, эффективной людской солидарности и честного гражданского служения, не говоря об обретении страной, ее населением, ее свободным предпринимательством, ее трудящимися, ее творческими и интеллектуальными силами вполне себе экзистенциального... нет, не довольства вовсе, а всего лишь удовлетворения, не позволяющего массам соотечественников, в особенности из динамичной молодежи, искать житейской удачи за пределами страны; в-четвертых, находясь в чрезвычайной зависимости от глобализованной по-западному, по-американски, а теперь вот и по-восточному, уже и по-китайски, экономической и вообще хозяйственной, технологической и информационной, культурной и цивилизованной среды, что принижает национальный суверенитет и сильно мешает исполнению текущих национальных и перспективных геостратегических задач, овладению будущим; в-пятых, реализуясь в почти уже патологическом неспособии соскочить с энерго-сырьевой иглы и развивать разнообразное внутреннее производство, включая научно-техническое и киберинформационное; в-шестых, маниакально вредя своими неуклюжими оптимизационными мероприятиями жизнедеятельности общества, в особенности в социально-гуманитарной сфере; в-седьмых, бытуя с почти что полным пренебрежением к отечественному гуманитарному интеллекту, в особенности к российской философской, мировоззренческой, метафизической мысли.

Реформно-пореформенный строй вышел не откуда-нибудь, а прямо, уж извините, из бездны, пройдя при своем рождении самую что ни на есть inferнальную часть фабрикационной преисподней, а потому выскочил на свет изначально уже достаточно

патогенным, уродливым, маргинальным, криминогенным, в общем-то не так даже строем, как *пато*-строем, скорее — *пато-не*-строем, требовавшим в момент его собирания во что-то воспроизводственно целостное его бытийного утверждения и функциональной отработки уже своей собственной для себя оздоровительно-переделочно-устроительной реформы, может, с приостановкой и переориентацией той — изначальной, родительской, более разрушительной, чем созидательной — реформы, которая, конечно, из-за страха восстановления какой-то здоровой, а потому и крайне опасной для inferнальных реформаторов-захватчиков нормы, не могла и не смогла состояться, а лишь получила полумерную себе замену, если не подмену — в виде заметной по итогам пореформенной стабилизации на основе все того же растущего энерго-сырьевого экспорта при возраставших тогда мировых ценах на энергию и сырье.

Реформно-пореформенный строй был в тот момент спасен, получив даже кое-какую цивилизую отладку, мало того, он даже добился и весьма значительных, чуть ли не победительных достижений в наполнении потребительного рынка, в денежно-банковско-финансовом обустройстве страны, в возрождении, пусть и скособоченного в сторону энерго-сырьевого экспортного сектора, национального хозяйства, в становлении, пусть и вполне глобализированной — читай, и зависимой от внешних инвестиционных источников и механизмов реализации — экономики.

Строй сей даже успел пережить нечто подобное триумфальному — в его, конечно, собственной интерпретации — расцвету!

Однако все родовые пороки новенького строя, все его благоприобретенные изъяны и уродства никуда по причине сего расцвета не делись — через весьма краткое время, попав в жуткое месиво мирового экономического кризиса 2008 г. и последующих 2010-х гг., строй сей не только сам впал в собственный кризис, но еще и в кризис вполне себе тупикового, то бишь безвыходного, характера, из которого сей мгновенно подувядший строй могло

вывести только волевое, уже и *постреформенного* порядка, *перестроение*, на что подунувшие предержавшие сего строя, его собственного кризиса и всей попавшей в кризисный просак страны никак своевременно не пошли, рассчитывая, видно, на «рыночно-глобалический автоматизм» выхода из кризиса и на «выходное» самосовершенствование самого пореформенного строя, чего как раз — ни первого, ни второго — просто так произойти никак уж не могло.

Сокрушительный в идейно-концептуальном и одновременно в практическом планах момент истины наступил для правящего верха по случаю вроде бы блестящего для верховного лидерства итога общенациональных выборов 2018 г., когда, с одной стороны, нация выдала беспрецедентный мандат доверия национальному лидерству, однако, надо особо заметить, вовсе не на продолжение все той же всем уже изрядно поднадоевшей строевой бодяги и все той же управленческой тягомотины, а на серьезные, фундаментального характера перемены — как в текущей социохозяйственной практике, так и в самом обустройстве страны, разумеется, в сторону интересов нации, а не, как уже стало для страны невыносимым, в угоду владетельного меньшинства, а с другой стороны... э-э... нация получила взамен сначала изумительное безмолвие и недоуменное бездействие торжествовавших электоральную победу властей, а затем... (sic!)... шокующую пенсионную терапию, вызвавшую лишь несказанную досаду и волнительное негодование обманутого в очередной раз электората.

Что ж, от блестящих электоральных побед до не менее ярко сверкающих поражений бывает иной раз даже не один шаг, а всего лишь одно мгновение, что, собственно, и случилось в большом российском стане, но вовсе не по инициативе вдруг вздыбившегося народа, а самой же самодовольно себя переоценившей и потерявшей экзистенциально-историческую осмотрительность власти!

Странно, поразительно, вопросно, но — факт!

Однако никуда не делся и другой факт, а именно факт тупикового кризиса текущего реформизма и созданного им строя, системы и практики наличествовавшего в стране управления, кризиса занятости, труда и творчества, распределения благ и благосостояния, всей вообще российской экзистенции, ну и соответственно — кризиса власти в сочетании с кризисом единоличного общенационального лидерства.

Чего тут было больше: преступления, как говорится, или ошибки, а может, попросту какого-то затмения, родственного бессознанию?

Исключительнейший шанс для начала больших, хорошо продуманных и всесторонне обоснованных перемен был тогда властями упущен: то ли слишком уж уверились они в успешности своих реформных деяний, в прочности пореформенного строя и непоколебимости власти, в правильности общего странового курса, в благодетельности новоиспеченной, пусть и двоякой лояльности элиты, в сносном материальном и вообще в экзистенциальном положении частного предпринимательства и трудящихся масс, в успешной-де реализации культуры и той же науки, того же здравоохранения, в достаточном-де контроле над криминалитетом и т. д., то ли случилась тогда какая-то неодолимая невозможность что-либо делать по вектору перемен, граничащая с инерционной скованностью, то ли в самом деле не виделось сверху в узкий наблюдательный глазок, что же в реальности творится в стране, в каком положении находится народ, чего страна-нация ожидает от властей предрежащих и т. д., в общем — не верилось им, не хотелось, не могло, а потому снизу оставались тогда одни лишь в послевыборную пустоту вопросы: где же адекватное видение правлением всего в стране происходящего, как и всего ею чаемого? где обращение властей предрежащих со страной как именно с родной страной, а не всего лишь своей по в общем-то нелегитимному факту ею присвоительного владения? где наконец признание властями *России как России*, а не как всего лишь плодотворной для двуликой элиты и всего мирового глобалического

света территории, лишь называемой географически Россией, или все-таки сия страна для верхов всего лишь и в самом деле... *эта страна*, из которой подлежит сделать наконец-то другую — западную-де! — страну с энерго-сырьевым экспортом, Болонским протоколом, страховой медициной, рискованной цифроманией и той же безумной наукометрией под дрожащей от умиления и страха обильно потеющей подмышкой?!

Недаром, видно, проницательная баба Ванга пророчила, по свидетельству очевидцев, а лучше сказать — очеслышщев, что российскому лидерству придется-таки сделать выбор между, с одной стороны, интересами окружающей его олигархической элиты и, с другой стороны, интересами российского народа, включая, добавим, ибо мы даем высказанную провидицей мысль в вольной интерпретации, и выбор между нахрапистой *не-Россией*, если не *анти-Россией*, с выгодой для себя насевшей на Россию, и собственно *Россией*!

Ожидавшегося в стране внутривнутриполитического и внутривнутрихозяйственного разворота в марте 2018 г. не случилось, а потому и не состоялось и чего-то подобного бонапартовскому «восемнадцатому брюмера», зато в верхах воцарилось победное бездействие, а по стране вместо громогласия от начала больших позитивных для нее перемен слышался лишь заунывный скрип нехоты и тяжело проворачивавшейся, по-преимуществу и вхолостую, правительствовавшей машины.

Ни с чем не сравнимый острый миг вдруг постигшего страну мертвенно бледного и покойно хладного безвременья!

Недоумение, разочарование, обида!

Однако последовало затем и кое-какое продолжение — сколь предвиденное и неотвратимое, столь же неожиданное и вопросное.

Тут вполне уместно обратиться к актуальному четвертьвековому опыту уникального, не имеющего аналогов, *воззренческо-практического концептуализма*, восходящего к софийной, а точнее — софиасофской, то бишь метафизической в основе своей мысли — и исходящего,

из философско-хозяйственного, помимо научно-исследовательского гнозиса, воспринимающего хозяйство как все, включая и идейно-духовное, жизнеуправление человека, а философию как не столько это жизнеуправление извне отображающую и трактующую, сколько из него, из его внутренней метасмыслологии, вырастающую.

Не раскрывая в полном объеме само это течение мысли, даже не прибегая к тезисной форме его содержательного представления, удовлетворяемся лишь перечислением ряда знаковых вех в виде всего лишь названий некоторых публикаций и дискуссионных мероприятий, имевших и имеющих прямое генетическое отношение к данному воззренческо-практическому концептуализму (без указаний на тип публикации или мероприятия, авторство, объем, место издания или проведения, иных справочных данных).

Вдумаемся!

Публикации: «Перестройка или апокалипсис» (1991); «Переходы и катастрофы» (1994); «Российская Реформация» (1994); «Мерцающие контуры российской государственности» (2001); «От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России» (2002); «Феномен Сталин» (2003); «Эпоха Постмодерна» (2004); «Постмодерновый мир и Россия» (2004); «Россия перед лицом глобализации» (2004); «Имперские предчувствия России» (2005); «Империя Россия» (2005); «Постижение России» (2005); «Россия державная» (2006); «Постмодерновые реалии России» (2007); «Российское обновление» (2007); «Национальная элита — судьба России» (2009); «Экономический суверенитет и суверенная экономика» (2009); «Перестроение России» (2010); «Мобилизационный потенциал национальной экономики» (2010); «XXI век — интеллект-революция» (2012); «Постреформизм и развитие» (2013); «Неодирижизм и модернизация российской экономики» (2014); «Я — революция!» (2017); «Россия: вибрирующие горизонты» (2019); «Россия в игре: страна и мир» (2019); «Россия и идеология» (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма) (2020); «Россия под переменами» (2020).

Конференции: «Переходные процессы и их отражение в экономической теории» (1997); «Развитие капитализма в России — сто лет спустя» (1999); «Перспективы социализма в России» (2000); «Российский путь в XXI веке» (2001); «Типологические характеристики России» (2002); «Глобальное и национальное в экономике» (2004); «Феномен но-

вого человека» (2005); «Постмодерновые реалии России» (2006); «Россия сосредоточивается: воля к жизни и процветанию» (2007); «Феномен власти в сонме реальных измерений» (2007); «Становление новой России» (2008); «Самоутверждение России» (2010); «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию» (2012); «Российский антикризис: потребности, препятствия, исходы» (2014); «Российское системное пере-строение: неоэкономизм, неоиндустриализм, неодирижизм» (2016); «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия» (2017); «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (2018); «Идеология актуальной России» (2019); «Россия в координатах ударных перемен» (2019).

Даже беглое знакомство с приведенными перечнями публикаций и конференций позволяет представить себе, насколько обозначенный выше философско-хозяйственный, он же и метафизический, и софийный, и софиасофский, концептуализм способен на самую что ни на есть не только фиксационную и даже не только провиденциальную, но и вполне конструктивную для России работу, если сопоставить сей концептуализм с текущей реальностью, ее потребностями и императивами, как и с тем, что произошло и происходит в российской реальности, то на передний план выходит *заметное предшествование всего концептуально проговариваемого всему реально происходящему*, причем более всего лишь только реально разворачивающемуся, а то и вовсе еще практически никак не предположенному (между мыслимым и реальным тут прослеживается явная корреляция, да не только одномоментная, или текущая, превентивная, так сказать, фьючерсная, и концептуализм, о котором речь, не просто в одном потоке с реальностью, а и в доступе туда, где реальность еще только самопроектируется и самозарождается, то бишь в доступе на саму покрытую тайной *фабрику реальности!*)

А теперь, робко надеясь на снисходительное приятие всего сказанного о действующем в современной ученой среде *нового концептуализма*, попробуем рассмотреть с его позиций текущее переменовское бытие России.

Примем, однако, еще раз во внимание, что немало в чем-то преуспевшая пореформенная власть не пошла на серьезные внутренние перемены в устройстве и в бытии страны *пост-реформен-*

ного порядка, то ли уверовав в нужность, адекватность и эффективность пореформенного строя, то ли не имея реальной возможности что-то в нем всерьез изменить, то ли все-таки недопонимая, в чем же она реально бытует и с чем реально имеет дело, то ли... впрочем, это не так уж и важно — не пошла на такого рода радикальные перемены — и все тут, хотя у этой же пореформенной власти хватило ума, своеволия, настырности и... безумия наброситься на социогуманитарную сферу, ее «оптимизационно» сжимаемая, разлагая, сокращая, уничтожая, а главное — уродуя, чего не смогла избежать даже научно-интеллектуальная часть этой сферы, то бишь сам *национальный интеллект!*

Не вступив на путь требовавшихся уже самой тупиково-кризисной ситуацией перемен, а лишь эту ситуацию усугубляя своими высокомерными по стилю, но низкопробными по сути менеджериальными «оптимизационными» экзекуциями, как и проشمыгнув, зажмурившись, чтобы ничего такого не увидеть, никому из страждущих не ответить на колкие вопросы, никак решительно при этом не действовать, мимо заискрившегося было по поводу больших перемен 18 марта, да еще и затеяв сразу после мартовской победы бездарнейшее пенсионное мероприятие, верховное правление попало в самый же им устроенный капкан — недоверия, настороженности, раздражения как раз со стороны массового, да и не только массового, но и кое-какого элитарного тоже электората, как раз того самого патриотически настроенного гражданского общества, самой же властью усердно накликаемого, ее доверчиво поддерживавшего и в один коварный миг весьма в ней разочаровавшегося.

Власть, видно, и не заметила тогда, что не так даже обманула ожидания российского общества, что ей было, надо думать, вполне и ясно, как его, это самое общество... *оскорбило и унизило*, что, возможно, до власти все-таки дошло, но уже заметно позже — этак через годик-два, а оскорбление с унижением, заме-

тим, никогда, никем и никому не прощается, если, конечно, допустивший сию роковую бестактность не попытается ее по-честному исправить!

Что ж, коли Магомет не посчитал нужным идти к Горе, то Гора, которая есть не что иное, как полная тайны Великая Неизвестность, нашла для себя вдруг возможным (и необходимым) двинуться... нет, не... к... Магомету, а... *на*... Магомета, а в нашем случае, коли власть российская не пошла к России как России, то Россия как Россия — эта трансцендентная сакральная навь — двинулась, словно пушкинский каменный гость на Дон Жуана, на российскую власть, которая, будто очнувшись ото сна, вдруг бросилась, очертя голову, может, еще и не в очень глубокие и дальнобойные, но все-таки в весьма ударные перемены, как то провидел за месяц до этого на своем декабрьском 2019 г. форуме поминавшийся выше новейший отечественный концептуализм («Россия в координатах ударных перемен»).

Интересно, не правда ли?

Хотя на форуме затрагивались не так возможные деяния властей, ибо тут задача и функция самих властей, как концептуальные основания концептуально необходимых — возможно-невозможных — перемен, разумеется, по терминологии конференции, *ударных!*

Верховная власть, почувствовав-таки самонараставшую потребность серьезных перемен в российском жизнеустройении, предпочла, дождавшись почему-то января 2020 г., начать, сменив один состав пореформенного правительства на другой, с Конституции, ее «ударной» переработки чуть ли даже не в... *постреформированном* ключе, но, как стало скоренько ясно, более всего, по вектору удержания и продления действующего режима и действующей личной власти, следственно, и продолжения *пореформенного* строя, возможно, лишь с его некоторой модификацией, конечно же, в основе уже «цифирной».

И вот тут оказалось, что Гора, она же Великая Неизвестность, не более чем померещилась тогда правящему российскому

верху, да и то лишь где-то на подступах к российскому горизонту, хотя и этого хватило верховному правлению, чтобы стронуться с места и пойти на кое-какие внутрироссийские перемены, а вот воочию предстала сия Гора, она же Великая Неизвестность, перед сим правлением уже не только по российским, а и по общемировым мотивам, заодно затмив, а то и отменив посредством коронавирусной пандемии все паллиативные переменовские начинания российской власти, мало того, поставив сию власть с ее внутрироссийским строем и системой управления не только перед необходимостью *иных*, вовсе не косметических, перемен в России, а и прямо на грань бытия — что власти, что строя, что России, разумеется, вместе со всем, особенно же передовым, то бишь западным, человечеством!

На декабрьской 2019 г. конференции, выше уже упоминавшейся, речь шла не только о переменах, ожидавших Россию, но и о переменах, вполне и тоже ударных, которые вовсю уже шли во всем мире, среди которых достойное место в конференционной дискуссии заняло провоцируемое Западом нашествие на человеческий мир не чего-нибудь, а... *постмодернового антимира*, тогда еще как бы мирного нашествия, полузаметного, мягкого, чуть ли не бархатного, но именно нашествия и именно антимира — с его антибытием и античеловеком, ну, может, квазибытием и квазичеловеком... и вдруг!.. *коронная пандемия*, которая оказалась вовсе не так уж собственно вирусной пандемией, как *паравирусной пан-пандемией*, не просто приносящей хвори и смерти, невзгоды и испытания, но и приговаривающей и уносящей в небытие все, или почти все, коронованное западным постмодерном, симуляционно-карнавальное бытие, точнее — *псевдобытие* с его *псевдокультурой*, *псевдоцивилизацией*, *псевдоэкзистенцией*, а фактически — суицидной антропонекрофилией!

Этот-то антимир как раз и занесла в Россию прозападная «либеральная» реформа, мало того, она все сделала, чтобы вогнать его в чрево России, изменить под него страну, сознание и душу ее людей, и, надо особо подчеркнуть, многого добилась,

а именно, помимо всяких частных губительных следствий, действительной, а вовсе не мнимой *гуманитарной с крепким антигуманистическим замесом катастрофы!*

И явилась вдруг в мир совершенно антимировская по генотипу пандемия, чтобы либо сей мир, оказавшийся на проверочных весах Великой Неизвестности слишком уж легким от вселившейся в него пустоты, шоковым образом образумить и заставить вновь позитивно вывернуться, пересотворившись — уже по-божески, по-софийному, по-человечески, либо же, пусть, может и не сразу, но... *исчезнуть!*

Начатые верховным российским правлением запоздалые перемены, пусть по недоразумению даже и ударные, захлебнулись в одночасье в половодье гигантских антимировских перемен, спровоцированных всего лишь какой-то там микротропной пандемией, и в них — этих монструозных переменах — благополучно и утонули: «Какая-токая теперь Конституция, какие-такие выборы 2024 г., какое-такое бессрочное лидерство?».

На дворе вовсе не новая Россия с безмятежным *пореформенным* строем и везучим *пореформенным* лидерством, даже не ожидавшая еще вчера своей очереди на восхождение *постреформированная* Россия — все это уже в прошлом, ибо на дворе, пардон, тягостный мертвый сезон, да не тот, не зимне-пляжный, а совсем другой — *антиэкзистенциальный*, а там в конце двора, прямо за детской пластиковой площадкой, уже маячит что-то... э-э... густое, темное, грозное... э-э... уж не *диктатура* ли?! — хоть гражданская, хоть военная; хоть все еще хомосоциальная, хоть во всю уже оцифрованная; хоть не объявленная, которая, кстати, уже есть, хоть и громогласно заявленная, которая, видно, таковой только и может в царстве сием реально стать.

Все, что ныне вокруг, ныне же под вопросом, все сжалось в нулевую сингулярную точку, все на неведомом и безответном перепутье!

Впереди одна лишь неизвестность, уже нашенская, своя, не великая вовсе, причем и во всем будто бы хорошо уже и удачно-де опробированном и вроде бы надежно проверенном!

Перестраиваться ныне надо — срочно, споро, мобилизационно!

А кто на *это* ныне способен — снизу доверху и сверху вниз?

Шоумены, журналисты, артисты?

Психологи, сексологи, визажисты?

Уж не мошенники ли с казнокрадами?

Кто вытащит страну — западники, либералы, рыночники?

Уж не армия ли?

О-о, как все тут не просто!

Как в яму — так в миг, а вот из ямы-то как?

Приговор: реформистам, миллиардерам, менеджерам, оптимизаторам, губернаторам, литераторам, деятелям искусств, медиа- и шоу-звездам, академикам, профессорам, лауреатам, орденосцам, в общем — *всем, всем, всем!*

Разве... *всем?*

А что, разве есть исключения, из тех, кто присваивал, хапал, пиршествовал, куршавелил, безумствовал, бездельничал, болтал, молчал, охал да ахал?

Вот и передовым наукометристам тут приговор, получившим вместе со своей «Истиной» горький момент истины, хоть и не признают они этого, ничего не поймут, не захотят понять, продолжат «метрить», пока их не остановит какая-нибудь умная, твердая и беспощадная сила.

И не признавшим русскую софийную философию тоже приговор, как и не признающим философию хозяйства, новую метафизику, ту же софиасофию, не говоря уже о Софии Премудрости Божией!

Да, любопытно и страшно видеть, как сама вздыбившаяся и одновременно замершая в оцепенении реальность, как раз вполне себе постмодерновая, вынесла сей круговой приговор — и самой

себе тоже, а не только своим авторам, адептам и актерам, правда, вынесла окольно, не напрямую — через посредство Неизвестности, которую хоть ученый мир и не признает, но которая не только есть, но и вовсю работает — прямо в реальности и прямо на реальность, а вот будет ли сей приговор приведен в исполнение, кто ж знает, кроме самой этой Неизвестности?

Важно, однако, что приговор сей есть, и он вполне реален, как и то, что реальность уже к себе прежней не вернется, хотя и попытается взять реванш за ударную атаку на себя, а вот какой она в России в итоге станется... о-о... лучше об этом пока и помолчать!

И.В. ПШЕНИЦЫН

Сбережение России*

Аннотация. Раскрывается народнохозяйственная природа России как самодержавной страны Русского мира. Приоткрываются проблемы сбережения России в связи с развитием экономики.

Ключевые слова: Россия, природа страны, народнохозяйственный уклад, Русский мир, общественно-экономическая формация, хозяйство, экономика, земля, собственность, владение, народ, Родина, гражданское общество, хозяйственная деятельность, экономическое поведение.

Abstract. A national-economic nature of Russia as a sovereign country of the Russian world is disclosed. Problems of Russia saving in relation to economic development are set.

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 70—87.

Keywords: Russia, nature of the country, national-economic way, the Russian world, social and economic system, economics, land, property, ownership, nation, Motherland, civil society, economic activity, economic behaviour.

I

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.

Е. Евтушенко

Для русского народа не может быть иной общенародной идеи, или, как сейчас стало вновь модно говорить, «идеологии», чем *сбережение родной страны России*. России не только как государства, и даже не столько как государства, хотя и его, конечно, тоже, а прежде всего, как страны, как особого *Русского мира* со специфическим *жизненным укладом*, по сути народнохозяйственным. Российское государство неоднократно преобразовывалось, перестраивалось, менялись его название, флаг, герб, гимн, Конституция, но страна оставалась и, слава богу, пока остается Россией.

Образованные, здравомыслящие люди могут легко опровергнуть последнее утверждение очевидными фактами, говорящими о том, что от той, прежней, крестьянской России ничего, кроме названия, не осталось. Электрификация, индустриализация, коллективизация, научно-технический прогресс, урбанизация изменили страну до неузнаваемости. Деревня, по сути, умерла, и ничего-то от крестьянской России не осталось. Похоже, все так. Однако опора на видимые изменения — слабый аргумент при анализе живого существа. Если, например, сравнивать совсем молодого человека с ним же лет так через тридцать-сорок, особенно, если значительную часть этого времени он прожил в тяжелых, нечеловеческих условиях, то его невозможно узнать, поскольку

за это время неоднократно обновился его вещественный состав, и в нем не осталось ни одной прежней клетки. И тем не менее мы видим, что это тот же человек, поскольку главное в нем осталось неизменным. Возникает естественное представление о невещественном основании, о душе, присущей именно данному человеку. Но почему мы считаем, что у страны не бывает души, что она неживое существо? А если у страны есть душа, то ее надо обязательно сберечь.

О необходимости сбережения нашей страны России говорят поправки в Конституцию о сохранности ее территории, недопустимости отчуждения ее частей другим государствам. Между тем наша отечественная история, в том числе история прошедшего века, учит, что внешняя агрессия, в конце концов, сплывала и укрепляла страну, а к распаду приводили внутренние распри. И даже предпринимавшиеся извне совсем недавно попытки финансового стимулирования раскола страны, напротив, усилили сплоченность народа и власти. Распад России всегда был результатом процессов, происходящих в ней самой, хотя внешних сил, желающих, планирующих и активно добивающихся ослабления России, всегда хватало. Однако Россия, и это важно понимать, никогда не была, не может быть и не будет жертвой внешней агрессии. Она обладает самостоятельностью, внутренним суверенитетом, обусловленным ее специфической природой. Россия по природе своей самодержавна, сама себя удерживает, сама себя держит.

Сторонники заговоров легко и просто объясняют все происходящее с Россией иностранными кознями в силу простоты и доходчивости таких доводов, которые быстро становятся популярными, но бесконечно далеки от истины. Обыватели не понимают особенности России, не знают и даже не подозревают о ее самодержавности, поскольку в современном русском человеке со школы формируется представление, что Россия — общественно-экономическая формация, т. е. некая форма, географический объект, лишенный души, заполненный разнородным содержанием.

Если получившие такие знания соглашаются с ним, значит, просто не понимают эту страну и, к сожалению, не смогут ее полюбить, ведь нельзя же любить то — сам не знаешь что; здесь не хватает величия души — великодушия.

Проблема сбережения России — проблема проникновения идеи сбережения в души молодых людей, их мотивации служить своей стране, готовности отдать за нее всего себя. Важно понимать, при каких условиях происходит это одухотворение молодых и что разрушает этот процесс изнутри, а затем приводит к распаду государства и отчуждению территорий. Любой исследователь России стоит, «как перед вечной загадкой, перед огромной и сказочной страной», и должен разгадать ее загадку, но разгадать как ученый, понять ее природу, вопреки азбучной истине, что «умом Россию не понять».

Прежде всего, необходимо ясно осознавать, что Россия как страна по своей природе отлична от экономически развитых стран «золотого миллиарда». Она исторически образовывалась в результате присоединения территорий вместе с проживаемыми на них народами к Московскому царству, что определяет принципиально иное, нежели в странах, развитых экономически, отношение к земле. В этих странах население отчуждено от земли, которая поэтому становится объектом собственности. Яркий пример этому история США. Коренные народы Северной Америки были смещены колонистами со своей земли, и на освобожденной от народа территории либералами было создано государство, и возникла страна, в которой успешно развивается основанная на отчуждении, на свободе от земли рыночная капиталистическая экономика. Интенсивное развитие товарно-денежных отношений, создание целостной рыночной системы непосредственно вытекают из отчуждения земли, превращения ее в товар, в фактор производства. Это условие необходимо для становления рынка земли как базового звена рыночной системы любой страны, развитой экономически.

Так как народ не может быть отчужден от родной земли и воспринимает землю, где он родился, как Родину, он не может торговать землей, поскольку торговля как специфическая форма существования основана на отчуждении от объекта торговли. Связь с родной землей является коренной для любого народа, тем более для земледельческого, каким испокон веков был русский народ. В этом суть народнохозяйственной природы нашей страны России. Напротив, гражданское общество, сформировавшее развитый рынок земли, на котором ведущую роль играют посредники, специализирующиеся на торговле землей, утрачивает чувство Родины; вирус либерализма, дух торгашества и буржуазной свободы его разрушают.

Из того факта, что Россия не является страной, развитой экономически, буржуазные по своему мировоззрению прозападные ученые-политики придумали классификацию, по которой Россия — страна развивающаяся, а по сути неразвитая, некая «бензоколонка с ракетами». Нет, господа либералы от земли, Россия — страна развитая, зрелая и самодостаточная, только природа ее иная, не экономическая, а народнохозяйственная.

Именно по отношению к земле страны можно и необходимо делить на экономические и народнохозяйственные. Либеральные страны, где граждане отчуждены от земли, свободны от нее, отчего земля стала объектом собственности, товаром и фактором производства, можно рассматривать как страны по своей природе экономические, как страны, развитые экономикой до духовно пустой общественно-экономической формации, цивилизации, основанной на отношениях собственности, на отчуждении. Типичными представителями таких либеральных стран являются Англия и США. Россия, напротив, имеет иную — народнохозяйственную — природу, поскольку возникла в результате присоединения земель вместе с хозяйствующими на них народами. Любовь к родной земле, жизненный уклад, присущий народному хозяйству, удерживает Россию от распада. Поэтому бездумное развитие

экономики с самыми благими пожеланиями, порождает отчуждение от земли, чрезмерную урбанизацию, разрушение народного хозяйства и страны.

Возникновение развитого рынка земли завершает ее отчуждение, освобождает от нее. Напротив, именно жизнь в тесном единстве с родной природой — необходимое условие для рождения талантов-самородков. Не случайно поэтому XIX в. стал «золотым» для великой русской культуры. И сегодня русские российские богатыри духа, самородки остаются нашим главным конкурентным преимуществом в мире, с утратой которого Россия перестанет быть сама собой, и ее омертвевшее государство не сможет противостоять агрессии глобальной, по сути, экономики.

Понимание народнохозяйственной природы России начинается с раскрытия особенности хозяйства, его принципиального отличия от экономики. Истинно русские мыслители, почвенники и народники, интуитивно ощущали это различие, что нашло отражение в создании Сергеем Николаевичем Булгаковым русско-центричной концепции, названной им *философией хозяйства*. В советской и российской экономической науке, пронизанной вирусом западничества, принципиального различия между хозяйством и экономикой не проводится. Считается, что хозяйство близко определению экономики Аристотелем — как управления домом, в отличие от хрематистики, связанной с деньгами. Экономика в первую очередь связана с процессом экономии ресурсов, с ростом производительности труда. И никакого хозяйства, отличного от экономики, нет, во всех цивилизациях есть обмен благами, экономия и экономика.

Для разрешения высоконаучного спора о различии хозяйства и экономики бессмысленно обращаться к произведениям иностранных авторов, поскольку хозяйство — явление специфически российское, русское. Только в России совсем недавно общинное крестьянское хозяйство было нормой народной жизни. В отличие от экономики, хозяйство возможно только в тесном единстве с природой, поэтому *в хозяйстве не бывает отходов*,

оно в принципе безотходное. Хозяйство является способом единства народа с природой, в отличие от экономики, основывающейся на отчуждении от земли.

В связи с этим ясно, что далеко не все, что мы сегодня называем хозяйством, сельским хозяйством, в действительности хозяйством является. Принцип хозяйствования присущ только *природосообразному земледелию*. Этот термин нашего народного академика Терентия Семеновича Мальцева как нельзя точно выражает суть хозяйственного поведения, в отличие от экономического. Хозяйственный подход в земледелии основан на увеличении урожая только путем повышения плодородия земли, в то время как экономический подход добивается роста производительности на базе отчуждения от земли, уничтожения ее естественного плодородия, убийства земли ради урожая с помощью достижений науки и техники.

Наряду с принципиальным различием хозяйства и экономики, для понимания природы России как Русского мира важно различать народ и общество. Призыв к сбережению народа не противоречит задачам создания институтов гражданского общества. Между тем цели эти прямо противоположны, а в будущем вообще абсолютно несовместимы.

Внутреннее строение народа обусловлено родовой жизнью. Община, семья образуют элементы народа, который в отличие от общества не имеет классового строения. У человека в народе подсознание сформировано так, что базовыми отношениями являются отношения между поколениями, образующими народ, а не производственные, товарно-денежные отношения. Скрепя между поколениями, семьи из нескольких поколений создают народ. Человек, его совесть прочно связаны с народом. Человек в народе — определенный вид живого высокодуховного существа, а не индивида, гражданина, собственника или профессионала — как в обществе.

Народ состоит не только из реально действующих поколений. Ушедшие поколения продолжают жизнь в народе, и не потому только, что их помнят, а прежде всего потому, что в формировании живущих поколений они вложили свой труд и душу. И будущее поколение живет в народе, определяя базовую потребность человека в детях и труде по их одухотворению. Единство поколений выражается в силе народного духа. Поэтому в народе живет Бог, которого люди реально ведают, в то время как в любом цивилизованном обществе в него можно только верить. Существование народа, а значит, и его сбережение, включает в себя определенный уклад жизни, или Мир, основанный на потребности в семье, в детях, что присуще народному хозяйству, но не экономике. В цивилизованных экономически развитых странах народ деградирует в гражданское общество, утрачивая пассионарность, духовную мощь.

Принципиальные различия между хозяйством и экономикой, народом и обществом, скрываемые нашей системой образования, позволяют выразить специфику Русского мира и России как народнохозяйственного уклада, понять его принципиальное отличие от любой общественно экономической формации (будь то феодализм, социализм, коммунизм или капитализм), основанной на отношениях собственности, неважно какой: общественной, индивидуальной или частной. Понять это не просто, поскольку в сознании цивилизованного человека владение отождествляется с отношением собственности. Получается, чем бы человек не овладел, это — его собственность; а кто владеет, тот и собственник. Такое понимание характерно для господствующей в экономической науке расширенной трактовки собственности. Оно скрывает подлинный смысл владения не как отношения собственности, присущее народному хозяйству. В хозяйстве владение, например, землей основано не на отчуждении от земли, как в экономике, а на единстве с ней, на умении трудиться на ней, на понимании земли и любви к ней. Если человек овладел чем-то, значит, оно стало частью его самого, обогатило его внутренний

мир, сблизило, сроднило. В овладении человек проявляет себя как человек умелый и разумный, а не как собственник, экономический человек или индивид.

Для понимания народнохозяйственной природы России принципиально важно видеть ту пропасть, которая разделяет труд как хозяйственную деятельность и работу, которой человек занят в экономике. Труд в хозяйстве представляет собой целесообразную чувственно-практическую деятельность, создающую потенциал человека, поскольку в труде он управляет собой, самоуправляется. В процессе труда проявляется отличающая человека способность видеть сквозь время, т. е. совершать действия, необходимость которых очевидна только в будущем. У человека появляется как бы «третий глаз», он научается видеть причинно-следственные связи, видеть во времени. А значит, труд является для жизни народа не средством, а естественной потребностью, поскольку без него народ деградирует и человек не становится человеком. Поэтому на труде в хозяйстве нельзя экономить — человеком не станешь. Есть такая всем известная мудрость — в течение жизни построй дом, посади дерево, вырасти сына! — и станешь человеком. Весь смысл жизни — в будущем, в продолжении жизни.

Труд в хозяйстве не только создал человека, позволил накопить человеческий потенциал, его действительное богатство, он необходим ему и сегодня для того, чтобы оставаться человеком. Труд как целесообразная чувственно-практическая деятельность сохраняет целостность человека, единство его души и тела, формирует личность, а значит, необходим ему с детских лет.

Напротив, работа в экономике негативно сказывается на потенциале человека, неслучайно, от работы, как говорится в народной поговорке, «кони дохнут». Понимание работы дает анализ разделения труда.

В экономической науке не принято отличать разделение *процесса труда* на операции от распределения *видов* труда. Между тем в результате разделения процесса труда на операции

человек перестает управлять собой и превращается в работника. Так, мануфактурное разделение труда определило возникновение частичных рабочих и капиталистов. Процесс изготовления продукта отчуждается от людей, человек превращается в работника, труд в работу. В результате человек не управляет сам собой, происходит его раскол. Он «специализируется». Человек деградирует в специалиста-профессионала, отчего возникает так называемый «профессиональный идиотизм». В результате разделения процесса труда сам труд отчуждается от человека, его главная потребность превращается в средство существования. Лишенная целесобразности работа становится средством для выживания. Она тяготит человека, и он стремится к ее экономии, чего не было, когда человек хозяйствовал и труд был его потребностью. С отчуждением процесса труда от человека возникает экономическое отношение к работе — его естественное стремление уменьшать рабочее время.

С превращением мануфактурного разделения труда в общественное разделение экономический подход к труду становится господствующим, на базе чего возникает рыночная экономика как апогей экономии отчужденного труда. Труд как собственно человеческая форма жизнедеятельности, как целесообразная хозяйственная деятельность и главная потребность, развивающая умозрительный потенциал человека, отчуждается от человека, который становится работником и потребителем товаров и услуг. Так, разделение труда господствует над человеком в развитой экономике, где рабочая сила человека существует как самостоятельный фактор производства наряду с другим фактором — средствами производства, или реальным капиталом, с которым рабочая сила конкурирует при создании новых технологий. Сам факт замещения рабочей силы средствами производства, механизация труда, автоматизация свидетельствуют, что ничего специфически человеческого, никакого его труда, здесь давно нет; это лишь «абстрактный труд», или работа, превращающая человека в квалифицированную рабочую силу, а потенциально — в биоробота.

Понимание принципиального различия между хозяйством и экономикой, народом и обществом, трудом и работой является необходимым условием понимания народнохозяйственной природы России. Суть этого различия состоит в том, что хозяйство является жизненным укладом народа, образующим Русский мир, в то время как экономика основана на отчуждении человека от труда и природы, что может породить разрушение России.

II

Господь в своей бесконечной милости сделал все нужное простым, а все сложное ненужным.

Г. Сковорода

Коронавирусная пандемия прямо на наших глазах из чисто медицинской проблемы сферы здравоохранения вырастает в проблему экономическую и мировоззренческую. Все больше экспертов в разных сферах, да и просто известных людей, с уверенностью говорят, что после пандемии мир будет другим, что многое изменилось безвозвратно. Правда, оценки эти больше эмоциональные, что неудивительно, так как не было времени для углубленного анализа, ведь эпидемия свалилась на нас так внезапно. И тем, может быть, неожиданной откровение, что вроде как вновь возникшая мировоззренческая проблема совсем не нова. Она возвращает нас к поставленной еще в начале прошлого века Сергеем Николаевичем Булгаковым, тогда еще профессором МГУ имени М.В. Ломоносова, центральной проблеме философии хозяйства: о поведении человека в природе и о природе самого человека.

Можно спорить о происхождении данного коронавируса, выяснять, где его создали, кто был нулевым носителем, а кто первым, можно даже найти виноватых и предъявить им счет, но, в конце концов, придется признавать, что и сам коронавирус, и особенно его пандемия, как и многое другое, порождающее депо-

пуляцию, является следствием такого поведения человека в природе, которое не соответствует природе самого человека; что цивилизованный экономический человек, пытаясь уничтожить Землю, продолжает уничтожать самого себя; и эта пандемия не что иное, как благое для Земли дело его самоуничтожения. Невольно поверишь в реальность мистическую, и, как в свое время Федору Михайловичу Достоевскому, может даже прийти «чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: а что, если человек и был пущен на Землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть, уживется ли подобное существо на Земле или нет?»).

Пандемия — это как раз то самое время, когда невольно задумываешься над очевидной проблемой: почему в результате своего процветания цивилизации исчезают? Мы привычно восхищаемся их достижениями, и сами стремимся быть как можно более цивилизованными. Цивилизация представляется как высшая ценность, как высокая культура, и куда-то на задний план уходят простые вопросы: какова природа цивилизации, где и когда накапливается тот потенциал, те возможности, которые проявляются в расцвете цивилизации, не является ли само цивилизованное, а по сути городское существование, реализовавшее дошедшие до нас «чудеса света», непосредственной причиной расходования и утраты накопленного жизненного потенциала народа, что и приводит к гибели цивилизаций?

Постановка этих вопросов приучает видеть причину расцвета цивилизации не в ней самой, а в той жизни народа, что предшествовала цивилизации. И поскольку цивилизация представляет собой общественно-экономическую формацию, то причиной формации не может быть какая-то другая формация с ее противоречиями и классовый борьбой. Цивилизация процветает как творящий неприроду пожар народной, человеческой души, и то, что сгорело, утратило свое органическое основание, вновь уже никогда не загорится. Таким образом, историческая цепочка преобразования формаций и соответствующих им способов производства

распадается на отдельные пространственно-временные фрагменты. Общественно-экономическая формация не накапливает человеческий потенциал, она лишь расходует ранее накопленное.

Предельно простое выражение изложенного выше заключается в том, что непрерывный процесс рождения народа, накопления потенциала человека происходит в трудовой хозяйственной деятельности в тесном контакте с живой природой, и этот народнохозяйственный уклад, это единство, сгорает в полной классовых противоречий и борьбы цивилизации, где человеческий потенциал расходуется так, что, создавая новое, антиприроду, не сберегает природу для рождения следующих поколений. И все мертвые искусственные творения, которыми мы привычно восхищаемся, являются продуктом распада народнохозяйственного уклада, пожаром человеческой души, началом конца цивилизации как, по сути своей, мертвой антиприроды.

В давние времена умирающая цивилизация захватывалась варварами, людьми не цивилизованными, но духовно сильными, близкими природе. В наше время такое невозможно, но не следует спешить с выводом, что современная цивилизация не погибнет. Дело в том, что цивилизация гибнет не от того, что ее завоевали, напротив, ее завоевывают, потому что она сама гибнет, превратившись в антиприроду, так как народ, который дал ей жизнь, деградирует, процесс его возрождения прекращается, когда новорожденный утрачивает связь с родной природой и новые поколения рождаются и существуют вне природы, в городе. Из первоначально творческой лаборатории народа город превращается в место рождения новых цивилизованных поколений, для чего он не предназначен, поскольку в квартирах и на асфальте дети не растут.

А если сказать еще проще, в народнохозяйственном укладе, возможном только в единстве с живой природой, возникает некий синергетический эффект, который, по сути, свидетельствует людям о том, что с ними Бог; и человек реально ощущает в себе его

духовную мощь как сын Божий, как богатырь, как носитель божьего дара. Такая духовно богатая деятельная трудовая жизнь народа захватывала всего человека целиком, что вызывало необходимость дальнейшего развития и человека, и его мозга. В цивилизации же мозг человека, в силу господства над ним разделения труда в общественно-экономической формации, не используется целиком, и потому с возрастом усыхает. Родившийся в цивилизации, в антиприроде, человек объективно не дорастает до того, чтобы быть сыном Бога, самородком, а общественная, но уже, к сожалению, антинародная власть, чтобы сохранить формацию с ее классовым строением, вынуждена рассматривать человека уже не сыном Бога, а рабом Господа, человеком грешным, зависимым. Это дискредитирует идею Бога-отца в глазах свободно мыслящих людей, Бог видится как ограничивающая человека внешняя сила, что порождает справедливый протест и обоснованный атеизм, поскольку человек подсознательно ощущает, что по природе он не раб.

Видимо, Ф.М. Достоевский был недалек от истины в своем предчувствии судьбы человека цивилизуемого, а сегодняшняя пандемия представляет собой жесткий ответ живой Природы Земли на экспансию глобальной экономики, антиприроды, порожденной человеческой цивилизацией. В свою очередь, открытие С.Н. Булгаковым философии хозяйства было вызвано недостаточностью экономического мировоззрения для понимания и сбережения России, поскольку экономический материализм не рассматривает природу человека умелого и разумного и его жизнь в единстве с природой, а ограничивается поведением экономического человека (работника, предпринимателя или потребителя) в цивилизации, в общественно-экономической формации, в антиприроде.

Сбережение России допускает использование экономики и даже признает его необходимым, если только при этом не разрушается народнохозяйственная природа страны. Для этого нужно,

чтобы разделение труда, неразрывно связанное с экономикой, являющееся его действительной основой, не господствовало над человеком, не порождало отчуждение человека от труда, природы и народа. Дело в том, что любая экономика, неважно плановая она или рыночная, капиталистическая или социалистическая, всегда основана на развитии товарно-денежных отношений, на отношениях собственности и отчуждении, которое она обязательно усиливает. Такова ее объективная природа в отличие от народного хозяйства. Поэтому важно, понимая эту особенность экономики, ограничивать экономическую сферу, *не допускать экономику в процессы формирования духовной жизни молодого человека.*

В связи с этим, ясны ущербность и ограниченность основного показателя состояния экономики — роста ВВП, поскольку он характеризует распространение отчуждения в стране, степень развития товарно-денежных отношений. Если в стране разовьется свободная торговля землей и рабочей силой, то ВВП может прекрасно расти, а в результате такой страны, как Россия, не станет, поскольку через ясли, сады, дома престарелых отчуждение разрушит традиционную семью и духовные скрепы между поколениями, а через многоквартирные дома в мегаполисах отчуждение разрушит связь народа с родной природой; в результате не духовные скрепы поколений, а экономические производственные отношения между современниками становятся базовыми, поскольку общественно-экономическая формация уничтожает жизненный уклад народа, духовные начала страны.

Жизненный уклад основан на единстве с родной природой, с Родиной. Это единство включает природосообразное поведение, сохраняющее и накапливающее естественное плодородие, полный возврат живой органики в почву, безотходность хозяйственного цикла. Все это гарантирует сохранение для будущих поколений их Родины, нашей самой главной ценности, уникальной для возрождения человека живой природы центра Русской равнины.

Народное хозяйство, возрождая в человеке базовую потребность в детях, укрепляет традиционную семью и духовные скрепы

между поколениями. Благодаря целесообразной хозяйственной деятельности происходит накопление человеческого потенциала. Напротив, экономика, подчиняя человека разделению труда, превращает его в квалифицированного работника, профессионала и потребителя товаров и услуг.

Народнохозяйственный уклад не является для русских людей абстрактной мечтой о светлом будущем, поскольку многомиллионный народ России жил такой жизнью еще в середине прошлого века. Именно благодаря накопленному в укладе огромному человеческому потенциалу, страна смогла осуществить великие свершения. В ходе индустриализации и коллективизации была построена плановая экономика. Безусловно, и создание плановой экономики, и связанная с этим урбанизация порождают отчуждение, но все это было необходимо для создания обороноспособности страны, для сбережения России. Эту же задачу плановая экономика выполняла и после Великой отечественной войны, она оставалась придатком народнохозяйственного уклада, пока страна сохраняла крестьянские корни, пока была жива деревня. Однако по мере развития товарно-денежных отношений в результате урбанизации народное хозяйство уступало развитию экономики. Экономика порождает отраслевое управление страной, поскольку основана на разделении процесса труда на отрасли. Господство разделения труда над человеком проявляется в отраслевом управлении. Возникающая социалистическая общественно-экономическая формация посредством отраслевой системы управления разрушала народно-хозяйственный уклад, убивала СССР и Россию.

В рыночной экономике рост производительности стимулируется в результате перераспределения доходов на рынке пропорционально производительности, в плановой экономике такого рынка не было, и такого перераспределения не происходило, что объясняет ее бесперспективность как самостоятельной экономики в конкуренции с капиталистической рыночной экономикой. Израсходовав в ходе социалистического отраслевого строительства

созданный народным хозяйством человеческий потенциал, окончательно разорив деревню, советская власть вынуждена была начать перестройку.

Необходимо было повысить производительность труда и эффективность экономики, что, как тогда казалось, позволяла осуществить рыночная система, поэтому реформаторы поставили целью быстрое, буквально за 500 дней, преобразование плановой экономики, не понимая, что создание рынка любого товара предполагает накопление его запасов, его устойчивое перепроизводство. Поскольку плановая экономика исключала перепроизводство, то она не превратится в рыночную только потому, что вы расформируете органы государственного управления, преобразуете форму собственности и освобождаете цены. Она превратится в дефицитную, лишенную рынков ресурсов, низкопроизводительную экономику. В итоге, потребительские рынки были почти на 2/3 заполнены импортом, а надежда на предпринимательский бум не оправдалась, поскольку никакой свободы предпринимательства в стране, где отсутствуют рынки ресурсов, не бывает. Для более или менее цивилизованного предпринимательства в этих условиях необходима тесная связь бизнеса с административным регулированием ресурсов. Коррупция в этом случае будет наименьшим злом, поскольку альтернативой ему является только бандитский беспредел.

В том, что Россия не перешла от плановой экономики к развитой рыночной, ничего удивительного, поскольку не было отчуждения народа от земли как базового условия развитой экономики. В народнохозяйственной по природе стране не может быть развитой рыночной экономики, или капиталистической экономики, как на Западе. Если же власть захочет создать рыночную экономику во что бы то ни стало, то реформами здесь дело не ограничится, надо будет сначала убить страну, отделить народ от его Родины, переместив в мегаполисы, на асфальт. Весь ужас подобного сценария в том, что его реализация в больном сознании

экономически образованного прозападного либерала представляется как благое дело повышения качества жизни, построения социального государства и создания институтов гражданского общества.

Внутри самой России противостояние с Западом сформировалось давно как противостояние западничества (включая марксизм-ленинизм) и народничества. В наше время оно проявляется как противостояние рыночной, прогрессивной, но разрушающей мир человека, экономики и народного хозяйства, хозяйства народа, накапливающего духовные силы человека, делающего его действительно богатым, что и является главным условием качества жизни.

Осознание этого противостояния ведет к необходимости корректировки государственной политики. При этом политика должна оставаться прагматичной, что является важнейшим достижением существующей российской власти после идеологически обоснованных попыток построения прозападных обществ, сначала социализма-коммунизма, а затем либерально-рыночного, социализированного капитализма. Безусловно, также должна реализовываться главная установка, что власть в России принадлежит народу, что раскрывает проблему сбережения народа и России как главную общегосударственную идею. Государственная политика поэтому должна быть посвящена возрождению народа, возврату его из городов на родную землю в виде народных поместий, возрождающих традиционный общинный народнохозяйственный уклад.

Российское государство традиционно имело территориальное управление, что было обусловлено народнохозяйственной природой страны. Для сбережения страны, чтобы власть реально принадлежала народу, отраслевое управление не должно господствовать, подчинять себе человека. Государственное управление не должно быть только отраслевым, социально-экономическим, подчиняющим человека разделению труда, оно должно основываться

ваться на единстве народа с родной землей, на народнохозяйственном самоуправлении территорий. Народовластие невозможно без территориального самоуправления народа в народных поместьях, поскольку без самоуправления нет трудовой целесообразной чувственно-практической жизнедеятельности, нет формирования потребностей человека в труде и детях, его готовности верой и правдой служить отечеству.

В связи с этим правильнее было бы называть российское государство не социальным, поскольку природа социального заключается в латании последствий экономического развития, порождающего отчуждение, расслоение и развал страны, а народным бесклассовым государством, поскольку высшая власть в стране принадлежит народу.

М.А. РУМЯНЦЕВ

Движение вниз и российская перспектива*

Аннотация. В статье дан футурологический анализ одного из вариантов посткризисного будущего. Выдвинута гипотеза о Большом нисходящем цикле истории. Выявлена стадийность нисходящего цикла, основанная на формировании жесткой модели управления обществом, информатизации и разделении реального и виртуального миров. Исследованы особенности творчества в посткризисном мире. Определены предпосылки и характер протекания катастроф. Раскрыты преимущества и возможности России в новой мирохозяйственной ситуации. Российская перспектива посткризисного развития связывается с многомерными Большими проектами мирового и национального значения.

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 32—44.

Ключевые слова: Большой нисходящий цикл, интеллект, элиты, цифровой мир, кризис, катастрофа, Россия, альтернатива, Большие проекты.

Abstract. The article provides a futurological analysis of one of the options for the post-crisis future. The hypothesis of the Great Downward Cycle of History is put forward. The staging of the downward cycle based on the formation of a tough model of society management, informatization and the separation of the real and virtual worlds is revealed. The features of creativity in the post-crisis world are investigated. The prerequisites and nature of the course of catastrophes are determined. The advantages and opportunities of Russia in the new world economic situation are revealed. The Russian perspective of post-crisis development is associated with multidimensional Big projects of global and national importance.

Keywords: Big downward cycle, intelligence, elites, digital world, crisis, disaster, Russia, alternative, Big projects.

Большой нисходящий цикл истории начинается. В том, что мир станет другим после проходящей на наших глазах пандемии и обвалов нефтяного, биржевого и прочих глобальных рынков, мало кто сомневается. Какой будет этот «другой мир» и можно ли увидеть контуры его будущего, новую магистраль истории? Среди альтернатив будущего выберем один, наиболее катастрофный сценарий, поскольку именно в нем просматриваются основные итоги предшествующего развития.

Земная история началась с того, что человеком овладел ген максимизации благополучия путем покорения природы и людей. Всю логику общественной эволюции можно представить как непрерывный рост потребностей и средств их удовлетворения. Подъем промышленности и финансов, технические сдвиги и инновации, борьба за мировые рынки, рост производительности труда — все это кончалось социальными поляризациями бедности и богатства, войнами, кризисами институтов и губительными перекосами развития. Тогда наступала эпоха революционных потрясений, которые приводили к смене субъектов истории, к формированию новых антропологических типов, к новым общественно-хозяйственным устройствам.

Смена исторических эпох носила восходящий характер: ступенька за ступенькой — человечество преодолевало трудности и двигалось к потребительскому изобилию и замене труда человека всевозможными машинами.

Движение вверх, как и любое движение, не может быть бесконечным и однонаправленным. И вот мы оказались свидетелями окончания Большого восходящего цикла истории и начала Большого нисходящего цикла, движения вниз. На первый взгляд, это выглядит странно. Общество потребления во многих государствах построено. Технологический прогресс достиг небывалых вершин. Новая промышленная революция приводит к немыслимым ранее качественным изменениям технологий и общества посредством всеобщей цифровизации и информатизации, искусственного интеллекта, нанотехнологий, робототехники, биотехнологий, редактирования генома человека. Целенаправленное моделирование атомной структуры вещества, интеллекта и сознания открывает безграничные возможности для движения по «столбовой дорожке» прогресса. И вот, когда осталось сделать последний рывок из «царства необходимости» в «царство свободы», в потребительскую и технологическую утопию, вдруг следует остановка всей выношенной и выстрадавшей предшествующими эпохами эволюции.

Творческие возможности человека порождались соприсутствием Добра и зла в мировом движении. От Добра человек получил извечную «ностальгическую тягу ко вратам рая» и излучаемую в мир благодать [3], принцип сопряжения хозяйства Бога и хозяйства человека, давший многовековое хозяйственное, культурное и научное творчество. От зла — демонический титанизм и своевольное соперничество с Богом, проявившееся в гениальном революционном конструировании искусственных социальных, экономических и финансовых миров. В результате образовался плавильный котел добрых и злых энергий, из которого вышел человек-творец со стремлением к совершенству, с великими открытиями и философскими прозрениями. Выброс творческих энергий во внешний мир, в хозяйственно-экономическое строительство обеспечил непрестанное движение

вверх. Для поступательного движения по пути Просвещения и прогресса требовался особый энергичный тип личности, избыточно отдающий свои интеллектуальные и трудовые силы сверх трудозатрат и положенного вознаграждения.

По мере снижения энергичности псевдорелигии прогресса этика самоограничения и самоотдачи теряла свое значение. Всплеск гедонизма, породивший общество потребления, выражал повсеместное опустошение творчества и падение уровня необходимой для дальнейшего движения энергичности. Отныне интеллектуальная и образовательная деятельность приобретает форму человеческого и интеллектуального капиталов, любое «креативное» усилие соизмеряется с издержками и будущей рентабельностью. Все нерентабельное отторгается «рынком». То, что ранее выступало в качестве спонтанной игры избыточных сил воображения и творчества, теперь превращается в деньги, в строгие количественные показатели, в Цифру. Ясно, что на базисе подобных негативных антропологических сдвигов решающий рывок в потребительский и технологический рай невозможен.

Что же дальше? Современные кризисные процессы в их совокупности представляют собой, по терминологии Дж. Арриги, «сигнальный кризис» — кризис, предшествующий подлинно мировому, всеохватывающему кризису. С нынешней вирусной пандемией и экономическими потрясениями мир на какое-то время справится. Но их продолжение в расширенном масштабе неизбежно. Проникновение внутрь генома натолкнулось на спрятанные в нем беспредельные трансцендентные тайны и распахнуло дверь для новых взрывных пандемий очередных К-вирусов, бактериологических и климатических войн ведущих акторов, озабоченных нехваткой ресурсов для доминирования. Череда кризисов в условиях позднего, достигшего своих исторических границ капитализма неизбежно вызовет социальную катастрофу. Политические институты демократии и мировой власти, как показывают последние события, оказываются недееспособными. Движение вниз, или Большой нисходящий цикл истории,

становится все более возможным. Постараемся заглянуть за горизонты реальности в будущее, которое кажется невероятным и которое в то же время властно входит в наше настоящее.

Нисходящий цикл: 1 стадия. Новоазиатский способ производства. По мере разрастания кризисов национальные и мировые элиты, крупные компании, а также «глубинные силы глубинных государств» взамен общества потребления введут жесткую конструкцию управления государством и контроля над людьми. В экономике рыночные отношения перейдут на периферию хозяйственной системы, на первый план выйдут всевозможные формы регулирования и рукотворного вменения экономике необходимых для выживания общества параметров. Когда же ситуация относительно нормализуется, элиты не захотят менять правила игры — соблазн сохранения сложившихся моделей власти и контроля будет непреодолим. Элиты региональных неоимперий — после ряда локальных войн — объединят усилия для создания новой модели управления.

И здесь на помощь придет цифровизация, которая уже сегодня становится мейнстримом антикризисных мероприятий. Китайский опыт управления государством на основе Больших данных и социального кредита приобретет всемирный размах.

Исследование Е. Лариной и В. Овчинского показало, что китайская стратегия управления сводится к использованию Больших данных и других цифровых артефактов в качестве инструментов для создания тотальных алгоритмов управления Китаем, которые имеют всемирное значение [2]. Лозунг китайского цифрового алгоритмического управления — «данные предпочтительнее слов» — означает, что сбор и интеграция данных видеонаблюдений, распознавания изображений и голосов, сбор информации обо всех транзакциях физических и юридических лиц и пр. ведут к созданию эффективной системы контроля на основе манипуляции поведенческими инстинктами людей. И не просто к манипуляции, а к формированию и использованию глубинных установок масс в реальном и виртуальном мирах [2].

Так родится мир, лишенный прежних социально-экономических противоречий. Антагонизмы труда и капитала, собственности

и власти, бедности и богатства окажутся снятыми новыми иерархическими структурами управления и контроля. На вершине управленческой пирамиды будут те, кто задает массам алгоритмы поведения (наследники собственников крупнейших активов и интеллектуалы, создатели алгоритмов), а далее по нисходящей иерархии будут располагаться остальные — все те, которые следуют предписанным алгоритмам различной степени сложности.

Вот как писатель Л.М. Леонов описывал мир, в котором искусственный интеллект безраздельно властвует над людьми. В обществе «с единым мозгом на острие» далее вниз «в порядке нисходящей значимости и все возрастающей численности размещена вся библейская номенклатура — младшие касты мудрецов, толмачей закона, наставников и судей, рядовой паствы и на самом дне бытия... безголосое и пустоглазое стадо подъяремной черни» [3, 581]. В образе «единого мозга на острие» ясно просматривается то, что мы сегодня называем «неантропными и небιοгенными интеллектуальными системами».

В этом кастовом обществе нажимателей кнопок исчезнут все противоречия, кроме одного, но фундаментального, антагонизма — противоречия между организаторами и исполнителями, между интеллектуальным организаторским и рутинным исполнительским трудом. Те, кто назначил себя интеллектуальной элитой, приватизируют таланты, закроют другим доступ в свою касту и постараются контролировать мысли. Независимая критическая мысль будет обходиться им очень дорого. Остальные, которым новая продвинутая индустрия будет гарантировать необходимый размер потребления и удовольствий, столкнутся с болезненным и непереносимым неравенством. В отсутствие социально-экономических противоречий перед ними во всем своем масштабе возникнет проблема природного неравенства людей. Для массового человека смирение перед экономическим неравенством еще как-то допустимо, но смириться с неравенством способностей и признать других способными, а себя бесталанной чернью — вот это на длительную перспективу невозможно.

К нарастанию массового недовольства умственным неравенством добавятся новые бактериологические и климатические угрозы,

а также экспоненциальный рост населения, которому требуется обеспечивать рациональные нормы потребления. К ответу на множащиеся вызовы цифровая элита, лишенная подлинного творчества, окажется неготовой. И тогда она задумает невероятный побег в блистательный цифровой рай.

Нисходящий цикл: 2 стадия. Раскол. Цифровая машинерия достигнет такого уровня, что электронное и квантовое копирование личности станет возможным. Более того, зародится виртуальная вселенная для приема избранных в новую ирреальную реальность. Причем первоначально будет господствовать убеждение, что наконец создан так называемый «фиджитал-мир», в котором исчезла граница между реальным и виртуальным. Казалось, в пространстве фиджитал (phygital) соединятся физическая (physics) и виртуальная (digital) реальности. Элиты, которые транслировали себя в эту виртуальную вселенную, ощутили пришествие «золотого века»: исчезли смерть, болезни, горести и проблемы, настала вечная жизнь с безграничными возможностями цифровой трансформации личности. Любые, самые недоступные блага, переведенные в цифровой формат, оказывались доступными для избранных. Миры, выстроенные из пикселей, практически бесплатны, и каждый создавал собственный цифровой мир по своему хотению. В цифровом раю любой индивид исполнял все свои желания и мог пересоздавать свою личность в любом — от Будды до Наполеона — виртуальном образе. И никаких моральных, религиозных или бюджетных ограничений. Человек-фантом, беспрестанно «примерявший» все новые и новые цифровые копии, превратился в электронного потребителя, пребывающего в раю бесконечных «интеллектуальных игр».

Далее выяснится, что «фиджитал-мир», соединяющий виртуальную и естественную реальность, недостижим. Виртуальная личность не тождественна реальной личности человека, копировать которую со всеми особенностями ее сознания, психики и мышления, невозможно. Цифровая копия личности не есть та же самая личность, а нечто иное, отличное от своего оригинала. Таким образом, уход в виртуальную псевдовселенную необратим. В итоге образовался замкнутый на себя, изолированный от малой реальности земной жизни

и от большой реальности Вселенной, элитарный мир самовоспроизводящихся цифровых фантомов.

Реальный мир, оставшийся без своих элит, также претерпел изменения. Прежде всего, было решено пересмотреть все прежние философские, мировоззренческие и религиозные истины — в плане их оскопления до среднего уровня массового потребителя. Меры по нивелировке и стрижке умов до никому не обидного уровня посредственности привели к ясной и простой цели — всеобщему равенству в распределении продуктов. Даже буржуазный принцип максимизации пользы был отвергнут как требующий неординарных усилий и предприимчивости. Понижение умственного уровня, рационализация жизни и контроль над распределением устраивали всех. Вне зависимости от сложности труда, приложенных усилий и личной одаренности все получали одинаковый пакет продуктов и услуг для биологического воспроизводства, да в придачу для досуга предоставлялся строго контролируемый набор маленьких радостей и допустимых грез.

Была забыта простая истина о том, что великие империи и грандиозные цивилизации прошлого не пребывали в покое потребительского самодовольства — они развивались за счет постоянных выбросов во внешний мир творческой энергии, накопленной великими пророками, полководцами, идеологами и демиургами-организаторами. Синергичные результаты творчества всегда должны превышать издержки и прагматические выгоды, что требует жертвенности, аскезы и самоотдачи. Когда же принцип инаковости пассионарных деятелей подавлялся омертвляющей творчество рационализацией, империи теряли волю к экспансии, окостеневали и гибли.

Тяготы жизни, труда и творчества были переложены на цифровую индустрию, которая бесперебойно обеспечивала всеобщее равенство — в доступном потреблении и в успокаивающей унификации всех жизнеотправлений. До поры.

Нисходящий цикл: 3 стадии. Финал. Реальный и виртуальный миры приближались к неизбежному концу — каждый своим путем. Начнем с виртуальной псевдовселенной. В этом мире полностью

отсутствовали противоречия: каждый цифровой фантом был абсолютно самодостаточен, лишен способности к репродуктивности и в результате эволюционировал в Нарцисса, любующегося своими копиями в виртуале. Как известно, отсутствие противоречий ведет к росту энтропии и прекращению развития (жизни). Специфика виртуального мира состояла в том, что копированные элиты полностью не могли утратить свою телесность. Трансляция в виртуальный мир биохимических и электронных базовых конфигураций мозга пусть и в искусственном виде, но воспроизводила нечто реальное. По мере нарастания энтропии эта остаточная телесность людей-фантомов истончилась до полного исчезновения. Фантомный цифровой мир, лишенный последних онтологических оснований, «схлопнулся» и перешел в пустоту небытия.

Дальнейшая судьба этого мира поучительна. В православной традиции телесность человека считается преградой от зла — несмотря на то, что наша плоть после грехопадения «утратила свою тонкость и духовность, получила настоящую свою дебелисть». И вот почему. «Премудрость и благодать Божия положила преграду между человеками, низверженными на землю из рая, и духами, низверженными на землю с неба — грубую вещественность тела человеческого» [1, 12]. Наша «дебелисть» не позволяет большинству людей чувственно видеть духов тьмы, соприкоснуться с ними и дает каждому человеку защиту при распознавании добро и зла [1, 13]. Тогда можно предположить, что напрочь лишённые телесной защиты фантомы людей из цифрового мира превратятся в подобие колдунов, ведьм, призраков, демонов и тому подобной нежити, которая только и мечтает обернуться человеком или зверем лесным. Лишенная реальности цифровая нежить образует фантомный мир симулякров, призрачное инобытие мира. Назовем этот мир инферносферой и вообразим его в виде мертвенно-бледного облачка, беспокойно пульсирующего над адом.

Тем временем в реальном мире разворачивалась своя катастрофа. Оскудение интеллектуального потенциала приводило к постоянным сбоям цифровой техносферы. Пандемии вирусов и губительные геоклиматические изменения вызывали массовую панику.

Творческих сил для поиска спасительного разворота у цивилизации не оставалось.

Лавинообразная катастрофа началась с остановки цифровых систем, обеспечивающих работу инфраструктурных отраслей в крупных городах. Прекратили работу железные дороги, вышли из строя линии метрополитена и аэродромы, остановился общественный транспорт. Затем вышла из строя энергетическая инфраструктура, люди остались без тепла и света. Закрылись магазины и торговые центры. Техногенные кризисы породили хаос. Целые страны, территории и регионы стали неуправляемыми, службы правопорядка прекратили работу, правительства утратили остатки контроля над обществом. Мир распался на сегменты хаоса, в городах свирепствовали эпидемии, сбой систем распределения привел к голоду и вымиранию людей.

И далее началось ускоренное движение назад, в первобытность. Толпы людей убегали из зачумленных городов, вооружались древним стрелковым и холодным оружием — развернулись архаичные войны всех против всех за пищу, за женщин, за места обитания. Великие культурные и технические достижения прошлого перешли в область преданий о забытой старине, которые рассказывались у костров. Выжившие люди оказались не готовы к продолжению рода и жесткому естественному отбору в природе. Так человечество исчезло из природы и истории.

И никакого нового Большого восходящего витка эволюции человеческого рода не будет. Человечество не справилось со своей сверхзадачей, поставленной ей Богом и Вселенной. Дар творчества, полученный человеком от Бога, был безнадежно утрачен. Вспомним, что первый человек Адам давал имена зверям полевым и птицам небесным. Дать имя значило определить живое существо и его место в бытии. Творческую сверхзадачу человека Спаситель мира сформулировал так: *«Верующий в меня, дела, которые Я творю, и он сотворит, и больше их сотворит»* (Ин. 14: 12). Человек в синергии с Абсолютом призван к обожению своей личности и к одухотворению, гармонизации природного космоса — к соучастию в непрерывном

творении. Если миссия не выполнена, то финал неизбежен и обжалованию не подлежит. Верующий назвал бы это Судным днем, человек науки — космической, бактериологической, социальной или климатической катастрофой. Да, но все ли так фатально в нелинейном и многовариантном мировом развитии? Тем более в России с ее метафизическим своеволием, непредсказуемой судьбой и природным разнообразием.

Россия: возможности и перспективы. Посткризисная перспектива России определена особенностями ее истории и географии, среди которых выделим следующие существенные обстоятельства.

1. Мировой кризис неизбежно приведет к демонтажу общества потребления и «позднего капитализма». Взамен будут созданы жесткие модели управления обществом и экономикой, направленные на социализацию потребления и распределения общественного продукта. Россия может использовать ситуацию глобальной неопределенности и выстроить собственную самодостаточную модель общественно-хозяйственного устройства. Важно, что Россия обладает историческим опытом «смены курса». Вспомним преобразования Иоанна III и Иоанна IV, Петра I, И.В. Сталина.

2. Особенности исторического бытия России проистекают из ее Больших пространств. На неоднородных российских просторах реформы, начатые Центром, далеко не всегда доходят до населения периферий. В России всегда чувствуется какая-то недоделанность, незавершенность. Одна часть России безоговорочно принимала западные ценности, другая — оставалась верной традиционному укладу жизни. Историческое бытие России последних веков есть незаконченное движение от западных модернизаций к национальной жизни, и обратно. В итоге Россия порой отстает от мирового движения, тормозит на крутых «зигзагах прогресса». В наше время это означает, что сколь бы всесторонними не были программы цифровизации общества, они не достигнут полной безоговорочной реализации по мировым лекалам. Россия получит спасительную передышку — для размышлений о собственном пути и национальной стратегии, которая в качестве необходимого момента будет включать и цифровизацию.

3. В России воссоздана матрица сильного авторитарного государства, которое будет главным актором в предстоящих переменах. Обороноспособность страны адекватна угрозам войн, которые с большой вероятностью начнутся в посткризисном мире вследствие сужения ресурсной базы мировой экономики. Кроме того, у большинства населения сознательно, а в основном, бессознательно, сохраняется ностальгия по империи, в каких бы исторических формах она не существовала на пространствах России-Северной Евразии.

4. В России имеют значение ценности традиционной семьи и любви мужчины и женщины. Это неоценимый ресурс для развертывания общенационального и личного домостроения.

Перед Россией приоткрывается окно возможностей для строительства евразийской неимперии, базирующейся на Больших инфраструктурных проектах. Россия обладает опытом осуществления мега-проектов, которые служили движущими силами отечественного развития (Великий Сибирский путь, план ГОЭРЛО, Байкало-Амурская магистраль, Космический проект и многие другие). Сегодня Россия может реализовывать и поддерживать мега-проекты мирового и национального масштаба: новый Космический проект, освоение Мирового океана, Арктический проект, ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока в контексте необходимого в XXI в. сдвига производительных сил на Восток. Большие проекты рождают дух воодушевления и трудовой мобилизации, вокруг них будет выстраиваться солидарная хозяйственная система с творческим целеполаганием, новыми субъектами и институтами, технологическими цепочками, эффектами от масштаба, научно-образовательными школами и цифровыми платформами.

В заключение о главном. С кафедры или с трибуны можно провозгласить сколь угодно привлекательный «проект», но если он не войдет в сознание людей как безусловная норма, то движущей силой российского развития не станет. Человеку необходимы сверхличная цель и безусловная ценность, идущие от религии, культуры, идеологии. В высокой степени это присуще России — идеократической цивилизации, основанной на власти идеи, в частности, сложившихся

в прошлом православных и советских архетипов. Только когда общественные цели будут иметь трансцендентные основания, когда в сознании людей трансцендентное войдет в имманентное, а общий вдохновляющий проект станет интимным, личным переживанием, задачи российского развития могут быть исполнены. Вот почему стоит поразмышлять о миссии человека и об Абсолюте, о смысле истории, о философско-хозяйственном измерении нашей жизни. Ответы на эти как будто бы отвлеченные вопросы становятся неотложным заданием.

Литература

1. *Игнатий Брянчанинов, епископ.* Слово о смерти. М.: «Р. С.», 1991. 320 с.

2. *Ларина Е., Овчинский В.* Елена Ларина и Владимир Овчинский: китайская система социального кредита — традиции и технологии: [Электронный ресурс]. URL: <http://izborsk — club.ru> > 17650 (дата обращения: 04.04. 2020).

3. *Леонов Л.М.* Пирамида. Роман-наваждение в трех частях. М.: Издатель «Андрей Ельков», 2018. 856 с.

Н.Л. РУМЯНЦЕВА

Проблема пандемии — диалектический взгляд*

Аннотация. В статье рассмотрена современная ситуация в России и в мире, связанная с пандемией коронавируса. Даны обзор и анализ вставших перед человечеством и Россией проблем. Как действовать человеку и власти в условиях пандемии? Каково происхождение коронавируса — искусственное или естественное? И если искусственное, то каков источник? Для ответа на вопросы, к которым подводит феноменологический подход, развер-

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 91—121.

нута причинно-следственная цепочка видимых событий в диалектическом подходе. Подчеркнута разрушительность для человека и природы цивилизационной системы с ее ценностями, навязываемой так называемыми развитыми странами всему миру. Проанализированы пути выхода из сложившейся ситуации, предлагаемые христианской религией и наукой. Показано, что капитализм как индивидуалистическое общество живет по закону эволюции животного мира, где в конкуренции выживает сильнейший, но против основного закона природы. Сделан вывод о том, что у человечества нет другого выхода из тупика саморазрушения, кроме коллективистской парадигмы жизнеустройства.

Ключевые слова: пандемия, происхождение вируса, причины, диалектический подход, системный подход, индивидуалистическое общество, саморазрушение, коллективистское общество.

Abstract. In article the modern situation in Russia and in the world, connected with a coronavirus pandemic is considered. The review and the analysis risen before mankind and Russia of problems in phenomenological approach is given. In the first class of problems there were questions — how to work to the person and the power in the conditions of a pandemic? In the second class of problems there was a question: what origin of a coronavirus — artificial or natural? And if artificial — that what source? For the answer to questions to which brings phenomenological approach the cause and effect chain of visible events in dialectic approach is developed. The conclusion is drawn on destructiveness for the person and the nature of the civilization system with its values imposed by the «developed» countries to the whole world. Ways of an exit from current situation — offered by Christian religion and science are analysed. It is shown that capitalism as individualistic society lives under the law of evolution of fauna where in the competition the strongest survives, but against the fundamental law of the nature. The conclusion is drawn that the mankind has

no other exit from the deadlock of self-damage, except a collectivist paradigm of living arrangement.

Keywords: Pandemic, origin of a virus, reason, dialectic approach, system approach, individualistic society.

Ситуация в мире — феноменологический подход

Безусловно, тема всех СМИ, волнующая граждан планеты весной 2020 г., — пандемия коронавируса: пугающая статистика распространения заболевания, множество суждений, вопросов, объяснений. За этой темой забыты все другие, волновавшие мир еще пару месяцев назад.

Если попытаться систематизировать ежедневно приходящую информацию, то, не выходя за пределы феноменологического подхода, вопросы, которые интересуют всех, можно разбить на два класса.

Первый — *найти лучший ответ на новый вызов глобально пораженному человечеству*. Как ведут себя люди и правительства разных стран? Вопросы «как?» подразделяются на: как вести себя лично, как не заболеть, как лечиться? А также: как вести себя правительству, что оно должно делать? На первый вопрос отвечают медики — это зона их компетенции. А вот по вопросу реакции правительств представляются две точки зрения: *переждем*, переболеем, кого-то изолируем, поможем заболевшим, не так страшен вирус, по сравнению с другими угрозами («шведский вариант»); *будем сопротивляться*, не ждать, пока все переболеют, введем полную самоизоляцию или карантин, остановим на некоторое время производство, бизнес.

Первая точка зрения (не затрагивающая производство) опирается на противоположные источники. Один — экспертное, но не типичное мнение некоторых вирусологов: так ли велика угроза, чтобы вводить самоизоляцию? Это обычный грипп, который регулярно вызывает эпидемии, иногда и с большими угро-

зами здоровью, чем современный коронавирус [13; 24]. И от самоизоляции, от сидения дома, без солнца, без движения на воздухе, больше вреда для здоровья, чем от вируса. Казалось бы, гуманная позиция. А вот другой источник — от пострадавшего бизнеса: вред от самоизоляции и сидения дома для экономики может быть сокрушителен, особенно для малого и среднего бизнеса, он грозит безработицей и ростом количества нищих. С точки зрения бизнесменов, действительно, в первую очередь пострадают владельцы кафе и ресторанов, те предприниматели, которые занимаются торговлей, т. е. куплей-продажей (в России — чаще всего поставками из-за рубежа, где можно купить хоть и некачественный товар, но зато привлекательный, с красивым дизайном и недорого). Но если народ живет без ресторанов и кафе, значит, не очень-то они ему и нужны?! Зачем около станций метро вырастают торгово-развлекательные комплексы или на каждом шагу магазины и кафе — какому развитию они способствуют? Нужные же для жизни товары, наоборот, сегодня активно раскупаются, и такой бизнес получает прибыль. Может быть, это поможет России приостановить скатывание в общество потребления, где недействительные, ложные потребности человека поддерживают развитие ложной экономики? Временно проблему можно как-то решить — уволенных работников действительно должно поддерживать государство, раз уж оно устранилось от планирования хозяйства. Но фундаментальные проблемы в феноменологическом подходе и не ставятся.

Если доверять мнению большинства публично представленных врачей и биологов, а также решению ВОЗ, то вторая точка зрения (здоровье нации — на первом месте, экономика ему подчинена) представляется более обоснованной и, казалось бы, может быть поддержана. Это мы видим сейчас в политике власти в России, которая ввела домашнюю самоизоляцию, пропускной режим передвижения по Москве и ряд других мер, в том числе

некоторую компенсацию неизбежных потерь и бизнеса, и оставшихся без зарплат людей. Очевидно, что в этой позиции здоровье нации, особенно слабых и пожилых людей, приоритетно.

Однако отметим — состояние здравоохранения в России систематически ухудшалось с начала 1990-х гг., о чем постоянно говорили медики. В результате падало здоровье нации, росла смертность. Только за последние десять лет в ходе «оптимизации» (число больниц и поликлиник в стране сократилось в несколько раз) вымерло, по некоторым данным, 20 млн человек [16]. И поэтому система здравоохранения, даже в срочном порядке подготовившись к эпидемии, освободив места в больницах (т. е. оставив больных, которых было запланировано лечить, без лечения и вытолкнув начавших было лечиться домой), в апреле 2020 г. уже работает (по словам министра здравоохранения) на пределе. Правда, срочное строительство новых инфекционных больниц сменило установку на закрытие ранее существовавших инфекционных отделений, что свидетельствует о более глубоких проблемах управления хозяйством страны.

Другой вопрос касается периода начала эпидемии — почему допущен «европейский» вариант распространения болезни, почему действительный карантин (с изоляцией от семьи) не введен для приезжих из зараженных зон раньше? Не остановлено их передвижение по стране на границе, в больницах, пансионатах, домах отдыха, санаториях? Почему не был запрещен выезд в такие страны по путевкам, на отдых, а было лишь «рекомендовано» не выезжать? Почему из-за таких «отдохнувших» туристов должны страдать сотни тысяч граждан России? Ответ понятен: священные «права и свободы человека» не могут быть нарушены, а крупному бизнесу (туристическому и с ним связанному) не может быть нанесен ущерб. «Правовое сознание» не видит соответствующего закона. И сейчас, в режиме самоизоляции, бизнес ропщет: нарушены его конституционные права и свободы.

Второй класс вопросов — «почему». *В чем причина ситуации — в природной неконтролируемой, неподвластной стихии или*

в человеке, его деятельности, т. е. каково происхождение вируса: искусственное или естественное?

Казалось бы, нет страны и нет класса, выигравших в этой войне с пандемией, она коснулась всех стран и всех классов. Поэтому на первый взгляд представляется наиболее вероятным *естественное происхождение вируса*. Как объясняет доктор А.Л. Мясников, это естественная мутация вирусов, носители которых — животные («зоонос»), вызывающая у человека то «птичий грипп», то «свиной грипп», теперь вот таким источником, возможно, стали летучие мыши. Однако есть информация, опубликованная задолго до современной пандемии, утверждающая, что COVID-19 был создан в США в 2015 г. в секретной лаборатории Пентагона — в армейском научно-исследовательском институте Уолтера Рида в Форте Детрик: «В 2015 году в журнале Nature была опубликована статья о том, что в лаборатории в американском Форте Детрик был проведен успешный эксперимент по модификации коронавируса китайской летучей мыши, который может уже без промежуточного животного проникать в клетки человека. И в этой же статье было указано, что авторы считают такие эксперименты крайне опасными» [30]. Информация об этом эксперименте на англоязычном ресурсе Nature.com обсуждалась в Новостях от 12 ноября 2015 г. и еще раньше: «На том же сайте Nature.com мы находим подробнейшую статью от 9 ноября 2015 года, в которой американские ученые рассказали о своей работе по конструированию нового коронавируса “от летучих мышей к человеку”» [30]. Есть и другие источники, указывающие на искусственное происхождение коронавируса [18] — на полученный в 2015 г. в США патент на коронавирус, на совместные секретные научные работы Гарвардского и Уханьского университетов, финансировавшиеся Клубом, созданным в 2010 г. Б. Гейтсом, Д. Соросом, Д. Рокфеллером и др. для решения проблемы перенаселения Земли или каких-то других.

Обратим внимание на то, что есть наиболее пострадавшие страты населения. Во-первых, это пожилые люди, пенсионное

обеспечение которых из-за роста продолжительности жизни, ложится тяжелым грузом на работоспособную часть населения во всех развитых странах. И более широко: почти семимиллиардное население Земли, по расчетам некоторых ученых, — невыносимое для ресурсов Земли бремя. Во-вторых, в США наиболее пострадали те люди, у кого нет медицинской страховки, — в основном эмигранты, цветные. И потому такой вариант целенаправленного действия вполне вписывается в давно известную цель — сохранить на Земле «золотой миллиард», даже если распространение вируса — случайный сбой в целенаправленной деятельности.

Здесь появляется масса разных версий, мнений, точек зрения. Например, возможны и такие три глобальных цели: 1) поменять валютную систему с нефтедолларов на биткойны; 2) поменять энергосистему мира с ресурсной затратной на бестопливную энергетику; 3) и в заключение — установить новый мировой порядок, суть которого — огромные феодалские поместья макрорегионов Европы, Латинской Америки, Китая, России... Далее чипизация и создание «служебного человека-раба». Есть и еще более экстремальный вариант — последующее вакцинирование запуганного коронавирусом человечества единой вакциной (не)определенного действия [11; 20]. При всей экзотичности таких гипотез то, что целенаправленная деятельность ведется, известно, она проявляется в гибридной войне нового типа: информационной, экономической, психолого/психической, биологической, климатической и т. д. И причины такой войны — неравномерное распределение ресурсов по планете; угрозы, связанные с биогеоэволюцией планеты и космической эволюцией, с перенаселением планеты.

Ситуация в мире — диалектический подход

Феноменологический подход заканчивается вопросами, заставляющими перейти к диалектическому подходу. И здесь главное — проблема человека: его свобода или подчинение целому,

и вопрос: какого человека — развлекающегося или развивающегося? Далее — национальное или глобальное управление хозяйством нашей страны? Приоритет экономики, бизнеса или приоритет сохранения жизни народа? И, наконец, в каком мире мы живем? В чем трагедия мира? Самоуничтожение человечества? Или реакция природы на деятельность человечества по ее покорению? Война? Но теперь, возможно, не между государствами, а между «элитой» и «плебсом», между высшим и низшим сословиями, где критерий сословия — деньги?

Можно ли найти ответы? Может ли современное общество, в том числе Россия, справиться с результатами собственной деятельности или реакцией природы на эту деятельность?

Мы живем в мире лжи, фейков, симулякров. Это капитализм. И настоящая пандемия — очередное звено общей траектории движения. Разработаны технологии насаждения нужного понимания событий и в итоге — нужных действий больших масс населения (Дж. Шарп [35]), технологии социального конструирования желаемой (управляющей элитой) реальности [1], манипулирования сознанием человека и т. д. Эта ложь так искусно прикрыта, что почти не различима. И поэтому неясно, можно ли где-то найти достоверную информацию, в том числе о причинах пандемии. Ложь, заложенная как неизбежная в основание индивидуалистического, т. е. эгоистического общества, но стремящегося выглядеть гуманистическим, стала невидима, неразличима, ложь — от масштабных международных событий, таких как пандемия, до локальных, бытовых.

Продовольственные товары, их количество и качество — особо важный фактор сохранения народа. В 1970-х гг. американский госсекретарь Г. Киссинджер сказал: «Контролируя продовольствие, вы контролируете население» [36]. Возьмем пищевую промышленность. Мы едим далеко не естественные продукты (а «эквивалентные» естественным), но это скрыто под ложными названиями, например, «крабовые палочки» или «100% натуральный сок», под ложными картинками («деревенский пейзаж»);

в них добавлены разные добавки и заменители, в быстропортящиеся продукты — консерванты, удлиняющие их сроки годности на недели или даже месяцы, вместо ежедневной их поставки в торговую сеть, как это было в СССР. Вместо не столь уж дорогого сахара используются опасные для здоровья сахарозаменители и т. д. [8].

Несколько лет назад активно обсуждался вопрос о вреде (или не-вреде) генномодифицированных продуктов, при этом конкурировали два мнения: авторитетные ученые говорили, что вред не обнаружен (ссылаясь на то, что нужно подождать несколько поколений, чтобы его выявить). А вот польза есть — существенное повышение урожайности (большие прибыли у производителей). Но вот мнение доктора Д. Фагана, который первым разработал методы генетического тестирования для ГМО: «Когда кто-то вам говорит, что нет никаких доказательств того, что ГМО несут риски для здоровья и окружающей среды, дайте им эту книгу. Она предоставляет существенные доказательства вреда кратко и четко, и по каждому пункту даются ссылки на научные публикации или другие отчеты или документы, которые читатель может проверить» [7]. Ему вторит Ф. Уильям Энгдаль: «ГМО — это не технологический прогресс. Это манипуляция, основанная на ложной науке, биологическом редукационизме, который по определению неприменим. Независимые лабораторные испытания, включая российские, в последние годы доказали, что по сравнению с крысами контрольной группы лабораторные крысы, которые сидели на диете из ГМО, демонстрировали резкое сокращение роста органов, значительно более высокую младенческую смертность и сжатие мозга» [36]. И вот что могут возразить защитники ГМО: «Про эти опыты нужно понимать, что они не были опубликованы ни в одном серьезном научном журнале» [4]. Конечно, ведь эти «серьезные научные журналы» имеют учредителей, которые и определяют, что публиковать, а что — нет: «Однако после того, как эксперты проанализировали положительные

отзывы, оказалось, что почти каждое “научное” исследование, вывод которого — “ГМО безвредны!”, было профинансировано производителями такой продукции» [4]. Да, «мощные международные корпоративные кампании в СМИ в значительной степени похоронили результаты этих тревожных тестов» [36].

Общую оценку современных пищевых технологий дал бывший главный санитарный врач России Г. Онищенко: «Современный уровень развития технологий создает такие конструкции, которые могут быть преднамеренно нацелены на нанесение вреда здоровью» [5].

На здоровье отражается и активно вторгшаяся в жизнь современная техника. Мы не знаем точно, как влияют на здоровье рост электромагнитного фона в населенных пунктах в связи с массовым распространением устройств передачи и приема информации, развитием бесконтактной диагностики с использованием излучения радиоволн, разработка и использование новейших психотропных веществ, развитие методов и средств волнового воздействия на людей с возможностью влияния на их поведение и состояние здоровья, появление оружия, поражающего излучением, — эта информация скрывается [15]. В итоге иммунная система, в целом здоровье человека и, главное, его потомства, неуклонно слабеют, что мы и наблюдаем со смертностью от коронавируса.

Но рынок не дремлет. Вот медицина и борется то с одним, то с другим вирусом, на которые и возложена вина за все распространяющееся явление падения иммунитета.

Здесь могут возразить: продолжительность жизни в передовых странах, напротив, за последний век выросла. Да, медицина достигла больших успехов, становясь все более прибыльной отраслью экономики. Хотя, как видим сейчас, и она не может эффективно справиться с ответом природы на деятельность человека (или с результатом его собственной деятельности). И продление жизни населения полностью совпадает с интересами рыночной медицины (ведь в преклонном возрасте всегда есть, что ле-

чить), тогда как в здоровом населении она вовсе не заинтересована. В рекламе товаров фирм можно видеть ученых и врачей, которые, скрывая негативную информацию, как и положено в рекламе, авторитетно рекомендуют ее продукцию.

Качество товаров в современном мире задается его стандартами. Международный стандарт ИСО 9001 был разработан Техническим комитетом Международной организации по стандартизации ИСО/ТК 176 «Менеджмент качества и обеспечение качества». В 2000 г. в третьем издании этого стандарта понятие «обеспечение качества» было изъято. Этот стандарт «ставит своей целью повышение удовлетворенности потребителей посредством эффективного применения системы, включая процессы постоянного улучшения системы и обеспечение соответствия требованиям потребителей и обязательным требованиям». Далее, в 2008 и в 2015 гг. выходят новые версии стандарта, но цели одни и те же: удовлетворение требованиям потребителей и соответственно повышение их удовлетворенности. В последней версии стандарта они определены так: «Во-первых, стандарт применяется для целей демонстрации способности организации выпускать продукцию или предоставлять услуги, соответствующие требованиям потребителей. Во-вторых, с целью повышения удовлетворенности потребителей» [12]. Удовлетворение потребностей заказчика/покупателя товаров или услуг рассматривается в нем как синоним качества [10].

Таким образом, данный стандарт, являясь стандартом операционного менеджмента, отдал потребителю функцию оценки качества. Как же может не профессиональный, например, в пищевой промышленности, потребитель, да еще одурманенный рекламой, оценивать качество пищевой продукции? На вкус? Конечно, можно с помощью различных пищевых добавок добиться качества продукта, которое потребитель оценит даже выше, чем качество соответствующего натурального продукта (например, сметаны, творога, мяса, чесночного сухарика и т. д.). Но означает ли

это действительное качество, если оно разрушительно для его здоровья? И разумный потребитель, если бы он знал об этом вреде, далеко не всегда предпочитал бы такой продукт натуральному. Если пользоваться критериями гедонизма, что и означает передача функции оценки качества продукта непросвещенному потребителю, вместо того, чтобы ему помогать с помощью просвещения и государственной системы контроля качества, то естественным следствием этого критерия будет в конечном итоге вымирание населения, что мы и видим и на Западе, а теперь и в России. По данным Росстата, за период 2017—2019 гг. в России естественная убыль населения не компенсировалась даже миграционным притоком. В 2019 г. численность родившихся в РФ была на 12% ниже, чем в 2017 г., в то время как смертность снизилась только на 1,3%. Общая убыль населения за последние три года в стране составила 55,8 тыс. человек, или 0,04%, и это при том, что в 2019 г. произошло двукратное увеличение миграционного притока [14]. При этом растет число новорожденных с какими-либо патологиями. Число детей, родившихся больными или заболевших в России выросло с 1980 до 2015 г. в 4,2 раза [21]. Сейчас все ждут вакцину от коронавируса, а вот доктор М. Сватковский поставил вопрос: «почему это скрывается от нас, медиков?» [27]. Он выяснил, что к восьми годам здоровыми остаются только 4% детей. Обследования выявили повышенное содержание тяжелых металлов в их мозге, а причиной этого оказалось вакцинирование. Только вакцины содержат эти тяжелые металлы. Но об их составе информации врачам не предоставляется.

Человека можно обмануть, а вот природу не обманешь. Человек — часть живого мира, но такая его часть, которая вопреки закону этого мира — закону сохранения жизни — истребляет этот мир и свой вид в том числе, что нам сейчас наглядно демонстрирует пандемия. Взаимоотношения человека с биосферой, когда в интересах бизнеса (прибыли) наносится невосполнимый урон всей живой природе, вызывает ее протест, и, если коронавирус COVID-19 не создан искусственно в лаборатории, то он рано или

поздно должен был бы появиться в защищающей себя от агрессии биосфере, как это предсказал А.И. Субетто в своей «Исповеди последнего человека» [31].

Но главная ложь — прикрытие истинных правителей, «глубинного правления» действующими, говорящими в эфире президентами, правительствами, международными органами, созданными для регулирования международных отношений. Теперь закономерен вопрос: можно ли верить ВОЗ, ее рекомендациям? МВФ? ООН? Юнеско? И т. д.

Столь противоестественное, если не антигуманное, развитие и не только материальной, но и духовной сферы общества, вполне нормально с точки зрения современной экономики и экономистов. И эта неестественность не замечается. Для современного экономиста главный критерий экономического развития — рост ВВП. И если нет роста ВВП, то надо как можно быстрее пройти этот период спада. И как показывает история, для Западной цивилизации даже ценой войн.

Можно сделать едва заметную для покупателя «лазейку» практически в любом изделии, сокращающую его срок службы до минимально необходимого срока гарантии. И тогда рабочие места у производителя такого изделия будут постоянны, и производство не остановится от насыщения рынка таким товаром. На обуви, например, срок службы не пишут, но покупая кеды на толстой, казалось бы, подошве, через месяц обнаруживаешь, что они промокают. Оказывается, действительная подошва выполнена с применением современных нанотехнологий, т. е. нанесена тонким слоем на толстую стельку. Вещи, в том числе техника, умышленно делаются недолговечными и неремонтируемыми. Примеры на каждом шагу, но главное — это проходит мимо внимания ученых-экономистов, этого не услышишь в резолюциях экономических форумов и программах развития.

Такой перевод ресурсов планеты в отходы не мог не отразиться на жизнеспособности биосферы, привел к первой фазе *гло-*

бальной экологической катастрофы (А.И. Субетто). А вот для современной экономики это нормально! И поскольку каждый человек в какой-то момент — покупатель, то эта экономика с помощью СМИ, рекламы должна превратить его в не только не возмущенного бесхозяйственностью системы, а в довольного, мало того, желающего именно такую экономику и именно такие товары одного дня. И это удастся!

Где выход?

Итак, навязанная миру цивилизационная система так называемых развитых стран с ее ценностями вступила в разрушительную для человека и природы стадию. Мы живем в мире, в котором деньги — фетиш. Кто владеет деньгами (точнее, печатным станком), тот владеет миром. Все продается и покупается. Это критерий должного и нравственного, деньгами в конечном итоге измеряется «качество жизни» и (через критерий «успешности») «качество» человеческой личности («человеческого капитала»), ее творческий, интеллектуальный, духовный уровень. Они же, в конечном итоге, и критерий «истины». Мало того, сами деньги, доллары, в обществе лжи стали симулякром, все быстрее удаляющимся от своего исходного назначения идвигающимся к «финансовым пузырям».

Но есть ли у человечества выход? Возможно ли выживание? Есть ли выход у России, попавшей под власть владельцев мирового печатного станка? На что надеяться? На религию? В русской традиции это христианство. Для русского человека христианство — путь к нравственному совершенствованию, оно в основе и русской культуры последнего тысячелетия, и литературы, и философии. Христианство проводится в России православной церковью, но проводится, не отказываясь от Ветхого Завета, помогая тем самым другим религиозным учениям и «богоизбранным» народам и банкирам овладевать и управлять миром, подавляя, эксплуатируя другие народы, живущие своим трудом, а не ростовщи-

чеством. Так что следование учению Христа не означает следования проповедям православной церкви, на что указывал еще Л. Толстой. Поэтому прежде, чем следовать заветам Христа, надо их отделить от тех канонов Ветхого Завета, которые, если и оставляют надежду, то на рабовладельческий строй. Эта проблема исследуется А. Бусел в серии трудов (см., напр.: [2]).

Надежда на науку? Может ли она ответить на поставленные вопросы? И тут новые вопросы: какая наука? Какова господствующая научная парадигма? Ведь это ученые создали и теорию ненасильственного развития, и технологии постепенного внедрения в сознание (хабитуализация, типизация, институализация, легитимизация [1]) ложных ценностей и программ, например, нейrolinguistic programming, микрочипы и т. д.

Ученые оперируют статистикой и делают выводы. Современная наука полагает, что статистика дает объективную информацию, и на ней можно строить науку об обществе — социологию. В РФ об «объективности» современной официальной статистики пишет, например, бывший директор НИИ статистики Госкомстата России В. Симчера: «Надоело врать!» [28]. На статистику Минздрава (показывающую рост количества медицинских учреждений, оказывающих амбулаторную помощь, с 2017 по 2018 г. примерно на 10%) ссылается экономист, доказывающий эффективность реформирования системы здравоохранения в России, тогда как 93% его радиослушателей считают, что она ведет к полному развалу российской медицины [9].

Статистику высокой заболеваемости коронавирусом в США объясняет американский врач Скотт Дженсен, который является сенатором от штата Миннесота: «8 апреля в эфире Fox News он рассказал о том, что в свидетельствах о смерти причиной смерти врачи указывают COVID-19, что, по его мнению, является “полным бредом”. Дело в том, что американская страховая система Medicare выплачивает \$13 тыс. за пациента с коронавирусом и \$39 тыс., если этого пациента подключают к аппарату ис-

кусственной вентиляции легких» [24]. Врачи в условиях рыночного общества превратились во врачей-рыночников. Их рекомендации в лечении той или иной болезни теперь зависят от бонусов от фирм — производителей медикаментов. И вот публикуется вывод авторитетных врачей на первых полосах информационных лент: врачи выявили естественный характер происхождения вируса. Современная наука приспособилась к рыночному обществу (капитализму) и нашла свои ориентиры: «Если курс Коперника падает, то прав Птолемей» [22].

Но как же так вышло, что наука, давшая человечеству свет в прямом и переносном смысле, так изменилась?

Чтобы разобраться с метаморфозой науки, надо проследить изменения в целостной системе-обществе, где она зарождалась и развивалась. Начнем с эпохи Модерна Западной Европы. Эпоха активного развития науки («вторая научная революция») — это эпоха, когда легально сменились ценности: от ценности коллективизма (приоритета общих интересов перед частными), которую несло христианство (хотя несло негодными средствами, что и способствовало этой смене), к ценности индивидуализма (приоритета частных интересов перед общими интересами общества). В духовной культуре общества постепенно сменились приоритеты: стала преобладать не мораль, философия или религия, а наука, в основном позитивистская, эмпирическая. Новое веяние эпохи — «гуманизм» как ценность индивида, его жизни, свободы, интересов, активности — ценность, стимулированная развитием капитализма, и сама стимулировавшая его развитие, преобразившая культуру, религию. Естественная, природная цель любого объединения — сохранение живого сообщества, а для человека — сохранение социума как целого, была оттеснена другой целью — сохранение и благо индивида. А о благе каждого каждый печется сам, для этого ему предоставлена законом свобода деятельности. «Если хорошо каждому, то хорошо всем» — формула, казалось бы, бесспорная, как бесспорно, что целое равно сложению частей.

Однако эта формула антисистемна в современном понимании системы как органической, а не механической целостности (как понималась система в эпоху Модерна, эпоху классической науки и механистической картины мира); в системном подходе органическая система не образуется сложением частей, а ее свойства не определяются свойствами этих частей. И мы видим, что народы Европы вымирают: «на повестку дня сегодня встает вопрос о выживании США как государства и о выживании западной цивилизации в целом... Для всех европейских стран (кроме мусульманской Албании) характерно падение уровня рождаемости ниже уровня воспроизводства» [3, 24—43]. Их заменяют другие народы и расы, с другой культурой.

Понимать и строить человеческие системы можно, только используя системный подход. В чем их различие? Различие системного и антисистемного, редуccionного подходов определяется принимаемым за аксиому отношением человека и общества или части и целого. Понимание этого отношения возникло еще в Античности, и оно имеет два аспекта. В одном случае приоритетен индивид (или любая часть системы), его интересы и блага, это редуccionный подход, порождающий индивидуалистическое общество. В нем общее благо вытекает из индивидуальных («если хорошо каждому, то хорошо всем»), отсюда индивидуализм — основа его построения. В другом — важно целое, или общество, общие интересы и блага, это системный подход. В редуccionном подходе отсутствует иерархия целей: напротив, цели подсистем противоречат друг другу, поэтому не формируется система. Применение редуccionного подхода к формированию общества порождает несистемное, неустойчивое общество и не позволяет ему перейти в устойчивое системное состояние. Сейчас мы подошли к такому кризису, оцениваемому многими учеными (А. Фурсов [34], М. Делягин [6] и др.) как конец капитализма.

Противоположностью редуccionному подходу является системный подход. Суть системной методологии — приоритет

целого в паре «часть — целое»: «целое определяет характер и специфику элементов и частей, входящих в состав данного целого... В отличие от традиционного подхода, в котором мысль движется от элемента к системе, от простого к сложному, от части к целому, в системном подходе, наоборот, мысль движется от целого к составным частям, от системы к элементам...» [23, 14]. В системном подходе не «хорошие» люди образуют «хорошее» общество, а «хорошее» общество формирует «хороших» людей, а вот «плохое» общество формирует «плохих» людей, которым надо овладевать «социальными ролями», чтобы выжить в таком обществе. И Шекспир это давно видел: «весь мир — театр, а люди в нем — актеры». В системном подходе общество — целостность, обладающая свойством воспроизводства, система с иерархией целей, в которой цели подсистем подчинены цели системы, человек изменяется (формируется), включаясь в социум-государство под его влиянием, и благо индивида, деятельность которого не противоречит общей цели (а иная деятельность пресекается), «достраивается» индивидуально на основе общего блага. И да, «плохому» человеку, пусть даже творческому, здесь плохо, здесь он «не свободен», и ему приходится «работать над собой», чтобы быть счастливым в этом обществе.

Системный подход, как и диалектика, берет свое начало в Античности, где он выступал как холизм и провозглашал приоритет целого. Позднее мы видим его, например, у Руссо, который отказался от господствовавшего редукционизма — принципа общего блага как сложения частных благ. Он вводит понятия общей и частной воли. «Одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» [26, 13]. Общая воля и частная воля имеют разные цели: «воля отдельного человека по своей природе стремится к преимуществам, а общая воля — к равенству» [26, 13]. Общая воля не есть сумма волей отдельных индивидов: «часто существует немалое различие между волею всех и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая — интересы

частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц» [26, 15]. Что же образует общую волю? — «Волю делает общию не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих» [26, 17]. Этот общий интерес возникает от осознания каждым себя частью целостности: «каждый член превращается в нераздельную часть целого» [26, 8]; если у человека такого осознания нет, нет согласия с общей волей, «если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным» [26, 10]. Таким образом, Руссо, сохраняя принцип свободы индивида, приходит к необходимости коллективизма как в сознании индивида (как осознания себя частью целостности и если такого осознания нет, то нет и свободы индивида, или «его силою принудят быть свободным»), так и в управлении обществом «сувереном, который есть не что иное, как коллективное существо» [26, 13].

Здесь надо уточнить понятия индивидуалистического и коллективистского общества. Ценности индивидуализма и коллективизма — основные ценности не только идеологии, но и культуры общества. Ценности идеологии и культуры могут совпадать или не совпадать, образуя два типа коллективистского общества: в широком смысле — это общество с базовой ценностью коллективизма в культуре и идеологии и дополнительной ценностью индивидуализма (например, современный Китай); в узком смысле (высший уровень) — общество с единственной ценностью коллективизма и в идеологии, и в культуре (например, СССР). Аналогично можно выделить два типа индивидуалистического общества: в широком смысле — общество с базовой ценностью индивидуализма (в идеологии) и дополнительной — коллективизма (в культуре), например, современная Россия; в узком смысле — общество с единственной ценностью индивидуализма, например, страны Западной цивилизации.

Россия складывалась как коллективистское общество в широком смысле, как и другие восточные страны, но поднялась

к коллективистскому обществу в узком смысле в период СССР и упала в индивидуалистическое (в широком смысле) в конце прошлого века. Устойчивость достигнутого в советский период состояния (продемонстрированная во Второй мировой войне) стала нарушаться из-за отхода от приоритетов русской культуры, от принципов коллективистской идеологии во второй половине XX в.

В формуле: «если хорошо каждому, то хорошо всем», мы видим и другое методологическое направление, основоположником которого является О. Конт — позитивизм, противостоящий диалектике, принципу историчности, развития. Эта формула, принимаемая за истинную в позитивизме, диалектически ложна: в ней утрачено время, утрачена цель — сохранение жизни, что достигается не в жизни смертного индивида, а в жизни рода, народа, в ней утрачена нравственность, так как неопределенно «хорошо каждому» — ведь хорошо и наркоману, и удачливому (не попавшемуся) вору и т. д. В этой формуле, как и в целом в позитивизме, проблемы решаются «здесь и сейчас». Позитивизм возводит принцип «решения проблем» в критерий истины в науке. Новая позитивная наука заменила вопрос «почему?», который позволял перейти от явления к сущности в диалектике, вопросом «как?», позволяющим быстро, как того требовала рыночная конкуренция, решать возникающие проблемы, не исследуя их причины, не вникая в сущность. И действительно, проблемы местно и временно решались, а глобально, со временем росли и усугублялись, Как следствие отбрасывания вековых интеллектуальных и духовных традиций, возникла «эрозия ценностных иерархий, размывание границ добра и зла, прекрасного и безобразного, истинного и ложного, божественного и дьявольского — все это стало потенциалом нравственного “апокалипсиса” нашего времени»... «Исчезают различия между свободой и несвободой, справедливостью и несправедливостью, моральным и аморальным, между благородством и подлостью, геройством и трусостью, честностью и воров-

ством, верностью и предательством» [29, 10—43]. Причина фи-нала — в окончательной победе ценности индивидуализма не только как социальной, но и как культурной ценности, в «сво-бодe» от собственной западной культуры, культуры движения развивающегося человека к идеалу, преодолевающему эгоизм ин-дивида. Вот теперь мы и наблюдаем, возможно, как эти глобаль-ные проблемы становятся проблемами жизни и каждого человека, и человечества в целом.

Но здесь могут возразить: уровень жизни в Западной Европе во второй половине XX в. стал выше, чем в СССР, что и привело к стремлению СССР «догнать» капиталистический Запад и, в итоге, к смене формации. Получается, вопреки предвидению Маркса, что экономика в капитализме смогла обеспечить более высокий уровень жизни народа. Да, капитализм в конкуренции с социализмом сумел выработать экономические (кейнсианство) и политические (второе поколение прав человека) механизмы, позволившие ему пережить кризисы и, конкурируя с социалистиче-скими странами, повысить уровень жизни народа. Но, однако, с середины прошлого века, капитализм, насытивший витальные по-требности человека, перевернул исходное назначение экономики: удовлетворять эти потребности. Кончились потребности человека как стимул экономики, начались потребности роста экономики (прибыли), взявшие на себя управление потребностями человека. Человек стал заложником экономического развития, его рабом. Не экономика для человека, а человек для экономики, для чего всеми общественными институтами стал формироваться эконо-мический человек-потребитель. В итоге человек превратился в че-ловека «одномерного» (Г. Маркузе), в человека-функцию, являю-щегося и чувствующего себя товаром на «рынке личностей», ко-торый должен удовлетворять одному условию — безотказному функционированию в соответствии с логикой «мегамашины», ча-стью которой он является (какая свобода?), быть таким, какой ей нужен и соответственно пользоваться спросом на этом рынке; че-ловека, у которого нет ни близких, ни самых близких людей [33,

20—23]; человека, которому не надо думать ни о чем, что не ведет к успеху, рефлексировать («рефлектируют только неудачники»); его жизнь — это работа и удовольствия, развлечения. А для социума — в бессубъектный «человеческий капитал». «Совпали и переплелись две формы тотального кризиса. Технический человек в своей завершающей мегафазе обрел способность тотального разрушения природной среды. Экономический человек в своей “постпроизводительной” фазе способен тотально подорвать морально-социальные опоры цивилизованного существования» [32, 20].

Основной закон природы

Итак, главная причина этой скрытой войны «партнеров» — законы уходящего в прошлое капитализма, или индивидуалистического несистемного общества, его ложные цели, потребительский способ жизни, давший свободу неразвитому индивиду, а не стимулы его духовного развития. Они же порождают и так называемую угрозу перенаселения Земли: во-первых, рост населения Земли осмыслен с позиции индивидуалистического общества потребления, которое не образец потребления, напротив, принципы его построения заставляют его утилизировать продовольственные избытки, а не кормить голодных; во-вторых, кому грозит этот рост? Вымирающему народу Европы, выживающему за счет этих «избыточных народов»? Собирающим таланты со всего мира США? России? Но сколько здесь, в России, неосвоенных территорий, сколько освоенных когда-то, но заброшенных территорий, на которых еще недавно жили наши предки? Последние десятилетия растет запустение, а не перенаселение русской земли.

Капитализм как индивидуалистическое общество живет по закону эволюции живого, животного мира, где в конкуренции выживает сильнейший, но против основного закона природы. В начале XX в. И.П. Павлов высказал мысль о наличии рефлекса цели у живых систем. Главную цель жизни он сформулировал так:

«жизнь есть сохранение жизни» [19, 127]. Это и есть основной закон природы. Никакой животный вид не самоуничтожается, его воспроизводство обеспечено инстинктом сохранения жизни вида, включающего инстинкт самосохранения, инстинкт размножения и сохранения потомства и инстинкт коллективности, сохранения популяции. Еще Ч. Дарвин указывал на то, что вид, лишенный инстинкта коллективности, обречен на вымирание. Этот инстинкт коллективности соединял в стада и ранних гоминид. Но на социальном этапе эволюции вида *Homo sapiens* инстинкт коллективности стал отмирать, уходя в задаток, сменяясь традициями, а затем возникшей из них культурой, которая при всем своеобразии у разных народов, везде была направлена на выживание путем сохранения общности и для этой цели несла идею соединения, коллективности. Культура стала выступать духовным средством сохранения народа, а этот животный инстинкт сохранения жизни у человека в процессе эволюции ушел в задаток (исключая первый период жизни родившегося человека, когда его жизнь поддерживается инстинктом самосохранения). Из задатка в процессе включения в социум, в культуру формируется способность к действию («биокомплекс сохранения жизни» [25]), но уже к другому, человеческому, действию, а затем и само действие. Инстинкт сохранения жизни человека — это задаток способности человека к действиям, направленным на сохранение индивида, рода, коллектива разного уровня вплоть до этноса, нации, вида *Homo sapiens*, который в социальной среде преобразуется в биокомплекс сохранения жизни. Он тоже включает в себя биокомплекс самосохранения, сохранения рода и сохранения коллективов разного уровня. Но инстинкт коллективности превращается в биокомплекс коллективности, т. е. в способность действия только в коллективистской среде, а в индивидуалистическом обществе, как правило, так и остается задатком, не перешедшим в сформированную обществом способность к действиям. Инстинкт сохранения рода тоже переходит из задатка в биокомплекс сохранения рода в процессе полового созревания и в среде, ориентированной на сохранение рода,

народа. Сейчас на наших глазах происходит отрицание способности сохранять свой род в обществе, где ценность индивида, его блага, понимаемого как его удовольствие, гедонизм, выше блага (т. е. сохранения) его рода: однополюсные семьи и связи стали образцом для подражания в этом мире «свободного» индивида.

Итак, система тотальной гегемонии капитала не только не решает глобальные проблемы, но и не имеет ресурсов для ее решения, наука в этой системе тоже превратилась в службу рынка. У человечества нет другого выхода из тупика саморазрушения, кроме того, который дает нам системно-диалектически построенная гуманитарная наука, системная, т. е. коллективистская парадигма жизнеустройства, высший уровень которой — соединение ценности коллективизма в идеологии и культуре как способе жизни народа. Россия, которая не утратила пока еще свои культурные корни, имеет шанс встать на этот путь развития, если она преодолит всеобщий взгляд на антихристову «Европу как общемировой соблазн» [17, 139]; выйдет из сырьевой и финансовой зависимости от мирового финансового капитала и «глубинного правления» [17]; будет строиться, опираясь на отечественную гуманитарную науку.

Литература

1. Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
2. Бусел А. Ленинизм и коммунистические формы религии: [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/articles/leninizm-i-kommunisticheskie-formy-religii-a-busel-u-naroda-rossii-u-sovetskogo-naroda-velikaya-istoriya-i-velikoe-buduschee-gl-red-komarov-a-i-tom-378-420-vyp-9-m-2020/> (дата обращения: 30.04.2020).
3. Бьюкенен П.Д. Смерть Запада. М.: Изд. АСТ-Москва, 2007.
4. Генетически модифицированные продукты — «за» и «против. Чем полезны и чем вредны генномодифицированные

продукты: [Электронный ресурс]. URL: <https://restconsalt.ru/geneticheski-modificirovannye-produkty-za-i-protiv-chem-polezny.html> (дата обращения: 15.04.2020).

5. *Дегтярев Н.Д.* Генная инженерия: спасение или гибель человечества? СПб.: ИК «Невский проспект», 2002: [Электронный ресурс]. URL: https://www.studmed.ru/view/degyarev-n-gennaia-inzheneriya-spasenie-ili-gibel-chelovechestva_0936440682c.html (дата обращения: 24.04.2020).

6. *Делягин М.* Начались коренные изменения в мировой элите: [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yIS_vCIERok (дата обращения: 02.05.2020).

7. Доказано: ГМО продукты наносят непоправимый вред человеку! [Электронный ресурс]. URL: <https://ecology.md/page/dokazano-gmo-produkty-nanosjat-nepopravimyj-vred-cheloveku> (дата обращения: 02.05.2020).

8. *Ефремов М.* Осторожно! Вредные продукты. СПб., 2003: [Электронный ресурс]. URL: https://bookz.ru/authors/efremov/ostorojn_359/1-ostorojn_359.html (дата обращения: 02.05.2020).

9. К чему привела реформа здравоохранения: к развалу или оптимизации российской медицины: [Электронный ресурс]. URL: https://radiokp.ru/obschestvo/k-chemu-privela-reforma-zdravookhraneniya-k-razvalu-ili-optimizacii-rossiyskoj-mediciny_nid2017_au414au29 (дата обращения: 24.04.2020).

10. Как соответствовать требованиям к системе менеджмента качества по ISO 9001:2015: [Электронный ресурс]. URL: <https://m.habr.com/ru/company/cloud4y/blog/337666/> (дата обращения: 20.04.2020).

11. Коронавирус. Разоблачение: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MBdl73xz3-0> (дата обращения: 18.04.2020).

12. Менеджмент качества ISO 9001:2015: [Электронный ресурс]. URL: https://www.kpms.ru/Standart/ISO9001_2015_DIS.htm (дата обращения: 24.04.2020).

13. Монтанари: Борьба с коронавирусом — это афера: [Электронный ресурс]. URL: <http://bpros.ru/italyanskiy-professor-montanari-borba-s-koronavirusom-eto-afera/> (дата обращения: 15.04.2020).

14. Названы Российские регионы с приростом населения: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/41455831/?frommail=1> (дата обращения: 24.04.2020).

15. Народосбережение в эпоху цифровых трансформаций. Резолюция Круглого стола ООО РУСО 14.01 2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://csruso.ru/kino/kruglye-stoly/kruglyj-stol-na-temu-narodosberezhenie-v-jepohu-cifrovyh-transformacij> (дата обращения: 20.04.2020).

16. Обращение к народу // Пятая газета. 07.04.2020. № 14: [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/gazeta5/topic/151374425016512> (дата обращения: 15.04.2020).

17. *Осинов Ю.М.* Метафизика. Код доступа. М.: ТЕИС, 2019.

18. Откуда появился коронавирус: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oL-PRDdJSNs> (дата обращения: 15.04.2020).

19. *Павлов И.П.* Рефлекс свободы. СПб.; М.; Харьков; Минск: ПИТЕР, 2001.

20. Пасков Пламен: [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/By0ZkAlnXPA> (дата обращения: 17.04.2020).

21. Показатели здоровья детей и подростков в России: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vshouz.ru/journal/2016-god/pokazateli-zdorovya-detey-i-podrostkov-v-rossii/> (дата обращения: 24.04.2020).

22. *Поспелов И.Г.* Если курс Коперника падает, то прав Птолемей // Экология и жизнь. 2003. № 3. С. 18—23.

23. *Прангшивили И.В.* Системный подход и общесистемные закономерности. М.: СИНТЕГ, 2000.

24. *Прохватиллов В.* Правда о коронавирусе выходит на свет: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/>

news/2020/04/15/fiasco-dokazatelstv-pravda-o-koronaviruse-vyhodit-na-svet-50643.html (дата обращения: 15.04.2020).

25. *Румянцева Н.Л.* Социальная эволюция человека. Системно-диалектический подход. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019.

26. *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // По изд. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998: [Электронный ресурс]. URL: [//www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt](http://www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt) (дата обращения: 15.7.2012).

27. *Сватковский М.* О вакцинации. «Почему это скрывается от нас, медиков?»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=08-q6YLSRiM> (дата обращения: 20.04.2020).

28. *Симчера В.* «Надоело врать!»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/marjory/post243645947> (дата обращения: 24.04.2020).

29. *Скворцов Л.В.* Феномен постмодернизма как парадокс истины бытия / Постмодернизм. Парадоксы бытия // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М.: РАН ИНИОН, 2006. С. 10—43.

30. *Стариков Н.* Кто и зачем создал коронавирус COVID-19: [Электронный ресурс]. URL: <https://nstarikov.ru/kto-i-zachem-sozdal-koronavirus-covid-19-114151> (дата обращения: 10.04.2020).

31. *Субетто А.И.* Исповедь последнего человека. (предупреждение из Будущего): научно-философское эссе. СПб.: Астерион, 2014: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/1548-sbt.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

32. *Философия истории / Под ред. А.С. Панарина:* [Электронный ресурс]. URL: www.koob.ru (дата обращения: 01.09.2012).

33. *Фромм Э.* «Рыночный характер» и «кибернетическая религия» // Экология и жизнь. 2004. № 2. С. 20—23.

34. *Фурсов А.И.* Водораздел. Будущее, которое уже наступило. М.: Книжный мир, 2018.

35. *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/document/d/1yIeMOTQ9A-DO4deX3W3-JtLg6iw3Qn8_Tj2y5xmB2ic/edit (дата обращения: 15.04.2020).

36. *Эндаль Ф.У.* Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций: [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.net/b/98660/read> (дата обращения: 15.04.2020).

С.Ю. РУМЯНЦЕВА

Конец витка и отрицательный подбор*

Аннотация. На основе преимущественно философско-хозяйственного, политэкономического и мир-системного подходов анализируются циклы экономического и цивилизационного устройства. Переживаемая мировой экономикой депрессия многоциклична, сопряжена с цивилизационным переходом и в настоящее время ведет к формированию основ глобального протостроя, подобного древним деспотиям. Пандемия COVID-19 была использована глобальной олигархической властью как катализатор этого процесса.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономические циклы, закономерности общественного развития, геополитика, геоэкономика.

Abstract. On the basis of mainly philosophy-economical, political economy and world-system approaches economic and civilization cycles are analyzed. The world economic depression is multicyclic, connected

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 59—87.

with civilizational transition and in present time leads to foundation building of global protoformation like ancient despotism. COVID-19 pandemic was used by global oligarch power as a catalyst of this process.

Keywords: philosophy of the economy, economic cycles, regularities of social development, geopolitics, geoeconomics.

Анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии.

К. Маркс.

К критике политической экономии

Введение

Во всем мире налицо экономическая и политическая депрессия. Намечаются ростки нового витка подъема. Этот виток будущего роста обусловлен восходящими фазами ведущих экономических циклов экономического и геополитического плана — волн Н. Кондратьева [15], циклов Дж. Модельски [43], системных циклов накопления капитала Дж. Арриги [3]. Что стоит за будущим ростом? Какие инновации базисные? Какие новые институты нужны? Какова расстановка сил на мировой арене? И как раз в момент переплетения, казалось бы, неразрешимых противоречий современной эпохи, от которых уже задохнулись мировая экономика и геополитика — локально-глобальных военных конфликтов, борьбы США за ускользающее лидерство, возникновения новых центров силы, миграционных процессов, размывающих идентичность европейского мира, экологических проблем — вдруг вспыхнула еще и пандемия COVID-19, спровоцировавшая панику по всему миру. И мир как-то затих, и перестали стрелять, и остановились миграционные потоки, и встали производство и транспорт, и стало легче дышать, а многим стало нечего есть. Депрессия, и без того глубокая, длинноволновая и, к тому же, геополитическая, и системная, усугубилась. Все это для того, чтобы обновить мир вновь, как и в старые времена, и выплеснуть в него пучок животворящих базисных инноваций? Или что-то другое происходит в мире, в мир-системе, и можно ли назвать становящийся мир по-прежнему мир-системой?

Методология

1. Можно было бы сказать, что в этом исследовании применяется мир-системный подход [7; 9]. Но поскольку речь идет о конце мир-системы, о ее отрицании, здесь применяется подход диалектического материализма, основанный на логике второго отрицания и признании объективности процесса происходящих изменений [42]. Хотя термин «мир-система» для характеристики прошлого и пока еще текущего состояния мировой экономики по необходимости используется.

2. В силу наблюдаемых в настоящее время процессов окончательного оформления новой классовой структуры глобальной экономики с необходимостью применяется классовый подход К. Маркса [17; 18], основанный на политической экономии.

3. Особенности формирующейся классовой структуры современной глобальной экономики, на наш взгляд, требуют применения к ним теории власти-собственности советского востоковеда Л.С. Васильева [10; 39]. В основе института власти-собственности древних обществ лежало преобладание отношений государственной формы собственности на основное средство производство — землю. Эти отношения определяли классовую структуру древних обществ, механизм распределения прибавочного продукта, распределение функций управления, которые отличались стратифицированным характером. Мы исходим из предположения, которое будет доказано далее, что в современном обществе, в котором основным средством производства являются знания, в ходе процессов общественной эволюции сложилась система глобальной власти-собственности на знания, которая будет определять экономический строй планеты в будущем.

4. В то же время к закономерностям общественного развития уже много лет применяется синергетический подход [16; 25], основанный на том, что система в процессе обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой может повторно после «смерти» возрождаться и снова проходить стадии развития, роста, зрелости, упадка и повторять этот цикл снова на новом витке. Синергетическая концепция близка диалектическому подходу и лежит в основе многих объяснений процессов циклического развития.

Схематически можно представить логику синергетической эволюции следующим образом (рис. 1).

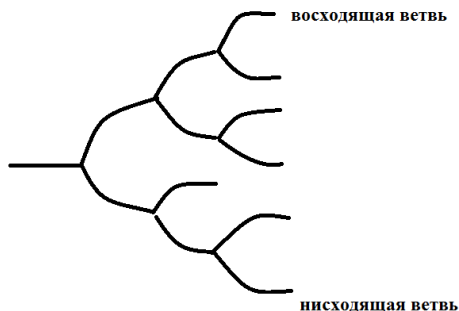

Рис. 1. Визуализированное представление вероятностного характера общественного развития с положительным и отрицательным подбором: интерпретация иллюстрации книги Ю.М. Осипова и И.Н. Шургалиной «Переходы и катастрофы» [23]

Поскольку бифуркация (раздвоение) системы является естественной фазой ее эволюционного развития, следует оценить если не вероятность, то, по крайней мере, двойственную возможность ее попадания на верхнюю (возрастающую) или нижнюю (нисходящую) ветвь развития, для чего применяется теория тектологии А.А. Богданова.

Тектология Богданова, предполагающая своеобразную эволюционную парадигму исследования социума, основана на понятиях *положительного и отрицательного подбора* в общественной эволюции [4]. Как отмечал Богданов, тектологическая схема подбора отличается от понятия естественного отбора, принятого в биологии, тем, что не предполагает размножения сущностей (к размножению способны только биологические сущности, а тектология охватывает универсальные законы движения материи) [4, 189].

5. Прогрессивный подбор понимается как положительный, когда растет сумма активностей комплекса, происходит перевес ассимиляции (установления новых связей в системе. — *С.Р.*) над дисассимиляцией (процессом распада связей. — *С.Р.*). Отрицательный подбор состоит в том, что снижается сумма активностей комплексов, преобладают процессы дисассимиляции [4, 202]. Применительно к обществу этот подход можно интерпретировать с информационной точки зрения — чем больше симметричных информационных связей возникает в системе, тем более сложной и устойчивой она становится. Чем меньше информационных связей и/или чем сильнее информационная асимметрия, тем более упрощается система. Упрощение системы естественным образом ведет к деградации составляющих ее элементов и системы в целом.

6. Современный момент в истории экономики — переломный, характеризуемый циклической кризисностью, системной неустойчивостью, исчерпанностью существующей модели мироустройства. В силу этого мир современной экономики требует своего метафизического осмысления, философско-хозяйственного подхода [8; 20] и определения границ хозяйства.

Прием, используемый в данной работе, несмотря на свою эклектичность, приводит к совершенно определенным, но парадоксальным, на первый взгляд, выводам. Кажущаяся избыточность предположений является лишь следствием того, что мысль была додумана до конца.

Постановка проблемы и возможные сценарии развития мир-системы

В отношении будущего экономического и цивилизационного развития в текущий момент, когда все неопределенно и наличествует синергетическая бифуркация, возможна только вероятностная логика. Тем не менее рассмотрение некоторых сценариев, разработанных ранее в науке и философии хозяйства, а также предложение к рассмотрению новых сценариев возможно.

Среди таких вопросов первый по своему логическому возникновению из оценки тенденций экономического развития — будет ли

спад VI длинной волны в будущем и состоится ли VII длинная волна? Именно длинные волны отвечают за процессы экономического развития, за падения, взлеты и возрождения живой экономики через кризисы и депрессии. В длинных волнах играл роль богдановский положительный подбор: активности комплекса элементов хозяйственного устройства усложнялись на повышательных фазах длинного цикла и деградировали на понижательных, что и становилось причиной общеэкономического упадка. Иными словами, негэнтропийные элементы в сложной открытой системе, если использовать синергетическую терминологию, вели через всплеск активности к усложнению и наращиванию структурной сложности экономической системы. В понижательных же фазах вступали в действие энтропия, распад системы и ее стремление к максимальной однородности. Во время длинноволновых депрессий вступали в действие инновации в шумпетерианском смысле: новые технологии, новые продукты, новые источники сырья и энергии, новые территории и т. д. [41]. Иначе говоря, система активно обменивалась с внешней средой и получала из нее энергию, вещество и информацию для продолжения развития.

Так поступательно, через кризисы и инновации, развивался прогресс человечества от наиболее простых к все более и более сложным и интеллектоемким видам деятельности. Вплоть до формирования основ современной кибернетической революции, нахлынувшую волну которой мы сейчас переживаем. Но для перехода на новую стадию роста (рис. 1, верхняя ветвь) нужен обязательно обмен энергией и информацией с внешней средой. Возможен (равновероятен) и нижний тренд — скатывание в катастрофический вариант. При этом вариант нижнего тренда вовсе не обязательно должен быть войной глобального масштаба или природно-техногенной катастрофой с быстрыми разрушительными последствиями. Вполне возможен мягкий вариант постепенной специализации интеллектуального труда, его дробление на «частичного» интеллектуального работника, прямо в соответствии с теорией о разделении труда и... потеря этим работником видения целого. Это нижняя ветвь, отрицательный богдановский подбор. Общество при преобладании в нем частичных интеллектуальных, и не только интеллектуальных, работников неизменно

пойдет со временем по нисходящей траектории. Упрощение рефлексии происходящего и сокращение доступной индивиду на нижних стратах информации будут означать деградацию системы при одновременном закреплении страт, сакрализации власти и знания.

Таким образом, можно предположить, что хозяйство мир-системы подходит к объективным границам своего существования, за пределами которых не будет уже ни мир-системы, ни, собственно, хозяйства.

Гипотеза. Конец витка

Предположение состоит в том, что в современную эпоху в глобальном мире формируется система власти-собственности на основном средстве производства — знания и информацию. Вторым предположением является то, что этой системе производственных отношений соответствует с классовой точки зрения пирамидальная структура общества, хотя бы и сетевого. Пирамидальная структура сетевого общества не будет противоречием в определении, если предположить, что мы имеем в виду глобальную экономику в целом.

Асимметрия информации (собственность на эксклюзивную информацию), информационная неполнота для большинства и «сакральное» знание для десятков и сотен — старая как мир и в то же время принципиально новая, высокотехнологичная форма проявления власти-собственности. Так формируется общественная структура, характерная для протогосударств древности, которую К. Маркс опростетливо назвал азиатским способом производства (АСП), хотя он наблюдался в истории Древнего мира у всех народов в качестве первой формы государственного образования. Это протоформа государственного устройства во всем мире — на протяжении всей истории. В развитой форме этим обществам свойственны бюрократия, стратификация, кастовость. Инки, по другую сторону океана — шумерское царство, государства-номы додинастического Египта [38], Кносское и Пилосское царства [13], предшествовавшие древнегреческим полисам как уже более поздним государственным образованиям, основанным на демократических принципах, древний Китай,

древние государственные образования на территории нынешней Англии и нынешней России, других, в том числе ныне мусульманских, государств и т. д. — везде находятся следы этой формы государственного устройства. На некоторых территориях — центрах цивилизационного развития древности — встречаются циклопические сооружения («зиккураты» не совсем ясного назначения пирамидальной формы) и являются геометрическим символом этого протостроя. Можно лишь строить гипотезы, что, возможно, воспоминания об этой протоформе были еще весьма живы в преданиях, мифах и соответственно сознании древнегреческих философов, впервые сформулировавших теории, наподобие теории исторического круговорота — Платона и Полибия.

Возник ли так называемый АСП из развития племенной организации общества или был стадией развития древних обществ, о которых не осталось письменных свидетельств, это был строй, который предшествовал последующей демократической и аристократической организации общества, впоследствии сменившейся буржуазной демократией (рис. 2).

Рис. 2. Форма организации АСП

Почему произошла эволюция? Была внешняя среда. Как показал Л.С. Васильев, в становлении древнегреческих демократических полисов (их перерождении из пирамидальной структуры АСП в структуру горизонтальных связей между экономическими аген-

тами — с экономической точки зрения, проторынок) сыграла огромную роль пиратская финикийская торговля, которая обусловила мутацию¹², способствующую перерождению нетехнологической цивилизации в технологическую [12].

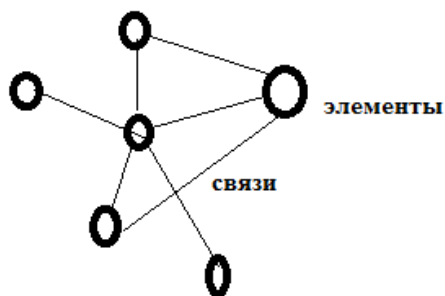

Рис. 3. Форма организации рынка¹³

Описанная мутация в Древнем мире, запустившая подспудный процесс формирования в античном¹⁴ и феодальном строе рыночных отношений, сформировавшихся в законченную структуру при капи-

¹² Неточная цитата: Город-государство Финикия сыграл роль катализатора в Афинах к созданию уникального античного способа производства, где основными производителями были все-таки не рабы [12, 29].

¹³ Считаю необходимым высказать свою признательность В.В. Лукашевичу, бывшему в начале 1990-х гг. доцентом кафедры экономической теории СПбГУ, за эти визуализированные представления рынка и иерархии, которые возникли в ходе наших бесед.

¹⁴ Допустима здесь некоторая ревизия теории смены общественных формаций К. Маркса, с учетом более поздних исторических исследований античного мира и обществ древнего Востока, которые не позволяют выделить в отдельную формацию рабовладельческий строй, который как раз имел весьма локальное значение в производстве совокупного общественного продукта древних античных обществ, и, напротив, допускают не локальность, а всеобщность протоформенной сущности АСП. Что же касается коммунизма — это утопия. А социализм оказался на поверку также формой реализации в конкретно-исторических условиях АСП на более высоком технологическом базисе, о чем есть к настоящему времени обширная литература.

тализме, является первым отрицанием системы власти-собственности (рис. 3). Второе отрицание является уже отрицанием рынка и происходит на наших глазах в ходе превращения глобального многополярного мира в единую сверхструктуру, на базисе информационно-коммуникационных технологий начинающую воспроизводить отношения власти-собственности. Формирующаяся сверхструктура — уже никакой не рынок, это отношения имиджей, компетенций, иерархии власти и подчинения и асимметричного распределения информации. Последняя в сверхструктуре представляет собой материальную основу производительных сил современности. Производственные отношения, нацеленные на рынок и капитализм, в этих условиях «буксуют», сталкиваются с когнитивным диссонансом в невозможности преодолеть новые, властные, компетентностно-информационно-асимметричные, а не «эффективностные» критерии успеха и должны подвергнуться диалектическому снятию.

Онтология современности. Бифуркационная развилка, положительный и отрицательный подбор в мир-системе

Происходит новый крутой поворот истории. Мир-система, на протяжении тысячелетий формировавшая локальные островки рынка и на протяжении последних столетий развивавшаяся по циклическим траекториям, наталкивается сегодня на пределы своего развития. Материальная цивилизация ограничена территорией и ресурсами планеты: первая конечна, вторые истощаются, качество окружающей природной среды (ОПС) деградирует. Естественные ограничения, уже не преодолимые новыми территориальными экспансиями, ставят пределы развитию.

Следует оценить факторы подъема по восходящей ветви положительного подбора, или по нисходящей ветви отрицательного подбора.

Факторы положительного подбора.

1. Инновационно-технологический. Есть три ключевых технологических блока, потенциально способных породить новый виток

развития, — экологические технологии, информационные технологии и космические технологии, в том числе проекты освоения дальнего космоса.

2. Институциональный. Одним из вероятных вариантов трансформации мировой экономики в соответствии с концепцией интегрального общества [5] является и симбиоз рынка и плана, который приходит на смену как плановым экономикам наподобие Китая — за счет инкорпорирования элементов рынка, так и сугубо рыночным — за счет включения элементов планирования.

3. Финансовый: а) предложение организационно-институциональной финансовой инновации в виде социализации финансов [35]; б) формирование глобальной киберинформационной финансовой системы с функциями автоматического учета и автоматического трейдинга — двойственный фактор, который может при определенных институциональных условиях сыграть как роль, стимулирующую рост, так и деструктивную роль.

Факторы отрицательного подбора.

1. Экологические, ресурсные и территориальные ограничения. Невозможность преодолеть эти ограничения в достаточной мере за счет фактора НТП. Возможности НТП в преодолении экологического кризиса ограничены в силу значительной удаленности в будущее ощутимого экологического эффекта от их внедрения и запаздывания этих технологий в силу ряда институциональных — политических и поведенческих — причин.

2. Исчерпанность технологического развития. Информационные технологии в рамках длинноволновой перспективы уже в третий раз претендуют на то, чтобы стать технологическим драйвером при том, что еще в прошлой, V длинной волне они показали падающую эффективность, тем более в создании совокупного общественного продукта. Они пусты. Ими не пропитаешь растущее население.

3. Недостаточность, технологическая незрелость. Космические технологии еще далеки от того, чтобы быть просто спутниками информационных. Все, что они пока могут предоставить, — это технологии отслеживания, навигации и связи. Массовые космические

полеты и освоение дальнего космоса в настоящее время — область фантастики.

4. Глобальная система власти мировой олигархии. Ответ на поставленный вопрос кроется в оценке экономической потребности олигархата в существовании избыточного населения. Пока не собрано достаточного количества управляющих параметров, этот класс может по старинке опираться на экономические рычаги стимулирования и принуждения, в том числе не препятствуя национальным правительствам и президентам в реализации социальных программ. Когда цифровой след каждого станет достаточным и персональные данные будут переведены полностью в цифровой формат, появится возможность оптимизации избыточного населения.

5. Формирование глобальной системы образования. Нет необходимости в насильственном переводе тайной власти в институты власти явной. По мере усиления контроля со стороны правящего класса над населением путем выхолащивания системы образования за счет его столь привлекательной для потребителя первоначальной интернационализации будет происходить постепенный процесс сакрализации иерархии управления, сакрализации знания и возникновения верхней страты кибер-жрецов. Глобализация образования и системы аттестации научных кадров по всему миру служит интересам господствующего класса мировой олигархии, прежде всего, в сфере общественных наук. Эта сила заинтересована в том, чтобы исследователи изучали и обучали студентов схемам, никакого отношения не имеющим и никогда не имевшим к реальной действительности, например, равновесные модели в экономике¹⁵. Так формируется идеологическая прослойка «экспертов», «по собственной воле» послушно принимающих и навязывающих обучаемым правила игры в интересах клана деспотии.

С учетом незрелости НТП, экологических ограничений развития, институциональной неготовности к интегральному обществу, но зато институциональной же сформированности уже к настоящему

¹⁵ К слову о применяемой методологии, А.А. Богданов, конечно же, рассматривал равновесие, но только как подвижное равновесие, в смысле процесса постоянных отклонений от него.

моменту отношений власти-собственности в рамках глобальной экономики вероятность положительного подбора на текущей бифуркационной развилке крайне мала. За исключением Северной Кореи и отдельных стран Ближнего Востока глобальная система власти-собственности сложилась. Поэтому вероятность восхождения по вертикальной траектории положительного подбора пропорциональна, вероятнее всего, доле ВВП на душу населения указанных стран, не присоединившихся еще к системе распределения власти-собственности, в суммарном ВВП на душу населения всего мира. Она ничтожна.

Реализация отрицательного подбора в хозяйстве и бытии

Приближение первое. Экономика. Оцифровка, длинные волны, план, рынок и пандемия страха. На пороге VI длинной волны в конце 2019—начале 2020 г. мировая экономика, как и ожидалось, ушла в глубокую длинноволновую депрессию [29]. Закономерности больших циклов Кондратьева вряд ли являются тайной для субъектов власти-собственности современной глобальной экономики — владельцев контрольных пакетов акций ведущих ТНК и ТНБ. Соответственно они действуют на опережение — едва только забрезжили маячки перехода от рецессии к депрессии — начало дефляционных тенденций, обрушение ресурсных цен — как сразу были приняты меры. Требовалось в срочном порядке внедрять, насаждать — не робко, как инноватор-предприниматель, а со всей возможной хваткой, доступной обладателю власти, — инновацию. И тут под руку подвернулся COVID-19. Не умаляя тяжести заболевания, отметим, что меры по изоляции и ограничению свобод жителей планеты пришлось как раз вовремя — чтобы мировые телекоммуникационные ТНК и цифровые ТНБ смогли навязать свои продукты. Они уже тринадцать, как минимум, лет страдали от сокращения эффективности. Как показал В.Г. Клинов, сравнение динамики двух восходящих волн периода 1949—1973 и 1996—2013 гг. по среднегодовому темпу прироста производительности труда дает основание предполагать начало вековой тенденции к замедлению динамики НТП [14].

В новой начинающейся VI волне (у которой неизвестно, когда будет пик и будет ли, и волна ли это будет) ведущие акторы глобализации — ТНК и ТНБ — воспроизводят факторную структуру длинных волн (рис. 4).

Принципиальной инновацией в сфере информационного фактора-тенденции стало формирование цифровых платформ. В рамках цифровых платформ [22] внутренним правилом становится планирование, а поведенческим мотивом участников — игра. Налицо явно нерыночные и символические механизмы и мотивы формирования экономического поведения индивидов. Эти мотивы поведения, связанные, как уже было отмечено, с игрой в имидж, с формированием компетенций, добавим еще — и с получением статусной ренты, — характеризуют как раз систему мотиваций стратифицированной деспотии (рис. 2). Это конец рынка однозначно.

Рис. 4. Факторная структура длинных волн в деятельности ТНК и ТНБ

С точки зрения процедуры процесса смысл функционирования цифровых платформ выражается в оцифровке всего и вся — мыслей потребителя информации, его эмоций, передаваемых им данных, обслуживания корпоративных клиентов — оцифровка документов, процедур общения, поисковых запросов, статистики входов на ресурсы, контроля рабочего времени, создания цифровых профилей личностей, распознавания голоса и лиц и пр.

Например, оцифровка трудовых книжек — только первый этап формирования ирреальности гражданских прав. За ним может последовать оцифровка всех актов гражданского состояния. С учетом уже полученных с граждан национальных государств под разными предлогами *согласий на обработку, хранение, обезличение, уничтожение персональных данных* получаем фантастическую ситуацию, при которой перевод данных об индивиде в исключительно цифровой формат будет при их случайном или сознательном уничтожении фактически означать уничтожение самого индивида... Кто ты? Нет тебя!

Также и попытки сохранить историю и культуру в новом пирамидальном обществе, скорее всего, будут обречены на поражение. Только это не сладкий фукуямовский конец истории. И не торжество демократии по Модельски. Тенденция, теперь уже в мировом масштабе, на в лучшем случае жвачку масскультуры и выхолащивание образования, в том числе и высшего, продолжится. Забытые или не востребовавшие, или уничтоженные памятники истинной культуры, утраченные исторические свидетельства перестают быть свидетельствами¹⁶.

Индустрия 4.0. Умные фабрики. Безлюдные производства. По сути, столько работников, сколько сейчас предлагает рынок труда с учетом изобретенных технологий искусственного интеллекта в производстве, не требуется для обеспечения жизни.

Экологические проблемы и экологическая кривая Кузнеця (ЭКК). Многочисленные исследования, в том числе и выполненное нами исследование [33], показывают, что в большинстве стран и

¹⁶ Поэтому, как бы ни хотелось поверить в гипотезу С.Ю. Глазьева об уничтоженных свидетельствах шеститысячелетней истории Руси, эта история уже научно непознаваема [11].

в глобальном масштабе ЭЖК не действует, это не глобальный, а региональный феномен. И то он проявляется далеко не во всех регионах, а только в тех, где-либо уже достигнуты европейские стандарты потребления, либо просто не развиты промышленность и транспорт. Поэтому все прекрасно понимают, и мировой олигархат в первую очередь, что, пока мы будем дожидаться роста ВВП на душу населения, соответствующих изменений в распределении благ, формировании предпочтений, проведения институциональных реформ в странах догоняющего эшелона, от экологических проблем пострадают все. И поскольку ОПС — это ресурс совместного применения, то независимо от распределения богатства, ухудшение качества жизни в лучшем случае, и экологическая катастрофа в худшем затронут всех, в том числе и обладателей глобальной власти-собственности. Избыточное население планеты с его возрастающими нуждами — сугубо мальтузианская проблема.

План и рынок. В экономических исследованиях на протяжении последнего десятилетия обострился интерес к проблемам конвергенции [37, 1], исследованиям использования плановых начал в экономике [34; 40]. Была поднята из относительного забвения интегральная концепция П.А. Сорокина. Вокруг нее стала формироваться теория интегрального общества, вбирающего в себя лучшие черты рынка и плана, опробованная в ряде стран, в том числе столь далеких по своему изначальному экономическому устройству, как Китай и США [5]. Ряд работ, опубликованных и неопубликованных, был подготовлен по проблеме индикативного планирования и его показателей [31; 32]. Сейчас, в силу приводимых в данной статье причин, эти прикидки относительно возможности построения интегрального общества уже не столь актуальны. Человечество пошло другим путем — к протоформе общественного устройства. План будет. Он уже есть. Но на этот раз — не ради обеспечения цели процветания широких масс населения. Это план в рамках технологий цифровых платформ. На технологическом уровне закрепляется общественная стратификация, которая в дальнейшем будет сакрализирована.

Приближение второе. Геополитика и геоэкономика. *Цикл Модельски. СЦНК (системные циклы накопления капитала) Дж. Арриги.* По оценкам, период 2020—2025 гг. — это жесточайшая развилка мирового военно-политического противостояния. Закончился цикл военно-политической гегемонии США, после которого должна была случиться либо мировая война, либо, по мнению самого Дж. Модельски, выборы демократическим путем нового мирового гегемона [44]. В это же примерно время заканчивается и более, чем столетний СЦНК Арриги, на смену которому должна была прийти эра начала СЦНК азиатской, прежде всего, китайской цивилизации. Весь период последнего тридцатилетия мир прожил в атмосфере все нарастающего геополитического напряжения, терроризма, информационных войн. Опасность глобального военного конфликта видна была еще в 2009 г., когда мы совместно со светлой памяти В.Н. Соколовым посчитали и оценили циклы [2, 43]. В 2012 г. возник прогноз «драматичных последствий» завершения цикла Модельски, под которыми понималась опасность мировой войны [27]. Эта опасность связывалась с аффективными проявлениями угнетенного населения развивающихся стран и стремлением мира «властей предержавных» наций закрепить и защитить свой комфорт [28]. В 2019 г. весной опасения относительно войны усилились [29], охватив уже значительное число среди ученых-циклистов (выделим работу Пантина [23]). Не случилось, пронесло.

Когда разразилась депрессия в показателях дефляции и падения нефтяных котировок, как раз очень вовремя подоспел коронавирус, за пришествием которого практически незамеченным общественностью всех стран оказалось историческое по своей символической значимости событие — переход всего Иерусалима под юрисдикцию Израиля и США. Под шумок коронавирусной паники в мировых и национальных новостях мелкой и быстрой бегущей строкой проскальзывали ошеломляющие по опять же своей исторической значимости вещи — падение цен нефтяного рынка до не бывших никогда в истории отрицательных значений аж в минус 40 дол. за баррель нефти марки WTY, падение котировок нефти других марок. В это время шла ожесточенная энергетическая и экономическая

война между Россией и Саудовской Аравией, закончившаяся принятием Россией условий сделки ОПЕК+. Наконец, на текущий момент взаимные обвинения США и Китая по вопросу о том, кто из них избрал коронавирус COVID-19, приобретают стандартную форму информационно-войны. В Сирии же перестали стрелять, а потоки миграции в Европу («эффект сверхмалых воздействий», по Р.М. Нижегородцеву [19]) прекратились. Выходит, сейчас коронавирус с его разрушительным влиянием на экономику и колоссальными расходами бюджетов на здравоохранение выполняет экономическую роль, которую на протяжении всей истории, начиная с Великих географических открытий, играли мировые войны. Независимо от искусственного или естественного происхождения этой напасти, она возникла вовремя и используется по назначению.

Экономическое назначение мировых войн и современной войны с коронавирусом заключается в том, чтобы расчистить площадки от слабых элементов экономики — старых отраслей, неэффективных фирм, нежелательных форм организации экономической жизни, обеспечить таким образом перераспределение собственности; простимулировать госрасходы в новые сектора экономики и обеспечить будущий рост. К примеру, как-то само собой складывается, что предвидение Л. Нефедова о том, что VI длинная волна будет основана на развитии отраслей, связанных с медицинскими технологиями, обретает реальное бытие [45; 36]. В борьбе с COVID-19 оживают и получают мощный толчок росту отрасли производства медицинского оборудования, фармацевтики, а вынужденная самоизоляция населения и карантинные мероприятия дают толчок развитию телемедицины; обеспечивают перераспределение экономической власти между ведущими акторами мир-системы.

Эти проблемы сейчас разрешаются за счет редкостной солидарности мировых правительств в решении глобальной проблемы, какой (солидарности) никогда ранее не замечалось.

Приближение третье. Эсхатология. Произойдет сакрализация власти. Затем — нижняя развилка: дифференциация цифровых функций, потеря памяти о наследии демократической цивилизации

и, возможно, как это уже не раз бывало в истории, уничтожение письменных свидетельств. Кому-то очень хочется стать олимпийскими богами. При этом возможный сбой в системе передачи информации при таком типе общественного устройства приведет к разрушению всей системы, когда через несколько поколений никто уже не будет помнить, с чего все началось. Возможны в этом случае новый виток человеческой истории и новый возврат к локализации, племенному строю, а также технологической и гуманитарной дикости.

Эра империй закончилась. Отметим здесь, кстати, что, характеризуя роль имперского начала в России, Ю.М. Осипов в 2011 г. определил ее историческую данность в образе СССР как «милитарной империи», тип которых «никак не рассчитан на тысячелетия» [22]. Такие империи возникали и до этого в истории человечества. Но сейчас возникает не милитарная уже, и не империя, а мир-пирамида, у которого нет внешней среды, следовательно, ни с какой внешней энергией, кроме собственно энергии природы, уже подчиненной, она обмениваться не будет. Это статис. Этот конец мир-системы как динамической сущности.

Постмодерн завершился отрицанием хозяйства как такового. Хозяйства больше не будет. Будут существовать, как определяет это Ю.М. Осипов, «неоколониальные квазипостмодерновые стихии, ему (постмодерну. — *С.Р.*) подотчетные» [22, 233]. Да уже и не будут они неоколониальными. Эпоха неоколониализма завершилась. Мир един и солидарен — это и есть информационно-технологическая апокалиптика и эсхатология.

В 2011 г. Ю.М. Осипов видел три равновероятных исхода Постмодерна.

1. «Выход из сетей постмодерна, как из сетей позднего Рима» — нет.
2. «Все — теперь изничтожающая война» — не свершилось уже.
3. «Традиция» — уже не получилось.

Осталась «пляска квазипостмодерна» — в полную пустоту, полную управляемость, потерю идентичности, возможное уничтожение писаной истории и оцифровку индивидов.

В постнищеанском мире, где Бог умер давно и бесповоротно, в отличие от теории Джамбаттиста Вико, проникнутой представлением о божественной природе вечного движения, миром правит какая-то суровая объективная закономерность. Возможно, это какой-то очень длинный квазицикл цивилизаций, в рамках которого весь период от зарождения протогосударств Крита, Микен, Китая и т. д., и до сегодняшнего момента перерождения Постмодерна в новую страто-пирамиду, через весь долгий период жизни мир-систем, возникших как результат мутации протогосударства древних. Сейчас мир-система подошла к своему логическому концу, витков больше не будет. Но не будет уже и мутаций, ибо мир стал един.

С точки зрения обыденности сегодня в процессе изменения глобального мироустройства надо осознавать четыре вещи.

1. Произошла революция сверху, власти предрежащие всего мира объединились в едином порыве протолкнуть новые технологии для запуска подъема путем насильственного насаждения удаленной работы в период карантинных мероприятий по COVID-19.

2. Отчетливо проявилась глобальная солидарность всех правительств в ограничении свобод граждан и разрушении основ функционирования малого и среднего бизнеса и связанного с ним среднего класса. Идет ярко выраженный процесс пролетаризации среднего класса. Это уже испытанный в истории прием. Он называется «огораживания», примененные еще Англии периода первоначального накопления капитала во время такой же революции сверху, только буржуазной [17, гл. 24]. Впереди еще грядут изменения законодательства. Достаточно вспомнить «Кровавое законодательство конца XV века против экспроприированных».

3. Нет независимых правительств, президенты «независимых» государств управляются ТНК и ТНБ, где, собственно, и сосредоточена власть-собственность.

4. До сих пор пока проявляется наивность некоторых политических демократических деятелей и сочувствующих им публицистов в попытках оспорить изменения политического строя, поправки

в Конституцию, деятельность президентов и проч. Это уже бой с ветряными мельницами.

Итог

Современное состояние мир-системы — это не только и не столько длинноволновая депрессия, и не только смена военных циклов Модельски, и даже не «просто» смена СЦНК Арриги. Это цивилизационный коллапс, означающий конец витка рыночной экономики, той, что зарождалась еще во времена финикийской торговли в Античном мире.

Ей на смену идет тотальная олигархическая деспотия, протогосударство на высшей, информационно-кибернетической, стадии своего развития, пирамида АСП. В силу своей глобальности она не имеет внешней среды, которая подтачивала бы ее естество взаимодействиями с нею.

Это будет уже не мир-система никакая. Это статичная структура, которая будет функционировать по законам стратифицированной вселенской власти-собственности.

Литература

1. *Акаев А.А.* От эпохи великой дивергенции к эпохе великой конвергенции: Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М.: URSS, 2019. 352 с.

2. *Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н.* Экономические циклы и экономический рост. СПб.: Изд-во Политехн. инст-та, 2011.

3. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.

4. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Т. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

5. *Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю. и др.* Новое интегральное общество: общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016. 256 с.

6. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. С. 28.

7. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с.

8. *Булгаков С.* Философия хозяйства. М.: Терра, 2008. 352 с.

9. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. А.И. Фурсова. Изд 2-е, испр. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2018. 304 с.

10. *Васильев Л.С.* Феномен власти собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М., 1982. С. 60—99.

11. *Глазьев С.Ю.* О долгосрочных тенденциях развития человечества // Арригиевские чтения по теме: «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода». Материалы международной научно-практической конференции. 16—18 мая 2019 г.: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. С. 9—118.

12. Государство на традиционном Востоке / Под ред. Л.С. Васильева. М., 1988.

13. История древнего мира.: В 2 т. / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы издательства, 1989. Кн. 1. Ранняя древность. 470 с.

14. *Клинов В.Г.* Причины и последствия модификации большого цикла мирового хозяйства // Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, В.М. Бондаренко. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017. С. 177—190.

15. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избр. труды / Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2002. С. 341—400.

16. *Лукашевич И.В.* Синергетический подход к анализу длинных волн // Вестн. С.-Петерб.ун-та. Сер. 5. Экономика. 1995. № 4. С. 3—11.

17. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии: В 3 т. М.: Политиздат, 1988.

18. *Маркс К.* К критике политической экономии: [Электронное издание]. https://www.marxists.org/russkij/marx/1859/criticism_pol_econ/index.htm (дата обращения: 06.05.2020).

19. *Нижегородцев Р.М.* Информационная экономика. Кн. 1. Информационная вселенная: информационные основы экономического роста. М.; Кострома, 2002. С. 149—156.

20. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства М.: Юрист, 2000. 368 с.

21. *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011.

22. *Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З.* Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 5 (155). С. 22—29.

23. *Пантин В.И.* Переход к VI циклу Кондратьева: технологические, экономические и политические сдвиги // Аригиевские чтения по теме: «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода». Материалы международной научно-практической конференции. 16—18 мая 2019 г.: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. С. 237—241.

24. Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Н. Шургалиной. М., 1994.

25. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс 1986. 432 с.

26. Типология развитого феодализма в странах Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. М., 1975.

27. *Румянцева С.Ю.* Особенности современной фазы мировой экономической конъюнктуры // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2012. № 3. С. 3—19.

28. *Румянцева С.Ю.* Шестая длинная волна: экономика аффекта и комфорта Размышления над книгой (Не)Реальный капитализм В.Т. Рязанова // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 257—269.

29. *Румянцева С.Ю.* Взаимосвязь между циклами Арриги, Модельски и Кондратьева как причина современной мировой турбулентности // Аригиевские чтения по теме: «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода». Материалы международной научно-практической

конференции. 16—18 мая 2019 г.: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. С. 277—286.

30. *Румянцева С.Ю.* Показатели для диагностики фазового состояния экономики России и планирования экономического подъема // Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI веке / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, В.М. Бондаренко. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. С. 7—50.

31. *Румянцева С.Ю.* Особенности экономического миропорядка XXI века с циклической точки зрения и потенциал управления им на глобальном и национальном уровнях // Новая экономика: институты, инструменты, тренды. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 26—28 сентября 2019 г.: В 3 ч. Ч. 2 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. С. 160—179.

32. *Румянцева С.Ю.* Самоорганизация и управление: диалектика цикла // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения / Под ред. В.М. Бондаренко. Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева. М.: 2019. С. 165—169.

33. *Румянцева С.Ю., Котыгина Е.Е.* Экологическая кривая Кузнеця в странах ЕАЭС // Проблемы современной экономики. 2020. № 2.

34. *Рязанов В.Т.* Плановая экономика и ее институциональные характеристики // Институциональный анализ и экономика России. М.: Экономика, 2012. С. 357—402.

35. *Рязанов В.Т.* Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. 2016. № 8. С. 3—23.

36. *Саркисян А.А., Румянцева С.Ю.* Особенности развития инновационных технологий в медицине // Друкеровский вестник. 2019. № 1. С. 192—204.

37. *Спенс М.* Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.

38. *Толстогузов А.А.* Японские раннефеодальные общества // Государство на традиционном Востоке / Под ред. Л.С. Васильева. М., 1988. С. 54—56.

39. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / Под ред. Н.А. Иванова. М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1993. 390 с.

40. *Черемисинов Г.А.* Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований: В 2 т. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2013.

41. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982. 456 с.

42. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1988. I—XII. 482 с.

43. *Modelsky G.* Exploring Long Cycles. N.Y.; L., 1987.

44. *Modelsky G.* Global Political Evolution, Long Cycles and K-Waves // Kondratieff Waves, Warfare and World Security / T.C Devezas (ed.) Amsterdam: IOS Press, 2005. P. 293.

45. *Nefiodow L.A.* Der Sechste Kondratieff — Die großen neuen Märkte des 21. Jahrhunderts // Kondratieff Zyklen der Wirtschaft. An der Schwelle neuer Vollbeschäftigung? Hans Thomas und Leo A. Nefiodow (HG)Herford, Busseseewald, 1998.

В.Т. РЯЗАНОВ

**Коронавирусный шок и его причины:
какой будет новая реальность?***

Аннотация. Статья посвящена анализу возникновения коронавирусной пандемии и ее влиянию на экономику. Раскрываются причины и последствия современного кризиса как вирусно-экономического кризиса. При этом обосновывается, что его истоки заложены в системных противоречиях и ограничениях как они сложились в модели спекулятивно-финансового капитализма. Пандемия лишь ускорила наступление кризиса. Показываются особенности кризиса и возможности его преодоления в России и в других странах. Анализируются меры, которые разрабатываются для противодействия вирусной эпидемии и вывода экономики из кризиса. Отмечается, что современный кризис содержит в себе серьезные предпосылки для формирования новой реальности в жизни общества. Она потребует проведения политики глубокого реформирования экономики и перехода к ее альтернативной модели.

Ключевые слова: коронавирусная пандемия, причины вирусно-экономического кризиса, пандемия и система здравоохранения, особенности антикризисных мер, экономика в посткоронакризисный период.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the occurrence of the coronavirus pandemic and its impact on the economy. The causes and consequences of the current crisis as a viral and economic crisis are revealed. At the same time, it is justified that its origins are rooted in systemic contradictions and limitations as they have developed in the model of speculative and financial capitalism. The pandemic has only accelerated the onset of this crisis. The article reveals the peculiarities of the crisis and the possibilities of overcoming it in Russia and other countries. Measures that are being developed to counter the viral epidemic and bring the economy out of the crisis are analyzed. It is noted that the current crisis contains

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 105—124.

serious prerequisites for the formation of a new reality in society. It will require a policy of profound reform of the economy and a transition to its alternative model.

Keywords: coronavirus pandemic, causes of the viral and economic crisis, pandemic and health system, specifics of anti-crisis measures, economy in the post-coronacrisis period.

События, связанные с внезапно нагрянувшей коронавирусной пандемией (Covid-19), которые разворачиваются в мировой экономике и в России, могут напоминать уже подзабытую «шоковую терапию» 1990-х гг. Как и тогда, нынешние проблемы в экономике, которые внешне обусловлены вирусной атакой, свои глубинные истоки обнаруживают в самом глобальном устройстве либерально-рыночной модели экономики с ее спекулятивно-финансовыми доминантами.

Истоки кризиса. Прежде всего следует подчеркнуть, что начавшийся экономический кризис не является только результатом действия неизвестного типа вирусной эпидемии, остановившей производство. В действительности еще ранее сложившаяся ситуация в мировом хозяйстве указывала на наличие множества серьезных причин, определяющих неизбежность наступления кризиса. Среди них присутствовали как циклические, так и системные их проявления [5]. В первую очередь они указывают на исчерпанность использования действующей системы хозяйства, порождающей кризис всего воспроизводственного механизма как целого, что свидетельствует о зарождении острой потребности в переходе к новой экономической модели.

В более содержательном плане системная характеристика кризиса объясняется наступлением очередной фазы самоотрицания капитала, тогда как выход из него предопределен разрешением противоречий — экономических и социальных, — им порожденных. Неустраненные системные противоречия и ограничения в период после кризиса 2008—2009 гг. пытались и не без успеха, как казалось, нейтрализовать огромными денежными инъекциями, которыми сдерживали кризисное обострение в экономике. Тем самым удалось

раздвинуть временные рамки восстановительной фазы, но при этом сами эти противоречия и ограничения не исчезли. В них продолжал накапливаться разрушительный потенциал для ожидаемого еще более масштабного кризиса.

Заслуживает внимания еще одна важная предпосылка кризиса. Речь идет о том, что глобальное пространство, сформировавшееся на принципе открытости, а это было одним из главных черт и постулируемых преимуществ в системе организации современного мирового хозяйства, не могло не способствовать стремительному распространению эпидемии коронавируса, которое и произошло. Начавшаяся со вспышки в конце 2019 г. в Китае, она уже в марте следующего года стала признанным бедствием общемирового масштаба, превратившись в пандемию и затронув абсолютное большинство стран (в начале мая 2020 г. их было 187).

Так был нанесен шоковый удар по глобальным цепочками создания добавленной стоимости, который обвалил финансовые рынки и саму сферу производства. В этом отношении распахнутость всего мирохозяйственного пространства, отсутствие надежного контроля и регулирования перемещения потоков людей вполне закономерно создали самую благоприятную внешнюю среду для повсеместного и быстрого проникновения вируса. Получается так, что открытость, принося несомненную пользу людям, их общению и сотрудничеству, одновременно содержит в себе риски и издержки, способствуя широкому охвату территорий для распространения разного рода неблагоприятных природных аномалий на таком незащищенном пространстве, поражая экономику.

В этих условиях каждая страна, которая попала в зону действия Covid-19, столкнулась со своей ситуацией и с возможностью реальной проверки способности своей экономики и политической системы отвечать на возникшие вызовы. Что касается России, то в условиях пандемии в сравнении с многими развитыми странами ее особенность заключается в том, что она оказалась под тройным ударом. Помимо коронавирусной пандемии необходимо учитывать обвал цен на углеводородное сырье и прежде всего на нефть, а это сильный

удар по бюджету и устойчивости экономики в целом. (Так, при поддержании среднегодовой цены на нефть в 20 дол. за баррель для компенсации выпадающих доходов бюджету потребуется выделить 2 трлн р. из ФНБ страны.) Сохраняет свое негативное влияние и острота геополитического противостояния с пролонгацией действий ранее введенных санкций и с вероятностью их дополнения новыми. Если еще учитывать накопленный кризисный потенциал в российской экономике, отражающий как общие, так и ее специфические проблемы и недостатки в сложившейся капиталистической системе хозяйства, то для нашей страны потребуются не только стандартные антикризисные меры, но и их более широкий набор с дополнительными усилиями и затратами.

Если же давать общую характеристику возникшего кризиса в мировой экономике, то в этом случае в его наступлении следует учитывать тесное взаимодействие циклических и системных причин с коронавирусной атакой, непосредственно повлиявшей на развертывание кризисных процессов в экономике. Такова вирусно-кризисная природа современной шоковой ситуации в мировой экономике.

Предложенная ее трактовка имеет важное значение для понимания того, насколько общественно-хозяйственное устройство стран и сама жизнь людей сохраняют свою зависимость от действия природных катаклизмов. Оказалось, что достигнутая высокая технологичность общества и экономики не стала надежной защитой человека, общества и экономики от вирусной атаки, нарушившей устойчивость сложившегося миропорядка и налаженный быт людей. Ко всему еще возникшие вначале панические настроения, которые охватили не только обывателей, но и властные структуры и экспертные сообщества, дополнительно подчеркнули незащищенность самого человеческого бытия.

Более того, неясность с происхождением коронавируса, отсутствие надежных противовирусных препаратов и методов лечения породили массу предположений и оценок по поводу наиболее действенных вариантов преодоления пандемии и возможных ее последствий, что затрудняет прогнозирование дальнейшего развития событий. Но уже очевидна по-настоящему реальная опасность, которую она

представляет для здоровья человека и для привычного образа жизни, учитывая чрезвычайно высокую агрессивность коронавируса, начальную бессимптомность и длительный процесс разработки анти-вирусных препаратов и их внедрения в лечебную практику.

При этом нельзя не отметить, что современная организация мирового хозяйства с либерально-рыночными доминантами еще убедительней подтвердила свою уязвимость и ограниченные возможности в мобилизационном перестроении экономики и общества, когда такая потребность возникает. Достаточно обратить внимание на то, что значительная часть урона, который был нанесен вирусной атакой в самом начале, связана с неподготовленностью властных институтов большинства государств к быстрому переходу к мобилизационному режиму, который мог бы блокировать и локализовать ее распространение. Еще раз можно было убедиться в том, что либерально-рыночный проект, его апология и стремление внедрить его во все сферы жизнедеятельности человека несут в себе высокие риски и издержки.

Чем больно здравоохранение? Наиболее ярко эти недостатки проявились в сфере здравоохранения в условиях начавшейся коронавирусной пандемии. Ситуация, сложившаяся в мировом здравоохранении, характеризуется противоречивостью. Положительным фактом является существенное возрастание затрат на организацию и технологическое переоснащение системы здравоохранения, что отражает обоснованное усиление внимания к ее развитию из-за возросшей значимости фактора здоровья как для самого экономического развития, так и для человека. В этом можно убедиться, если обратить внимание на существенное увеличение затрат на здравоохранение в мире и в большинстве стран. Так, совокупные затраты на душу населения в среднем в мире увеличились с 587,5 дол. в 2000 г. до 964,5 в 2017 г., т. е. в 1,6 раза. Соответственно их доля в мировом ВВП возросла с 8,6 до 9,9%. (табл. 1). При этом в развитых капиталистических странах, так же как в Китае и России, увеличение затрат на здравоохранение было заметно большим. Казалось бы, что с учетом такого потока затрат, направленного на совершенствование и технологическое переоснащение системы здравоохранения, она

должна была бы встретить вирусную атаку достаточно подготовленной и способной успешно ее отразить в самой начальной фазе. Однако этого не произошло. Само здравоохранение, как оказалось, поражено болезнью коммерциализации.

Таблица 1

**Основные характеристики развития здравоохранения
в мире и отдельных странах (2000—2017)**

	Годы	Затраты на здравоохранение в ВВП, %	Доля государственных расходов, %	Затраты на здравоохранение на душу населения, дол., ППС	Кол-во врачей на 1000 жителей
Мир	2000	8,6	57,7	587,5	1,3
	2017	9,9	74,3	964,5	1,5
США	2000	12,5	44,7	4560,1	2,6
	2017	17,1	50,2	10246,1	2,6
ЕС	2000	8,4	76,3	1822,3	3,4
	2017	9,9	75,2	4054,3	3,7
Китай	2000	4,5	22,0	129,5	1,2
	2017	5,2	56,7	841,1	1,8
Россия	2000	5,0	59,4	367,6	4,1
	2017	5,3	57,1	1404,2	4,0

Источник: [8].

Все дело в том, что возросшее внимание к сфере здравоохранения реализовывалось на основе масштабного развертывания в ней рыночных реформ. Такой резкий разворот в организации этой сферы был обусловлен трансформацией здоровья человека как личностно-общественного блага в частное благо, ставшее в качестве монетизированной услуги предметом активной коммерческой деятельности. Вообще-то такой разворот противоречит естественной характери-

стике самого продукта (результата) здравоохранения как сферы деятельности. Для самого человека он значим не в предоставлении соответствующей услуги, а в сохранении здоровья как его личного блага. В свою очередь, поддержание и улучшения здоровья населения данной страны выступают общественным благом, раскрывая роль национального здоровья как важнейшего звена национального богатства и необходимого условия самого экономического развития [1].

Собственно рыночная трансформация произошла неслучайно, она стала новым вектором в экспансии капитала. Ограниченные возможности в его расширении в традиционных зонах получения прибыли обусловлены перенасыщенностью рынков товаров и услуг. Кроме того, она еще усилена стагнацией потребительского спроса из-за фактического замораживания реальных доходов основной части населения. Все это вместе взятое побуждало капитал искать новые сферы прибыльного вложения. Таковыми в первую очередь стали здравоохранение и образование, куда устремился свободный и избыточный капитал. Принципиально то, что для него трудовая деятельность в этих сферах, несмотря на ее общественное предназначение и творческую самоценность, превратилась в оказание обычных коммерческих услуг, мало чем отличающихся от услуг парикмахера или банщика.

Ограниченность и ущербность такой модификации относительно здоровья людей и их образования, которые по своей изначальной природе являются выражением личностно-общественных благ, представляют собой наиболее характерное проявление новейшего тренда в навязывании господствующей воли капиталом и подчиненности общества и человека его интересам в безудержном стремлении к получению прибыли любой ценой.

По существу, именно такая либерально-рыночная идеология и политико-экономическая установка определили повсеместное развертывание рыночных реформ как в здравоохранении, так и в образовании. Для их проведения как раз и потребовались так называемые эффективные менеджеры, которые вооружившись модным девизом «оптимизации» без особых раздумий кромсали указанные сферы, внедряя рыночные методы в целях экономии средств и получения

большей прибыли. Все это вполне ожидаемо обернулось существенным креном в расширение платности услуг, ухудшением доступности в их получении и в целом привели к большим потерям в организации здравоохранения, особенно проявившимся в фактическом развале ее санитарно-эпидемиологического звена как избыточного. Так развивалась болезнь в самом здравоохранении.

На такой идейной и политической платформе в экономике формировался новый рыночный сегмент, получивший название «индустрия здоровья», с его целевой ориентацией на максимизацию прибыли. В этих условиях по законам рынка объективно заработала тенденция концентрации и монополизации капитала в сфере здравоохранения. Она запустила процесс формирования монополистических комплексов в области оказания медицинских услуг, объединяя клинические учреждения, сообщества врачей и предпринимателей-менеджеров, фармакологический бизнес и аптечные компании в их общей заинтересованности в наращивании прибыли. Так что не надо удивляться непрерывному росту оплаты услуг. Его надо оценивать как неизбежное следствие монополизации рынка.

Вполне понятно, что флагманом в создании «индустрии здоровья» на основе проведения рыночных реформ в здравоохранении стали США, которые выступили главным идеологом и спонсором их повсеместного развертывания в качестве эталона для других. О том, какие недостатки и издержки связаны с коммерциализацией данной сферы, можно как раз судить по тому, какое шоковое влияние оказала эпидемия COVID-19 на эту страну из-за неподготовленности системы здравоохранения к ее эффективному отражению.

Это неудивительно. Достаточно даже коротко ознакомиться со сложившейся американской системой здравоохранения — ее формированием в результате рыночного форматирования. Прежде всего следует отметить, что ее коммерческая деятельность реализуется на либерально-рыночных принципах, исключая универсальность организации в масштабах всей страны и при отсутствии полноценного государственного контроля и финансирования. Конечно, в такой вольной рыночной организации есть свои достоинства, которые

проявляются в способности существенно наращивать технологический уровень предоставляемых медицинских услуг, но при этом и взвинчивая их оплату. Требовательность к квалификации врачей, подкрепленная их высокой оплатой, продвинутые научные разработки — все это в совокупности позволяет обеспечивать повышение качества таких услуг, но опять же далеко не для всех.

Не случайно США занимают первое место в мире по общим затратам на здравоохранение (свыше 3,5 трлн дол.) и затратам на душу населения (10246,1 дол.), что определяет их долю в ВВП в размере 17,1%. Однако надо иметь в виду, что фактически речь идет о том, что указанные затраты характеризуют коммерческий оборот в этой сфере, а их высокий уровень и постоянный рост в значительной мере объясняются ростом оплаты предоставляемых услуг.

Такой поток капитала в здравоохранение позволил американским компаниям добиться господствующих позиций на мировом рынке медицинских товаров и технологий с долей в 65%, а также фармацевтической продукции — с долей в 25%. Удельный вес патентов в биотехнологиях, принадлежащих США, хотя и сократился с 43,1% в 1970 г. до 25,1% в 2017 г., но остается по-прежнему преобладающим даже в сравнении с быстро развивающимся Китаем, который контролирует 21,6% патентов в этой области [10].

Однако все дело в том, что американская система здравоохранения при всех своих достижениях, не лишена крупных недостатков. США являются единственной страной в развитой части капиталистического мира, которая все еще не имеет общенациональной ее организации с достаточным уровнем финансирования и регулирования со стороны государства. Это приводит к тому, что она не гарантирует всем гражданам доступа даже к элементарным медицинским услугам. Система медицинского страхования, которая в этой стране остается необязательной, отличается тем, что не менее 10% населения, а это 35 — 40 млн человек, страховыми полисами не обладает уже в силу их высокой стоимости. В зависимости от разных программ в среднем для взрослого она колеблется от 150 до 500 дол. в месяц. Хотя для малообеспеченных есть специальная программа Medicaid,

а для престарелых — Medicare, которые пользуются государственной поддержкой, но они не решили проблему доступности получения медицинских услуг.

Она остается острой и во многом объясняется чрезвычайно высокой стоимостью медицинского обслуживания, которая снижает эффективность его функционирования, особенно при возникновении сложных периодов. Так, в 2017 г. цены на медицинские услуги в США в целом были на 28% выше, чем в среднем в 29 развитых капиталистических странах, входящих в OECD (Организация экономического сотрудничества и развития) и более чем в 5 раз выше в сравнении с РФ [7]¹⁷.

Если к этому еще добавить, что в США количество больничных коек на 1000 жителей сократилось с 8,0 в 1970 г. до 2,8 в 2017 г., а численность врачей на 1000 жителей почти в 1,5 раза уступает среднему уровню в ЕС, то вполне объяснимы те значительные потери, которая несет страна от коронавирусной пандемии. Число умерших от нее уже в начале мая текущего года превысило 80 тыс. человек (около 6% от общего количества инфицированных), и это самое большое количество в сравнении со всеми другими странами. При этом оно больше людских потерь в войне во Вьетнаме (58,2 тыс. человек).

Ситуация в России по противодействию COVID-19, если ее сопоставить с положением в США, на данном этапе, конечно, на порядок более благополучна, во всяком случае, она характеризуется значительно меньшими жертвами. Однако идеализировать ее не следует. Трудности, с которыми столкнулось современное здравоохранение России, во многом также порождены рыночным реформированием советской системы здравоохранения. Старая система имела свои недостатки, которые были связаны с не самым высоким качеством медицинского обслуживания, с проблемами в финансировании и т. п., но вместе с тем для нее была свойственна опора на принципы общедоступности и всеобщей бесплатности для населения

¹⁷ Например, прием терапевта без страхового полиса обойдется в 250—300 дол., рентген — 200–300, операция по удалению аппендицита — 30 тыс. дол. Операция аортокоронарного шунтирования стоит 75 тыс. дол. Для лечения от COVID-19 в США без страховки потребуется до 75 тыс. дол.

при преобладании финансирования государством. Этим поддерживался и сохранялся социально значимый статус охраны здоровья людей как самоценности. Фактический отказ от него стал серьезной ошибкой даже с учетом установки на развитие рыночных отношений в экономике, обусловив многочисленные негативные проявления.

Изменения, которые произошли в этой сфере в РФ, связаны с переходом к рыночной модели, с внедрением страховой медицины и значительным расширением применения платности медицинских услуг. Хотя обязательная часть страхования финансируется за счет отчислений работодателями 3,6% от фонда оплаты занятых, а сами такие полисы населению предоставляются бесплатно, но этого недостаточно для получения всего жизненно необходимого спектра услуг. К тому же, невысокое их качество и перегруженность низового амбулаторного звена вынуждают население прибегать к платным услугам в коммерческих клиниках или получать платные услуги в государственных медицинских учреждениях. В результате доля личных средств населения в финансировании охраны здоровья в настоящее время достигает 40%. И это при том, что реальные доходы населения России в последние годы имели тенденцию к сокращению.

Отказ от советской системы здравоохранения в пользу развития коммерциализации, особенно в условиях ее текущего недофинансирования, привел к ослаблению ее потенциала и способности к быстрой и эффективной реакции на чрезвычайные ситуации. Хотя в последние годы общие затраты на здравоохранение выросли до 1404,2 дол. на человека, превысив почти в 1,5 раза общемировой уровень, однако в значительной степени это произошло за счет расширения платности. Между тем и такого уровня финансирования все равно не хватает для создания качественной и технологичной системы здравоохранения по всей стране, а не только в столицах и в других мегаполисах.

Ситуация еще более усугубилась, когда в 2014 г. активизировалась компания по так называемой оптимизации, которая обернулась закрытием большого количества больничных учреждений, сокращением персонала и растущим государственным недофинансиро-

ванием. Чтобы оценить всю пагубность такой политики, полезно сопоставить основные параметры советской системы здравоохранения с его нынешним российским уровнем. Так, в РСФСР в 1989 г. число всех врачебных учреждений было 20,1 тыс., включая 12,7 тыс. больниц. Число больничных коек достигало 2047,0 тыс., или 13,9 на 1000 жителей. Численность врачей равнялась 709,0 тыс. и медицинского персонала 1779,6 тыс., или 4,7 и 13,9 на 1000 жителей соответственно [3, 288, 289, 297, 299]. В современной России количество больничных коек сократилось до 1183,0 тыс., или до 8,1 на 1000 жителей; численность врачей уменьшилась до 697 тыс., или до 4,5 на 1000 жителей [4, 159].

Но по-настоящему драматичной стала ситуация с санитарно-эпидемиологическим сектором, что как раз в полной мере выявилось по мере распространения коронавирусной пандемии. Если в РСФСР было 142,0 тыс. больничных коек данного профиля, а количество врачей-инфекционистов составляло 34,1 тыс. человек, то в 2018 г. больничных коек в этом звене сократилось до 79,9 тыс., а численность врачей-инфекционистов уменьшилась до 6 тыс. Понятно, что с точки зрения рыночной логики санитарно-эпидемиологический сектор представлялся избыточным и одним из главных объектов для решения задачи экономии затрат. Вместе с тем такое пренебрежительное отношение к опасности возникновения техногенных катастроф и чрезвычайных ситуаций, включая сферу здравоохранения, более чем удивительно, учитывая наш богатый опыт их появления в прошлом.

Недооценка рисков, связанных с возможными вирусными атаками, дорого нам обошлась, показав всю неготовность реформируемой системы охраны здоровья к чрезвычайным ситуациям, особенно при массовом поступлении пострадавших. В условиях начавшейся эпидемии пришлось в экстренном порядке героически строить соответствующие клиники, прибегнув к помощи армии; перепрофилировать больницы и направить врачей — специалистов другого профиля на борьбу с вирусом COVID-19, создавая риски для лечения больных с другими заболеваниями. То, что сейчас все силы брошены на подавление эпидемии, приносит известные положительные результаты (так, количество умерших на данном этапе составляет примерно 1%

от общего числа инфицированных). Но этим не исключается опасность вспышки в посткоронавирусный период заболеваемости по другим не менее тяжелым хроническим болезням с соответствующими потерями.

В этой связи после завершения основной фазы борьбы с COVID-19 потребуются обстоятельный и объективный анализ с проведением публичного обсуждения специалистами использованных мер, включая жесткость карантинных ограничений, как она применялась у нас и в других странах. В целом же нужна достоверная оценка эффективности реализуемых программ, как и самой целесообразности их выбора.

Пока же достаточно высокую эффективность продемонстрировал Китай, который в наиболее трудной ситуации первоначального зарождения COVID-19, смог в течение трех месяцев его локализовать и подавить с не самыми большими потерями.

Еще более впечатляет опыт антивирусной борьбы во Вьетнаме. В этой стране на данном этапе всего 288 инфицированных и ни одного летального исхода. И это при том, что ее население составляет 96 млн человек, страна плотно заселена, непосредственно соседствует с Китаем, в котором началась эпидемия. Такой результат был получен за счет исключительно быстрой реакции властных структур на ее потенциальную опасность, что позволило в максимально сжатые сроки мобилизовать необходимые ресурсы, разработать и оперативно внедрить весь комплекс антивирусных мер. В результате удалось успешно локализовать вирусные очаги и во второй половине апреля подавить эпидемию в зародыше, начав снятие карантинных ограничений. При этом, несмотря на все ограничительные меры в первом квартале текущего года, в самый разгар борьбы с эпидемией ВВП страны не упал, а вырос на 3,8%.

Стоит подчеркнуть, что успешная антивирусная политика во Вьетнаме была достигнута при сложившемся уровне затрат на здравоохранение на душу населения всего в 376 дол. по паритету покупательной способности (2018), что в 27 раз ниже, чем в США и почти в 4 раза ниже, чем в России. Это говорит о том, что в системе рыночных координат уровень затрат на охрану здоровья раскрывает

не столько ее высокую эффективность в чрезвычайных ситуациях, сколько степень коммерциализации, а также о том, что покупка медицинской услуги еще не гарантирует покупку здоровья.

Как показала практика, в такие трудные периоды, во-первых, значительно важнее способность власти самоорганизоваться и мобилизовать все возможные ресурсы на борьбу с угрозой при своевременном обеспечении должной поддержки населения. Во-вторых, не менее существенно добиться доверия и адекватной реакции от населения при принятии жестких карантинных мер. Это не просто сделать в либерально расхлябанном и разобщенном сообществе, что и показал опыт государств с различными типами устройства.

Попутно, в качестве мелкой, но характерной детали сошлюсь еще раз на опыт Вьетнама. В этой стране борьбу с наступающим вирусом не побоялись проводить в том числе за счет принятия жестких ограничительных мер по сдерживанию цен на соответствующие медикаменты и сопутствующие товары, не дав возможность бизнесу на этом получать свои сверхприбыли. Символическим стало и то, что медицинские маски как одно из самых востребованных защитных средств вначале реализовывались по доступным для всех ценам, а затем по мере роста выпуска население стало получать их бесплатно. Такая не самая затратная мера тем не менее показательна с точки зрения стремления власти добиться доверия и поддержки со стороны общества. Ведь без взаимного доверия и ответственности, солидарности и коллективизма трудно добиться успеха в чрезвычайных ситуациях.

Коронавирусная пандемия и новая реальность экономики.

Вполне понятно, что коронавирусная пандемия, поразив привычный уклад жизни людей и создав угрозу для самой их жизни, уже стала значимым фактором в разворачивании полномасштабного кризиса мировой экономики. Естественно, он еще в начальной фазе и затруднительно прогнозировать его последствия и возможные масштабы. Если предполагать наиболее оптимистичный сценарий, а его пока что удалось реализовать Китаю, то экономические потери от карантина и другие сопутствующие расходы могут быть не столь катастрофичны. Так, согласно данным государственного статистического

бюро КНР, по итогам первого квартала 2020 г. в самый разгар эпидемии падение ВВП составило 6,8%. Хотя для Китая оно довольно значимо, поскольку вообще впервые случилось в этой стране за последние 28 лет.

Примерно такой относительно благоприятный сценарий заложен в прогнозе МВФ, согласно которому ожидается спад мировой экономики в 2020 г. в размере 3,0% с быстрым восстановлением уже в 2021 г. (табл. 2). Следует иметь в виду, что здесь основная часть экономического урона рассчитывается исходя из возникших затрат по массовому введению карантинных мер и самоизоляции, которые привели к остановке производства, особенно это касается сферы услуг. Однако это далеко не все действительные потери. Должны в полном объеме учитываться все затраты по перезапуску экономики с последующим преодолением кризиса. Конечно, многое будет зависеть от успешности и сроков преодоления пандемии. С учетом всех обстоятельств вполне реальна вероятность более глубокого и продолжительного кризиса для мировой экономики и многих стран.

Таблица 2

**Динамика реального ВВП (2019 — 2020, I кв.),
прогноз (2020 — 2021), %**

Страны и регионы	2019	2020 (1 кв.)	2020, прогноз	2021, прогноз
Мир	2,9	...	-3,0	5,9
США	2,3	-1,2	-5,9	4,7
ЕС	1,2	-3,5	-7,5	4,7
Япония	0,7	-2,2	-5,2	3,0
Китай	6,1	-6,8	1,2	9,7
Россия	1,3	1,8	-5,5	3,5

По данным: [9].

Между тем выделенные средства на антикризисные меры уже впечатляют. Так, соответствующий пакет для поддержки американской экономики на время эпидемии сформирован в размере

2,2 трлн дол. (10% ВВП) для прямой компенсации потерь бизнеса и населения, а это больше годового объема ВВП РФ. В том числе 500 млрд дол. получают американские корпорации, 367 млрд — малый бизнес. Для населения, в частности, предусмотрены разовая помощь в мае этого года в размере 1200 дол. каждому американцу с годовой зарплатой до 75 тыс. дол., разовая выплата 500 дол. на каждого ребенка для семей с детьми, а также выплата безработным, уволенных из-за пандемии, дополнительно 600 дол. в неделю к пособию по безработице в течение 13 недель с момента подачи заявки о потере работы. Кроме того, предусмотрено дополнительное финансирование системы здравоохранения в размере 100 млрд дол.

В России на данном этапе реализуется антикризисный план с более скромными средствами, которые оцениваются в 2—3 трлн р. (1,6 — 2,8% ВВП). Причем в основном они нацелены на предоставление отсрочек по налогам, кредитам и другим платежам предприятий и населения. Понятно, что этого недостаточно для их реальной поддержки. Это может стать препятствием для выхода из кризиса и к тому же породить обострение социальной ситуации в стране. Поэтому требуется дополнить предложенные каникулы по обязательным платежам мерами прямой поддержки производства и населения. Особенно важно оказание помощи малоимущим и семьям с детьми, используя разные ее формы.

Если не ограничиваться решением текущей задачи преодоления пандемии и экономического кризиса, то наиболее сложным и обсуждаемым становится вопрос о том, что собой может представлять экономика в посткоронакризисный период. Насколько нас ждет «новая реальность» и какой она будет?

Некоторые принципиальные изменения давно назрели, и нынешние события должны наконец-то побудить к их реализации. В первых, речь идет о необходимости пересмотра стратегии развития здравоохранения в нашей стране. Ошибочный курс по разворачиванию ее коммерциализации и особенно в варианте так называемой оптимизации должен быть решительно преодолен. О том, что такое может произойти, свидетельствуют предлагаемые поправки в Консти-

туцию страны, которые призваны закрепить гарантии оказания доступной и качественной медицинской помощи. Главное, чтобы они не просто были в ней зафиксированы, а нашли свое реальное воплощение в существенно возросшем финансировании развития социализированного здравоохранения как наукоемкого и высокотехнологического сектора экономики и при этом доступного для населения.

Отметим, что сама идея использования принципа социализации в организации системы здравоохранения, так же как и в образовании, становится в мире все более привлекательной. Даже в США она получила определенную популярность среди представителей Демократической партии в нынешнем избирательном цикле.

Новый подход в совершенствовании современной системы здравоохранения должен строиться исходя из четкого понимания разноплановости характеристик здравоохранительных благ, особенно выделяя в их составе общественные блага, а также определяя, что допустимо рассматривать в качестве частных и смешанных общественно-частных благ. Что касается общественных благ, а это вся система противоэпидемиологической и санитарной службы, защита от техногенных угроз, защита окружающей среды и т. п., то они должны быть в полной мере обеспечены государственным целевым финансированием.

Во-вторых, коронавирусная пандемия с ее все еще непредсказуемыми последствиями уже заставляет основательно задуматься по поводу как общих постулатов о месте и роли технического прогресса в экономике и обществе, так и о внесении назревших корректив в его современном продвижении и применяемых методов. Прежде всего не следует чрезмерно переоценивать роль принципа технического детерминизма, который преобладает в сознании экономистов и практиков [6, 339—348]. При всей полезности новых технологий они не должны абсолютизироваться, так как это ведет к превращению технотетерминизма в технологический фетишизм, когда развитие технологий становится самоцелью, а общество — компьютероцентричным.

Это означает, что при реализации новых технологий обязательно надо не только учитывать ожидаемые выигрыши и достоинства от их применения, но и обращать внимание на неизбежные издержки и потери, особенно в экологии и во влиянии на человека. Причем не следует исключать возможность превращения каких-то конкретных направлений НТП в вариант регресса, когда негативные последствия для человека, общества и природы от их внедрения превысят потенциальные выгоды. Такие риски и угрозы со временем нарастают. Поэтому важно уже сегодня задуматься о введении разумных социальных, этических и экологических границ в экспансии технологий.

Соответственно возникшие угрозы от коронавирусной пандемии должны побудить к определенной смене акцентов в области развития новых технологий. Зацикленность на цифровых технологиях должна быть, как минимум, дополнена разворотом в сторону ускоренного развития биоинженерии и разработке новых медицинских препаратов. В частности, речь идет об острой потребности в создании эффективных и безопасных лекарств против COVID-19. На перспективу повышенного внимания заслуживают прогнозирование и предупреждение появления возможных вирусов и других нежелательных явлений, что предопределяет важность возвращения ориентации системы здравоохранения на приоритетное поддержание здоровья человека. Ведь сегодня здоровый человек — все более значимый фактор, без которого уже трудно рассчитывать на успех в экономике.

Формирование новой реальности в экономике не ограничивается решением срочных задач по противодействию коронавирусной пандемии. Принципиальное значение приобретает назревшая потребность в проведении глубокого и основательного реформирования самой модели капиталистической рыночной экономики. Ее нынешний вариант, характеризующийся доминированием глобального спекулятивно-финансового капитала, еще ранее исчерпал свой потенциал и на данном этапе не только мешает эффективно развернуть

борьбу с пандемией, но и становится реальным препятствием в преодолении кризиса и вывода экономики в фазу устойчивого и сбалансированного роста.

Сегодня понятно, что одним из очевидных последствий пандемии можно считать серьезный урон, который нанесен самому глобальному проекту и возможности в нынешних условиях обеспечить его нормальное функционирование. Скорее всего активно продолжится реформатирование глобального пространства с его более четкой сегментацией на макрорегионы. Оно будет сопровождаться острой конкурентной борьбой за лидерство и за контроль над ключевыми ресурсами, а в качестве завершающего этапа следует ожидать формирование нового мирохозяйственного центра накопления капитала [2].

Еще один существенный сдвиг в экономическом устройстве обусловлен необходимостью полномасштабного развертывания новой технологической революции как важнейшего и отработанного предшествующей практикой способа вывода экономики из системного кризиса. Для этого требуется не просто смена экономической политики с ее переориентацией на приоритетную поддержку реального производства и его инновационного перестроения. На самом деле назревают перемены в самой системе экономических отношений. Ситуация в ней такова, что сложившиеся в ней противоречия и ограничения не позволяют успешно решать текущие и перспективные цели развития. О них свидетельствуют растущее социальное неравенство, появление новой бедности и проблема самого выживания, которые еще более актуализировались с наступлением вирусно-экономического кризиса. Все это нацеливает на продвижение альтернативных проектов, ликвидирующих либерально-рыночные перекосы. С учетом же реальности вирусных атак, как в прошлом, так и в нынешнее время, возрастающее значение приобретает восстановление роли государства как активно действующего института. Так всегда происходит в период кризисов. Новым является то, что такая его роль дополняется решением все более востребованной задачи по созданию и поддержанию защищенной и благоприятной среды для обитания человека и его здорового образа жизни.

Для России в этот кризисный период важно не только решать общие задачи по поддержке и регулированию наиболее пострадавших частных компаний в общественно-значимых сферах жизнедеятельности, а их немалое число. Заслуживает особого внимания решение назревшего вопроса о контроле над сырьевыми компаниями в виде введения госмонополии на экспорт сырья. Одна эта мера позволит устранить вывоз капитала из страны в огромных объемах, что коренным образом улучшит возможность использования рентных по своей природе доходов в интересах всего общества с его первоочередной целью в реализации программы неоиндустриализации с развертыванием новой технологической революции и при обеспечении социальных приоритетов.

Конечно, сила инерции и экономические интересы — это то, что в реальной жизни мешает переменам, возвращая привычные формы организации общественно-хозяйственной жизни и методы их реализации. Остается надеяться на то, что чрезвычайная ситуация, которая сложилась в условиях коронавирусной пандемии, и еще не до конца понятые ее последствия все же побудят активизировать поиск альтернативных хозяйственных моделей и новой траектории развития будущей экономики. Главное, чтобы рождающаяся новая реальность не стала новыми оковами для человека, внося смуту в мироздание, усиливая эгоизм, сегментацию общества и разобщенность людей.

Литература

1. *Бляхман Л.С.* Национальное здоровье — ключевая проблема новой индустриализации // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 50—61.
2. *Глазьев С.Ю.* Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. № 2. С. 3—29.
3. Народное хозяйство в РСФСР в 1989 г.: Ст. ежегодник. М.: Информационно-издательский центр, 1990.
4. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2019.

5. *Рязанов В.Т.* Циклические и системные причины кризиса в России: роль социализации финансов в их преодолении // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 88—106.

6. *Рязанов В.Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. С. 339—348.

7. Health at a Glance 2019 OECD Indicators: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/524da6c0-en/index.html?itemId=/content/component/524da6c0-en> (дата обращения: 19.04.2020).

8. <https://databank.worldbank.org/reports> (дата обращения: 19.04.2020).

9. https://www.imf.org/external/datamapper/ngdp_rpch@weo/oemdc/advoc (дата обращения: 19.04.2020).

10. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_901_2018_exec_summary.pdf (дата обращения: 19.04.2020).

В.В. СЛЮСАРЕВ, Т.М. ХУСЯИНОВ

Человеческие ресурсы в условиях пандемии*

Аннотация. Делается попытка анализа трансформации рынка труда в условиях распространения в мире коронавирусной инфекции. Рассматриваются как основные изменения, связанные с повседневностью человека, так и то, что происходит в обществе в целом. Особое внимание уделяется тому, как технологии в условиях эпидемической угрозы получили возможность активно проникать в жизнь человека. Если раньше происходило постоянное

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00335 «Коэволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

взаимодополнение инноваторов и консерваторов, то в новых условиях позиция вторых уже не берется в расчет и технологии внедряются без долгих проверок. На этой основе рассматриваются изменения, которые претерпевает рынок труда, и его возможная дальнейшая динамика.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, технологизация, человеческие ресурсы, рынок труда, трудовая деятельность, трудовые отношения, интернет-занятость, удаленная работа, инновации.

Abstract. In this article, the authors attempt to analyze the transformation of the labor market in the context of the spread of coronavirus infection in the world. We consider both the main changes associated with the everyday life of a person, and what is happening in society as a whole. Particular attention is paid to how technology, in the face of an epidemic threat, was able to actively penetrate human life. If earlier there was a constant clash of innovators and conservatives, then under the new conditions, the position of the latter is no longer taken into account, and the technologies are introduced without long checks. In the framework of this work, we consider what changes the labor market is undergoing, and what, possibly, awaits it in the future.

Keywords: coronavirus, pandemic, technologicalization, human resources, labor market, labor activity, labor relations, Internet employment, remote work, innovations.

Введение

Технологический прогресс стремителен. Общество, его потребляющее, инерционно. Технологии меняют мир. Культура, язык, традиции его сохраняют. Прогресс — свет цивилизации. Культура — темный уголок уюта и спокойствия. Развитие на нашей планете, в нашем мире долгое время происходило на основе взаимного дополнения этих противоречий. Технологии, «прогрессисты», инноваторы и их сторонники старались как можно быстрее изменить характер нашего мира и нашей жизни — сделать все эффективным, чистым, стерильным. Культура, консерваторы, приверженцы традиции,

напротив, стремились сохранить все и вся из прошлого. Одни, стремясь неслись неведомо куда, порою сваливаясь в ямы, другие тащили за собой обоз из скреп и устоев, устаревших традиций и бессмысленных обрядов [2; 3]. Как бы каждый из нас не относился к этим направлениям, вместе они давали главное — соразмерное развитие. С одной стороны, технологии внедрялись в нашу жизнь постепенно, обдуманно, проходя длительный этап проверок, недоверия, исправления ошибок и корректировки курса. С другой — за всем этим сохранялись смысл, привычные правила и традиции, социальные контакты и этические нормы. Мир не стоял на месте, но и весь потенциал технологий и их развития не вступал в действие немедленно, без какой-то общественно-гуманитарной экспертизы. Так было на протяжении длительного времени, пока в конце 2019 г. над миром не нависла угроза в виде неизвестного вируса, получившего название COVID-19.

Появившись в Китае, он довольно быстро распространился по всему миру, поражая все большее число людей и еще большее число умов. Опасность эпидемии и масштаб информационного события потребовали принятия исключительных мер со стороны государств и общества, чтобы препятствовать распространению заболевания и снизить смертность от него, создать видимость контроля. В число принимаемых мер вошли карантинные меры, или принуждение к самоизоляции, контроль за перемещениями людей и личными контактами, ограничения работы предприятий и глобальный переход в дистанционные режимы жизни, работы и взаимодействия. Отдельно стоит отметить влияние социальных активистов, которые следят и всячески стремятся воздействовать на «нарушителей».

Введение особого режима оказало серьезное влияние на структуру экономической деятельности по всему миру. Многие предприятия столкнулись с тем, что не могут продолжать свою работу, так как не в состоянии обеспечить эпидемиологически безопасный способ перемещения своих сотрудников или клиентов и организацию рабочего пространства. Такие сферы, как туризм или индустрия красоты, оказались просто лишены средств производства своих услуг. Другие,

например, работающие в сфере питания, вынуждены переориентировать свою концепцию из мест культурного досуга, общения и совместного приема пищи в простую «кулинарию на вынос» с доставкой. Третьи делают все возможное для того, чтобы максимально перевести свою деятельность в онлайн-режим и снизить зависимость от посещения рабочего места сотрудниками, как поступили в образовательных учреждениях.

В результате подобных изменений происходят одновременно два важных, на наш взгляд, процесса. С одной стороны, в силу невозможности осуществления привычной, традиционной практики осуществления деятельности, консервативные направления терпят решительный крах. Все те, кто активно сопротивлялся внедрению новых технологий, сейчас оказались в безвыходной ситуации — они вынуждены либо эти технологии принять, либо попросту отказаться от любой деятельности в принципе. Если бы подобное случилось повсеместно (как и происходило в предыдущие эпохи в подобных ситуациях) — эффекта бы не было. Но сейчас те, кто откажется от деятельности, попросту будут выброшены за рамки экономики, так как большая часть эту деятельность продолжает. Таким образом, все оказались в некотором роде заложниками «диктатуры технократов». В то же время сам по себе человек как элемент экономики, производящий своим трудом добавочную стоимость, оказался в интересной ситуации. В ряде областей вся эта работа сводилась именно к обеспечению функционирования других «на местах»; в иных сферах — рабочие места сохранялись по инерции, в рамках традиционно сложившихся отношений. Но в современных условиях и тех и других заменяют алгоритмы, программы и терминалы самообслуживания — люди оказываются попросту не нужны. Так, по последним прогнозам Международной организации труда (МОТ), из-за последствий общественных трансформаций, вызванных COVID-19, рост безработицы в мире достигнет почти 200 млн человек [7] (или около 6% всего трудоспособного населения планеты), что станет беспрецедентным случаем в новейшей истории. Роль отдельного человека в экономике меняется, и представляет особенный интерес для исследования.

Исторические предпосылки и технологические гиперссылки

Мир не впервые сталкивается с эпидемиями. Пандемии, уничтожавшие до четверти всего населения планеты, зафиксированы в мировой истории [8; 9]. Тем не менее современное положение дел несколько отлично от предыдущих. Прежде всего, современный мир отличается невиданная ранее плотность коммуникаций. Если ранее новости преодолевали расстояние вместе с физическими объектами и вдоль торговых путей, то сейчас это происходит со скоростью света и всесторонне. Более того, сами люди (наиболее опасный переносчик болезни) сейчас перемещаются со скоростями, близкими к скорости звука. Таким образом, мир был превращен в единую глобальную деревню (М. Маклюэн), слухи по которой распространяются с невиданной быстротой, а болезнь от них не слишком отстает [4]. Эти факторы порождают своеобразную цепную реакцию с неожиданными последствиями.

Мир узнал о распространении вируса практически мгновенно. Сам факт, подтверждающий его реальность, придет несколько позже, а случаи реального заражения — хоть и достаточно быстро в сравнении с прошлым — с определенной задержкой. Скорость распространения этих явлений можно сравнить с молнией (информационным сообщением) и громом (реальным вирусом). Но, как и следовало ожидать, в любой деревне слухам верят больше, чем реальному положению дел. Одновременно с распространением информации о вирусе за пределами первоначального очага в обществе стало нарастать напряжение. Нагнетание информационной обстановки породило необходимость предпринимать реальные действия — запастись продуктами, обеспечить изолированность, гарантировать собственную эпидемиологическую безопасность. Зачем, если реальность настойчиво нам говорит об отсутствии угрозы? Потому что подлинная реальность уже давно дополнена, а частично и замещена реальностью коммуникативной, цифровой, виртуальной. Повышенная активность граждан неизменно приводит к необходимости реакции власти. Будучи выборной, власть должна реагировать на настроения своего электората и деятельностью постоянно доказывать свою необходимость и состоятельность, гарантировать алиби в бытии социального.

Таким образом, получается ситуация, когда и общество, и власть реагируют на реальную угрозу превентивно. С одной стороны, это несет в себе невероятный плюс, так как способствует интенсивному и успешному сопротивлению эпидемиологической угрозе. С другой — появляются два неожиданных и достаточно интересных аспекта. Принимаемые меры требуют от людей соблюдать жесткие правила, идти на ограничения, регламентировать себя во вполне реальной повседневной жизни. При этом с угрозой как таковой они сталкиваются исключительно в мире информационно. Это становится некоторым самооправданием для нарушения ограничений и подозрения в отношении властей. Возникает эффект «мальчика, который кричал: “Волки, волки!”» — в реальность угрозы никто не верит до тех пор, пока они не становятся самоочевидным и, увы, предпринимать меры уже поздно. Иными словами, чрезмерная превентивность, вызванная информационными процессами, оказывает обратный эффект.

Другим немаловажным аспектом является тот факт, что нынешняя пандемия глобальна не только в пространстве, но и во времени — в отличие от предыдущих случаев, когда один очаг заражения сменялся другим, двигаясь во времени, продолжая эпидемию и ухудшая ситуацию, в современности очагом заболевания фактически является весь мир в один момент времени. Как результат, это закладывает предпосылки для успешного и быстрого (в историческом масштабе) преодоления пандемии. Что, в свою очередь, приводит нас к наиболее важной и опасной угрозе кардинальных трансформаций в мире.

В ситуации любой пандемии прошлого были характерны как высокая смертность и ограничения на работу (сокращение рабочей силы), так и связанное с этим падение объемов производства. Однако по окончании эпидемии производство, обращаясь к новым технологиям, достаточно быстро восстанавливалось и, более того, переходило на новый уровень эффективности труда. В качестве примера можно проследить динамику роста стоимости зерна во времена «черной смерти» (пандемии чумы). При этом, нужно понимать, что высо-

кая смертность приводила к формированию глубокой демографической ямы, преодоление которой было невозможно в горизонте целых столетий. Это приводило к росту цен на рынке труда — каждый отдельный человек ценился выше, чем до пандемии. В современной же ситуации время применения инструментария изменилось, сохранив при этом экономическую суть пандемии. Как и раньше, параллельно с распространением болезни происходят сокращение рабочей силы и спад производства. Однако новые технологии используются не после, а непосредственно во время бедствия. Благодаря этому, с одной стороны, нам скорее всего, удастся избежать больших жертв и обеспечить более плавный провал в производстве. Но, с другой, нас ждет радикальное изменение рынка труда. Пандемия, как и раньше, вызовет рецессию экономики в целом, но при этом сохранится численность трудоспособного населения и изменятся средства производства, что приведет к масштабным социально-экономическим рискам.

Удаленная работа или удаление с работы

В этих условиях целый ряд предприятий, где по-прежнему основная работа выполнялась людьми или же их присутствие было необходимо, не может продолжать свою деятельность, в то время как для некоторых отраслей, которые связаны с борьбой с вирусом и жизнеобеспечением, а также для тех, которые завязаны на непрерывном производстве — выплавке металла, например, — данные ограничения отсутствуют. Даже обанкротившиеся предприятия, чья продукция необходима в условиях эпидемии, начинают активную деятельность, как это произошло с Орским заводом синтетического спирта [1]. Однако и для них это должно стать сигналом о необходимости развития дистанционного управления.

Все это значительно меняет структуру занятости, выводя на первые места те профессии, которые помогают в решении проблемы коронавируса, а также поддержании жизнеобеспечения в условиях самоизоляции. Приобретает большое значение деятельность, которая может реализовываться дистанционно, при этом пользуется спросом широкий спектр услуг: программирование и дизайн, так как аудитория в сети становится все больше, и это поле для новых интернет-

проектов; сектор развлечения и спорта, так как люди проводят все больше времени дома, лишаясь привычных практик потребления; а также тех, кто может оказывать различные консультационные услуги. Подобный переход заставляет оптимизировать процессы, отчетливо показывая, кто и как непосредственно влияет на производственные процессы. Сами собой определяются те, кто продолжает формировать повестку дня, и те, чья работа сводится к простому присутствию.

Повышенный спрос на удаленную работу должен оказать влияние на отношение к работающим из дома, так как наблюдалось негативное отношение к такой форме профессиональной деятельности, как интернет-занятость, причем прежде всего со стороны родных. Они, как правило, не воспринимали то, что делается дома, как что-то действительно значимое. Нередко подобные ситуации приводили к конфликтам внутри семьи [5]. Теперь же все возможные сферы деятельности переводятся на удаленный формат — образование, государственное управление, администрирование и проч. Вместе с этим меняется и отношение к удаленной работе, и все больше людей испытывают на себе новый формат. При этом те, кто не способен адаптироваться к новым цифровым условиям, сталкиваются с серьезной проблемой, вплоть до потери работы или ухода в неоплачиваемый отпуск. Если раньше они могли сослаться на отсутствие необходимости или неприемлемость процессов информатизации, в том числе противостоя им, теперь теряют возможность работать в своей сфере, так как эпидемия коронавируса позволила ворваться технологиям в самые консервативные сферы и институты, не оставляя возможности им сопротивляться.

Те, кто не готов перестраиваться, вынужден на время самоизоляции закрываться, и если государственные организации могут обеспечить своим сотрудникам гарантированную заработную плату на весь этот период, то негосударственные сталкиваются с проблемой оплаты труда.

Пока далеко не все руководители готовы к тому, чтобы переводить своих сотрудников на удаленную работу. Однако, как демонстрируют результаты опроса СПС «Гарант» (23—29 марта 2020 г.),

30% уже переведены на новый формат работы, еще 12% отметили, что сейчас изучаются правовые вопросы данного перехода. 4% участвуют в неотложных работах по борьбе с пандемией. Остальные респонденты отметили, что их руководство либо считает переход в удаленный формат невозможным, либо готово сделать это только в крайнем случае [10]. Работодатели, отказывающиеся своим работникам в возможности дистанционной работы, могут не только потерять их, так как все больше людей предпочитают заботиться о своем здоровье, но и потерпеть серьезные убытки. Планирование же в условиях эпидемии довольно проблематично, и разрешение работать сейчас не означает, что уже завтра не будет введен полный карантин с ограничением любой деятельности. Те же, кто уже столкнулся с ограничением своей деятельности, либо вынужден отправлять своих сотрудников в неоплачиваемый отпуск, либо настаивать на их увольнении.

В этих условиях значительный рост получают разного рода шеринговые сервисы и платформы, которые позволяют получать товары и услуги, не посещая магазины или получая их от других участников. В условиях ограничений на посещение заведений питания или ограничений перемещений по городу большой рост получили сервисы доставки еды или такси. При этом они также вводят специальные опции (бесконтактная доставка, дезинфекция салона автомобиля после каждого клиента и т. д.), чтобы защитить как своих сотрудников, так и клиентов, повышая лояльность к своему бренду и продолжая получать прибыль.

Несомненно, что после окончания эпидемии вновь откроются закрытые на период самоизоляции заведения, однако не все смогут вновь вернуться к работе, так как оказались не способны перестроиться и оптимизировать свои процессы, терпя убытки, не совместимые с продолжением деятельности.

При этом даже те, кто уже перешел на систему доставки, испытывают экономические проблемы, что приводит к активизации мало популярного в России феномена краудфандинга-софинансирования, в данном случае нацеленного на продолжение работы заведений питания, а следом за ними — индустрии красоты и т. д. Они

предлагают своим клиентам вложить деньги в сохранение их бизнеса, приобретя сертификат, который после окончания режима самоизоляции можно будет потратить на заказ на большую сумму [4]. Таким образом, бизнес ищет пути снижения своих убытков, рассчитывая прежде всего на поддержку клиентов. Взаимопомощь и сотрудничества становятся важной ценностью, лежащей в основе экономики совместного пользования, которая также получает в существующих условиях новый толчок, как и все инновационное.

Заключение

Коронавирус уже оказал значительное влияние на мир и повседневность каждого человека. Создание новой повседневности в условиях пандемии привело к трансформациям в социально-трудовых отношениях. В то время как сферы, которые активно развивались и не испытывали серьезных экономических рисков, стали менее актуальны, организации вынуждены ограничить или прекратить свою деятельность до окончания режима самоизоляции, другие же, которые ранее были на периферии или не получали должного внимания, стали актуальны. То же самое произошло и с организацией самого труда. Традиционные формы занятости, связанные с работой по графику в помещении, предоставленном работодателем, несмотря на постепенное сокращение все равно занимали значительную долю рынка труда, в один момент «сдались» атипичным (нестандартным) формам организации деятельности. Все большее число сотрудников переводится на удаленную работу. Огромный сектор образования, многие административные и деловые функции также реализуются по средствам сети. Все это показывает не только возможность и допустимость подобных преобразований, но и экономическую целесообразность некоторых из них, а также позитивное влияние на экологию.

Несомненны и негативные аспекты, связанные как с тем, что далеко не каждый способен работать в новых форматах, так и с тем, что не всякая деятельность может стать удаленной. Однако эпидемия дала значительный толчок развитию профессиональной деятельности и по форме, и по содержанию. Актуализировались платформы

шеринговой экономики, предоставляющие как возможности получения каких-то товаров, так и услуг. Причем не только привычных, связанных с едой или транспортом, которые уже получили достаточное распространение, но и связанных с развлечениями, обучением, разными видами консультирования.

При этом на передний план вышла проблема автоматизация различных процессов, как промышленных, так и бытовых. Самоизоляция порождает больший запрос на возможность неучастия человека в деятельности. Это связано как с использованием роботизированных систем в производстве, так и с доставкой товаров посредством дронов, с целью исключить социальные контакты, а значит, и снизить вероятность распространения вируса.

Мир в ситуации «до» и «после» — это разные миры и разные меры. Сложившаяся в современности шаткая соразмерность технологичности и традиционности окажется окончательно нарушенной. Весь технологический потенциал, заложенный в науке, технике, прогрессе, наконец-то получил достаточный катализатор для резкого скачка. Для постсоветского пространства, да и коммунистического блока в целом, это знакомая ситуация резкой смены общественного и технологического уклада, через которую мы прошли в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Это в некотором смысле вселяет надежду на нашу стойкость к переменам. Что же касается остального мира — очевидно, нынешнему поколению еще только предстоит узнать, насколько коварными и обманчивыми для каждого могут быть блага технологического прогресса. В целом, остается надеяться на здравомыслие тех, кто отвечает за сохранность нашей планеты от общемировой катастрофы, и радоваться тому, что пусть и временная приостановка человеческой активности способствует регенерации природы. А дальше — дальше время все расставит по своим местам...

Литература

1. Завод синтезспирта в Оренбуржье возобновил работу из-за коронавируса // ИА REGNUM: [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2912140.html> (дата обращения: 10.04.2020).

2. *Кутырёв В.А., Нилюгов А.С.* Об экспансии высоких (пост-человеческих) технологий, ее перспективе, их творцах и жертвах // *Философская мысль.* 2014. № 1. С. 164—202.
3. *Кутырёв В.А.* Культура и технология: борьба миров: Монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 247 с.
4. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. 4-е изд. М.: Кучково поле, 2014. 464 с.
5. Сервис «Будем!»: [Электронный ресурс]. URL: <https://budem.tokenomica.com/> (дата обращения: 10.04.2020).
6. *Хусяинов Т.М.* Стигматизация самозанятых Интернет-работников: проблема восприятия атипичной занятости в обществе // *Актуальные проблемы социальной психологии.* Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2017. С. 66—70.
7. ILO: COVID-19 causes devastating losses in working hours and employment // *International Labour Organization (ILO):* [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_740893/lang--en/index.htm (дата обращения: 10.04.2020).
8. *Herlihy D.* The Black Death and the Transformation of the West. N. Y.: Harward University Press, 1997. 117 p.
9. *Rosen W.* Justinian's Flea: Plague, Empire, and the Birth of Europe. N. Y.: Penguin USA, , 2007. 367 p.
10. 70% респондентов пока не предоставлена возможность работать из дома // *Справочно-правовая система «Гарант»:* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/ia/research/1334560/> (дата обращения: 10.04.2020).

А.А. ТАРАСОВ

NBIC-вирус пандемического контроля: quo vadis?*

Аннотация. Коронавирус (COVID-19) эпохи NBIC- (нано-био-инфо-когно) технологий «конвергенции» — это первый в истории NBIC-вирус, т. е. не только биологический, но одновременно нано-инфо-когно-вирус. Все фазы «конвергенции» готовили почву для его появления. NBIC-технологии и NBIC-вирус являются порождением так называемого инновационного режима (по сути сциентистского) функционирования науки. Текущая пандемия — следствие того, что люди оказались лишены истории, в результате чего та возвращается к ним в облики вируса. Одна из важнейших причин этого — торжество тейлоризма, вызывающего эпилепсию общественного сознания. Более конкретным его механизмом сегодня становятся системы социального кредита (рейтингования), связанные с трансформацией менеджмента в так называемый контроллинг. Тем самым причина заболевания оказывается «главным лекарством», панацеей! В более фундаментальном смысле все это — следствие подмены «антропоцентрического» мировоззрения «антропоморфическим».

Ключевые слова: коронавирус (COVID-19), NBIC-вирус, инновационный режим, конец истории, тейлоризм и эпилепсия, радикальный инкрементализм, системы социального кредита (рейтингования), конвергенция как метонимия, сциентизм, контроллинг, антропоморфизм/антропоцентризм, корпоративный сенсориум, Паноптикум/паноптизм.

Abstract. The coronavirus (COVID-19) of the era of NBIC- (nano-, bio-, info-, cogno-) «converging technologies» is the first ever NBIC-virus. Not only a biological one, but also a nano-info-cogno-irus.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20 — 011 — 00173.

All phases of «convergence» prepared the ground for its appearance. NBIC-technologies and the NBIC-virus are the products of the so called innovation mode of science functioning (in fact, scientific). The current pandemic is the result of people being deprived of history, which returns to them in the guise of a virus. One of the most important reasons for this is the triumph of taylorism, which causes epilepsy of the public consciousness. Social credit (rating) systems related to the transformation of management into so called controlling are becoming a more concrete mechanism of this process. Thus, the cause of the disease turns out to be the «main remedy», nostrum, or panacea! In fundamental sense, all this is a consequence of replacing the «anthropocentric»worldview with the «anthropomorphic» one.

Keywords: coronavirus (COVID-19), NBIC-virus, innovation mode, end of history, taylorism and epilepsy, radical incrementalism, social credit (rating) systems, convergence as a metonymy, scientism, controlling, anthropomorphism/anthropocentrism, corporate sensorium, Panopticon/panopticism.

[Спойлер: я вовсе не считаю, что коронавируса нет... (А.А. Тарасов)]

Уникальность угрозы, с которой сегодня столкнулись люди, заключается в том, что этот самый коронавирус (COVID-19) — первый в истории не только и не столько биологический вирус, но одновременно и, может быть, даже в первую очередь, информационный, когнитивный, нано-вирус. Если в условиях 4-й промышленной революции говорят о NBIC- (нано-био-инфо-когно) технологиях конвергенции, то сегодня мы соответственно имеем дело с NBIC-вирусом, действующим одновременно во всех четырех сферах, формах, ипостасях (N-B-I-C). И еще не факт, что именно био-ипостась здесь самая главная... Тогда о болезни какого «тела» нужно говорить? Оказывается, не столько биологического тела индивидуумов, хотя людей, разумеется, жалко, сколько о корпоративном теле бизнеса, государства, общества и т. д. Этот новый NBIC-вирус поражает, прежде

всего, информационно-нано-когнитивную проекцию человека (человечества, человечности). Источник цепных (= вирусных = вир(т)уальных) реакций — NBIC-технологии, порождающие NBIC-вирусы, с которыми предлагается бороться с помощью NBIC-технологий и т. д. по замкнутому контуру. Это и есть конвергенция!

Первым о «технологиях конвергенции» говорил еще Анри Сен-Симон в 1814 г. в своей работе «Реорганизация европейского общества» — об их применении с целью создания на территории Европы «единого бессмертного тела» — «корпорации», управляемой инженерами из Политехнической школы Парижа. Эту идею перенял у него Огюст Конт и все приверженцы социальной инженерии, а затем, с начала XX в., — Фредерик Тейлор и «научный менеджмент», в котором, как известно, научного — почти ничего, зато максимальная концентрация «сциентизма» (его кульминация!). Неслучайно все эти процессы резко ускоряются именно с конца XIX в., когда социология и все бихевиористские науки перестраиваются по образцу эпидемиологии в ответ на стремительное развитие капитализма и демократии.

Совершенно неслучайно, что две науки — социология и биология — получили свои названия практически одновременно (от Огюста Конта и Жана Ламарка соответственно) — в начале — первой половине XIX в., поскольку являются двумя сторонами одной медали, или зеркальными отражениями друг друга. *ОРГАН*изм (биология) и *ОРГАН*изация (социология) — однокоренные слова! Конвергенция «*ОРГАН*изма» и «*ОРГАН*изации», когда первые становятся искусственными, вторые — оживают, есть метонимия — замена целого и простых элементов, сознания и бессознательного.

Далее, как известно, следует идея о конвергенции капитализма и социализма, первоначально высказанная Питиримом Сорокиным в 1944 г. И опять же главным основанием сближения двух противоборствующих систем был (сформулированный в абсолютно троцкистском духе) именно «третий (менеджеральный) класс» с его идеалом «перманентной революции».

В этой историко-идейной последовательности нередко из поля зрения выпадает одна важная фигура — Уоррен Уивер (Warren

Weaver), который в первую очередь известен как один из соавторов теории информации, наряду с Клодом Шенноном, но также и молекулярной биологии, науки, идущей, по словам ее создателя, «по краю неопределенности» (edge of uncertainty) — между живым и неживым, сознательным и примитивным. Как известно, болезнь — это как раз состояние на «краю неопределенности». И одновременно, что такое вирус? Вирус определяется (!) как часть живой, но также и неживой природы. Вирус есть конвергенция живого и неживого, реального и виртуального!

NBIC-технологии и NBIC-вирусы являются порождением так называемого инновационного режима функционирования науки. Ведь что такое инновация? Все сегодня об этом говорят, но мало кто пытается разобраться. Инновация — все то, что вызывает стремительный рост стоимости, прибыли. В сфере науки это стало общим местом с переходом «пальмы первенства», статуса парадигмальной науки от физики к биологии и более конкретно — к биотехнологиям. Как известно, существуют две основные стадии развития любого живого организма: 1) эмбриональная и 2) постэмбриональная. При их сравнении, грубо говоря, 99%, «львиная доля», подавляющее большинство изменений — по объему, масштабу и скорости протекания — приходится на эмбриональную стадию, когда происходит «большой взрыв», при котором из одной единственной клетки возникает протоорганизм, тогда как на постэмбриональной соответственно практически ничего не происходит, в лучшем случае — оптимизация и адаптация к конкретным условиям. Но именно здесь, на постэмбриональной стадии, формируемся мы, люди, как личности, уникальные и сознательные существа. Инновационный режим ради максимизации прибыли предлагает удерживать развитие только на эмбриональной стадии, а все постэмбриональное выкидывается, отбрасывается, поскольку не имеет никакой ценности. При этом все сводится к горизонтальному переносу генетического материала, при устранении вертикального, под которым следует понимать, прежде всего, половое размножение, когда есть родители (папа и мама) и соответственно потомство, т. е. дети [5]. Но если остается только гори-

зонтальный перенос, что тогда мы, люди, при этом получаем, особенно если иметь в виду, что горизонтальным переносом в классической медицине и биологии считается, вообще говоря, патология, инфекция? Ответ неутешительный, поскольку уже далеко не редкостью являются мысли о том, что вирус или раковая опухоль — умнее, эволюционно «продвинутое» и «приспособленнее» нас. Достаточно вспомнить идею трансгуманизма о том, что микробы и вирусы — наши главные друзья и союзники. И вот почему во всем мире в университетах уже почти нет гуманитарных факультетов, департаментов или кафедр — их изгоняют, преследуют, зажимают, репрессируют (обычно как «неэффективные»), зато плодятся и расцветают всякого рода *post-humanities*. «Быть человеком» — это болезнь, диагноз. От этого нужно «лечить» [7, 121—143].

«...Существование в вакууме, бывшее до сих пор привилегией бактерий и микроорганизмов в лабораториях, но постепенно становящееся нашим существованием... Потому что человек, такой, как он есть, со своими настроениями, страстями, смехом, полом, секретами, сам являет собой лишь маленький, грязный зародыш, иррациональный вирус, нарушающий гармонию вселенской прозрачности» [1, 90]. Мы и есть этот вирус! Нано- био-инфо-когнитивный. NBIC, nbic... Это «трансфашизм»: мы все одновременно оказались «террористами» — и лечат нас от нас самих!

Главным фактором нашей совместной, коллективной жизни оказывается примитивная форма жизни — вирус (то ли являющийся частью живой природы, то ли нет). Вовсе не реальные общественные проблемы (неравенство, эксплуатация, несправедливость, упадок и обнищание медицины, низкая массовая культура населения, манипуляция общественным сознанием и т. д.), а какой-то там вирус?! Еще раз: мы сейчас строим (построили) такое общественное здание, которое легко может разрушить (вот так просто — бам! — и катастрофа...) примитивный вирус. Разве мы хотим жить в таком «доме», который трещит по швам от самого элементарного удара?

То, что мы наблюдаем, — это и есть «конец истории», как бы ни возражал Френсис Фукуяма. История стала полностью бессознательной. Сегодняшние попытки зафиксировать историю (всякого

рода разговорами о «коллективной памяти» и прочих эрзацах и симулякрах) — не более чем констатация того факта, что люди лишены истории. Не подлежащая пересмотру (и точка!) история возвращается к нам в облики вируса как главного ее «агента». Отсутствие реальных изменений порождает вир(т)уальное изменение.

Тот, в чьей жизни не происходит изменений, погибает от этого. «Мертвое» — это то, что уже не может измениться самостоятельно. И не важно, является ли коронавирус частью живой или неживой природы, даже естественным или искусственным (сфабрированным), спланирована ли пандемия кем-то (в стиле теории заговора) или это дело случая. Потому что «никто не в состоянии контролировать цепные реакции... Любой несчастный случай или природная катастрофа могут быть истолкованы как террористический акт и наоборот... Вирусы начинают распространяться, как только для них образуется свободное пространство. Это патология 3-го типа» [1, 91].

Вир(т)уальность захватывает тело, сеть или систему, когда они избавляются от всех своих «негативных элементов» и разлагаются в комбинацию простых элементов. Тейлоризм и эпилепсия вместо «капитализма и шизофрении»: 1) «Странная болезнь, поразившая много лет назад кипарисы, была одним из видов вируса, который начал неконтролируемое развитие вследствие минимальной разницы температур зимы и лета, тесному соседству врем е н года» [1, 95]. 2) Нацисты, которые в свое время ввели программу более «эффективного» использования лесов, в рамках которой уничтожили все «бесполезные» растения и деревья, оставив только «нужные», получили двухгодичный «прирост», но уже на третий год реализации леса погибли, потому что не бывает «мусорных» (junk) растений — все они нужны, чтобы был «лес», а не только «деревья». 3) В основе эпилепсии заложен тот же самый механизм: когда все нейроны в мозге возбуждаются одинаково — одновременно и единонаправленно — происходит мгновенная цепная реакция и случается припадок, коллапс. Это и есть главный механизм и эффект «инновационного режима» — удерживать все в узком диапазоне изменений.

В самом широком смысле можно выделить три основные, универсальные схемы развития (природы, общества, науки, культуры):

1) эволюция (соответствующая ей наука — история) — медленная непрерывная цепная реакция; 2) революция (соответствующая ей наука — социология, от чего и связь с социализмом) — единовременное взрывное системное изменение; 3) инновация (соответственно «менеджмент») — конвергенция первого и второго (эволюции и революции), т. е. взрывная системная цепная реакция. Эволюция и революция — вертикальное движение (от простого к сложному, от низшего к высшему, от примитивного к сознательному и т. д.), которому соответствует определенная логика развития. Инновационному режиму с его горизонтальным движением присуща уже только логистика развития. Отсюда и господство универсального тейлоризма с его логистической последовательностью элементарных процессов. От сознательного к бессознательному, от живого к неживому и т. д., поскольку «успешнее других правит тот, кто может упростить систему ценностей до минимума» [3, 173].

Что такое конвергенция эволюции и революции? «Революционизированная эволюция», или «радикальный инкрементализм» (от англ. *Incremental* — постепенный, пошаговый, поэтапный), или все та же «перманентная революция», что на более понятном сегодня языке легко понять как «computation», т. е. эволюционный алгоритм в действии, поскольку «компьютация», т. е. исчисление, изначально является «лабораторной формой» эволюции, экспериментальной искусственной эволюцией — АЕ (artificial evolution), «сжатой эволюцией». Эволюция — это и есть «универсальная машина Тьюринга». Очевидно, что сознательная часть человека, самая интересная для философии и других форм общественного СОЗНАНИЯ (!), в нас не от эволюции, а, наоборот, из противостояния ей, но именно она здесь и исключается из рассмотрения, «выносятся за скобки», поскольку не поддается «исчислению».

Вирус всегда использует слабости в репродукции высших форм жизни. Пока этих слабостей нет — у него нет шансов. Они появляются, когда высшие формы сами себя ставят под сомнение, ослабляют, подрывают свою сознательную жизнь, вследствие чего мы, люди, превращаемся во всего лишь биоту корпоративного тела! Мы и есть «инфекция», против которой направлена, например, новая

форма «корпоративного иммунитета» — системы социального кредита (рейтингования). Мы имеем дело с «аутоиммунным» заболеванием, «эпидемией согласия», «политической лейкемией и упадком, от невидимого, но очевидного влияния Государства» [3, 97—98].

Системы социального контроля (рейтингования) репрезентируют собой энергичные попытки изменить правовой аппарат, заменив его «правосудием по заслугам», просто повысив эффективность контроля, рационализировав его. Здесь подходит знаменитое высказывание Франсуа Вольтера, которое можно перефразировать: системы социального кредита (рейтингования) распахивают двери тюрем, чтобы загнать туда весь мир! Это системы «преступления и наказания», ориентированные не на то, чтобы изменить людей, обращаясь, взывая к их сознанию, совести и т. д., но без всяких промежуточных звеньев ориентированные, прежде всего, на электронно-статистическое управление (программирование) всем населением. Поскольку, «будь сеть покрепче, а ячейки помельче, в нее попала бы значительная [его] часть» [3, 171]. Здесь все сводится к простой попытке идентифицировать неуправляемые группы и найти способ ими управлять, что особенно актуально в условиях господства социальных медиа. (Совершенно неслучайно Китай использовал историю с коронавирусом, чтобы усмирить Гонконг. К тому же, его власти уже предупредили население, что после отмены карантина, когда «все вернется на круги своя», ему придется работать и по субботам-воскресеньям, чтобы наверстать упущенное за время простоя. Осторожно, тейлоризм!) И даже в обыденной жизни эти и подобные им системы, основанные в том числе, например, на электронном распознавании лиц, абсолютно беспрецедентны: разве мы, люди, строим свои социальные, межличностные, правовые отношения на основании того, «у кого что на лице написано»? Нет! Напротив, нас интересуют чувства и мысли, сознательные состояния и установки, ценности человека, его реальные действия. В противном случае получается «тотальное НЛП!» (= новое «язычество») То есть еще одна из форм сциентизма, а вовсе не науки!

Прямым западным (а значит, и более «продвинутым») аналогом («завтрашним днем») китайских и индийских «систем социального кредита (рейтингования)» является так называемый контроллинг (controlling) — термин, который сегодня де-факто уже заменил, вытеснил устаревший «менеджмент». Это понятие прямо указывает на то, что главная характеристика управления сегодня — не то, какие цели оно ставит, а то, как оно их формирует. «Контроллер» (двусмысленное «словечко», поскольку одновременно отсылает и к «контролеру», и к устройству ввода информации в электронной и компьютерной технике и программах) производит не цели, а техники установления целей (рис. 1).

Рис. 1. Переход от менеджмента к контроллингу

Главная идея здесь в том, что классические для менеджмента функции — планирования, организации, мотивации и контроля — поглощаются одной доминирующей функцией «контроля», который должен быть настолько детализированным (тотальным), чтобы мог автоматически заменить собой, вытеснить все остальные. Например, нужно собрать столько контрольной информации, сконцентрировать на этом все усилия, чтобы после этого планировать уже вообще больше не потребовалось, в результате чего должен возникнуть «замкнутый контур». А если что-то идет не так, значит, детализация контроля недостаточна, и нужно дальше разбивать все на части и элементы. Если коротко, то: контроллинг = менеджмент + кибернетика

(их конвергенция!). Контроллинг — следующий этап тейлоризации (тейлоризм 2.0) эпохи 4-й промышленной революции.

Sapere aude! Нужно «осмелиться знать», заглянуть еще глубже, чтобы понять суть происходящего сегодня. Для этого обратимся к одному из самых фундаментальных различий (вечной борьбе, противостоянию), сопровождающих человеческую культуру и цивилизацию на протяжении всей истории — между антропоцентризмом и антропоморфизмом. На первый взгляд, различие не очень большое или непринципиальное, в действительности же производящее две абсолютно разные реальности. Проще всего его понять, если сформулировать в религиозных терминах, поскольку антропоморфизм соответствует языческому, мифологическому, кармическому, пантеистическому религиям, включая постмодернистский атеизм, а антропоцентризм — монотеистическому религиям. Итак: 1) в основании антропоморфизма лежит идея о том, что «мир и боги созданы по образу и подобию человека» (отсюда представление о том, что живым является все — и камни, и вода, и деревья, и вся Земля, и весь Космос, и даже вирус и раковая опухоль и т. д.); 2) в основании антропоцентризма лежит знаменитая формула «*imago Dei*», согласно которой «человек (и только человек) создан по образу и подобию Бога (одного и только одного)», а значит, это не только возможность раскрыть свой «божественный» потенциал (хочу — раскрываю, не хочу или не могу — не раскрываю), но прямая и самая главная обязанность человека.

Антропоморфизм «познает» мир по аналогии с человеком, сравнивая его с ним, и постоянно находит подтверждения несовершенства этого «образца» по сравнению с животными, микробами, космическими и просто природными силами, что заставляет видеть в нем какое-то убогое животное, песчинку, даже aberrацию. Здесь человек зафиксирован. Это «вульгарный» гуманизм. Для «улучшения» человека, в рамках этого мировоззрения, нужно чтобы он перестал быть человеком. Напротив, в антропоцентризме человек является «проекцией» Бога. Но мы не знаем, что такое Бог. Ключом к этому

знанию является человек, через которого, посредством его духовного (а не просто вульгарно-материалистического, как в техно-транс-гуманизме) совершенствования, мы должны, обязаны, «сформировать» этот образ, постепенно, шаг за шагом приближаясь к нему. Для этого надо создавать условия, очеловечивая природу и мир вокруг нас (опять же, не в вульгарно-материалистическом смысле, а в духовном), для чего люди изобрели много инструментов, в том числе и институциональных.

Речь, например, идет о корпорациях, каковыми в Средневековье были монастыри, университеты, гильдии, государства (!), а позднее к ним присоединились торговые, или, как говорят сегодня, бизнес- и транснациональные корпорации, ассоциирующиеся в наши дни с корпорациями в первую очередь. Первоначальным же и главным смыслом и целью их существования было «бессмертие», но не вульгарно-материалистическое, как это делает современный техно-транс-гуманизм, но духовно-институциональное. Ведь если человек — *imago Dei*, то в нем уже есть «божественный», т. е. бесконечный потенциал, который нужно просто увидеть, разглядеть, поспособствовать тому, чтобы он мог проявиться и реализоваться, перейти из «виртуального», «потенциального» состояния в реальное. В том числе посредством определенных «духовных» и «морально-аскетических» техник, но также и создания социально-институциональных условий, «рамок» для развития человека. Отсюда и смысл слова «корпорация» — от латинского «*corpore*», что значит «тело». (Достаточно вспомнить «Левиафан» Томаса Гоббса и менее знаменитое его сочинение, в котором излагаются по сути те же самые идеи — «*De corpore*».)

Корпорация — это тело, состоящее из отдельных людей, но к ним и их интересам не сводимое. Наоборот, они сами примыкают к нему. Как клетки в нашем организме — появляются и погибают, а им на смену приходят другие — при этом тело (его «идентичность», как модно говорить сегодня) остается то же самое. Это воплощение идеи бессмертия. Как индивиды мы не можем быть бессмертными, но социально — да, подключаясь к таким «телам», «искусственным личностям». И для этого мы должны отбросить свои партикулярные,

частные интересы. Поэтому в университете вступительные экзамены и строгий порядок получения знаний, испытаний на лояльность, приверженность «бессмертной» идее (получения, развития и распространения знаний). Особенно, например, в медицинском, поскольку здесь добавляется еще одна «антропоцентрически бессмертная» цель — служение здоровью людей! Далее, в монастырь, как известно, «со своим уставом не ходят». На государственной службе тоже целая система отбора, ценза и т. д. Таким образом, человек отказывается от личного, сиюминутного, «вульгарного», или на философском языке — абстрактного, но взамен получает доступ к «бессмертию», подключается к нему (опять же, если говорить по-философски, — к «конкретному»). В социально-духовном плане. Это и есть духовный, антропоцентрический «(транс)гуманизм». В этом смысле настоящий гуманизм — всегда немного «транс». Это, в том числе, и ответ на вопрос: в чем заключаются сверхчеловеческие возможности людей в социуме? Или, можно ли говорить, что социология и трансгуманизм своими целями взаимосвязаны? А также, почему, например, в действительности, философия науки — частный случай социальной философии, а не наоборот? Потому что, как мы видим, «клеточная теория» существовала в социально-гуманитарной сфере задолго до биологии, только была сформулирована в религиозных терминах.

В русской религиозной философии эта идея противоречия языческого, пантеистического «антропоморфизма» (космотеизма) и монотеистического «антропоцентризма» выражается в форме радикального антагонизма «Человекобожия» (mangodhood), или поклонения «антихристу» и соответственно «Богочеловечества» (godmanhood), или веры в Христа. Сегодня в этой связи достаточно взглянуть на церковь и беспрецедентное «онлайн-православие»: все растворяется до «данных» и «информации»...

Отсюда же становятся и более понятными смысл и источник всех нано-инфо-когно-технологий, которыми мы все сегодня окружены (будь то смартфон, персональный компьютер, нетбук, любые датчики или сенсоры). Все эти медиа, электронные и компьютерные

технологии являются «корпоративным сенсориумом». Для понимания этого достаточно вспомнить такую малоизвестную и непереуслышанную на русский язык работу духовного отца неоллиберализма Фридриха фон Хайека «The Sensory Order» [8], в которой он описывает «сенсорный аппарат» — нет, не человека! — но «корпоративного тела». Но здесь уже не мы познаем, а нас познают! Причина такой ситуации — все та же самая «инверсия», метонимия, «мимикрия», когда «корпорация» как антропоцентрическое тело, т. е. орган, «производящий» в нас «человека», начинает использоваться антропоморфически уже для производства чего-то другого из нас самих, из людей, на нашей основе, паразитически. Негативная диалектика!

Одной из принципиальных ошибок управленцев любого уровня (государственных чиновников, ректоров, топ-менеджеров и пр.) в ситуации дистанционной работы, обусловленной карантином, было бы прямое дублирование, перенос административных процессов и структур в «онлайн» среду. Что, напротив, требуется — воспользоваться ситуацией, удобным, уникальным моментом для того, чтобы, наоборот, избавиться от них [9, 9—15]. Если людей сегодня беспокоит опасность возникновения тотального контроля со стороны власти, значит, нужно «перевернуть» отношение и направить все эти «системы социального кредита (рейтингования)» на абсолютную прозрачность, транспарентность самой власти. Нужны «очеловечивание», «антропоцентризация» государства, науки и медицины.

Многие критикуют сегодня знаменитый проект «Паноптикум» Джереми Бентама, забывая, что столь одиозным он стал благодаря Мишелю Фуко, который в действительности искажил изначальный замысел. «Паноптикум» — универсальный проект устройства любого общественного учреждения, но (!) в первую очередь — государственных учреждений, где не власть следит за гражданами, а граждане имеют возможность из любой точки наблюдать за властью. Мишель Фуко поставил все «с ног на голову». Идея Джереми Бентама — «Паноптикум», у Мишеля Фуко мы видим нечто принципиально иное, даже прямо противоположное, — паноптизм, отличие, прямо

соответствующее антагонизму науки и сциентизма [4]. (Не случайно, NBIC-технологии еще называют Public Relations (PR) науки [6, 111].)

Один из вариантов критерия отличия настоящей науки от ненастоящей, собственно науки от сциентизма, т. е. «науки за пределами науки», как известно, в свое время предложил Макс Вебер (1864—1920) в своей знаменитой лекции и соответственно работе «Наука как призвание и профессия» [2]: настоящий ученый — тот, кто исследует, прежде всего, себя, рискует самим собой; а тот, кто рискует не собой, а кем-то или чем-то другим — не настоящий ученый, поскольку в первом случае ставка проведения исследования или эксперимента высока — собственная жизнь, судьба, ученый ставит на кон все, что у него есть, тогда как во втором случае всегда можно легко «выйти из игры», просто сказав, что «все или что-то пошло не по плану», и почти без последствий. Если человек не готов рисковать собой и всем, что у него есть, но только чужими судьбами (тем более судьбами миллионов людей) и средствами (тем более гигантскими, каких требует современная техно-наука), значит, это не «наука». Безусловно, в этом критерии Максом Вебером заложена попытка вернуть науке человеческое лицо, облик, сделать ее вновь «человекомерной», антропоцентрической.

Удивительно, но можно считать, что Макс Вебер своей собственной жизнью и смертью подтвердил то, что сам предписал настоящему ученому: он умер ровно 100 лет назад, 14 июня 1920 г., от знаменитой испанки. История повторится почти точь-в-точь уже в 2020 г., когда от коронавируса умирает другой подвижник — китайский врач Ли Вэньлян (Li Wenliang), который заговорил о смертельной угрозе всему человечеству еще в ноябре — декабре 2019 г., после чего китайское правительство запретило ему распространять «панические слухи», хотя он продолжил работать в очаге заражения (г. Ухань), за что заплатил собственной жизнью 7 февраля 2020 г.

P.S. Главное, что мы должны понять (или вспомнить, как учил Платон), даже не по итогам пандемии, а для того, чтобы по-настоящему справиться с ней: что такое человек; что значит быть человеком; что нужно в первую очередь, чтобы быть им, чтобы была

возможность стать им, а не чем-то иным. Кто-то скажет: главный вопрос — «как лечить людей?». А вот и нет! Потому что мы не сможем ответить на него без предварительного ответа на антропоцентрический вопрос: зачем мы (вообще) лечим людей? Без этого медицина обречена... Нужно выйти из (проснуться от) замкнутого антропоМОРФического круга (сна)!

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2009. 387 с.
2. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707—735.
3. *Кристи Н.* Контроль над преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца. СПб.: Алетейя, 2012. 208 с.
4. *Brunon-Ernst A.* Beyond Foucault: New Perspectives on Bentham’s Panopticon. L.: Ashgate Publishing, 2012. 230 p.
5. *Cooper M.* Life as Surplus: Biotechnology and Capitalism in the Neoliberal Era. Seattle: University of Washington Press, 2008. 222 p.
6. *Fuller S.* Humanity 2.0: What it Means to be Human Past, Present and Future. L.: Palgrave Macmillan, 2011. 265 p.
7. *Hauskeller M.* Mythologies of Transhumanism. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 225 p.
8. *Hayek F.A.* The Sensory Order. An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology. Chicago: The University of Chicago Press, 1952. 209 p.
9. *Žižek S.* Pandemic! COVID-19 Shakes the World. N. Y., L.: OR Books, 2020. 115 p.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Начало*

Аннотация. Мириады транзакций превратили деньги в чрезвычайно сложную, самоорганизующуюся систему, реализующую Единство капитала. Цифра сбросила с себя устаревшую денежную оболочку и стала властью. Человечество должно осознать, что единственный способ противостоять вытесняющей человека цифровой цивилизации — стать единым организмом.

Ключевые слова: отчуждение человека, самоорганизация денег, власть цифры, COVID-19.

Abstract. Myriad transactions have turned money into an extremely complex, self-organizing system that implements the Unity of Capital. The figure threw off its outdated monetary shell and became a power. If we want to survive — we must be a single organism, this is the only way to resist the digital environment that is displacing people civilizations.

Keyword: alienation of a person, self-organization of money, power of numbers, COVID-19.

Вот и грянул гром. Обычно в минуты опасности пробуждаются религиозные чувства. Сложно, очень сложно в современном мире быть человеком. То, что сейчас происходит, — закономерный итог многовековой борьбы. Все ближе точка бифуркации человеческой природы — либо вниз, на унизительную и временную роль киборга, либо вверх, к тому, что лицемерно обещали «выразители» чаяний народных масс в годы «красного дурмана».

Вниз проще, в чем-то веселее и понятнее. Материя предпочитает путь наименьшего сопротивления. А начиналось все вполне безобидно. С запретного яблока — с осознания человеком себя как отдельной личности. Отдельной от других, иной, особой,

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 87—90.

отчужденной. А дальше отделение начало развиваться по восходящей. Отдельные личности производили отдельные продукты в определенных меновых отношениях т. е. еще на заре человеческого развития, в самых примитивных сообществах, появилась цифра. Люди еще не создали письменность, но уже умели считать — хотя бы до двух, но умели!

Первоначально цифра была скромным посредником в торговых операциях. Но чем дальше развивалось экономическое обособление, чем более развитым и всемогущим становился рынок, тем чаще люди прибегали к цифре, оценивая ею и жизненный успех, и саму жизнь.

У цифр, как и в обществе, возникла своя иерархия. На вершину этой пирамиды встали цифры индивидуальные, описывающие человека и его благосостояние. Цифры чеканились на драгоценных металлах, за цифры воевали и умирали. Наиболее жестокие и удачливые запасались цифрами в больших количествах, но даже самый великий человек был ограничен рамками своей жизни, человек умирал, а цифры оставались и множились в закромах империй. Из скромного посредника в торговле цифра, оседлавшая презренный металл, уверенно превращалась во властелина мира.

Однажды в погожий майский денек, задолго до теперешних экологических катаклизмов, в лесу раздались выстрелы. На поляну выбежал олень. Вся компания замерла от неожиданности. Олень был всего в двух метрах и никого не боялся. И только, когда кто-то не выдержал и пошевелился, он моментально исчез в зарослях. Все живое должно двигаться. Если что-то неподвижно, то оно неживое и неопасное. Это глубинное восприятие жизни существует и в подсознании человека. Монеты в сундуках сами не двигались, были неживыми, и их опасность не могла в принципе восприниматься человеческим сознанием.

Недвижимость денег в сундуках властителей устраивала далеко не всех, каждая обособленная личность жаждала своей доли,

и маховик буржуазных революций разрушил иллюзии многовековой стабильности. Люди с упоением побежали по пути «прогресса», а вместе с ними помчались и их деньги. Движение денег создало новую форму их бытия — капитал, феномен растущих, саморазвивающихся денег, подчиняющих и подминающих своих номинальных владельцев — людей.

С развитием информационных технологий капитал выпрыгнул из своей «золотой люльки» и превратился в цифры в компьютере. И если раньше человек не опасался денег, потому что они были неподвижны, то сейчас они стали невидимы, и возможности человеческого контроля над ними резко сократились.

О всемогущий фантом искаженного человеческого духа! Деньги в отличие от человека не спят. Мириады транзакций превратили деньги в чрезвычайно сложную, самоорганизующуюся систему, реализующую Единство капитала.

Формирование единого цифрового поля глобального капитала привело к трем, чрезвычайно важным последствиям.

1. Единство капитала предполагало увеличение степени связанности мира и стремление к ограничению материального ущерба, что сильно изменило саму природу войн — они стали торговыми, финансовыми, информационными, химическими, климатическими, биологическими и лишь в последнюю очередь — в форме физических боевых действий.

2. Деньги, подобно личинке, превратились в бабочку — если раньше человечество изнывало под властью денег, теперь люди попали под власть цифры. Криптовалюты, искусственный интеллект, большие данные — цифра сбросила с себя устаревшую денежную оболочку и стала властью. Используемая в искусственном интеллекте эволюция алгоритмов сделала людей заложниками решений компьютера. Человек может лишь в общих чертах понять, как появляется подсказанное машиной решение, в том числе и «блистательная» идея боевого вируса.

3. Власть цифры требует полного подчинения людей, разрушения общественной системы: всех человеческих взаимосвязей,

которые не опосредованы компьютером. Но чтобы заставить людей отказаться от самих себя, заставить разрушить то, что создавалось веками, их нужно запугать. И у COVID-19 это хорошо получается. Система электронного рабства создается ударными темпами, страны соревнуются друг с другом в скорости процесса, и всё, разумеется, во благо жизни, во благо человека...

Выбор не богат: либо люди вспомнят христианскую веру и поймут, что каждый человек лишь часть единого организма, либо человечество уйдет в историю как одна из реликтовых форм разумной жизни планеты Земля. Спасти и выжить мы можем только сообща. Погибнуть же можем все вместе и поодиночке. И какая разница, кто уйдет позже.

Г.С. ШИРОКАЛОВА

Коронавирус и «служебные люди»*

Аннотация. Коронавирус актуализировал проблему выбора будущего развития человечества. В статье анализируются позиции либералов, государственников и сторонников социализма. Автор приходит к выводу, что будет реализована либеральная программа, а коронавирус создал условия для ее скорейшего осуществления. Технологии управления большими массами людей и каждым в отдельности отработаны настолько тщательно, что позволяют решать задачи, противоречащие интересам большинства. Создание подвида «служебный человек» — услуги для элиты — прописано поэтапно. Потребительское общество превратило человека в биосоциальное существо, для которого возможность удовлетворения сиюминутных потребностей «ниже пояса» стала решающей при выборе образа

* Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 235—252.

жизни. В России нет социальной базы, способной отстаивать собственные права даже дня сегодняшнего, не то что сравнительно отдаленного будущего. Социальная солидарность осталась в советском прошлом, ностальгия о котором дает психологическую защиту от реальности, но не служит ориентиром для личных стратегий.

Ключевые слова: коронавирус, либерализм, социализм, коммунизм, служебные люди.

Abstract. Coronavirus updated the problem of choosing the future development of mankind. The article analyzes the positions of liberals, statesmen and supporters of socialism. The author concludes that a liberal program will be implemented, and the coronavirus has created the conditions for its speedy implementation. The technologies for managing large masses of people and each individual are so thoroughly worked out that they allow solving problems that are contrary to the interests of the majority. The creation of a subspecies of the «service man» — servants for the elite is spelled out in stages. Consumer society has turned a person into a biosocial creature, for whom the ability to meet immediate needs «below the belt» has become crucial when choosing a lifestyle. In Russia there is no social base capable of upholding the rights of today, not that of a relatively distant future. Social solidarity remained in the Soviet past, nostalgia about which provides psychological protection from reality, but does not serve as a guide for personal strategies.

Keywords: coronavirus, liberalism, socialism, communism, service people.

Коронавирус активизировал обсуждения проблемы будущего Российского государства. Каждая из сторон пытается использовать ситуацию как аргумент правоты своей позиции, а исполнительная власть тем временем реализует свой сценарий.

Традиционный подход к социальной сущности государства представлен в публикациях А. Бузгалина и А. Колганова. Будущее страны, социальной группы/класса, индивида определяются классово-природой государства. Первая ипостась — «государство как власть бюрократического аппарата, используемое для присвоения

чиновниками административной ренты как легальными, так и теневыми способами (государство-бюрократ). Вторая — государство как аппарат по управлению делами господствующего класса, регулирующий в его интересах условия воспроизводства всего общественного капитала и к тому же представляющее собой особый крупный капитал, выступающий самостоятельным игроком как на финансовом рынке, так и в реальном секторе экономики (государство-капитал). Третья — государство как актер, обеспечивающий реализацию общенародных интересов и, в частности, некоторый набор социальных гарантий, безопасность, решение экологических проблем и т. п. (государство-общество)» [1, 4]. Не будем дискутировать по поводу того, к первой или второй группе относится российское государство, очевидно — что не к третьей. Таково мнение и у большинства населения страны, как показывают материалы социологических опросов, о которых речь пойдет ниже. Можно говорить о степени либеральности курса правительства за последние три десятилетия, но нельзя отрицать очевидное.

Дал ли шанс коронавирус ускорить реализацию давних целей всем силам политического спектра? По нашему мнению, борьба концептов продолжается, как и прежде, на теоретическом уровне, на практике же правительство проводит либеральный курс. Рассмотрим, каковы основные ориентиры.

Либеральную парадигму развивает Комитет гражданских инициатив — организация, включающая в свои члены настоящих и бывших чиновников высокого уровня, ученых и представителей СМИ либеральной ориентации. Эксперт КГИ А. Колесников, руководитель программы Московского центра Карнеги, член международного научного совета Финского института международных отношений, задает вопрос: «За счет чего государство будет столь вольготно располагаться в экономике после пандемии? Парадоксальным образом, единственный выход для него — это уйти из экономики, заняться дерегулированием и превращением себя в арбитра — такая идеальная либеральная ситуация». И далее: «...когда правительство уходит из экономики, она начинает чувствовать себя лучше после кризиса. Мы сейчас тоже войдем в эпоху, которая будет посткризисной» [8].

Как видим, мантра в аргументации все та же: только свобода предпринимательства избавит население от нищеты.

Устойчивость сословной/кастовой сущности рыночного государства придадут изменения в системе образования. По мнению вице-президента корпорации «Российский учебник» А. Галиева, массовый переход школьного и высшего образования на дистанционные форматы, произошедший в марте 2020 г., дал возможность «воспользоваться этим кризисом как шансом для переосмысления роли и места самого института школы в нашем обществе». Точнее: увеличить «степень самостоятельности школ — во всем, включая выбор учебников и других образовательных инструментов, а также структуру расходов. Самостоятельность в данном случае является синонимом ответственности. Только самостоятельная и ответственная школа способна быстро и адекватно реагировать на изменение любых обстоятельств, включая чрезвычайные» [2]. Опыт последних лет привел к разрушению социального государства, что особенно явно проявилось в сельской местности, но либеральная цель оправдывает средства.

Эти предложения вписываются в Образовательный Форсайт 2030, разработка которого началась в 2007 г. [19]. В 2013 г. был издан Доклад «Будущее образования: глобальная повестка», в создании которого участвовали Агентство стратегических инициатив при Президенте РФ, ВШЭ, Сколково и др., что позволяет рассматривать Доклад как государственный заказ [12].

Неявная политическая цель Доклада — создание сословного/кастового общества — в полной мере обеспечивается прописанной там реформой образования.

«1. Обучение будущего будет высокостратифицированным и будет определяться возможностями доступа (в том числе стоимостью этого доступа) к уникальным носителям компетенций “гуру” и сообществам практик.

2. Массовые знания и навыки будут передаваться в первую очередь за счет автоматизированных решений (на первых этапах за счет гибридных онлайн/офлайн форматов, как в *blended learning*,

а далее в работе с полностью автоматизированными системами — наставниками.

3. “Живое” обучение будет сравнительно более дорогим и, как следствие, будет носить “премиальный” характер... Содержание этого обучения будет сосредоточено не на передаче общедоступной информации и отработке рутинных упражнений, а на выработке сложных надпредметных компетенций, связанных с творческим мышлением и поддерживающим его психофизическим “настроем”. Важной частью такого живого обучения должна также быть работа с ценностями и предельными смыслами» [12, 10].

Что касается государства, то его основной задачей станет управление гражданской идентичностью, которая достаточно эфемерна, поскольку лояльность глобальных элит сообществу выше, чем лояльность странам. Трансформация государственной инфраструктуры произойдет через несколько десятков лет, так как «должны вырасти и занять свои места в общественной элите люди, для которых мысль об исчезновении государства и замене его другими механизмами координации будет вполне естественной» [12, 15].

Социальная база таких преобразований (игроки «ЗА») — прогрессивные университеты («оседлать тренд»), НКО (реформаторы), регуляторы (образование как инструмент политики), «сознательные» родители, внеуниверситетские и молодые исследователи, крупный бизнес (развлечения, медицина, детские товары). Игроки «ПРОТИВ» — организованные религии, академическая элита, регуляторы (внутренняя политика), преподавательско-учительский корпус, родители-консерваторы. Неопределившиеся игроки: «лишние люди» (жертвы прогресса), работодатели, новые мировые лидеры (Китай, Индия) [12, 53].

Государственники в этой статье представлены экспертами Московского экономического форума (МЭФ), созданного как альтернативная площадка Гайдаровскому форуму в 2013 г. председателем Совета директоров группы компаний «Новое содружество»,

председателем Федерального Совета ВПП «Партия Дела» К.А. Бабкиным. Видение будущего России изложено в документе «Принципы стратегии экономического развития России до 2025 г.» [18].

17 марта 2020 г. прошла специальная сессия МЭФ-2020: «Новый Курс. Время действовать. Деньги в Россию!». Оценивая ситуацию в стране, Бабкин заявил: «Либеральная модель перестала быть продуктивной» и нужна иная «четкая идеологическая линия». «...Наша задача на современном этапе сделать так, чтобы наше общество... рассматривало нашу страну как самодостаточную цивилизацию. ...мы должны добиться того, чтобы политика правительства была целостной и была нацелена на усиление нашей экономики, усиление нашей цивилизации». Для этого нужны: стимулирующие отечественное реальное производство налоговая политика, денежно-кредитная политика и разумная внешнеторговая политика. «Мы хотим, чтобы государство, общество регулировало рынок, направляло деятельность участников в созидательное русло, а не на спекуляции и на вывод денег из страны». По мнению Бабкина, некоторый отказ от либерализма, проявившийся в Национальных проектах, последовал в том числе благодаря работе МЭФ [16].

Путь достижения цели — вовлечение широких масс творческих людей в процесс разработки образа будущего и убеждение правительства в необходимости поворота на новый курс созидания и развития [22]. Необходимость выхода из экономического кризиса, совпавшего с пандемией, дает шанс отказаться от идеологии либерализма.

Доклады на сессии развивали общую установку, заданную в выступлении К.А. Бабкина. Причины неэффективности государственной экономической политики, по мнению С.Ю. Глазьева в том, что «за любой экономической политикой стоят чьи-то интересы», в данном случае — интересы банков, которые имеют большую маржу на валютных операциях, чем на кредитовании развития реального сектора экономики. Отсюда необходимость усиления влияния государства на финансовый сектор с целью кардинального изменения его политики. Наиболее жестко охарактеризовал состояние страны

М.Г. Делягин: государство является самым эффективным управленческим механизмом в истории человечества, весь вопрос в том, кому оно служит. Оно может быть «врагом народа», а может «служить народу», модернизируя инфраструктуру [16].

Критика политики государства, звучащая на всех площадках МЭФ с 2013 г., справедлива и конструктивна. Понятна и установка на поиск социальной базы изменений — вовлечение широких масс творческих людей в процесс разработки образа будущего и убеждение правительства в необходимости поворота на новый курс созидания и развития [22]. Только слишком мала информационная площадка МЭФ. Игнорирование МЭФ со стороны СМИ напрямую влияет на число просмотров/подписчиков их сайтов. Форумы важны — знакомство с единомышленниками придает уверенность, но это ли социальная база, которая сможет переориентировать политику государства?

Кроме того, представление о будущем не проработано в документах, а следовательно, и в выступлениях руководства Партии Дела. Что означает следующая фраза: «Вместо того чтобы трудиться качественно на творческих рабочих местах, вкусно кушать и хорошо пахнуть, наши люди оказываются мало востребованы, экономят каждую копейку, что совершенно недопустимо в такой потенциально богатой стране, как наша»? Это оговорка по Фрейду, описывающая круг потребностей, интересов и место большинства населения в будущей «самодостаточной» российской цивилизации? Или констатация необратимых процессов изменения менталитета россиян, произошедших в обществе потребления? История доказывает, что народ «покоряет вершины», когда есть великая общая цель. Качественный творческий труд ради хорошей еды и дорогого парфюма такой не назовешь.

Искреннее уважение вызывает последовательная работа команды К.А. Бабкина, когда в условиях «а Васька слушает, да ест...» она отстаивает свою позицию в самых разных формах. Но ее настойчивость или угрозы окончательной утраты суверенитета, а следовательно, перераспределения собственности в пользу иностранного капитала заставили власть принять Национальные программы.

При этом, конечно, учитывалась и пропагандистская цель: обещания — удобное средство снижения социальной напряженности. Отсутствие же ответственности за несоответствие провозглашенных целей реальным результатам доказывает, что финансирование Программ определяется уровнем риска интересов олигархического капитала, в том числе зарубежного. Есть он — финансирование идет, нет — перераспределяется в пользу «строителей» Олимпиад, Универсиад и футбольных команд...

Пандемия спровоцировала появление мнения, согласно которому мир должен будет полеветь. *Социалистическое крыло* представим статьей директора Института социэкономки Московского финансово- юридического университета А.В. Бузгалина, участника многих МЭФ. Подписчикам сайта «Альтернатива» 2 апреля 2020 г. была разослана его статья «Коронавирус рождает импульс коммунизма» [23]. Оценивая ситуацию, автор провозглашает неизбежность двух альтернатив: либо коммунизм, либо варварство, вплоть до коричневой чумы. С таким прогнозом могу согласиться. Признаками первого варианта Бузгалин называет тот факт, что в условиях пандемии «впервые после ухода “реального социализма” миллионы людей всерьез задумались о важности иных, нежели деньги, бренды и тренды, ценностей». Задумались, потому что «борьба всех против всех и невидимая рука рынка не могут решить проблем пандемии — для борьбы с ней требуются по преимуществу нерыночные меры ...государственное регулирование и общественная инициатива, взаимопомощь, самоограничение, подчинение своего “эго” решению общей проблемы». Опыт показал, что в странах, где слаб общественный сектор и государство ориентировано на интересы олигархов, пандемия сильнее. Государство должно социализировать, т. е. взять под общественный контроль здравоохранение, социальное обеспечение, инфраструктуру, энергетику и связанные с ними производства. Реализация этой задачи зависит «и от граждан, от того, насколько внятно, последовательно и активно мы потребуем этого от власти». «Средства на преодоление пандемии должны дать миллионеры и миллиардеры, ограничив не инвестиции, а личное потребление».

«В массах зреет понимание того, что этих надо заставить, как минимум, поделиться». Это начинает понимать и государство. «Принцип неприкосновенности частной собственности и интересы максимизации прибыли должны отойти на второй план».

Действительно, административные решения, ресурсы, выделяемые на борьбу с пандемией, можно рассматривать как активизацию социальных функций государств. Но причина этого не в проснувшемся человеколюбии: оказалось, что «элита» и «средний класс», во-первых, в силу своей мобильности в большей степени подвержены заражению, во-вторых — без «прислуги», «вареных овощей», «совков», «нищобродов» им не обойтись... Особенно, если «затянув их пояса» можно восстановить выпадающие доходы.

Да, есть и добровольчество: пение с балконов, видеообращения, транспортная помощь медикам... Что ж в любой популяции рождаются альтруисты, это генетически заложено для ее выживания. Под влиянием социальных факторов их число может увеличиваться или уменьшаться за счет других групп, но это ситуативное явление. Когда Россия выиграла право на сочинскую Олимпиаду, в докладе на Этнографическом конгрессе директор Института этнологии и антропологии В.А. Тишков заявил, что ее итогом будет единая российская идентификация, общество осознает себя как единая нация и привел в пример Норвегию, «забыв» про массу других объективных постоянно действующих факторов, не позволяющих проводить аналогии. Потом была Универсиада, мост во Владивостоке на остров Русский, Чемпионат мира по футболу, мост в Крым... а «Германна все нет...». В России нет социального мира. Расслоение по всем позициям будет нарастать. Гражданское общество не формируется на «территории обмана», который «воспроизводим мы сами. Он стал стилем жизни на работе, в семье, в дружбе. Мантра «Все сейчас так живут» снимает нравственные ограничения и психологическое напряжение за счет распада сознания» [24, 170—171].

Заголовок статьи Бузгалина обещал, по меньшей мере, призыв к национализации природных ресурсов, но все свелось к требованию к государству и олигархам ограничить брендовое потребление под давлением масс. Это не упрек автору — уверена, он понимает, что

социальной базы даже под такие минимальные требования в России нет. Но когда чувствуешь угрозу фашизма, будешь искать любые факты, чтобы убедить себя и других, что возможна альтернатива — коммунизм.

То же можно сказать и о КПРФ. Напомним, из 15 поправок к Конституции вторым (не первым!) было требование «Зафиксировать принадлежность природных недр России ее народу, гарантировать всем гражданам страны достойную долю дохода от добычи полезных ископаемых [17]. В конце 1980-х у КПРФ был ложный лозунг — против продажи сельскохозяйственных земель. Ложный потому, что не менее разрушительна для социального государства продажа земель любых категорий. Сейчас же из всех природных ресурсов выбраны только недра. Напомним, согласно Гражданскому кодексу, к природным ресурсам относится не только то, что *под* землей, но и то, что *на* ней и *над* ней. Как тут не вспомнить продавца воздуха...

У России нет перспективы возвращения не только к социализму, но и к социальному государству. Нет субъекта для такого тренда. Хотя, казалось бы, результаты исследований свидетельствуют об обратном. Опросы Левада-центра фиксируют рост желающих решительных перемен в стране за последние два года с 42 до 59%. За стабильность режима — 8%. Более половины респондентов полагают, что реформы возможны при условии серьезного изменения политической системы, а на перемены с сохранением существующей системы согласны 34% [14].

Осенью 2019 г. самыми острыми проблемами назывались рост цен и безработицы, коррупция, недоступность медицинского обслуживания и образования, обнищание населения [10]. Но вера в борьбу с коррупцией у населения тае: аресты коррумпированных чиновников более 50% считают переделом сфер влияния и отвлечением населения от более насущных проблем, лишь четверть оценивают их как реальную борьбу с ней [11].

В Конституции РФ Россия названа социальным государством. Не считают страну таковой даже 64% либералов, противоположное мнение у 11% [21].

Другое исследование Левада-центра подтверждает, что внятного представления о будущем государственном устройстве у населения нет. О распаде СССР жалеют 65% и считают советскую эпоху лучшей в истории страны 75%, но вернуться на прежний путь согласилось бы — 28%. Странников особого пути — 58%, европейского варианта — 10% [15]. Борьбаться против падения уровня жизни готовы через участие в митингах протеста — 27%, в протестах с политическими требованиями еще меньше — 20% [20]. Но это лишь вербальная готовность. Российский народ утратил свою субъектность после распада СССР.

Каков же постпандемический сценарий? Субъект социального действия не обязательно должен быть многочисленным. В современных условиях важнее, у кого административная власть, поскольку разработаны принципиально новые технологии управления массами. Следовательно, неизбежно усиление либерализма с уклоном вправо. Конечно, от того, какой именно либеральный клан придет к власти, зависят нюансы политики. Именно нюансы.

Сценарий будущего России убедительно описал со ссылками на соответствующие официальные факты директор «Курчатовского института» М.В. Ковальчук, выступая еще в 2015 г. с докладом в Совете Федерации РФ. Сегодня можно утверждать, что реализация этого сценария не только неизбежна, но и ускорится благодаря пандемии. Под прикрытием коронавируса отрабатываются новации в виде тотальной слежки из-за угрозы новой волны пандемии, массового психоза, нагнетаемого СМИ, атомизации общества в ожидании повторения 1990-х, расширения полномочий силовых структур.

Но вернемся к докладу Ковальчука. Пожалуй, впервые публично перед органами высшей законодательной власти вопрос был сформулирован предельно четко: какова ее позиция в отношении вызова создания человеческого подвида — «служебного человека» [3]. Благодаря трансляции с заседания, он широко разошелся по социальным сетям. Большинство комментариев сводилось к тому, что теория заговора уже порядком надоела. А радио «Свобода» раскритиковало докладчика за «*конвергентные технологии*» и «*трансгуманизм*», якобы отброшенные западной наукой десяток лет назад. Сегодня они

«не имели бы ни в Европе, ни в Соединенных Штатах никаких шансов быть услышанными» [4].

Для нас последний аргумент неубедителен: часто замалчивается именно то, что раскрывает тайные стратегические планы. А потому процитируем положения, вызвавшие столь ожесточенную полемику.

Примечательно уже само начало сюжета о «служебных людях»: «Мир был устроен очень просто: некая элита всегда пыталась весь остальной мир поставить себе на службу. Сначала был рабовладельческий строй, потом был феодальный, потом был капитализм в том или ином виде, фактически, но каждый раз это заканчивалось сменой формации. Почему? Потому что люди, которых элита пыталась превратить в обслугу, этого не хотели по двум причинам: они, во-первых, были биологически такими же людьми, как те, кто их хотел превратить в обслугу, а во-вторых, у них выросло, по мере развития, самосознание, и они сами хотели, так сказать, стать элитой. И вот весь этот круговорот происходил. А теперь получается следующее: сегодня возникла реальная технологическая возможность вмешаться в процесс эволюции человека. И цель — создать принципиально новый подвид *Homo sapiens* — “служебного человека”».

Итак, причины создания «служебного человека» Ковальчук обозначил достаточно четко, затем перечислил механизмы выведения подвида: ограничение самосознания через абсолютизацию свободы; слом системы базовых моральных принципов; управление размножением через социальные и психологические предпосылки для якобы стихийного снижения рождаемости; дешевый корм (генно-модифицированные продукты).

И дальше: «у вас толпы людей, которые борются друг с другом и легко управляются извне. И это есть мощнейший инструмент. И еще очень важная вещь: ну фактически замена вот этого организованного сообщества взаимодействующих и защищенных государством людей совокупностью просто, ну как бы, популяции управляемых отдельных индивидуумов».

И вывод: «Значит фактически, сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей. И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять».

Подытожим: выведение служебного подвида людей — единственный надежный способ сохранить сословность общества, сформировавшуюся за последние десятилетия. Кто из тех, перед кем выступал Ковальчук, не поддержит такую стабильность для сохранения социального статуса для своих детей? Не было ни вопросов, ни ответов на риторический вопрос: какое место Россия должна занять в этом процессе. Риторический по сути, тактический в частностях — «служебного человека» мы создаем, но нужно или нет «ускорение»?

В качестве методологического девиза возьмем мудрость из «Нового завета»: *«По плодам их узнаете их»* (Мф. 7: 15—20). А потому не будем особо останавливаться на очевидном — механизмах интенсивности и эффективности процесса слома системы базовых моральных ценностей через систему образования, здравоохранения, культуру. Они создали и психологические предпосылки снижения рождаемости, реформатирования отношения к семье. Поколение Y выросло на «первом в стране телешоу о любви и сексе “Про ЭТО”» с Еленой Хангой [5]. Теперь уже не плюют: поколение Z выросло на «Доме-2».

Эксперимент, направленный на смену ментальности, показал, как быстро человека из социобиологического существа можно превратить в биосоциальное. Так, лишь 8,9% респондентов из московской молодежи считают, что любовь должна быть бескорыстной, 19,4% — любящий несет ответственность за любимого человека, 22,5% — постоянен в отношениях. Сексуальная гармония важна для 38,9%. Около 80% называют секс очень значимой и значимой ценностью. Налицо отказ от традиционного понимания любви и семьи [7, 63, 88]. Секс и агрессивность в *иерархии ценностей* ныне занимают самые почетные места, причем секс становится потребительской ценностью и способом заполнения пустоты [6].

Конечно, СМИ это не единственные механизмы снижения ценности семьи, детей, появления движения чайлдфри. Материальные факторы не менее значимы: согласно исследованию РАНХиГС, семьи с детьми значительно чаще имеют экономические трудности. В целом домохозяйства с детьми составляют более 60% от численности малоимущих домохозяйств в России. 20,9% детей проживают в домохозяйствах, имеющих из-за нехватки средств задолженность по оплате услуг ЖКХ, аренды или кредитов, в то время как аналогичный показатель для всего населения РФ составляет только 14%. В то же время 18,4% детей проживают в семьях, которые с трудом сводят концы с концами — т. е. им не хватает даже на обязательные повседневные расходы [13, 20, 40—41].

Рабочий день, превышающий официальный трудовой день, конкуренция, неуверенность даже в ближайшем будущем — исследований этих объективных факторов также немало и не стоит приводить дополнительные примеры.

Наконец, дешевая еда, полученная благодаря ГМ-технологиям. Пока в СМИ можно встретить по ее поводу самые разные точки зрения, но принятие законодательства, ограничивающего ГМ-продукты в странах Запада, а затем и в России, свидетельствует о ее негативном влиянии на организмы человека и животных — на болезни и уменьшение продолжительности жизни.

Ковальчук прав: в мире действительно отработаны технологии подавления способности человека к критическому мышлению. Некоторые из них широко известны и успешно используются. В 2014 г. была опубликована статья о более опасных технологиях, дающих возможности тотального управления — Универсальной электронной карте (УЭК) и ее аналоге — электронном чип-паспорте [25, 107—111]. Но разве ускоренная цифровизация под угрозой коронавируса не приближает это светлое будущее?

Среди тех, кто выступает против формирования «постчеловечества», наиболее активен д.ф.н. В.А. Кутырёв [9]. Его работы известны профессионалам, но насколько осознается проблема обычными людьми, погруженными в ежедневные хлопоты элементарного

выживания, тревожит ли их угроза стать подвидом «служебный человек»?

Реакция на выступление Ковальчука представлена в интернете. Однако при всей распространенности социальных сетей подобные сайты посещают немногие наиболее обеспокоенные проблемами «всего человечества». В рамках учебного курса я показала выступление студентам-заочникам. Четко структурированная информация Ковальчука не вызвала шока; в той или иной степени большинство знает/догадывается об этих процессах и свыклось с их неизбежностью. В своем большинстве люди осознают направленность, а некоторые и неизбежность представленного Ковальчуком результата. Однако сознание вытесняет негативную информацию ради комфорта здесь и сейчас.

Есть ли социальные силы, которые способны остановить процесс формирования «служебного подвида» людей, что по сути и есть процесс фашизации? По нашему мнению — нет. Можно солидаризироваться с В.А. Кутырёвым, что максимум, чего можно желать — лишь замедлить процесс биороботизации. Но даже для этого нет реального социального субъекта ни в мире, ни в России. Социальная беспомощность «низов» — знаковая болезнь общества потребления. Комфортней синдром самооправдания, в чем любой человек всегда очень талантлив.

Литература

1. Бузгалин А., Колганов А. Государство в экономике XXI века: политико-экономическая интерпретация // Альтернативы. 2020. № 1.

2. Галиев А. Вирусный кризис: уроки на будущее: [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/4193/> (дата обращения: 25.03.2020).

3. Глава «Курчатовского института» М. Ковальчук выступил на заседании СФ в рамках «Времени эксперта»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PgBq7oOI8Hk> (дата обращения: 30.09.2015).

4. *Добрынин С.* Служебные люди Михаила Ковальчука. 26 января 2016: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/27511650.html>.
5. Елена Ханга: «Мне плевали в лицо за мое шоу “Про это...”»: [Электронный ресурс]. URL: www.segodnya.ua/lifestyle/showbiz/elena-hanga-mne-plevali-v-l.
6. *Жмуров В.* Психиатрия. Энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/search?tbm=bks&hl=ru&q=места+секса+в+иерархии+ценностей>.
7. *Киреев Е., Красниковский В., Сазонов А., Сазонова А.* Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития: монография / Под ред. А.А. Сазонова. М.: Издательский Дом «Наука», 2013. 286 с.
8. *Колесников А.* Государство после пандемии: дай ему уйти: [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/4196/> (дата обращения: 31.03.2020).
9. *Кутырев В.А.* Деконструкция мужской и женской субъектности как род(к)овой фактор возникновения на Земле безжизненного постчеловека // *Философия хозяйства*. 2019. № 5.
10. Левада-центр»: больше всего россиян волнуют рост цен, бедность и коррупция: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4103563> (дата обращения: 5.09.2019).
11. Левада-центр»: россияне не считают аресты высокопоставленных чиновников борьбой с коррупцией: [Электронный ресурс]. URL: <https://pasm.ru/archive/232874/> (дата обращения: 07.05.2019).
12. *Лукиа П., Песков Д.* Будущее образования: глобальная повестка: [Электронный ресурс]. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3e0b4d37ce157f622aea.pdf>.
13. *Малева Т.М.* Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность / Т.М. Малева, Е.Е. Гришина, Е. А. Цацура; РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Дело, 2019. 52 с.
14. *Мухаметшина Е.* Почти 60% россиян выступают за решительные перемены в стране: [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/05/815494-pochti-60-rossiyan>.

15. *Мыльников П.* Три четверти россиян (75 процентов) считают советскую эпоху лучшей в истории страны: [Электронный ресурс]. URL: [https://www.dw.com/ru/три-четверти-россиян-считают-эпоху-ссср-лучшей – в-истории-страны/a-52894313](https://www.dw.com/ru/три-четверти-россиян-считают-эпоху-ссср-лучшей-в-истории-страны/a-52894313) (дата обращения: 24.03.2020).

16. МЭФ 2020: специальная сессия «Новый Курс. Время действовать. Деньги в Россию!»: [Электронный ресурс]. URL: <http://mef-forum.ru/media/events/mef-2020-spetsialnaya-sessiya-novyyu-kursu-vremya-de/>.

17. Предложения КПРФ по изменению Конституции: [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf-saratov.ru/wp-content/uploads/logo.png> (дата обращения: 14.02.2020).

18. Принципы стратегии экономического развития России до 2025, в которой залог успеха — политика государства, направленная на развитие реального сектора экономики: [Электронный ресурс]. URL: <https://partyadela.ru/upload/iblock/c62/c62dfb7df719adfc46aa58766f2560e2.pdf>.

19. Реинжиниринг фьючерсов (rf group) — технологический форсайт на базе Москвы и Сан-Франциско think-and-do-tank: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refuture.me/>.

20. *Ромашенко С.* Опрос: Треть россиян не верит во вмешательство Запада в протесты в Москве: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/опрос-треть-россиян-не-верит-во-вмешательство-запада-в-протесты-в-москве/a-50266687> (дата обращения: 03.09.2019).

21. Социального государства в России нет, коммунисты и либералы согласны: опрос: Опрошено более 85 тысяч человек из различных регионов России. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2764626.html>.

22. Теперь официально: МЭФ возобновил свою работу: [Электронный ресурс]. URL: <https://partyadela.ru/blogs/blog-konstantina-babkina/11006/> (дата обращения: 17.03.2020).

23. Фрагмент статьи: «Литературной газете» 1 апреля 2020 г. (Бузгалин А.В. «Петух клюнул»): [Электронный ресурс]. URL: <https://lgz.ru/article/-13-6731-01-04-2020/petukh-klyunul/>.

24. Широкалова Г.С. Что происходит в социальной структуре российского общества? // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 165—172.

25. Шулындина А.Б. УЭК — очередной троянский конь для граждан РФ (!) // Вестник Российского философского общества. 2014. № 3(71).

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

COVID-19 — полигибридная пандемия свободы...*

Аннотация. Исследуется COVID-19 — феномен, начавший профилактическое исследование людей, проверяя на «вшивость» их человечность. Суть работы выражают три тезиса: 1) современный Запад и зависимое от него человечество исполняют глобальный постмодернистский проект трансгуманизма (постчеловека), состоящий из культа симуляции (спекуляции) и насильственной гибридизации всех форм реальности (идентичности); 2) COVID-19 есть полигибридная пандемия, основанная на скрытом брачном союзе свободы мутаций вируса и свободы произвола бюрократии; 3) спасти Россию от этой напасти может лишь военная по духу и стилю реализации диктатура, владеющая полигибридными методами укрощения суицидного демонизма свободы.

Ключевые слова: пандемия, свобода, бюрократия, диктатура.

*Статья носит дискуссионный характер, в связи с чем редакция, сохраняя нейтралитет, обращает внимание как на право автора на собственные высказывания, так и на возможность читателя с ним заинтересованно ознакомиться.

Abstract. The article investigates COVID-19 as a phenomenon that began today preventive research of people testing their humanity. Briefly, the article substance expresses three points.: 1) the modern West and its dependent humanity are performing a global postmodern project transhumanism (post-human), consisting of a cult of the simulation (speculation) and the violent hybridization of all forms of reality (identity); 2) COVID-19 is a hybrid pandemic based on the hidden union of the freedom of mutations of the virus and the freedom of bureaucracy arbitrariness; 3) only a military dictatorship in the spirit and style of implementation being owner of hybrid methods to tame the suicidal demonism of freedom, can save Russia from this hybrid pandemic.

Keywords: pandemic, freedom, bureaucracy, dictatorship.

Он сокрушает сильных без исследования... потому что Он делает известными дела их и низлагает их ночью, и они истребляются.
(Иов. 34:24–25)

Почти все рассуждающие и пишущие сегодня о пандемии COVID-19 уверены, что после нее (вместе с ней?!) социум и человек станут совершенно иными. Хотя все сомневаются, что мир людской сохранится.

Но что именно радикально изменится — ясности в ответах нет. Хоронят капитализм, глобализацию, либерализм, экономику, США, самого человека, теряющего в панической беспомощности свою идентичность (свое «Я»), истерически реагируют на чипизацию, цифровизацию, китаизацию жизни. Все живут ожиданием прихода неведомой, ужасающей реальности с ее экранном колдовством. Кажется, что восстала Медуза Горгона и своим омертвляющим взором превращает мир людей в окаменевший ландшафт пустыни. В ходе пандемии люди не заметили своей черной мутации.

Разум не понимает апокалиптической драмы людей. Аристотель заметил, что каков дневной свет для летучих мышей, таково для разума то, что очевиднее всего. Ему вторит Шекспир: «Как трудно видеть то, что ясно вижу! И как легко увидеть то, что видеть невозможно!». Хотя истина Запада, правда России и Дао Востока дают сегодня полноценные сеансы своих откровений.

А основной итог первой фазы пандемии — это ограничение свободы, вплоть до ее полного отрицания. Свобода — перводвигатель либерализма, сделавшего ее родовым определителем человека, создала свое царство демократии, о котором грезили много великих умов, да и малых тоже, не говоря уже о безумцах кровавых. И поскольку институты, идеология, ценности, суицидность западной цивилизации основаны на феномене свободы, живут кровавой борьбой за ее тотальное господство в мире, то пандемия ограничивает и отрицает Запад, являясь демоническим некрологом либерализму, абсолютную свободу которому дает лишь вирус, превращающий либерализм в сырье своей свободы. Не случайно, лидером пандемии стала самая свободная страна — США, запустившая бумеранг свободы и не знающая, как достойно встретить его возврат. В России же пандемия — факт бюрократической статистики, а не «успехов вируса».

Пандемия реализует проект постмодернизма, который открывает эпоху затмения сознания, заменяя мыслящий дух людей информационными деконструкциями и беспредметной учено-экспертной «говорильней». COVID-19 стал столь же непонятным, как и сама свобода. Сколько жертв принесено (и приносится!) на алтарь свободы, сколько пролито (и проливается!) крови для древа свободы, а оно дает все более смертоносные плоды, так что вскоре некому будет поливать его. Скрупулезно, до одного человека (что крайне подозрительно?!) высчитывают жертв COVID-19. А кто сосчитает жертвы пандемии свободы, потребляющей только свежую кровь и свежую плоть людей? Разве только оцифрованные ангелы Всевышнего! Ну, а жертв бюрократии не сосчитает даже оцифрованная Академия.

Лучшие научные умы сегодня не могут сказать ничего вразумительного о вещем послании, которое несет пандемия. И не столь уж важно, является ли вирус продуктом естественной мутации или изделием человека, ибо при любом раскладе разум во встрече с ним терпит полное банкротство. Гаснут интуиции эзотерики и конспирологии: понятно, что различные глобальные и локальные субъекты используют пандемию в своих целях, но они не сознают, что пандемия уже использует их в своих inferнальных целях, им неведомых и неподвластных. Вирус ведь более свободен, чем человек, а потому все усилия «хозяев» использовать пандемию в своих целях неизбежно превращает их в средства вируса, усиливая его карающую паразитическую свободу. Ведь если нечто возникает, то для решения какой-то задачи, даже если такая и неразрешима в земном мире. «Ведь если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?». И для чего-то нужно! Вирусы тоже следуют этому императиву мироздания. А хозяева мира и денег, превращающие вирус в свое оружие, от него же и сгинут, ибо закон «обоюдоострее» любого оружия, закон бумеранга не знает исключений.

Но почему это вирусы, блаженно паразитирующие в условиях преизобилия пищи, вдруг срываются с места и бросаются в атаку на человека во главе со своим царем — коронавирусом? Что им «не понравилось» в людях, если они решили радикально изменить их жизнь?

Ответ очевиден. Вирусу «не понравилась» беспредельная свобода человека, ставшая бесцельной целью, слепой суицидной абстракцией (статуя Свободы в США), уничтожающей людей — пищевую базу вирусов. Свобода ведь ежедневно уничтожает больше людей, чем вирус COVID-19. Ясно, что покушение на пищевое довольствие вирусов вынудило их начать ответные боевые действия против человека ради своего вирусного блага. Вирус стал живой дьявольской абстракцией, запустив свой инстинкт самосохранения путем резервного размножения и умножения зоны своей свободы.

Разум не может при всем желании человека понять строение и алгоритм действий вируса, выявить смысл его тотальной атаки на людей в силу их поработанности демоном свободы. И поскольку научно-техническое знание, культура и бескультурье основаны на тотальной свободе разума исследовать все, что угодно и как угодно, т. е. руководствуются произволом, то пандемия нанесла основной удар по разуму, ввергла его в состояние «зрячей слепоты», первой жертвой которой стал праведный Эдип. Он раскрыл загадку Сфинкса («Кто ходит утром на четвереньках, в полдень на двух, а вечером на трех опорах?»). Да, это — человек. Но Эдип не понял, к каким чудовищным преступлениям приведет человека свобода в сочетании с изобретательностью его ума. (Эдип, не зная, убил отца и женился, тоже не зная, на матери. Возмездие было ужасным: узнав правду, Эдип выколол себе глаза и совершил суицид, а тело его бесследно скрыла земля.)

Свобода-самоцель стала сегодня произволом власти, денег, допустивших безопасный для себя и опасный для остальных людей произвол в их жизни. Свобода стала бездумным произволом, выродившимся в жажду суицида. «Так и за неумеренной свободой // Нас цепи ждут. Томимы грешной жадной, // Как крысы, что отравы обожрались. // Мы жадно пьем — и, выпив, умираем» (Шекспир). Вот вирус решил и напомнить свободным людям через отрицание их свободы о суицидной призрачности их свободы.

Стыдно слушать сегодня жалкий лепет оправданий массы биологов, генетиков, врачей, других специалистов, эзотериков, конспирологов, которые не могут сказать ничего вразумительного о полигибридности вируса, захлебываясь от страха и паники в прямо-таки шизофренических измышлениях. Отрицание метафизики, изучающей воздействие невидимых сил на жизнь, не остается без возмездия неизвестных врагов, ибо «враги — везде; и даже там, где никого нет!» (Шекспир).

Академически пугливые умы не могут (и не желают?!) знать, что сегодня Запад живет в контексте постмодернизма, который отрицает все нормы бытия, знания, человечности, реализуя

проект трансгуманизма, постчеловечности (?!), финансовократии и демонизма, паранойю симуляций, фейков, пиара и призраков, полигибридизации всего со всем.

А посему и вирусы сегодня не простые, а гибридные; в них совершаются демонические браки произвола свободы невидимого мира и произвола свободы бюрократии. Но пандемия — это не только гибридный, но и полигибридный феномен, в котором мистически-уродливо срачиваются несколько известных нам пока факторов. Помимо вирусного паразитизма и паразитизма социобюрократии, пандемия содержит в себе и мощнейшие информационные заряды, денно и нощно накрывающие своими остервенелыми фейковыми залпами человечность пока «все-еще-людей». Никогда еще в людской истории СМИ (глобальные и национальные (?!)) со столь фанатичным единодушием не вколачивали в вегетативные защитные структуры населения Земли вирусную идеологию, ее демоническую статистику, ее глумливо-пиарное зомбирование людей. Поэтому совет безопасности пандемии содержит и акторов демонизма, усиливающих ее трансгуманизм (постчеловечность), плодотворно расчеловечивая людей, заменяя их безобразными цифровыми маньяками с минимумом бытия.

Дирижером, первой скрипкой полигибридной пандемии является «золотой телец», который служит ее основным инвестором и спонсором, увеличивая за счет нее массу своего тука. Да и его самовозрастание всегда идет рука об руку с пандемиями, в коих он чувствует родственное бездушие. Ведь формула «деньгогенных» существ (Д...Д) совпадает с формулами вирусогенных (В...В) и бюрократогенных (Б...Б) существ.

Трудно судить о сакральном измерении пандемии: для Бича Божьего она милосердная, и на поущение Божье не «тянет», ибо наночастицы, вирусы, другие гады находятся в ведении Воланда.

И, наконец, Великая Неизвестность (Ананке-Неотвратимость) скрепляет всех «сорботников» пандемии в чудовищного субъекта, и через его трансгуманные (постчеловеческие) акции напоминает русским людям об их «Царстве Ином», в котором

властвуют правда, мера и справедливость подлинной человечности, отвергаемой цифровой «цивилизацией смерти».

Пандемия есть черный собор пяти свобод-произволов, собранных в одном социальном флаконе. Даже для России, одолевшей многоглавое чудо-юдо, это явный перебор. Поэтому адекватные суждения о как бы спонтанно возникшей сегодня пандемии можно выносить лишь в контексте ее античеловеческой полигибридности. А в этом контексте она выступает как фашизм, скрывающийся за цифровым трансгуманизмом. Пандемия постепенно делает из русского социума полигибридную революционную классику: «верхи не могут», а «низы не хотят», Москва уже не может, а регионы уже не хотят... Призрак гражданской войны взлетел над градами и весями России.

Вирусы и бюрократия движутся как бы по параллельно, скрывая свое родство, которое лишь изредка прорывается в пандемиях. Но сегодня их параллели пересеклись, породив чудовищные конвергенции вирусов природы с бюрократией социума и науки: возникли полигибридные уроды, парализующие разум — даже здравый смысл ученых и академиков.

Соционаучная бюрократия, служащая «золотому тельцу», — тайный наследник, друг пандемий и враг человека, ибо разрушает его здравоохранение. Союз их кровный, неслучайный, и только в роковые дни пандемии своею ужасающей тайной они зомбируют людей. Полигибридность нынешней пандемии не позволяет ученым говорить правду о вирусе без его позволения и без разрешения бюрократии науки, ибо правда разоблачит их корыстные связи, сделает тайное явным и обречет эту демоническую пару на самоизоляцию, что для них означает самоуничтожение. Но и бюрократии нужно не одоление пандемии, а ее постоянное умеренное продолжение, ибо оно придает чудовищную мощь ее паразитической свободе вне контроля народа. Сила вируса, делающая его пандемией, заключена в его скрытой поддержке бюрократией, а сила бюрократии, разрушающей все социокультур-

ные основания власти и человечности, таится в ее скрытой поддержке вирусом. Вирус нынешней пандемии — это феномен постмодернизма, и он не имеет своего оригинала, являясь лишь мутантной копией европаранойи Запада. Устойчивую агрессию этому вирусу обеспечивает лишь бюрократия.

А ведь почти все религии давным-давно разрешили проблему свободы. Бог дал человеку свободу в качестве средства постижения его воли и «мягкой силы» его мудрости. А Люцифер дал человеку свободу-самоцель, для которой Бог, мир, человек должны служить средством ее суицидного произвола, в котором заложена коварная ловушка: человека не может жить без свободы-средства, но вместе с ней он вынужден принять и вмонтированную в нее Люцифером свободу-самоцель, а отвергая свободу-самоцель, он вынужден отрицать и нужную ему свободу-средство. Выход из этой ловушки — подчинение свободы-средства са-кральным целям жизни.

В этой трактовке свободы непонятно, пожалуй, лишь одному и зачем нужно превращение ее в кровавого призрака демонизма? А кто же знает Божью мудрость, способную и свободу зла превратить в средство благих дел? Возьмем другую точку отсчета. Авель использовал свободу для хозяйствования во Благо Бога, Земли и человека. Каин воспринял этот же дар как свободу убивать, создав проект «цивилизации смерти» (формула папы римского Иоанна Павла Второго): и этот проект сверхуспешно реализует Запад на пути суицидного прогресса.

Ведическая мудрость русского Рода признает, что свобода дана человеку Великой Неизвестностью для постижения мудрости ее «Царства Иного», в котором властвуют — не могут не властвовать — правда, мера и справедливость, а свобода будет служить их средством.

Свобода всегда имеет своих «хозяев», волю которых она скрыто реализует в служении благим целям, или посредством со-блазнов выполняет суицидные указы демонизма. И почти невозможно, оставаясь в контексте навязанной свободы-самоцели,

быть самим собой, открываясь при этом световому зову мира Иного, соработая с ним в контексте мудрости Великой Неизвестности, гласящей: «Одно слово правды весь мир перетянет».

Сакральное понимание паразитизма бюрократии видит в нем не только отчуждение власти от народа, но и продолжение паразитизма материи, уходящего корнями в первоотчуждение Люцифера от своего Отца, хотя его произвол живет благом Отца. Люцифер — первый паразит мироздания, отец всякого паразитизма, а бюрократия, соединяя отчуждение власти и социальный паразитизм, становится демоническим паразитизмом.

Так, самоизоляцию (?!), т. е. отчуждение с карами, выдумал демон бюрократии, которая не ведает, что полную самоизоляцию дает лишь могила. Хотя и в ней есть «общение» с червями, которые, становясь пищей рыбы, могут через «Пятерочку» попасть к людям. Даже смерть не гарантирует самоизоляции и защиты от вируса. Такая самоизоляция есть глумление демонов над святыми отшельниками и пустынноиками.

У полигибридного уroda пандемии есть и свои законы. Чем сильнее вирус, тем сильнее социобюрократия, тем слабее личностный иммунитет людей. Чем сильнее бюрократизация жизни, тем больше зона действия вируса. Но жертвой опять становится социоприродный иммунитет людей. И чем слабее бюрократия, тем выше полигибридный иммунитет людей, тем меньше шансов у вируса прорвать его защитные заслоны. И чем слабее вирус, тем меньше возможности бюрократии, тем вернее полигибридная иммунность ликвидирует гидру ее паразитической свободы. Набато вновь звучит правда великого Данте: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда, здесь страх не должен подавать совета!». Нужно мужество, чтобы признать: война с пандемией без войны с бюрократией бесполезна. А такая полигибридная война под силу лишь военной диктатуре в союзе с МЧС.

Нужно мужество и для признания того, что все теории, модели, идеи, принципы, идеалы науки сегодня оказались слепыми

перед пандемией, через которую вершит свой суд и Великая Неизвестность, которую «достал» Homo sapiens извращениями и безумствами своей свободы. Даже его вера, убежав из храмов на карантин, забыла, что ее Бог одолел смерть, а тут вирус побеждает Бога. Вера ли это или симулякр ее лукавый?

И сегодня мудрость Великой Неизвестности проверяет человеческий мир, насколько его свобода соответствует назначению жизни, императивам биосферы. Эта владычица мира сегодня присутствует в каждом жилище и человеке, превращая свободу в неволю, дабы по-драконовски защитить его жизнь от бесогонии полигибридной свободы пандемии.

Извращения жизни, безответственность перед ней сочетаются в бюрократии с мерзкой и гнусной трусливостью. Охватившая планету автопаранойя истребляет остатки кислорода на Земле; ситуацию спасают лишь Россия и Бразилия, которые производят кислорода больше, чем потребляют. Технобесие высокотехнологической Японии разместило на опасных островах 54 ядерных реактора (часть из них после катастрофы на Фукусиме остановили), отравляет Тихий океан, сливая в него радиационные отходы. От экокатастрофы беспредельной свободы не спасет и «зеленая энергетика», которая рухнет вместе с цивилизацией от случайного торнадо.

Природа не умирает: она затаилась на время, вращивая своих неуловимых мстителей. Пандемия и есть торжество свободы вируса, запускающего алгоритм самоотрицания человека, превращая его свободу в суицидное деяние. Понятно, что существа, выросшие в лоне беспредельной свободы, пропитанные ею до последней клеточки, при ее ограничении будут жить ожиданием возврата родного беспредела. Напрасный труд — нет, их не вразумить, чем свободней, тем они слепее, для них свобода есть фетиш, и в ней они своей не видят гильотины. Атеистам и верующим нужно помнить, что первым актом людей, получивших божественный (божественный ли?) дар свободы, стало отрицание

воли Бога. Несложно представить дальнейшие «художества» свободы, если на старте человек свободно попрал Бога.

Древние эллины знали опасности свободы-самоцели и запечатлели свой идеал практической свободы в скульптуре. В их главном храме стояла огромная статуя богини мудрости — Афины-Паллады, которая в руке держала малую статую свободы. Смысл композиции гласил: «Только мудрые могут быть свободными». И эллинская цивилизация рухнула сразу же после забвения этой охраняющей ее метафизической идеи.

Статуя-символ свободы в США утверждает обратное: «Только свободные могут быть мудрыми». И США не сознают, что именно свобода-самоцель, даже ограниченная, рождает не мудрость, а терроризм и... пандемии, ибо свобода своими царями признает только золотого тельца, войны, извращения, питающие ее энтропию. Все государства, все крепкие деспотии сокрушает скрытая в их чревах энтропия свободы. Свобода-самоцель для многих незаметно становится суицидным ядом для всех.

Свобода-самоцель пролила (и проливает поныне!) моря крови для созидания своего царствия. Но все социально-политические, технические и культурные формы, созданные свободой, становятся суицидом человечности. И для укрощения этой лжецарицы — если это еще возможно, нужна превосходящая ее сила военной по духу, критериям и принципам диктатуры, жестко подчиняющая свободу служению Родине, спасению жизни, природы, культуры и человечности, возвращению профессионализма и творчества. В христианстве архангелы, престолы, господства, силы, власти — это ангельские чины, охраняющие мир и человека от демонов свободы. И когда Христос говорит: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34), то меч нужен именно для пресечения зла, исходящего от свободы-самоцели, чтобы исполнять волю Отца. Иначе придется служить воле полигибридных уродов свободы.

И Россия должна постоянно быть на софийном чеку для отражения технобесия полигибридной свободы. Россия должна

стать полноценной Военной Крепостью, дабы исцелиться от свободы-самоцели — первоисточника всех пандемий, в которых энтропия свободы превосходит и хаос. И единственным образцовым институтом, спасающим даже клеточную жизнь, становится армия в союзе с МЧС.

Акторами свободы-самоцели в России являются либерализм и бюрократизм. Для либерализма высшее благо — свобода индивида, и свою задачу он видит в избавлении его вначале от власти Бога, затем от сословных, национальных, моральных и государственных норм, затем — от гендера и, наконец, от... самого себя. Но освобождение себя от самого себя есть суицид; и поскольку либерализм страшится совершить этот высший акт своей свободы, он провоцирует войны, террор, в которых ищет своих суицидных врачей, дающих ему искомую свободу от самого себя.

Носителем свободы как произвола в России всегда был и бюрократизм, делящий лавры губителей страны с либерализмом. Но сегодня бюрократизм вместе с либерализмом мутировали и стали единым полигибридным субъектом паразитической вольности социобюрократии и вируса. Совместно они «оптимизировали» здравоохранение в России путем его ликвидации, завершают «оптимизацию» образования, уничтожая на корню все ростки профессионализма и человечности. С демонами полигибридной пандемии воюют главным образом армия и МЧС, хотя и у них руки пока связаны свободой бюрократии. Пока!

Укрощение пандемии невозможно без слома бюрократии, ибо это две части одной и той же полигибридной свободы: вирус не дает дышать больным, а бюрократия не дает дышать врачам, возвращающим дыхание жизни, нагло, глумливо презирая закон власти о достойной оплате медицинского спецназа в его войне с пандемией. Бюрократия плодит «наверху» хорошие планы для «низов», но ее вертикаль приватизирует все ресурсы, посему «низы» чахнут, обрекая всю пирамиду на крушение.

Карантин при всем его позитиве бессилен против зверя полигибридной свободы, ибо он не затрагивает суицидной вольности бюрократии, содействующей своему вирусному партнеру, умножая для него «безумства гибельной свободы» (А.С. Пушкин). Да и карантин сеет иллюзии на возврат произвола «малых мира сего», служит источником протестного термояда безумцев храбрых и лукавых. В его абсурдах действует фашизм, скрывающийся в карантине агонию властного режима, не понимающего даже своих спасительных средств, запуская бумеранги, которые неотвратимо вернутся на виллы и в бункеры своих «стрельцов». Пандемия не отменяет всеобщего закона причинности. И лишь диктатура армии владеет полигибридными средствами для одоления социо-инфо-финансо-демоно-техно-биопаразитов полигибридной свободы. Ибо победа в полигибридной войне требует уничтожения как вирусов, так и их создателей, а также их социальных союзников — бюрократии, золотого тельца и СМИ.

Во многих восточных обществах, в которых нет культа свободы, а бюрократия жестко (вплоть до расстрела) контролируется государством, борьба с пандемией более успешна, чем на свободном Западе, которого энтропия и эвтаназия и без пандемии освобождают от свободы.

Борьба с фашиствующей пандемией, поставила Россию перед выбором: или укротить произвол вируса и бюрократизма, или союз этих паразитов уничтожит ее людей. Для борьбы с полигибридными чудовищами Россия уже использовала «государевых людей» гуманитарной опричнины, которая разрывала связи пандемии и боярщины. На совсем худой случай пророчество Ф.М. Достоевского привело в эгрегор России и гуманитарную инквизицию, знающую антидот от полигибридных врагов человечности.

Адекватную борьбы с пандемией и бюрократизмом за спасение человечности России может вести только и только армейская диктатура, представляющая сегодня единственный эффективный способ действий, реализующий указы власти и здравого

смысла жизни. Этого образа действий пуще смерти страшатся вирус и бюрократия. Но это требование судьбы самой жизни, а не служивого клана золотого тельца, ибо иначе будет полигибридная диктатура пандемии и обезумевшей бюрократии.

Антропология недооценивает тот существенный факт, что человеческий индивид сам по себе во многом невменяемое существо, которое не может хранить свою человечность вне военного контекста и без поддержки религиозных, моральных, правовых и культурных норм¹⁸.

Аристотель заметил, что самый лучший человек не сохранит добродетель без угрозы меча. Премудрый Платон обнаружил, что в каждом человеке сидит чудовищный зверь, готовый в любой миг совершать античеловеческие деяния: убийства ради убийств, половые извращения, каннибализм, суицид и др. Именно этому зверю нужна свобода, чтобы вершить ее произвол, выйдя из заточения. И зверю эту свободу дает демократия, заменяя долг, мудрость, ум и профессионализм во всех сферах социума развлечением, извращениями человечности и террором против нее.

Внутренний и внешний контроль индивида не может удерживать этого зверя безумия, таящегося в самом ядре его свободы. Требуется тотальный контроль, чтобы денно и ночью следить не только за «мерой труда и потребления» (Ленин), но и за всеми желаниями, идеями, деяниями людей, проводя их моральную экспертизу. И это нужно не для варварского подавления человечности, а именно для ее развития и расцвета, ее спасения от суицидной свободы сидящего в нем зверя. Поэтому спасение социума и индивида Платон нашел в создании «Ночного Совета», который

¹⁸ «Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки» (А.С. Пушкин).

Поэт представил самосознание среднего культурного человека! И что он сотворил в условиях свободы!

есть первый проект гуманитарной евроинквизиции, противостоящей полигибридной свободе возникших в Элладе демонов пандемии и бюрократизма.

Ведь даже без школьного и семейного насилия над детьми большинство людей не научились бы грамоте и счету. Да, любовь, игровое обучение, воспитание красотой и добром — хорошие вещи, но они работают только на базе насилия, укротившего демона свободы. Даже выдрессированный любимый конь, с полуслова исполняющий волю хозяина, все же нуждается в кнуте, вроде бы и ненужном. Ну, а свободе без кнута диктатуры никак нельзя, иначе она сама станет кнутом диктатуры. Кнут — необходимый атрибут бытия, ибо любая его форма несет в себе диктатуру, которая деспотично преобразует свободу хаоса в творящие субстанции. Да и сам человек есть величайший диктатор, который волевым сознанием и действиями преобразует живую материю своей плоти в субъекта, созидającego (губящего?!) творческую субстанцию своей человечности. И чем совершеннее (классичней) форма, тем более совершенной диктатуры требует утверждение ее творческой идентичности. Для создания классической формы мира потребовалась классическая диктатура Бога, преобразившего произвол ничто в бытие, в изобилие его чудных творений.

История свидетельствует, что именно в условиях диктатуры, строгой цензуры человек наиболее полно реализует свой позитив. Древняя Эллада создала высокую человечность, культуру, науки в контексте жесткой социальной диктатуры, требующей бесправия женщин, всеобщей воинской повинности всех мужчин, бесплатной административной службы, а бездумных вольнодумцев укрощала остракизмом (изгнанием). Социум контролировал даже допустимые в Элладе пороки. Даже в философии царила нешуточная цензура. Якобы невинно казненный Сократ был профессиональным геєм, учил, что ничего нельзя знать, разве лишь свое незнание, что человек — ничто, а жизнь — болезнь, исцеляемая смертью. Кажется — полная свобода мысли, но она почему-то привела мудреца к казни, хотя он мог избежать ее.

Но Сократ был прямо-таки одержим демоном свободной мысли, а в итоге стал ее суицидной жертвой. Свобода не побрезговала даже престарелым геям. И пока эллины служили диктатуре, они побеждали, а, признав свободу-самоцель, потеряли Родину и мудрость.

А в трижды свободных западных обществах Homo sapiens свободно уничтожает культуру, природу, социальные условия воспроизводства человечности, обрекая свое потомство на жалкий, бесплодный летальный исход. В свободных обществах люди свободно не желают продолжать жизнь человеческую и свободно жаждут эвтаназии.

Презираемый либерализмом народ интуитивно чувствует опасные аномалии свободы. Не случайно на Западе инстинктивная самозащита масс от троянских даров свободы выразила себя в книге Э. Фромма с саморазоблачительным названием — «Бегство от свободы»; в книге свобода, несмотря на все экивоки, фактически сама вынесла себе смертный приговор: ведь если люди убегают от свободы, то с кем и с чем она остается? С мессиром Воландом и с его спецдемоном Абадонной? Не так ли?

Гуру западной мудрости XX в., М. Хайдеггер, удивленно заметил, что конституирующим качеством современных «евриканцев» является... «бегство от мышления». Но почему же? Ведь мысль — чистое проявление свободы человека; за свободу мысли столько было принесено жертв и пролито крови, и вдруг, после ее обретения, все бегут от нее, бегут трусливо, скрыто, позорно, хотя впереди их ждут лишь пандемии и эвтаназии.

Но в чем же истина этого бегства? Ведь бегут все — умные и не очень, великие и малые, мыслители блага и промыслители зла! А дело в том, что, пытаясь мыслить о чем-либо, евриканская экзистенция чувствует неведомый парализующий страх, суть которого выразил К. Воннегут: «Что бы ученые не исследовали, в итоге у них получается бомба». Можно уточнить: «О чем бы и как бы Запад не мыслил, плодами его мысли будут бомба и... пандемия». Остатки гуманизма вынуждают евроамериканцев признать

демонизм свободы: «Я свободно мыслю, следовательно, я виноват». Виноват в том, что моя свободная мысль порождает вирусы пандемий, бомбы, суицид и эвтаназию, а ответственность перед человечностью, истиной и Богом отбрасывает, как мусор, «цивилизации смерти», ориентиры которой сегодня задают демон свободы и евробюрократия. Но от императива: «Мыслить — быть виноватым!» они не спасут. Свобода мысли — зло, ибо она завершается бомбами и пандемиями, а несвобода превращает мысль в произвол дикости, уничтожающей человечность. Решение — свобода мысли — служит правде, мере и справедливости Блага, мира, творческим исканиям человечности.

Западный мир сам себя сегодня отрицает посредством своей же беспредельной свободы, увлекающей за собой в бездну все человечество. А пандемия предоставила ему высшую свободу вируса в качестве идеала и средства его достижения. COVID-19 — друг, соратник и брат свободы-самоцели, ставшей полигибридной пандемией, демонической конвергенцией патологии и паразитизма природы, экономики, СМИ, бюрократии. Но другого перво-двигателя у Запада нет.

Укротить тотальную полигибридную пандемию сможет не вакцина, хотя она и необходима, и не карантин, хотя и они необходимы, а только военная диктатура, владеющая полигибридными средствами борьбы с вирусом, разрывая его питательную плаценту с бюрократией, действуя помимо нее, воспитывая в людях адекватные навыки укрощения демона свободы. Мы и сегодня существуем лишь благодаря непрерывному жертвенному подвигу армии и МЧС.

Сказанное не умаляет и не отрицает свободы. Отрицание пожаров не означает отрицания огня, а лишь требует превращения его в средство целей жизни, а не своей бесцельности. Свобода человеку нужна всякая, нужен и произвол, но только для исполнения долга, для ответственного властвования, для благородного и жертвенного служения Отечеству, для развития высокого и нравственного профессионализма.

И малоэффективный карантин кончится тогда, когда люди полностью забудут о прежней свободе-произволе, когда вырастет поколение, для которого долг, жертвенное служение Родине, Великой Неизвестности чароомутной России, обязанность хранить и продолжать субстанцию человечности, творящий профессионализм станут такими же естественными потребностями, какими служат сегодня «безумства гибельной свободы».

Бюрократия надеется на свое выживание и в новой среде, но военная диктатура, исполняющая волю человечности самой Великой Неизвестности, не сможет выполнить эту волю без ликвидации паразитизма социальной бюрократии, служащей грибницей новых пандемий.

И не случайно бюрократия ВОЗ и России уже зондирует почву, утверждая продолжение пандемии до неопределенных времен, а научная бюрократия преступно и бессмысленно утверждает, что коронавирус теперь будет навсегда частью человечества, хотя о сути вируса и человека они не могут сказать ничего внятного. Бюрократический паразитизм превосходит все безумства шизофрении: ничего толком не знает о вирусе пандемии, но зато выдает массу прогнозов о его грядущих действиях. Впрочем, все паразиты уверены в своем вечном благополучии.

Пандемия показала, что определяющей ценностью, смыслом, перводвигателем людей является не самодовлеющая свобода, а обязанности перед человечностью, служение Родине, профессиональному и личностному призванию, творческим откровениям Духа культуры и образования. Именно эти ценности составляют подлинную человечность, открывают мудрость сакрального устройства бытия и человека, гарантируют смысловое питание жизни, ограждая и спасая ее от ядовитого соблазна суицида, inferнального гедонизма и криминального практицизма самоценной свободы. Мудрость древней Ананке-Неизбежности и русского ведического Рода, устанавливающие контексты свободы в мире, сохранилась в законах бумеранга, возмездия, рока, кармы,

которые и вершат суд над свободой людей посредством полигибридной пандемии.

А ведь без спасительной диктатуры военного типа настоящие плоды пандемии свободы в скором и неотвратимом будущем — голод, войны, техноэкологические катастрофы из-за отсутствия персонала, обслуживающего техномонстры. Последние спасительные решения всегда остаются за военной диктатурой человечности. И чем быстрее будет установлена эта диктатура, тем меньше будут «издержки», ибо свобода-самоцель превращает в полноценные «издержки» саму жизнь.

Вирус сам по себе — это естественный (!) паразит (яд) клетки, ее часть. Но почему и при каких условиях часть побеждает целое? Ведь человек, начиная с прямохождения, здоровья, совести, желания жить, есть результат воли, которая ни на миг не должна забывать о защите человека от вирусов, ибо в ее идеальной субстанции их нет. Воля не позволяет человеку стать рабом органических потребностей, а выводит его в духовно-смысловой космос жизни, где хранятся ее семена, формируются ее проекты, а сама воля заряжается здоровой человечностью через мудрость Великой Неизвестности, созидающей для волевой человечности мир Иной, основаниями которого являются правда, мера и справедливость, служащие горючим для воли. И в русском сознании свобода служит средством воли.

Поэтому укрепление воли путем ее сопротивления материальным соблазнам, унынию, страху, панике есть сохранение ее метафизической — сверхчеловеческой и сверхжизненной — крепости, стоящей выше всех вирусов и эпидемий. Мудрость воли совпадает со здоровьем, не позволяя вирусам вопреки целостности жизни создавать революционную ситуацию пандемии. Вирус побеждается только здоровой волей, питающейся энергиями здоровой хозяйственной жизни. Ибо в условиях истощения тела и

мысли, опустошения сердца и души только воля неустанно требует: «Вставай, проклятем божьим заклеянный человек! Полигибридные уроды идут сожрать тебя!»¹⁹.

P.S. Все уточняющие оговорки бесполезны, ибо нет ни одного текста и книги, ни одной идеологии и учения, ни одного святого и ученого, ни одной идеи и идеала, ни одного властного института и закона, которые бы адекватно понимались и не искажались вплоть до их черной противоположности. Что сказали бы сегодня основатели всех религий, если бы они увидели книги своих богословов и дела, сотворенные своими самыми ортодоксальными последователями! Даже сознательно создаваемые ложные, абсурдные учения тоже подвергаются, нет, не исправлению в истине, а новым искажениям и заумным выворачиваниям. Есть скрытый закон «выворачивания всего уже вывернутого» (Ю.М. Осипов). И этот закон давно стал для людей кармой непонимания и абсурдных решений. В благодушной редакции русской мудрости этот закон гласит: «А Васька слушает, да ест!».

Автор статьи все же совершит искупительный и очистительный ритуал во благо здравого разума и адекватного понимания.

Статья трактует диктатуру военного типа в качестве единственного полигибридного института, который сегодня только и может победить полигибридного урода преисподней, обезвредить «творческий ансамбль» дьявола, устроившего посредством коронапандемии и малых валтасаров «чуму посреди пира» (Ю.М. Осипов) для человечества.

Но автор не предлагает превращать социум в часть (орудие) армии, ибо время чисто военных диктатур ушло. Речь идет об использовании протоармейской матрицы для организации социума на основе ПОРЯДКА, в котором законы, приказы, указы власти, правды и справедливости будут исполняться и станут действенными для

¹⁹ Полигибрид COVID-19 избегает литературного выражения своей идеологии, ибо не ведаёт, что делать со столь варварской деградацией человечности, служащей источником его питания и доходов бюрократизированного «золотого тельца».

ВСЕХ без исключений, хотя бы в режиме спасения и сохранения человечности и ее воспроизводящего биосоциокультурного контекста. Адекватный самому себе и воле Великой Неизвестности (Неизбежности) социум должен опираться на законы в контексте народных обычаев и при личной ответственности единоначалия (вплоть до уголовных кар), когда каждая нерешенная (решенная тоже!) проблема имеет свои имя, отчество и фамилию.

Армия наиболее полно выражает и реализует такой органический социум. Этот протоармейский смысловой порядок жизни независим от желаний автора, от воли людей, а в нем выражается императив Великой Неизвестности (Неизбежности) самой жизни, которая осуществляет в ходе своей эволюции только невозможные и запредельные (метафизические) проекты, ибо все возможное и *о-пределенное* уже свершилось и породило в России угрозу очередной, уже апокалиптической, катастрофы.

Вместо послесловия

ОТ ЗОИЛА (ЮР. МИХАЙЛОВ)

Коронованная пандемия на всемирной ярмарке тщеславия и безумства*

Аннотация. Вирус — вирусом, а пандемия — пандемией, да еще и коронный вирус и коронованная пандемия. Что же на самом-то деле, если не королевская чума во время глобального, вовсе не коронованного, ярмарочного пира — тщеславного и безумного? И что из всего этого, кроме приговора зазнавшемуся и зарвавшемуся человеку — царю-де Земли и чуть ли не королю Космоса? И что дальше: отрезвление, покаяние и преображение или же продолжение самоубийственной чумной апокалиптики? Продолжение, надо полагать!

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, человек, мир, новая реальность, апокалиптика, софиасофия, Зоил.

Abstract. The virus is a virus but the pandemic is a pandemic and is the crown virus and the crowned pandemic. What is it, in fact, if not the royal plague during the global, not crowned at all, fair, vanity and madness banquet? And what follows of all this except the verdict to the purse-proud and insolent man, the king of the Earth and almost the king of space? And what next: sobering, repentance and transformation or the continuation of the suicidal plague apocalypitics? To be continued, I can assume!

Keywords: coronavirus, pandemic, human, world, new reality, apocalypitics, sophiasophy, Zoilus.

Коронапандемия явилась к месту — прямо посреди разошедшейся в демиургическом раже всемирной ярмарки всечелове-

* Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 281—289.

ческого тщеславия, и очень вовремя — в самый апогей постмодернового античеловеческого безумства: «Мене, мене, текел, упарсин!» — «Ты взвешен, мир человеческий, и найден легким, ложным и пустым!».

Да, пандемия, как скальпель хирурга, вскрыла, обнажила и показала очень многое в нездоровом организме современного человечества — почти что всё, точнее — *всё*, и не одно лишь негативное, пусть и негативное, с точки зрения уже якобы устаревшего всё-еще-человека — человека Модерна, который всё еще, к счастью, есть на планете и на которого как раз и направлен будто бы главный пандемический, он же изоляционно-онлайн-удар, но пандемия выявила и кое-что позитивное — вроде людской стойкости и межлюдской солидарности, что тоже, к счастью, еще есть и что, быть может, не вымоется напрочь античеловеческим Постмодерном, проворно заскочившим в роковой для себя миг под черный спасительный подол пандемии, а останется и даже окрепнет.

Пандемия — испытание, проверка, отбор, но и выбор тоже; это, конечно, большая беда, но это и немалый шанс — что-то важное человеку осознать и чему-то для него органически необходимому не наобум последовать. О-ох, какой требуется сейчас разворот, сравнимый, пожалуй что, с Моисеевым или тем же Христовым, но не чтобы идти назад, а, сманеврировав в сторону, двинуться вперед — в совершенно новое для бытия-истории державие! Сбудется ли? Вряд ли, но... чего невероятного и внезапного не случается в бытии-истории человеческом, так почему же чему-то подобному вдруг не случиться и теперь?

Коронапандемия одним только своим явлением на свет поставила апокалиптическую печать на всем, или почти на всем, пусть всего лишь на многом, но, что особенно важно, на самом ныне современном, передовом, блистательном, искрометном — как раз на всем антиприродном, антимировском, античеловеческом, антибожеском, говоря одним словом — *постмодерновском*.

А поймет ли, воспримет ли, учтет ли *это* нынешний человек, с одной стороны, массовый, потребительский, изрядно карнавализованный, беспечный, глупый, а с другой — элитарный, самого бытия человеческого вроде бы предержавший, зато его — бытие сие — куда-то в пустоту направляющий и даже для себя все менее уверенно его удерживающий, да и сам глубиной мысли не отличающийся, упорно себе и человечеству яму роющий — вполне и по-научному, демиургически.

Сегодня уже ни народов как таковых, хотя и насовсем еще не исчезнувших, ни обществ, ни мировой общежитийской совместности, а так — более всего блуждающих в «пространстве-времени» безымянных масс космополитически настроенных гоминидов, даже ежели и вроде бы оседлых, не особенно активно территориально мигрирующих, но... вполне, или почти вполне, десоциализированных, денационализированных, дезинтегрированных, в общем — *разобщенных!* Ну и деятелей уже почти никаких, кроме, разве, восточных, зато более всего на постмодерновой политарене шоуменов, фигляров, «теток», в общем — разного рода... фраерóв и блудниц!

Может, и ужаснется на мгновение всё-еще-человек, но... нет, скорее всего, не поймет, не воспримет, не учтет, а главное — вряд ли пойдет на крутые перемены и вряд ли кинется прочь от нынешнего бытия, зараженного не так даже коронавирусом, как глобальным постмодерном с его агрессивной тоталитарной цифровизацией, если еще от бытия не вполне нечеловеческого, то уж получеловеческого — точно! — а другого сей как-будто-бы-еще-человече попросту и не знает, как и вряд ли решатся на такого рода перемены нынешние властей, собственности и всей людской экзистенции предержавшие, да что вряд ли — нет, не решатся!

Ко всему тому, что ныне вокруг есть, правящие в мире элиты шли, заметим, долго — хотя бы с той же Великой французской революции, но в особенности уже в XX в. и, как ни странно, особенно ударно уже после Второй мировой войны, а уж после развала СССР и краха-де социалистического проекта особенно

рьяно. Вот и итог: массоподобное и в то же время атомарно расщепленное глобализированное население; конспиративно управляющая им и всем зёмным богатством не особенно себя афиширующая, генетически какая-то нечеловеческая, глобальная элита; россыпи сомнамбулически прислуживающих ей индивидуализированных профессионалов, включая и разного рода менеджериальных, медийных, развлекательных, научных и тех же полицейских.

И уж раз элиты к такому состоянию человечества пришли, то они от него — этого состояния — никогда просто так не уйдут, тем более что у них есть, помимо уже проверенного в деле информационного (медийного) управленческого, образовательного, вообще всякого обработочного оружия, еще и новейшее электронно-сетевое, искусственно-интеллектуальное, автоматопенициарное, как раз то самое оружие, способное окончательно превратить человечество в давно уже чаемый Просвещением *человеконик*, а точнее — в *чиповейник*!

Все необходимое для господства над миром человеческим, если уже не квазичеловеческим, как кажется возвышающимся над зёмными реалиями владетелями мира, как бы и инопланетными, у них-де в руках и под их-де контролем, осталось только окончательно, полномасштабно, на всех уровнях и во всех бытийных локалиях внедрить «искусственный интеллект», разумеется, с заметным сокращением и хорошеньким прочесыванием с участием сего «интеллекта», включающего и биогенетическую составляющую, всего планетарного населения, не исключая и «золотого».

Дьявольский-де, заметят нам, проект, а дьявола, как хорошо известно всем зомбированным евроамериканским просвещением образованцам, в природном мире нет, на что мы ответим: да, наверное, и в самом деле там его нет, но зато сколь угодно много его в неприроде, а именно — в сознании, уме, интеллекте, в душах людских, разумеется, в единении с такими обыкновенными, вовсе и не сильно патологическими, «вещами» вроде бессознания, безу-

мия, бездушия, да и попросту обычно цивилизацией сдерживаемым и «людьми» не безуспешно скрываемым зверством. Все дьявольское в общем-то не где-то там, хотя и там его, видно, тоже хватает, а прямо здесь — в человеке, причем и во вполне воспитанном, интеллигентном, обходительном, даже и благодетельном, вовсе не чуждом утонченной приятности, изящной эмоциональности и чуть ли не искренней доброты.

В существовании неистребимой в веках людской дьявольщины ничего поразительного нет: она была, есть и будет, иначе какой тогда прогресс, какая эксплуатация природы и человека человеком, какие грабежи и войны, какая наука, какой театр, какое искусство, какая литература, какая медицина, какая вообще производительная, санитарная и погребальная преисподняя, — вопрос тут только один: в какой же по качеству, размаху, целеустремленности и практической эффективности дьяволиаде нуждается каждый исторический раз разменное на самого себя человечество?

Спрашивается, есть ли в ударных событиях 2020 г., вызванных как будто бы потаенным выходом в экзистенциальный свет загадочного коронавируса COVID-19 с его пандемическим охватом всего человечества, дьявольский подтекст, причем не так даже в спровоцированных самой вирусной пандемией санитарно-защитных деяниях и событиях, как ей — этой пандемии — навязчиво отовсюду сопутствующих, так и, по-видимому, кое-каких ей заранее нелегально предшествовавших?

Весь ход событий, властных деяний и как бы самовозникающих эксцессов в текущем человеческом жизнеотправлении говорит за то, что ни сам дьявол, ни дьявольский фактор, ни дьявольская компонента тут не только не на последнем месте, а прямо-таки впереди, на лихом коне — как раз на красном (надо полагать, цвета самого вируса), проведенциально коронованном самой смертью, тяжело вздыбившемся над миром, как тот же медный конь под державным и тоже медным всадником над широкой

своенравной рекой и застывшем в вечном оцепенении городским великолепием, вполне себе и апокалиптическом, коне!

Круто, весьма тут все круто, а как же иначе? Чем все это отличается от неугасающего терроризма, да не только ближневосточного, а и самого что ни есть культурного — со стороны того же так называемого современного искусства, как и той же выдуманной голливудской апокалиптики, тех же обезумевших медиа, вседозволенного интернета, разгулявшегося не на шутку феминизма, — да, ничем! — с той лишь разницей, что здесь ударная всемирная кампания, не так даже нагнавшая страху, как повергшая зёмное людство в недоумение, озабоченность, в острое ощущение своей брэнности, незащищенности, уязвимости, в несравненную грусть, а главное — в контрэкзистенциальное оцепенение! — да не от вируса как такового, а от узнического карантина в сочетании с касающимся уже всех, даже и «жирных котов» от глобализма, экономическим провалом — от тюрьмы да от сумы, как говорится, не зарекайся!

Ясно, что вирус сей искусственно-естественного происхождения; не до конца ясно, но очень вероятно, что он был вполне сознательно запущен в «дело»; не известно вполне, кем конкретно и с какой первичной целью, но можно предположить, что вполне себе терротропным программным центром, таким G-0 (или G-X), возможно, и с конфиденциальной утечкой кое-каких сведений о сем мероприятии в некоторые управленческие центры, чтобы в нужном ключе не то что отреагировать на вирус и его распространение, а перевести ситуацию и все население на необычное осадное положение, не предотвращая при этом самой вирусной коврово-выборочной бомбардировки.

Да, многое говорит за то, что тут хватает конспиративного, неожиданного и неопределенного, но кое-что все-таки говорит за то, что есть и видимое, и определенное, и ожидаемое — та же мгновенная, масштабная и безоговорочная реакция на внезапно-

де пришедшее бедствие, которая даже похлеще будет в оперативном плане роковой инертности той же сталинской реакции на возможное и фактическое гитлеровское вторжение в СССР 1941 г.

Да, тут вполне себе пандемическая борьба с пандемией, пожалуй что, и *война*, но при этом война и со многим другим, почти что со всем, а главное — с населением, с привычным образом его бытия, с действующей вокруг цивилизацией, но при этом и с сознанием человека, с засевающим в нем новомировским экзистенциальным концептом, мало того — с самим образом *человека как человека* («домашка», «удаленка», «отделенка», «разобщенка», ну и «технотронка с интернеткой» — все тут есть, и все идет как по маслу!). Ну и «заботливое» указание старшему, разве лишь только Богом ныне спасаемому, поколению, насколько оно на деле уязвимо, не адекватно ультрановейшему миру и попросту никому уже на Земле не нужно!

Итак, мы имеем не только законспирированные, двусмысленные, вполне при этом и жуткие, но и более или менее явные, определенные, хотя и тоже весьма жутковатые, события и действия, объединяемые то ли большим происшествием, то ли масштабным деянием, как бы вдруг явившиеся в общем-то... *ниоткуда*, ибо ни источник, ни инициатор, он же заказчик, ни главные проектанты с исполнителями, никому наверняка вроде бы и не известны.

Вот и выходит, что тут наличествует и действует вся бытийно-историческая функциональная триада: «ход человека», «ход вещей» и «ход неизвестности», а в итоге получается весьма запутанное и полное тайны всемирное коронное действие, называемое условно «COVID-19».

Мир внезапно, изобретательно и вполне насильственно оказался погружен в некое *антимировское состояние*, за которым замаячила вдруг какая-то *большая перемена*, но уже не перемена всего лишь в состоянии, а перемена в самом уже качестве — (концепте) — человеческого мира, что знаменует собой как, с одной стороны, завершение большого преобразовательного концепта —

как раз *ренессансно-просвещенческого*, так и, с другой стороны, футуристический запуск уже иного концепта — *запостмодернового*, как раз того самого концепта, в парадигме которого основное место занимает уже не естественно-божеский, а искусственно-технотронный разум, в корне меняющий не только сознание и поведение человека, но и самого человека, превращая его в тотально обыскуственного *постчеловека*.

Ренессансно-просвещенческое царство гуманизма, разума, знания, науки, техники заменяется на царство всепроникающего вирусоподобного нанонетотехнологизма с его — этого нанонетотехнологизма — воистину всепроникающей и откровенно уже технической кратией: и все это с ожидажно-неожиданным соучастием коварного, скорее всего и впрямь искусственного, то бишь и технократического, коронавируса, заставляющего человека снять со своей выжившей из ума головы золотую гуманитарную корону и возложить ее на невидимую, но полную уже иного ума, точнее — *неумия*, лысую голову искусственного разума, — и как тут не вспомнить о мифотворном персонаже по прозванию *Кощей бессмертный* с его всезнающим когнитивным вирусом, незримо засевающим на конце волшебной иглы, заботливо упрятанной в яйцо — смартфоне, заключенном в чудесном ларце — компьютере, висящем на высоком дереве — интернете, растущем высоко в горах — в космосе, в общем — как не вспомнить о бессмертном кощеевском разуме, вполне как раз и искусственном!

Искусственный разум — не человеческий разум, тем более — не божеский, а именно кощеевский — неплохо бы это осознать нашим истовым технотронщикам!

Вот она, задержавшаяся на белом свете постмодерника — ярмарочная, тщеславная, безумная, в которую ворвался непрощенным, но усердно человеком накликаемым гостем-разбойником откуда-то вдруг взявшийся искусственно-естественный вирус, он же и казус, коронованный самим Кощеем бессмертным, да пошел гулять по встревоженному от незнания и замершему

от страха человечеству, подвергая последнее очередному смертоносному испытанию, за которым то ли волевое отрезвление и обновленное через погружение в Традицию новочеловеческое бытие — то же *Новое Средневековье*, то ли всего лишь жуткое похмелье, от которого лишь новое тяготение к манящему бессмертием небытию, пусть и изобретательно оцифрованному и тщательно осетенному, — нет, конечно, не к полному вообще небытию — как в могиле, а к некоему *постчеловеческому небытийному бытию*, которое из того разряда, что вроде бы есть, но чего по сути-то и нет — прямо как сейчас в связи с разверзшейся пандемической дырой — с ее кощеевскими online удаленкой, разделенкой и разобщенкой — прямо как на погосте!

Чудо, однако, всегда возможно, а для нашего казусного случая — *чудо воскрешения человека в человеке!* И оно почему-то связывается, как ни странно, более всего с Россией — феноменом и в самом деле странным, ибо неотмирна она — Россия, которая, кажется, уже покорно принимает очередное драконовское — теперь вот киберцифровочное — иго, но которая, как тоже почему-то кажется, уже вынашивает в себе силу, способную сбросить с России, не без содействия, кстати, кощеевской пандемиакратии, уже было нашедшего на нее ядовитого и прожорливого постмодерно-глобалического змия!

Вперед и в самом деле большая перемена посреди всемирной людской ярмарки, да еще какая!

Инфекция смыслов

Я вышел на улицу и не узнал свой город,
Люди волнуются, спрятавшись в кельях домов,
Пространство пропитано страшным порядком новым,
Прекрасно описанным пророками антимиров.

Стаду быть в масках — «великие» делят рынки,
Шум информации таит в себе траурный марш,
В вирусной панике всех несогласных в цинке
Упокоят на кладбищах, предотвращая реванш.

Мы форматируем под дивный мир пространство,
Прогресс сымитирован, и не меняется «изм»,
Власть капитала в нем держится постоянства —
Вот так обнажает нам противоречия жизнь.

Система раскола и не сдержат подпоркам
Колоссов из золота на глиняных тонких ногах,
Когда всё обвалится, останутся для потомков
Грудой бесславие, похоть, холод и страх.

Век отчуждения в мозаике постмодерна,
Цель наслаждения сдирает оковы зверья,
Скомкана истина и красота ущербна —
Всё, как предписано книгой конца бытия.

Паучьими нитями опутаны пропаганды,
Вектор сомнительный преобразует судьбу,
Все, кто послушные — получают свою баланду,
Неравнодушные воплощают борьбу.

Д.П. Соколов

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

АРХИПОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор экономического факультета Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (*arkhipov@sfedu.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

доктор экономических наук, профессор, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*morskaya67@bk.ru*).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южно-Российский институт-филиал, Ростов-на-Дону, Россия (*bugayan-ir@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет; ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

ГУЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*guzev@vgi.volsu.ru*).

ЕВГРАФОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра экономической теории и международных экономических отношений, Российская таможенная академия (Ростовский филиал), Ростов-на-Дону, Россия (*dia7@bk.ru*).

ЖУЛИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ,

кандидат технических наук, доцент, профессор, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*peter-julikov@yandex.ru*).

ЖУЛИКОВА ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА,

кандидат экономических наук, средняя школа №10, Чехов, Россия (*peter-julikov@yandex.ru*).

ИОХИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН, Москва, Россия (*iokhinan@mail.ru*).

КАШИЦЫН ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

кандидат экономических наук, профессор, Новороссийск, Россия (*kash_vic@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfedu.ru*).

МИРКИН ЯКОВ МОИСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом международных рынков капитала, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия (*yakov.mirkin@gmail.com*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА,

кандидат экономических наук, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nprostakova@yandex.ru*).

НИЖЕГОРОДЦЕВ РОБЕРТ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, заведующий лабораторией экономической динамики и управления инновациями, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия (*bell44@rambler.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Институт социальных наук, Москва, Россия (*piv3@yandex.ru*).

РУМЯНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*churila@yandex.ru*).

РУМЯНЦЕВА НИНА ЛЕОНИДОВНА,

кандидат технических наук, доцент, член Центрального совета, общественное движение «За возрождение отечественной науки», Москва, Россия (*nlrummyantseva0211@mail.ru*).

РУМЯНЦЕВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*s.pummyantseva@spbu.ru*).

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*v.rjazanov@mail.ru*).

СЛЮСАРЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,

младший научный сотрудник, кафедра философии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*slyusarevvladimir@gmail.com*).

СОКОЛОВ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*frei-falke@mail.ru*).

ТАРАСОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии, социологии и психологии управления, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

ХУСЯИНОВ ТИМУР МАРАТОВИЧ,

старший преподаватель, департамент социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия (*timur@husyainov.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Приволжский филиал), Нижний Новгород, Россия (*shirokalova@list.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ЮР. МИХАЙЛОВ,

пс-м.

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

ARKHIPOV ALEXEY YURIEVICH,

Doctor of Economics, Professor of Economics Department, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*arkhipov@sfnu.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

ALPIDOVSKAYA MARINA LEONIDOVNA,

Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*morskaya67@bk.ru*).

BUGAYAN ILIA RUBENOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian branch, Rostov-on-Don, Russia (*bugayan-ir@mail.ru*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

GUZEV MIKHAIL MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Deputy Research Director, Volzhsky branch of Higher Education «Volgograd State University», Volzhsky, Russia (*guzev@vgi.volsu.ru*).

EVGRAPHOVA OLGA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of the Economic Theory and International Economic Relations, Russian Customs Academy, Rostov branch, Rostov-on-Don, Russia (*dia7@bk.ru*).

ZHULIKOV PETER PETROVICH,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor, Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russia (*peter-julikov@yandex.ru*).

ZHULIKOVA OLGA VYACHESLAVOVNA,

Candidate of Economics, Secondary School No. 10, Chekhov Moscow region, Russia (*peter-julikov@yandex.ru*).

IOKHIN VIKTOR YAKOVLEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Europe RAS, Moscow, Russia (*iokhinan@mail.ru*).

KASHICIN VICTOR VALENTINOVICH,

Candidate of Economics, Professor, Novorossiysk, Russia (*kash_vic@mail.ru*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of the Theory Culture, Ethic and Aesthetic, Institute of Philosophy and Social-Political Science, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfnedu.ru*).

MIRKIN YAKOV MOISEEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS, Moscow, Russia (*yakov.mirkin@gmail.com*).

NEDZVETSKAYA NATALIA PAVLOVNA,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nppros-takova@yandex.ru*).

NIZHEGORODTSEV ROBERT MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Chief of the Laboratory in V.A. Trapeznikov Institute of Control Science RAS, Moscow, Russia (*bell44@rambler.ru*).

PSHENITSIN IVAN VIKTOROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Institute of Social Sciences, Moscow, Russia (*piv3@yandex.ru*).

RUMYANTSEV MIKHAIL ALEKSEEVICH,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*churila@yandex.ru*).

RUMYANTSEVA NINA LEONIDOVNA,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Member of Central Office of Social Movement «For Revival of Domestic Science», Moscow, Russia (*nlrumyantseva0211@mail.ru*).

RUMYANTSEVA SVETLANA YURIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Economic Theory Department, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*s.pumyantseva@spbu.ru*).

RYAZANOV VIKTOR TIMOFEEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Economic Theory, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*v.rjazanov@mail.ru*).

SLIUSAREV VLADIMIR VLADIMIROVICH,

Junior Researcher, Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Nivgorod, Russia (*slyusarevvladimir@gmail.com*).

SOKOLOV DMITRI PAVLOVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*frei-falke@mail.ru*).

TARASOV ALEKSEY ANATOLYEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and Psychology of Management, Nizhny Novgorod Institute of Management — branch of RANEPa, Nizhny Novgorod, Russia (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

KHUSYAINOV TIMUR MARATOVICH,

Senior Lecturer, Department of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Nizhni Nivgorod, Russia (*timur@husyainov.ru*).

SHEVCHENKO IGOR GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia (*managerial@mail.ru*).

SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA,

Doctor of Sociology, Professor, Senior Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (branch), Nizhny Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

YUR. MIKHAILOV,

Ps-m.

Содержание

Предисловие	5
Ю.М. Осипов Суд идет!.....	7
Ю.М. Осипов Коронапандемия как великий казус современности.....	9
М.Л. Альпидовская Виртуальная реальность глобальной экспансии «цифры».....	13
А.Ю. Архипов Коронавирус и переформатирование мировой экономики	25
И.Р. Бугаян Два типа хозяйств и идеологий: противоречия, соотношения, мера и перспективы их развития	30
Ф.И. Гиренок Коронавирус: свобода или судьба?	33
Ф.И. Гиренок О двух путях вхождения в числовой порядок	49
М.М. Гузев Философско-хозяйственные уроки коронавируса COVID-19	67
П.П. Жуликов, О.В. Жуликова Современный капитализм — что это?	83
В.Я. Иохин Мир в посткоронавирусном пространстве и времени	90
В.В. Кашицын Корона против вируса и вирус против короны, или Четыре всадника Апокалипсиса	111
В.К. Королев, О.В. Евграфова «Декоронация» глобализации и этномультикультурализм в посткризисной экономике	119
Я.М. Миркин Новые реальности глобальной экономики и их влияние на Россию.....	135
Н.П. Недзвецкая Пандемия: проблемы и решения цифровизации России	142

<i>Р.М. Нижегородцев</i>	
Коронакризис: становление вирусно-цифровой экономики.....	151
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Развершаяся реальность.....	175
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Актуальная Россия: перемены — пандемия — перемены	196
<i>И.В. Пшеницын</i>	
Сбережение России.....	217
<i>М.А. Румянцев</i>	
Движение вниз и российская перспектива	235
<i>Н.Л. Румянцева</i>	
Проблема пандемии — диалектический взгляд.....	247
<i>С.Ю. Румянцева</i>	
Конец витка и отрицательный подбор	274
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Коронавирусный шок и его причины: какой будет новая реальность?	299
<i>В.В. Слюсарев, Т.М. Хусяинов</i>	
Человеческие ресурсы в условиях пандемии	319
<i>А.А. Тарасов</i>	
NBIC-вирус пандемического контроля: quo vadis?.....	331
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Начало	346
<i>Г.С. Широкалова</i>	
Коронавирус и «служебные люди»	349
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
COVID-19 — полигибридная пандемия свободы... ..	366
Вместо послесловия	
<i>От Зоила (Юр. Михайлов)</i>	
Коронованная пандемия на всемирной ярмарке тщеславия и безумства	387
Инфекция смыслов (<i>Д.П. Соколов</i>)	396

Contents

Introduction	5
<i>Yu.M. Osipov</i> The Court is Coming!	7
<i>Yu.M. Osipov</i> The Coronapandemia as the Great Casus of Modernity.....	9
<i>M.L. Alpidovskaya</i> The Virtual Reality of the Global Expansion of the «Digitization».....	13
<i>A.Yu. Arkhipov</i> Coronavirus and the World Economy Reshaping	25
<i>I.R. Bugayan</i> Two Types of Economies and Ideologies: Contradictions, Relations, Measure and Prospects of their Development.....	30
<i>F.I. Girenok</i> Coronavirus: Freedom or Fate?.....	33
<i>F.I. Girenok</i> About Two Ways of Entering the Numerical Order	49
<i>M.V. Guzev</i> Philosophical and Economic Lessons of the Coronavirus COVID-19.....	67
<i>P.P. Zhulikov, O.V. Zhulikova</i> What is Modern Capitalism?.....	83
<i>V.Ya. Iohin</i> The World in Post-Coronavirus Space and Time.....	90
<i>V.V. Kashicin</i> The Crown against the Virus and the Virus against the Crown, or The Four Horsemen of the Apocalypse	111
<i>V.K. Korolev, O.V. Evgraphova</i> The «Decoronation» of Globalization and Ethnomulticulturalism in the Post-Crisis Economy.....	119
<i>Ya.M. Mirkin</i> New Realities of the Global Economy and Their Impact on Russia	135
<i>N.P. Nedzvetskaya</i> Pandemic: Problems and Solutions of Digitalization of Russia.....	142

<i>R.M. Nizhegorodtsev</i>	
Coronacrisis: The Virus-Digital Economy Arising.....	151
<i>Yu.M. Osipov</i>	
A Gaped Reality.....	175
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Modern Russia: Changes — Pandemic — Changes!.....	196
<i>I.V. Pshenitsyn</i>	
Saving of Russia	217
<i>M.A. Rummyantsev</i>	
Downward Movement and the Russian Perspective	235
<i>N.L. Rummyantseva</i>	
Pandemic Problem in a Dialectic Look.....	247
<i>S.Yu. Rummyantseva</i>	
The End of Turn and Negative Selection	274
<i>V.T. Ryazanov</i>	
Coronavirus Shock and His Reasons:	
What is New Reality?	299
<i>V.V. Sliusarev, T.M. Khusyainov</i>	
Human Resources in a Pandemic.....	319
<i>A.A. Tarasov</i>	
NBIC-Virus of Pandemic Control: Quo Vadis?.....	331
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Beginning.....	346
<i>G.S. Shirokalova</i>	
Coronavirus and «Service People»	349
<i>N.B. Shulevskij</i>	
COVID-19 is a Pandemic of Freedom... ..	366
Instead of an Afterword	
<i>From Zoilus (Yur. Mikhaylov)</i>	
Crowned Pandemic	
at the World's Fair of Vanity and Madness.....	387
Infection of Sense (<i>D.P. Sokolov</i>).....	396

Научное издание

Коронованная пандемия и зачарованный мир

Под редакцией
Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой

РЕДАКТОРЫ:
К. Ю. Беневская; О. Б. Лемешонок;
Т. С. Сухина; Т. Г. Трубицына

ОБЛОЖКА:
А. В. Осипова

Подписано в печать 06.07.2020 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 500 экз.
Усл. печ. лист. 23,73. Уч. изд. л. 19,5. Заказ № 7640.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

9785927153507